

ИНСТИТУТ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ КАВКАЗА

СЕРИЯ “ИСТОРИЯ КАВКАЗА”

Фируз Каземзаде

БОРЬБА ЗА ЗАКАВКАЗЬЕ

(1917–1921)

CA&CC PRESS®
СТОКГОЛЬМ
2010

Ответственный редактор серии
Эльдар М. ИСМАИЛОВ

Перевод
А. УМАЕВОЙ

Фируз Каземзаде. Борьба за Закавказье (1917–1921).
CA&CC Press®, 2010. 328 стр.

Книга известного американского ученого Фируза Каземзаде посвящена истории столкновения стратегических интересов мировых держав на Кавказе, образованию независимых государств – Азербайджана, Грузии и Армении – и утрате ими суверенитета в начале XX века.

Весьма примечательно, что опубликованная еще в 1951 году книга не потеряла своей актуальности в связи с тем, что на пороге третьего тысячелетия начался новый цикл соперничества геополитических акторов за Центральный Кавказ.

ISBN 978 – 91 – 978153 – 9 – 0

© Институт Стратегических Исследований Кавказа (Баку, Азербайджан)
© CA&CC Press®, 2010

Отпечатано в типографии Издательского дома «Şərq-Qərb»
www.eastwest.az

О Фирузе Каземзаде

Решение доктора Эльдара Исмаилова переиздать ставшую классической работу Фируза Каземзаде “Борьба за Закавказье в 1917–1921 годах” — заметная веха на пути возрождения исторической памяти и исторического сознания в этом важном регионе мира.

Провозглашение независимости Азербайджаном, Грузией и Арменией в 1992 году породило мощный всплеск патриотических чувств. Но, по крайней мере, поначалу эта волна народных чувств не опиралась на сколько-нибудь серьезные, объективные и авторитетные научные труды, в которых можно было бы почерпнуть необходимую информацию. Немногочисленные имевшиеся работы по проблематике региона трудно было считать объективными: они либо рассматривали все проблемы сквозь призму советской идеологии, искажающую все и вся, либо вдохновлялись некритическим рьяным патриотизмом, сформировавшимся как реакция на советские работы по истории региона.

Мы совсем не хотим сказать, что советские исторические исследования по проблемам Кавказа были лишены всяких достоинств или страдали низким научным уровнем. Нужно отдать им должное: они ввели в оборот массу новых архивных материалов и зачастую подвергали их весьма интересному и оригинальному социально-политическому анализу, опираясь на марксистский подход. Но некоторые темы власти считали столь деликатными и политически чувствительными, что не могли позволить здесь ни малейшего отклонения от политически допустимой линии. Самые строгие запреты относились к вопросам, связанным с империалистическим соперничеством на Кавказе и с возникновением в регионе независимых государств после падения царского режима в 1917 году.

Образовавшийся в результате дефицит серьезных исторических исследований открывал перед западной наукой широкое поле деятельности, но одновременно и накладывал на историков в Америке и Европе моральную ответственность соблюдать объективность и не заменять одну версию политизированной истории другой. Не все авторы оказались на высоте этого вызова: западные исторические исследования, как и советские, часто страдали такой же мировоз-

зренческой узостью, только здесь предубеждения и пристрастия диктовались не классовыми позициями, а национальными или этническими привязанностями.

К счастью, в Америке и Европе нашлось несколько ученых, сумевших подняться над такого рода пристрастиями и создать оригинальные и значительные исследования. Их работы получили признание сразу после выхода в свет, а сегодня у нас появилось еще больше оснований для интереса к ним. И никого из этих авторов нельзя поставить выше Фируза Каземзаде. Его труд *“Борьба за Закавказье в 1917–1921 годах”* увидел свет в 1951 году. Предлагаемая читателю книга представляет собой переиздание этой работы. А тот факт, что переиздается она в Баку, чего до 1991 года нельзя было и вообразить, — еще одно напоминание о том, какие глубокие перемены вызвал к жизни распад СССР.

Сам Фируз Каземзаде, как и предмет его исследования, — результат взаимодействия самых разных миров. Его отец был дипломатом и работал в посольстве Персии в Москве. Там Фируз родился в 1924 году, там же окончил школу. Когда Россия и Персия оказались во власти хаоса Второй мировой войны, молодой Каземзаде направился в Америку, в Стэнфордский университет, который он окончил в 1946 году членом студенческой корпорации Phi Beta Kappa (куда принимают в качестве особого отличия). К 1950 году у него уже были степени магистра искусств и доктора исторических наук, полученные в Гарварде. Затем он быстро завершил работу над рукописью той самой книги *“Борьба за Закавказье в 1917–1921 годах”*, опубликованной в 1951 году издательской компанией *“Философская библиотека с предисловием заслуженного профессора Гарвардского университета Майкла Карповича*. На тот момент Каземзаде было двадцать семь лет.

В этой его первой книге Кавказ показан крупным планом на фоне сопровождавших развал царской империи хаоса и мятежей, образования в регионе независимых республик и в конце концов их завоевания и ликвидации все крепче утверждавшими свою власть большевиками. Каземзаде собрал массу фактов и свидетельств, демонстрирующих запутанную игру местных, региональных и международных сил и сложное взаимодействие социальных, политических, экономических, идеологических факторов. При этом стиль его остается простым и ясным, изящным, но убедительным.

Закончив эту работу, он занялся проработкой заднего плана представленной им панорамы, поместив то, что ранее изображал крупным планом, в более далекую историческую перспективу. Результатом стала снискавшая огромный авторитет монография *“Россия и*

Англия в Персии в 1864—1914 годах. Исследование империализма”¹, которая вышла в свет в 1968 году в издательстве Йельского университета. Тогда многие его читатели еще помнили фотографию 1943 года: Черчилль, Сталин и Рузвельт, настороженно сидящие на веранде советского посольства в Тегеране, где три лидера впервые встретились друг с другом. Рузвельт был тогда готов пойти на серьезные уступки советскому лидеру и не понимал, чем же так тревожит Черчилля необходимость иметь дело с Москвой и Сталиным. Многие читатели того времени еще помнили и послевоенные попытки Сталина оторвать от персидского государства обширную провинцию Азербайджан и включить ее в состав СССР. И вот поколением позже книга Каземзаде разъяснила им растянувшийся более чем на столетие глубинный империалистический конфликт между Великобританией и Россией — конфликт, последнюю стадию которого и доигрывали между собой Черчилль и Сталин. Чтобы завершить эту панораму столкновения империй на Кавказе, Каземзаде стал работать над своим третьим трудом — тогда еще только большой статьей “Российское проникновение на Кавказ”, опубликованной в книге о российском империализме в 1974 году².

Все три работы были вершинами исследовательского мастерства. Опираясь на свои фундаментальные исследования, выполненные, когда ему еще не было и тридцати, Каземзаде помог американцам и другим англоязычным читателям осознать, что Кавказ — это вовсе не какая-то далекая арена непонятных конфликтов, где сталкиваются между собой древние народы с труднопроизносимыми названиями, а неотъемлемый и необходимый элемент безопасности Европы, да и Америки, так же как и России, и Ирана. Иными словами, он помог передвинуть Кавказ с периферии западного сознания куда-то ближе к центру, переместить его из сферы экзотики в сферу *Realpolitik*. Этим непростым и полным вызовов статусом Кавказ обладает и по сей день.

Не менее важной, чем академические труды Каземзаде, была его преподавательская деятельность.

Проработав два года в Гарварде младшим научным сотрудником, он в 1958 году перешел в Йельский университет. Уже через три года получил тенюр — бессрочный контракт, а в 1967-м — и пост профессора. Каземзаде суждено было проработать в Йельском уни-

¹ В русском переводе она носит название “Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии” (М.: Центрполиграф, 2004).

² См.: Russian Imperialism: From Ivan the Great to the Revolution / Ed. by Taras Hunczak. New Brunswick: Rutgers University Press, 1974.

верситете вплоть до самой своей отставки в 1991 году. На протяжении более чем трех десятилетий профессор Каземзаде был в числе самых активных преподавателей Йельского колледжа с самой высокой педагогической нагрузкой. В разное время он был директором по бакалавриату в рамках программы изучения России и Восточной Европы, директором магистерской программы по истории и директором программы изучения Ближнего Востока.

Но никакое перечисление должностей, которые занимал Фируз Каземзаде, само по себе не позволит по достоинству оценить его огромную роль в подготовке двух поколений будущих лидеров. Он буквально жил среди своих студентов, в течение шести лет занимая, среди прочего, пост главы Давенпортского колледжа. Мне страшно повезло: я пришел в Йельский университет восемнадцатилетним первокурсником в тот самый год, когда там начал преподавать Каземзаде. Мы с моими однокурсниками принадлежали к “поколению Спутника”, так что нам казалось абсолютно необходимым понять Советский Союз. И независимо от того, посещали ли мы читаемые им курсы, Фируз Каземзаде стал нашим наставником в этом поиске, как и в другом, куда более широком, к которому этот поиск вплотную подводил нас.

Никто из нас не знал кого-то еще, кроме “Фируза” — так его звали даже в те времена, когда ни один студент не посмел бы обратиться к своему профессору по имени, — кто говорил бы на шести языках, и при этом на *всех* шести он говорил с акцентом. Никто щедрее не делился с нами временем и вниманием. Поздним утром он вещал за кофе у Джорджа и Гарри, днем — за чаем в Елизаветинском клубе, а по вечерам — за обедом в колледжах или в Сент-Энтони. Предметом, которому он учил, а мы учились, был весь мир в его целостности — не только история и политика, но и искусство, экономика, религия.

На протяжении всей своей карьеры в Йельском университете Каземзаде воплощал в себе идеал науки и гуманитарной мысли. Студенты, которым повезло учиться у него, впоследствии стали советниками президентов, редакторами крупнейших газет, выдающимися градостроителями, Нобелевскими лауреатами, директорами колледжей, ректорами университетов и руководителями крупнейших корпораций. И все они неизменно отмечают, что беседы с профессором Каземзаде были столь же важной частью их образования, как и формальные учебные занятия, которые они посещали. “Фируз обогатил жизнь каждого из нас”, — говорят они.

Не все студенты Каземзаде знали, что он исповедует бахаизм. Чего мы не знали, — это того, насколько обширные обязанности взял он на себя в связи с этим и как серьезно к ним относился. С 1966-го по

2000 год он редактировал бахаистский журнал “Мировой порядок”. Он преподавал очень многим из 60.000 американских бахаистов в их школах в Гейзервиле в Калифорнии, в штате Мэн и в Мичигане, а также в их европейских школах в Швейцарии, Италии, Ирландии и Нидерландах. Рожденный в этой общине, первоначально возникшей как персидское ответвление шиитского направления ислама, Каземзаде следовал завету его основателя, требовавшего от каждого своего сторонника думать над религиозными истинами самостоятельно, не оглядываясь на авторитет духовенства. То, что он писал о принципах бахаизма, он мог бы с тем же основанием сказать и о себе самом как ученом и учителе: “Он [бахаизм] провозглашает сущностное единство всех религий, проповедует отказ от национальных и расовых предубеждений и призывает к всеобщему миру...”¹

Революция аятоллы Хомейни в Иране не могла не превратиться в самый сильный вызов для Каземзаде как для аналитика, ученого, поборника гражданского достоинства и верующего человека. Еще в 1958 году он писал о тогда еще только маячившем где-то на горизонте “идеологическом кризисе в Иране”. В то время существовали два идеологических полюса, две противостоящие друг другу точки притяжения – коммунизм и национализм. Тогда Каземзаде утверждал, что коммунизм окажется для иранцев более привлекательным, потому что “он адресует к страданиям бедных и к идеализму богатых, к горечи проигравших и к чувству вины преуспевающих, к невежеству масс и к знаниям интеллектуалов”. Сторонникам коммунизма противостояли крайние националисты, которые “предпочитают сильную, если не абсолютную, монархию или диктатуру; видят в исламе прежде всего иностранную религию и склонны к вестернизаторству вплоть до стремления полностью усвоить западную науку и технику, без которой Иран никогда не сможет стать великим”. Существовала и третья группа – “мусульманские фанатики вроде “федаинов ислама”, у которых “от всех бед есть только одно средство – возвращение к исламу. Это последние остатки сопротивления старого порядка, ведущие отчаянный арьергардный бой, который нельзя выиграть”².

И все же благодаря процессам, за которыми Каземзаде пристально следил на протяжении всего периода, предшествовавшего 1979 году, именно эти религиозные фанатики, в конце концов, и одержали верх. Он с ужасом наблюдал за тем, как революционное правительство начало преследовать бахаистов, а также христиан,

¹ Ideological Crisis in Iran. В кн.: The Middle East in Transition / Ed. by Walter Z. Laqueur. New York, 1959. P. 202.

² Ibid. P. 200–201.

евреев и приверженцев других религий. Скоро репрессии перешли в настоящий холокост: бахаистов тысячами выслеживали, пытали и убивали. 13 мая 1982 года Каземзаде выступил перед комитетом Сената по иностранным делам со эмоциональными показаниями по вопросу о “терроре, жертвой которого стали бахаисты”, — первым из множества его страстных заявлений на эту тему¹. Вскоре глубина и широта религиозных симпатий Каземзаде привлекли к себе внимание американского правительства, и в 1998 году президент Клинтон включил его в состав Комиссии Соединенных Штатов по вопросам свободы вероисповедания в мире. Он стал одним из первых американских мусульман или приверженцев религий, берущих начало из ислама, кто оказался в составе этого органа. Каземзаде и здесь высказывался со всей решительностью и резкостью. Когда новое правительство в Туркменистане начало преследовать православных, баптистов, адвентистов Седьмого дня и приверженцев других вер, именно Каземзаде встал на их защиту. В марте 2000 года он обратился к Комиссии Соединенных Штатов по безопасности и сотрудничеству в Европе². В свои показания он включил краткий, но глубоко проникающий в суть дела обзор туркменской истории, который помог его слушателям заглянуть за рамки устоявшихся стереотипов и увидеть ту фундаментальную проблему, которую власти Туркменистана пытались решить, — каким бы извращенным ни был при этом их образ действий. Он предостерегал американское правительство от иллюзий: “Нельзя ожидать, что обращение с религиозными меньшинствами в Туркменистане может быстро улучшиться коренным образом”. Но он думал, что, сочетая твердость с терпением, в конечном счете можно было бы направить правительство в Ашгабаде на лучший курс. Что особенно важно, свои аргументы он основывал не на защите одних лишь узкопонимаемых религиозных свобод, а на убеждении, что все правительства обязаны уважать “независимую мысль своих граждан”.

После советского вторжения в Афганистан в 1979 году и распада СССР в 1991 году внимание Каземзаде все больше и больше привлекали Афганистан и новые независимые государства Центральной Азии. Меньше чем через два месяца после того, как советские войска заняли Кабул, он опубликовал в журнале *The New York Review of Books* важную статью, где советское вторжение впервые рассматри-

¹ *Kazemzadeh F. The Terror Facing the Bahai's // The New York Review of Books, 13 May 1982.*

² См.: *Testimony of Firuz Kazemzadeh. Helsinki Commission Hearing. United States Commission on Security and Cooperation in Europe, 21 March 2000.*

валось в контексте долгосрочных российских устремлений в регионе¹. Оговариваясь, что “пока еще слишком рано давать всестороннюю оценку советского вторжения в Афганистан”, он предположил, что, с одной стороны, Советы были обречены со всей решительностью бороться за исполнение имперской мечты, не умиравшей со времен правления царя Павла I (1796–1801). И эти усилия Москвы вполне могли увенчаться успехом. Но, с другой стороны, отмечал он, советские силы в конечном счете натолкнутся на отпор столь же решительных исламистских бойцов, исполненных яростной ваххабитской веры, которые в итоге окажутся способны уничтожить их. Каземзаде не мог предвидеть появление бойцов-муджахедов, вооруженных ракетами “Стингер”, которые Соединенные Штаты предоставят им по настоянию конгрессмена от Восточного Техаса Чарли Уилсона, не говоря уже о гибели 2,5 млн афганцев в ходе советской оккупации и последовавшей гражданской войны. Но и при всем том трудно представить себе более краткое, емкое и в то же время более провидческое изложение того, что должно было произойти.

Позднее Каземзаде продолжил свою работу ученого и педагога, помогая своим согражданам американцам лучше понять вероятное направление развития и ориентацию внешней политики новых государств Центральной Азии и Кавказа². И вновь из его уст звучало предостережение: на сей раз он советовал людям на Западе не рассчитывать, что пять новых государств Центральной Азии — Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан — в ближайшем будущем будут развиваться как демократические государства. Он напоминал, что не только сами новые лидеры вышли из недр старой системы, но и прежний правящий *аппарат* остался у власти и, вероятно, будет контролировать ситуацию в новых государствах на протяжении жизни целого поколения. Предвидел он и то, что старый биполярный мир должен будет уступить место новой, “*ацентрической*” системе, не контролируемой никакой одной страной или группой стран и “состоящей из независимых, обладающих асимметричными ресурсами стран, борющихся за преимущества”. В этом мире Соединенные Штаты, “пусть и самая мощная в мире страна, обнаружат, что их влияние ограничено. Сложное экономическое состояние ограничивает политические рычаги, которые должны сопутствовать такой военной мощи”.

¹ См.: *Kazemzadeh F. Afghanistan: The Imperial Dream // The New York Review of Books*, 21 February 1980.

² См.: *Kazemzadeh F. Central Asia's Foreign Relations: A Historical Survey*. В кн.: *The Legacy of History in Russia and the New States of Central Asia / Ed. by Bruce Parrott*. Armonk, 1994.

Из сказанного Каземзаде делает на удивление положительный вывод. Он не согласен с популярным в 1990-х годах взглядом, что этнические конфликты будут приводить к изменению государственных границ и (в отличие от Владимира Путина) считает весьма маловероятным, что Россия когда-либо сумеет восстановить региональную гегемонию и “империю” советских времен. Сама по себе способность новых государств выжить, сохранить суверенитет и отразить слабеющие попытки России их контролировать открывает перед ними новые горизонты. Каземзаде не пытается расписать эти новые возможности во всех деталях, но они в первую очередь включают и участие граждан в управлении, и утверждение их прав на свободу и самоуправление.

Завершая оценку вклада Фируза Каземзаде как ученого и учителя, уместно спросить: “Что же делает его столь особенным?” Для любого, кому приходилось слышать его или читать его труды, ответ очевиден. Мышление его одновременно и аналитично, и интерпретативно; он строго последователен и при этом склонен к размышлениям. И даже в рассмотрении действий самых отрицательных персонажей он привносит глубокую способность к эмпатии, помогающую ему понимать их мотивы и действия, как бы строго он ни судил их в конце. Таким образом, Каземзаде выступает одновременно как рационалист и моралист, и его неустанное стремление к пониманию вовсе не обязывает его оправдывать то, чему нет оправдания. Он неизменно выступает благородным рыцарем “независимой мысли”, которого его читатели и студенты благодарно приветствуют за это.

*Фредерик Старр,
директор Института Центральной Азии и Кавказа
при Университете Джонса Хопкинса (Вашингтон, США)*

ОТ АВТОРА

Прошло более полувека со времени издания книги «Борьба за Закавказье».

Когда я писал эту книгу, Советский Союз находился в зените своего могущества, а ленинско-сталинская версия коммунизма воспринималась как важнейшая угроза миру. Господствовало представление о том, что коммунистический мир монолитен, что Советский Союз возродил новый тип человечества - "советского человека", - что этническое соперничество устранено, и содружество народов занимает огромное пространство, простирающееся от Балтийского моря до Тихого океана, от "южных гор до северных морей", как поется в известной песне. Немногие из моих современников в США проявляли особый интерес к "проблеме национальностей", а некоторые из них даже полагали, что изучение подобного рода проблем - напрасная трата времени.

Исключение составлял профессор Майкл Карпович из Гарварда. Уроженец Тбилиси, остро воспринимающий многонациональный характер народов, населявших Российскую империю, зная не понаслышке о культуре и устремлениях ее жителей, он понимал отчетливее, чем многие другие, внутренне присущую империи неустойчивость ее советской интерпретации. Во вступлении к *The Struggle for Transcaucasia* он прозорливо отмечал, что "эта древняя обитель нескольких этнических групп... вполне может стать чувствительной проблемой международной жизни. По этой причине настоящая публикация представляет особый исторический интерес". Развал СССР и восстановление независимости трех закавказских республик подтвердили правоту его предсказаний.

В последние десятилетия увидели свет многочисленные исследования, посвященные анализу истории Грузии, Армении и Азербайджана. Благодаря доступу к ранее закрытым архивным материалам в столицах указанных республик, а также в Москве достигнуто более ясное представление о событиях 1917–1921 гг. и их последствиях. Обстоятельства не позволяют мне осуществить новые исследования в этом вопросе. Текст настоящей работы не пересматривался. Однако я тешу себя надеждой, что моя интерпретация событий бурных революционных лет сохраняет свою ценность и может оказаться полезной для тех, кто проявляет интерес к истории народов, населяющих города, долины и горы между Черным и Каспийским морями.

Фируз Каземзаде,
Алта Лома, Калифорния,
июль, 2007 г.

ВВЕДЕНИЕ

В обширной литературе по русской революции найдется немного работ, посвященных событиям на окраинах бывшей Российской империи. Авторы этих работ делали акцент на вопросах власти, на высказываниях и действиях руководителей страны, проводимой ими внутренней политике и их отношениях с правительствами западных государств. Как ни странно, то немаловажное обстоятельство, что Советский Союз является многонациональным государством, не натолкнуло западных ученых на изучение этой стороны проблемы. Фактически, вопрос о том, что мистер Э.Карр назвал процессом “рассеивания и разъединения”, остается до настоящего времени за рамками в должной мере глубокого исследования.

Книга доктора Каземзаде является ценным и интересным вкладом в эту несколько забытую область исследования. Предметом своего исследования он избрал события в Закавказье в первые годы русской революции. Закавказье – это древняя обитель нескольких этнических групп, расположенная на месте слияния различных экономических, политических и культурных течений, имеет долгую и полную драматизма историю. В предстоящих событиях оно снова может оказаться одним из уязвимых пунктов в международной жизни. Поэтому настоящее исследование представляет собой больше чем просто исторический интерес. События, о которых излагается в работе, указывают на те подводные камни, которые следует избегать, как местным народам в их стремлении установить нормальные взаимоотношения, так и внешним силам в их попытках оказать влияние на ход событий. Таковы уроки современности.

Доктор Каземзаде проявил особый подход к решению поставленной задачи. Уроженец Ирана, отцом которого был перс, а матерью – русская, он получил первоначальное образование в Москве (где его отец работал дипломатом в течение многих лет), а завершил и закончил его в Соединенных Штатах (в Стэнфорде и Гарварде). К своим личным познаниям в данном вопросе он присовокупил глубокое изучение истории. Кроме того, в своем исследовании он проявил ту степень объективности, которой должен обладать настоящий историк.

Михаил Карпович,
профессор истории Гарвардского университета,
1950 г.

ГЛАВА I

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Закавказье – древняя страна, расположенная к югу от Большого Кавказского хребта. С востока оно омывается Каспийским, а с запада – Черным морями, к югу от него расположены Иран и Турция, к северу – Россия. Таким образом, Закавказье, как и Янус, имеет два лица: одно обращено на восток, другое – на запад.

Кавказ был известен еще античным писателям. Здесь был прикован к скале Прометей; к огненной Колхиде плыли аргонавты в поисках Золотого руна. Легенда повествует о том, что в юго-восточной части Закавказья, в Азербайджане, в стране вечного огня, родился Зороастр.

Кавказ был известен арабам как “гора языков”. Это настоящий этнологический музей. Многие народности, говорящие на десятках различных языках, населяют его горы, долины, леса и пустыни. Осетины, абхазцы, лазы, мегрелы, кахетинцы, грузины, армяне, азербайджанцы, курды, черкесы, лезгины, персы, турки, евреи и множество других народностей жили бок о бок, не смешиваясь друг с другом, что было обусловлено характером местности и природными условиями, разделявшими народы и способствовавшими их относительной изоляции.

Но из всех народностей Закавказья только три были достаточно многочисленны, чтобы играть политическую роль в XX веке: грузины, армяне и азербайджанцы. Из них только грузины были исключительно закавказской народностью. Они населяли центральные долины рек Кура, Арагва и Риони, а также часть черноморского побережья. Согласно переписи 1897 года грузин было около 1 1/4 миллиона.

Армяне жили как в Закавказье, так и за его пределами. В Закавказье они занимали высокогорный район к югу от Грузии. Их земля была каменистой и неплодородной, находившейся на пути каждого завоевателя, поэтому Армению постигла судьба быть постоянным полем сражений. Россия и Турция – каждая владела

частью Армении. Часть армян переселилась в такие отдаленные места, как США, Индия, Италия, Польша и Египет. В самом Тифлисе, столице Грузии, значительную часть населения составляли армяне. Кроме того, большие армянские общины имелись в Ростове-на-Дону, Баку, Тебризе и даже Исфахане, Константинополе и Алеппо. Согласно вышеупомянутой переписи, армянское население Закавказья составляло немногим более миллиона.

Азербайджанцы были самой большой группой Закавказья. Согласно переписи 1897 года их численность составляла свыше 1 миллиона 700 тысяч. Но азербайджанцы, так же как и армяне, жили и за пределами Закавказья. Свыше трех миллионов азербайджанцев населяли иранский Азербайджан.

На протяжении своей долгой истории Закавказье знало лишь несколько веков относительного спокойствия. Большую часть исторического отрезка времени оно было ареной столкновений различных народов и империй. В течение ряда веков до нашей эры эту территорию занимали персы. Кир захватил Мидию (территорию современного Азербайджана), а из слияния Мидии и Персии возникла Великая империя. Армения, которая управлялась Мидией, стала наместничеством Ирана. Остальная часть Закавказья продолжала жить своей особой жизнью.

Завоевание Александром Персии в IV веке до н.э. не привнесло особых изменений в политическую жизнь Закавказья, которое продолжало оставаться под эгидой Персии. После смерти Александра персидский сатрап обрел независимость и основал династию, которая правила вплоть до 211 года до н.э. Затем наступила эпоха персидско-римских войн. Армения несколько раз переходила из рук в руки и в результате страдала как от римлян, так и от персов.

Христианство утвердилось в Закавказье очень рано. В IV в.н.э. оно уже было государственной религией в Армении. Примерно в то же время была обращена в христианство Грузия. Христианизация Грузии и Армении в еще большей степени, чем прежде, обострила отношения между ними и Персией. Персидские цари стремились искоренить новую религию, однако, в конце концов, потерпели неудачу.

В 571 году в Грузии была основана династия Багратидов, которая правила страной в течение последующих двенадцати столетий.

В 640 году Закавказье было завоевано мусульманами, и большая часть населения была обращена в ислам, который был даже

провозглашен государственной религией Грузии, пока Давид Второй (1099–1125) не восстановил прежний статус христианства.

Монгольское завоевание XIII века нанесло тяжелый удар по персидской цивилизации. Чингизхан и его преемники причинили столь большой ущерб Персии, что она так и не смогла полностью оправиться от него. Закавказье было опустошено войсками Чингизхана. В 1236 году они проследовали через Грузию, оставив ее в руинах.

К концу XIV века Закавказье вновь было захвачено монголами. На этот раз ими руководил Тамерлан. Лишь в XV веке Грузия смогла вернуть себе независимость, тогда как в указанный период Армения не обладала силой для восстановления независимого государства.

Расширение османского государства и возросшая мощь Ирана при Сефевидской династии создали новую угрозу Закавказью. Теперь, как и прежде, за него конкурировали два соперника. Одним из них была, как и ранее Персия, другим – вместо Рима или Византии – теперь выступали турки. Для народов Закавказья подобное изменение оказалось роковым.

Тем временем тюркский элемент в Закавказье стремительно усиливался. Сельджуки, монголы и османы – каждый наложил свой отпечаток на этот край. В то время как Турция и Иран были охвачены бесконечными войнами, на историческую арену вступила новая нация. Еще в 1492 году царь Кахетии (одной из нескольких грузинских феодальных государств) добивался русского протектората для защиты от своих южных соседей. В то время Россия была еще не готова к тому, чтобы вмешаться. Лишь спустя два века она приступила к овладению Закавказьем, когда Петр Великий нанес поражение Персии и по договору 1724 года Россия получила Дербент и Баку, а также Мазандаранскую область. С другой стороны, Грузия стала вассалом Турции.

Надир шаху удалось вернуть утраченные территории Ирану и восстановить династию Багратидов в Грузии, однако Персия уже не могла удержать свое господство на Кавказе. Грузинский царь Ираклий, бывший некогда вассалом Надир шаха, которого он сопровождал во время индийской кампании, обратился к России за защитой от мусульманских держав. В 1783 году он признал себя вассалом Екатерины Второй.

Когда в 1795 году Ага-Мухаммед хан покорил Закавказье и разграбил Тифлис, Россия не смогла помочь Грузии, а готовый на

любое преступление шах стал беспрепятственно чинить грабежи и убийства. После смерти Ираклия грузинское дворянство еще раз обратилось за покровительством к русским. Грузия стремилась сохранить статус автономии, свою автокефальную церковь и власть местных князей под эгидой России. Однако в 1801 году царь Павел нарушил договор, который был заключен за несколько лет до этого, и превратил Грузию в российскую провинцию.

На протяжении всего XIX века Россия продолжала продвигаться на юг. Таким образом, азербайджанские ханства были отделены от Персии и присоединены к огромной территории Российской империи.

В 1826 году разразилась новая война между Россией и Персией. Российский командующий, генерал Ермолов неоднократно терпел поражение от Аббаса Мирзы, наследника иранского престола. Ермолова сменил Паскевич, который нанес поражение персам, взял Эривань и Нахчыван и заставил Персию подписать Туркманчайский договор, который закреплял эти территории за Россией. Новая граница была установлена по реке Араз, за исключением восточной части, где она проходила южнее указанной реки.

В том же году Паскевич нанес поражение Турции, и по Адрианопольскому договору (1829) Россия получила Ахалцих и Ахалкалаки. Большая часть Грузии находилась теперь под российским контролем, так же как часть Армении и около трети территории Азербайджана.

Однако край, который России удалось сравнительно легко завоевать, было очень трудно удержать. Мусульмане, которые составляли большинство жителей Закавказья, не признавали российского правления. Начиная с 1830 года и в последующем Дагестан, Абхазия и другие мусульманские области Кавказа находились в состоянии бесконечных восстаний и войн. Отдельные народные предводители, среди которых наибольшей известностью пользовался Шамиль, организовали сильное сопротивление русским, которое длилось в течение тридцати четырех лет. С жестокостью, не уступавшей жестокости персов и турок, Россия подавляла мусульман, уничтожая целые племена, сжигая селения, конфискуя стада, оставляя дымящиеся развалины на пути следования своих армий.

В 1864 году Кавказ был окончательно "усмирен". Тринадцать лет спустя еще одна война с Турцией принесла России Карс, Ардаган и Батум по Сан-Стефанскому и Берлинскому договорам 1878

года. Теперь вся Грузия входила в состав России, однако большая часть Армении и Азербайджана остались за ее пределами, как это имеет место быть и по сей день.

Российское господство привнесло много изменений в Закавказье, однако большая часть его населения так и не смирилась с российским правлением. Даже после усмирения – этот термин употреблялся русскими вместо “подавление” – восстания были обычным явлением не только среди мусульман, но также и среди грузинских христиан. Древние традиции независимости, связи с Востоком, религиозные и культурные различия с Россией - все это, вместе взятое, делало Закавказье чуждым краем в пределах Российской империи. Когда свершилась революция 1917 года, в Закавказье еще жили люди, помнившие дни великих битв и восстаний против российского господства.

ГЛАВА II

ЗАКАВКАЗЬЕ ДО 1917 ГОДА

Армяне в Турции

Политические судьбы армян, грузин и азербайджанцев, хотя и были тесно связаны, тем не менее различались. Армяне, как уже упоминалось, жили как в российском Закавказье, так и в Турции, где они составляли почти половину населения восточных вилайетов. В течение веков они были верноподданными султанов, получив даже название “лояльного народа”. Однако под влиянием европейского национализма XIX века армяне пришли в движение.

Армяне в Турции ни в коем случае не были угнетенным и несчастным народом. В восточных вилайетах они представляли господствующую экономическую силу. В этих вилайетах более половины всех торговцев (58%), врачей и фармацевтов (60%) и три четверти всех занятых в горной промышленности (75%) были армяне. В тех же вилайетах турки насчитывали лишь одну четверть всех торговцев, докторов и т.д. С другой стороны, они составляли добрую половину всех государственных служащих и судей (62%).

Будучи относительно процветающей прослойкой, армяне возбуждали зависть своих соседей. Богатые армяне в Константинополе посылали своих сыновей в Западную Европу для получения образования, а в Париже и Лондоне на молодых армян оказывали влияние националистические идеи, распространенные в то время в Европе.

На протяжении XIX века угнетенным народам Османской империи удалось постепенно освободиться от господства турок. Подобная тенденция не могла не вселять новые надежды в армян, поэтому в последнее десятилетие этого века возникло несколько армянских революционных партий, среди них “Гнчак” и “Дашнакцутюн”. Последняя стала самой влиятельной армянской политической организацией, распоряжавшейся судьбой целого народа в течение нескольких десятилетий.

“Дашнакцутюн”

Программа “Дашнакцутюна”, или Армянской Революционной Федерации, представляла смесь национализма, русского народничества, либерализма и социализма Маркса. Первым и самым важным пунктом программы было освобождение Армении от турецкого ига. Для достижения этой цели “Дашнакцутюн” надеялся получить помощь от европейских держав, международного социалистического движения, российского революционного движения и турецких либералов. Программа-минимум “Дашнакцутюна”, принятая на съезде в 1907 году, в год, когда “Дашнакцутюн” вошел во II Интернационал, имела нескольких разделов. Первый пункт первого раздела затрагивал политические вопросы, в частности, требовал политической и экономической свободы для армян Турции, включая как территориальную автономию, так и федеральную связь с Османской империей. Турецкое правительство (статья вторая провозглашенной программы) должно было ведать такими вопросами, как телеграф, финансы, таможенное обложение, армия и т.п. Согласно статье третьей, Армения должна была пользоваться местным самоуправлением. Программа также предусматривала, чтобы все законодательные и административные органы, будь то местные или центральные, были выборными на основе равного прямого пропорционального права при тайном голосовании, осуществляемого независимо от национальности, религии или пола.

Для Закавказья “Дашнакцутюн” предусматривал такое же устройство – согласно статье пятой программы, Закавказье должно стать частью Федеративной Российской Республики, оно должно быть автономным, иметь местный парламент.

Как для турецкой, так и для русской Армении “Дашнакцутюн” требовал свободы совести, слова, печати, собрания, профсоюзов и забастовок (статья 12); отделения церкви от государства (статья 13); права на национальное самоопределение, равенство всех национальных и религиозных групп и отмены сословных привилегий (статья 14). Программа также требовала неприкосновенности личности и частной переписки (статья 15), свободы передвижения (статья 16), бесплатного и всеобщего начального образования, секуляризации школ и обучения на родном языке (статья 17), бесплатного рассмотрения дел в суде, отмены регулярной армии и организации народной милиции вместо нее.

К этим политическим требованиям прилагался длинный перечень экономических; “Дашнакцутюн” требовал национализа-

ции земли, введения восьмичасового рабочего дня, установления минимальной заработной платы, охраны детского труда и т.п.

Политической части программы придавалось гораздо большее значение. Хотя экономические требования и озвучивались, не они были главной целью программы “Дашнакцутюн”. Включение их в программу-минимум может быть объяснено влиянием социализма и желанием лидеров дашнаков присоединиться ко II Интернационалу.

Задолго до принятия программы 1907 года “Дашнакцутюн” вырос в сильную, дисциплинированную, конспиративную организацию. Уже в 1890-х годах они готовили вооруженное восстание в турецкой Армении в стремлении развязать конфликт, который привлек бы внимание Европы к национальной борьбе армян.

Хотя на этом этапе “Дашнакцутюн” действовал почти исключительно в Турции, основной базой их деятельности была русская Армения. Именно там они впервые создали вооруженные отряды хумба, один из которых, возглавляемый Кукуджаняном, проник в Турцию, но позднее был разоружен русскими. Другие отряды просачивались через персидскую территорию и причиняли много беспокойства турецким властям.

Для того чтобы придать еще больший драматизм своей борьбе и привлечь к ней внимание европейской общественности, дашнаки совершили дерзкий налет на здание Оттоманского банка в Константинополе. Группа вооруженных людей проникла в здание и стала угрожать взорвать его, если европейские дипломаты не выступят в защиту реформ по улучшению жизни армян. Лица, захватившие банк, были, в конце концов, вынуждены покинуть его, после того как им была гарантирована личная безопасность, однако это событие вызвало беспорядки на улицах Константинополя.

Действия дашнакских отрядов под руководством Серопа, Андроника и других привели в негодование мусульманское население. Вооруженные отряды дашнаков были бессильны защитить армянское население от мусульман, поэтому им оставалось лишь совершать еще больше убийств в отместку, что, в свою очередь, еще более озлобляло турок. Европа была возмущена, но никто не пришел на выручку народу, потерявшему сотни тысяч убитых.

Карательные меры, предпринятые Россией в подконтрольной части Армении после 1900 года, создали такую атмосферу напряжения и недоверия между русскими и армянами, которая ранее

никогда раньше не наблюдалась. Новая политика России проявилась, в частности, в том, что 1903 году были экспропрированы земли и прочее имущество армянской церкви. С этого времени “Дашнакцутюн” стал бороться не только против турецкого, но и против русского угнетения.

Грузинское общество

Грузины не располагали ни одной националистической партией, деятельность которой можно было бы сравнить по размаху с деятельностью “Дашнакцутюна”. Само грузинское общество было несколько иным. В то время как свыше двадцати процентов всех закавказских армян проживало в городах, городские жители Грузии составляли менее десяти процентов. Армянская буржуазия была приблизительно в два раза больше по численности, чем грузинская. При сравнении относительной численности дворянства поражает огромная разница между этими двумя обществами. Среди армян дворянство составляло менее одного процента всего населения; среди грузин оно насчитывало свыше пяти процентов. Таким образом, армянское общество было преимущественно крестьянским и купеческим, тогда как грузинское общество было почти полностью феодальным.

После аннексии Грузии ее поместное дворянство постепенно утрачивало свои богатство и могущество. Сотни князей поступали на службу к русским, русифицировались и утрачивали свой грузинский национальный характер; другие оставались в своих поместьях, проклиная то время, когда они родились. Именно в среде последней группы сохранялся и культивировался грузинский национализм; хотя дворянство не имело политического веса в массах.

Обедневшие представители дворянства часто приобретали различные профессии. В Грузии насчитывался значительный процент профессионалов, как и в Армении. Грузинские врачи, учителя, юристы и служащие не тяготели к национализму, составляя ядро закавказского контингента Российской социал-демократической рабочей партии.

Истоки грузинского социализма

На первый взгляд может показаться очень странным, что страна, располагавшая слабой промышленностью и незначительным пролетариатом, проявила склонность к социализму, однако

существовали причины, которые сделали социализм самым популярным политическим учением в Грузии.

В 1880-х годах Россия начала строить железную дорогу от Баку до Тифлиса, и оттуда – до Батума – шаг, ставший необходимым благодаря экономическому развитию всего региона с учетом потребностей развивающейся нефтяной промышленности Баку. Железнодорожные депо Тифлиса и нефтяные промыслы Баку были средоточием закавказского пролетариата. Приблизительно в то же время группы молодых грузин познакомились с произведениями Карла Маркса.

Грузия фактически не имела национальной буржуазии. Функции среднего класса выполняли армяне, которых ненавидели за их богатство и фактическую монополизацию всей коммерческой деятельности в этой стране. В начале XIX века они стали заселять Тифлис и вскоре завладели большей частью домов и предприятий. Армянская буржуазия скупала также земли разорившейся грузинской знати. По этой причине последняя имела все основания ненавидеть армян. Подобное чувство было легко обосновать, найти ему некоторое псевдофилософское оправдание. Поскольку в большинстве случаев армянин был также и капиталистом, работодателем, ростовщиком – то есть буржуа – ненавидеть его можно было хотя бы как эксплуататора. Сказанное относилось не только к русским, которые владели железной дорогой, но, до известной степени, ко всей стране и к европейцам, которые вкладывали свои капиталы в грузинскую горнодобывающую и бакинскую нефтяную промышленность. В некотором смысле национальное чувство совпало с классовым; национальная и классовая борьба сливались в нечто единое.

В период между 1880 и 1890 годами социалистическое движение стремительно разрасталось. Сильвестр Джигладзе, Н.Чхеидзе и Н.Жордания были основателями грузинского социализма. Ной Жордания познакомился с марксистским учением во время учебы в Ветеринарном институте в Варшаве в 1891–1893 годах. Филипп Махарадзе, один из будущих руководителей грузинских большевиков, в свое время ближайший ученик Жордания, также примкнул к социализму. По возвращении в Тифлис они создали читательский кружок, а вскоре учредили политическую организацию. Ной Жордания был не только одним из ее основателей, но и ее главным теоретиком. Как писал Карл Каутский, он *“сделал даже больше для Грузии, чем Плеханов для России, так как он*

оставался в стране, вместо того чтобы действовать из места изгнания, и так как он соединял в себе талант практика-борца с деятельностью мыслителя и публициста”.

Своими идеями грузинские социалисты были обязаны Жордания, который, в свою очередь, был последователем Плеханова. После того как раскол в рядах РСДРП привел к появлению двух враждебных фракций – большевиков и меньшевиков подавляющее большинство грузинских социалистов примкнуло к последним. Однако в Грузии демаркационная линия между большевизмом и меньшевизмом не ощущалась вплоть до 1917 года, когда победоносная революция нарушила единство и сделала вчерашних друзей злейшими врагами.

Грузинские интеллигенты, которые составляли ядро социалистического движения, были в основном представителями различных профессий и обедневшей аристократии. В Грузии все условия, необходимые, как указывал Маркс, для развития социализма, отсутствовали. Грузины были субъективными социалистами и, вполне естественно, испытали влияние одной из самых передовых западных теорий, без учета ее применимости к местным условиям. Таким образом, возникло революционное движение, которое, будь оно предоставлено самому себе, возможно, приняло бы буржуазно-националистическую окраску в форме социализма марксистского толка.

В качестве марксистов и членов Российской социал-демократической партии грузинские социалисты должны были противостоять национализму. Подобно тому, как грузинская знать ненавидела армянского капиталиста из-за того, что он был армянином, так и социалисты учили ненавидеть его за то, что он был капиталистом. Они отказывались агитировать за национальную независимость Грузии, призывали даже не мечтать об этом. Известный ученый Н.Марр писал, что в те дни чистокровные грузинские социалисты, обращаясь с речами к грузинским крестьянам на грузинском языке, заканчивали их возгласами: “Долой Грузию! Да здравствует Российская социал-демократическая рабочая партия!” Смелчакам, пытавшимся протестовать и высказаться против подобного отрицания национальной идеи, не давали слова.

Можно утверждать, что Грузия пережила несколько революций сразу. Первой была борьба за Грузию как нацию. К концу XIX века вооруженная борьба прекратилась, но ее отголоски были еще живы в сердцах большинства грузин. Второй оказалась

либеральная революция против турецкого угнетения, за свободу слова и печати, достоинство и права личности. Третьей явилась социалистическая революция, осуществленная небольшой группой сплоченного пролетариата, представлявшего железнодорожные мастерские и ряд отраслей промышленности. Грузинский социализм, отражавший все три тенденции, молчаливо признавал, что социалистическая революция в России должна решить национальный вопрос предоставлением Грузии права на автономное национальное развитие. Грузинские социалисты, выступая с антинациональных позиций в ходе дебатов, в глубине души сознавали, что социализм для них являлся гарантом реализации их национальных чаяний. Отражение грузинским социализмом второй тенденции, упомянутой выше, объясняет причину того, почему он перерос скорее в меньшевизм, чем в большевизм. Западные либеральные веяния заставляли большинство грузинских социалистов последовать за Плехановым, а не за Лениным. Третьей тенденции, классовой борьбе, придавалось больше значения, чем другим, хотя трудно утверждать, была ли она более значимой. Указанные тенденции смешивались, подкрепляя друг друга. Легко было ненавидеть капиталиста, когда работодателем, ростовщиком или высоким государственным чиновником неизменно выступал иностранец; быть одновременно националистом и социалистом, когда деспотическое правительство отказывало народу в основных гражданских и политических правах.

Социально-политическая жизнь в Азербайджане

В рассматриваемый период политическая жизнь в стране практически отсутствовала. Структура азербайджанского общества в некотором отношении была сходна со структурой грузинского общества. Свыше восьмидесяти процентов азербайджанцев составляли крестьяне, свыше пяти процентов – торговцы. Дворянство составляло около двух с половиной процента всего населения, будучи, таким образом, в два раза меньше, чем дворянство Грузии и в три раза больше, чем дворянство Армении.

Решающую роль в формировании настроений широких масс играли муллы. Многие муллы в Закавказье были турецкого и персидского происхождения, в зависимости от того, было ли население того или иного района суннитами или шиитами. Кавказский наместник Воронцов-Дашков отмечал, что эти муллы-иностранцы “в своих проповедях внушают населению антирусские идеи”. По

его мнению, мулл следовало бы обучать в русских заведениях с тем, чтобы они были скорее инструментом в руках правительства, чем носителями идей, направленных против русского господства и правления.

Воронцов-Дашков был тонким наблюдателем, поэтому возможный сепаратизм азербайджанцев не ускользнул от его взгляда. Он писал в докладе царю: *“Я не могу не отметить, что, если нам и следует опасаться сепаратизма среди различных народов Кавказа, так только со стороны этого (мусульманского – Ф.К.) населения по причине его численного превосходства над другими народами и возможности вспышек религиозного фанатизма, а также близости Кавказа к мусульманским государствам. Армяне и грузины прекрасно понимают, что вне России они были бы поглощены мусульманами...”*

Наместник был прав, полагая, что только мусульмане могли поглотить христианские народы Кавказа. Он был также прав и тогда, когда писал в том же докладе, что единственным препятствием на пути мусульманской экспансии на Кавказе была русская армия.

Воронцов-Дашков выразил свое удовлетворение тем фактом, что среди мусульманского населения Закавказья отсутствовали сепаратистские настроения; однако ему было известно о новом национальном чувстве, которое стало пробуждаться в среде небольшой группы образованных мусульман. Он предупреждал царя, что за этим новым национальным самосознанием необходим строгий надзор, и предлагал предоставить большую свободу исповедания ислама, дабы удовлетворить желания мусульман.

Потенциальный сепаратизм азербайджанцев, подстегиваемый исповедовавшейся ими религией, был не единственным источником волнений в этой части Закавказья. Дело в том, что сам город Баку составлял серьезную проблему. В середине XIX века это был небольшой восточный городок с пыльными сонными улицами и ленивыми жителями, и не более. Затем наступил век нефти, и Баку внезапно превратился в центр мирового значения.

Приток русского и иностранного капитала, бурение скважин обусловили превращение Баку в крупнейший нефтяной регион мира. Азербайджанцы были в основном крестьянами, и лишь немногие из них находили работу в нефтяной промышленности. Квалифицированные рабочие прибывали из России; неквалифицированные – преимущественно из Ирана. В Баку находились

также до пятидесяти тысяч армян. Все эти национальности жили в постоянном взаимном недоверии, если не в ненависти. Религиозные, этнические и языковые различия выросли в барьеры, которые исключали всякое взаимопонимание.

Революция 1905 года

В 1905 году, после поражения в войне против Японии, в России разразилась революция. Закавказье со своей сильной и боевой социал-демократической организацией и многонациональным населением, с его организованным пролетариатом и традициями сопротивления и восстаний не могло оставаться в стороне. Повсюду вспыхивали забастовки и беспорядки. Сначала главными очагами были Баку, Тифлис и Батум; оттуда волнение перекинулось и на провинцию.

Когда в начале 1905 года граф Воронцов-Дашков был назначен наместником Кавказа, он застал регион в самый разгар гражданской борьбы. Крестьяне сжигали усадьбы своих помещиков. Основными причинами их недовольства были нехватка земли, нищета и феодальные повинности крестьян. Когда Александр II отменил крепостное право в России, крестьяне Закавказья получили лишь частичное освобождение, будучи отнесенными в разряд полукрепостных. Их статус не был четко сформулирован, что являлось источником постоянных раздоров и бунтов.

В Азербайджане и Дагестане повстанческие отряды захватывали и убивали всех русских, которых им удавалось захватить, а такие народные предводители, как Дали Али и Юсиф, пользовались популярностью среди широких масс.

Дворянские круги этих стран также пришли в движение. Дворянские собрания в Кутаисской и Тифлисской губерниях подняли вопрос о грузинской автономии. Грузинское духовенство возобновило старые требования о самоуправлении грузинской церкви. К ним присоединилось армянское духовенство, которое требовало возвращения имущества, конфискованного в 1903 году.

Деятельность дашнаков

Тем временем “Дашнакцутюн” развернул лихорадочную деятельность. Католикос, глава армянской церкви, созвал Всеармянскую ассамблею для обсуждения вопроса о церковном имуществе, школе и т.д. Выборы в ассамблею проводились на основе равного, прямого и тайного голосования. Когда собрание приступило к

работе, сформировались две противоборствующие группы. Первая, радикальная и революционная, требовала бесплатного и всеобщего образования, для достижения которого должны были быть использованы церковные фонды; национализации церковных земель, выборов особых органов для ведения армянских дел и выделения части государственного бюджета на культурные нужды армян. Вторая группа, возглавляемая католиком, была консервативной и требовала лишь возврата церковного имущества. Не достигнув соглашения с радикалами, католикос и его сторонники покинули собрание. Оставшиеся провозгласили себя высшим органом национальной власти для армян, заявив, что церковь неправомочна в решении общественных и экономических дел. Теперь, когда среди армян произошел раскол, российские власти могли ужесточить свою политику в данном вопросе. Граф Воронцов-Дашков приказал распустить собрание, характерно, что католикос не проявил при этом особого недовольства.

Однако наместник понимал, что простой роспуск собрания не положит конец подрывной деятельности “Дашнакцутюна”. Конфискация церковного имущества подняла армянские массы в Закавказье и заставила их прислушаться к пропаганде дашнаков. Не было ни одного города, ни одного селения, где не имелся бы комитет дашнаков. Воронцов-Дашков направил послание царю, в котором просил его вернуть собственность армянской церкви ее прежнему владельцу. Николай II последовал его совету. Этот разумный шаг удовлетворил армянские массы, и “Дашнакцутюн” начал сдавать свои позиции.

Тем временем широкие массы армян устали от давления “Дашнакцутюна”, который терроризировал не только турок, но очень часто и свой собственный народ, вымогая деньги у состоятельных армян, а в некоторых случаях убивая тех, кто отказывался от взносов. Террористическая фракция усилилась, подчинив себе всю партию. Простые армяне, в особенности состоятельные, были рады примириться с русскими и способствовать возврату “Дашнакцутюна” к его первостепенной цели – освобождению турецкой Армении. Только тогда Воронцов-Дашков и смог написать царю: *“Можно сказать с уверенностью, что в Закавказье пропаганда “Дашнакцутюном” вооруженного восстания не может достичь каких-либо результатов”*.

Армяно-азербайджанское противостояние

В течение всего смутного времени не все нападки были обращены против российского правительства. Вражда между турками и армянами оказалась заразной; теперь она стремительно разрасталась между армянами и азербайджанцами Закавказья, которые веками жили в относительном мире. Невозможно возложить вину за последовавшие погромы на ту или иную сторону. В одних случаях (Баку, Елисаветполь), по-видимому, азербайджанцы первыми открыли огонь, в других (Шуша, Тифлис) – армяне.

“Дашнакцутюн”, как партия, несет основную часть ответственности за произошедшее, так как часто оказывался ведущей силой в совершении злодеяний. Дашнаки организовали отряды наподобие тех, которые действовали в Турции, которые были сформированы в основном из армянских беженцев из этой страны. Такие отряды обычно нападали на мусульман и часто истребляли население целых селений. Азербайджанцы, с другой стороны, не имели организации, подобной “Дашнакцутюну”; они действовали без конкретного плана.

Отметим, что российские власти играли неблагоприятную роль в армяно-азербайджанском противостоянии. Они могли предотвратить кровопролитие, однако воздерживались от вмешательства в конфликт между двумя народами. Воронцов-Дашков сам признает, что во время событий в феврале 1905 года власти оставались практически безучастными к разгулу насилия и беспорядкам.

Волнения в Закавказье длились почти два года, когда, наконец, были восстановлены спокойствие и порядок. Революция была подавлена, однако политическая жизнь продолжалась. Кроме “Дашнакцутюна” и Российской социал-демократической рабочей партии (с большевистской и меньшевистской фракциями), в Закавказье существовали организации социал-революционеров и анархистов, “Гнчак” (армянская партия с социалистическим уклоном), армянская партия народного освобождения (примыкавшая к эсерам), социал-федералисты и автономисты (грузинские правые националистические партии) и вновь созданная мусульманская революционная партия.

“Гуммет”

В анализируемый период мусульмане Закавказья стали политически прозревать и вступать в различные партии и общества.

В 1904 году группа молодых азербайджанцев инициировала создание марксистской партии для мусульман под названием “Гуммет” (“Воля”), связанной с РСДРП, в которой доминировали большевики. Первоначально влияние “Гуммета” на мусульман было незначительным. Перечисляя руководителей “Гуммета” в первые дни существования партии, известный азербайджанский большевик Эфендиев упоминает Сталина, Шаумяна и Джапаридзе – то есть двух грузин и одного армянина – как видных руководителей мусульманской партии.

Однако к 1906 году “Гуммет” пользовался влиянием не только в Баку, но и в других городах Закавказья. Так, партия принимала участие в персидской революции 1906 года, распространив тем самым свое влияние и за пределы Российской империи. Однако в течение 1907 года партия утратила значительную часть своего влияния и силы вследствие успешных репрессивных мер графа Воронцова-Дашкова. Те члены партии, которые сохранили верность своему делу, посвятили себя, главным образом, литературной работе, стали издавать журналы на азербайджанском языке.

“Мусават”

В тесной связи с вышеупомянутым движением стоит возникновение азербайджанской национальной партии “Мусават” (“Равенство”).

В растущих рядах азербайджанской интеллигенции царило большое недовольство положением мусульман в России. Она находилась под влиянием идей Маркса и Джамал-эд-Дина Афгани. Многие представители молодой интеллигенции вступали в РСДРП, а когда был основан “Гуммет”, – стали членами этой организации. Однако им не удалось закрепиться ни в первой, ни второй партиях, так как взгляды и ожидания слишком расходились. Будучи подавляемым меньшинством, они понимали, что победа крупной буржуазии принесла бы лишь поверхностное изменение в их статус. Кроме того, как и в случае с грузинами, их радикализации способствовало то обстоятельство, что капиталистами в Азербайджане были главным образом русские или европейцы. Таким образом, национализм и социализм дополняли друг друга.

После разгрома “Гуммет” российскими властями и поражения русского революционного движения в Санкт-Петербурге и Москве, а также в Баку и Тифлисе многие азербайджанцы отвер-

нулись от него. Националистические и панисламистские тенденции одержали верх.

В 1911–1912 гг. группа азербайджанских интеллигентов, ранее тесно связанных с РСДРП, образовала “Мусават”. Их воглавлял журналист Мамед Эмин Расул-заде, убежденный радикал и участник персидской революции против Мухаммеда Али-шаха. Во время пребывания в Персии Расул-заде редактировал газету “Иран-э Азад”.

Расул-заде и его сторонники были представителями азербайджанской буржуазной интеллигенции. Большинство из них, включая самого Расул-заде, входили в бакинскую организацию РСДРП (большевиков) в 1905 году. В советских архивах сохранилась фотография Расул-заде с большевиками Джапаридзе и Азизбековым, прославившимися впоследствии как двое из двадцати шести бакинских комиссаров, расстрелянных во время гражданской войны.

Программа мусаватистов, адресованная широким слоям азербайджанского народа, позволила партии завоевать симпатии мусульман не только в стране, но и за ее пределами, провозглашала следующие цели:

- 1. Союз всех мусульманских народов, независимо от национальности или принадлежности к религиозным течениям.*
- 2. Восстановление независимости всех мусульманских народов.*
- 3. Оказание материальной и моральной помощи всем мусульманским народам, борющимся за свою независимость.*
- 4. Помощь всем мусульманским народам и государствам, находящимся как в состоянии наступления, так и обороны.*
- 5. Устранение барьеров, препятствовавших распространению вышеупомянутых идей.*
- 6. Установление контакта с партиями, борющимися за прогресс мусульман.*
- 7. Установление по мере необходимости контакта и обмена мнениями с зарубежными партиями, которые ставят своей целью благосостояние человечества.*
- 8. Усиление борьбы мусульман за существование, развитие торговли, ремесел и экономической жизни в целом.*

Кроме этой общей и довольно туманной программы, у “Мусавата” не было четко сформулированных идей. Эклектизм, отсутствие систематических политических взглядов и разнородный

состав партии позволяли ее противникам утверждать, что это было не что иное, как *“две или три сотни авантюристов и дельцов во главе и конгломерат татарских масс, как низы, привыкшие испокон веков выполнять приказания хана, бека, правителя, начальника и т.д.”*. Такого рода критика исходила от представителя правой русской партии, который был далек от сочувствия сепаратистскому мусульманскому движению. Однако он был прав, указывая, что азербайджанские массы были послушным орудием в руках небольшой группы предводителей; он отмечал также, что руководство “Мусавата” состояло из “авантюристов” и “дельцов”. Основанный социалистами, даже бывшими большевиками, “Мусават” вскоре совершил уклон вправо и привлек в свои ряды немало буржуазных элементов. Позднее он стал партией возрождавшейся азербайджанской буржуазии, сохранив лишь отдельные элементы прежнего социалистического духа.

Российская колонизация

На протяжении всей истории российское правительство вполне осознавало трудности покорения Кавказа. Возможно, за исключением финнов и поляков, народы Закавказья труднее всего поддавались русификации и абсорбции. Поскольку эти народы занимали гористую в основном местность и жили компактной массой, то им нетрудно было сохранять свой язык, обычаи и традиции. Имелся единственный эффективный способ реальной русификации Закавказья – колонизация.

Уже в XIX веке был проведен первый опыт подобного рода. Так, при наместнике князе Воронцове (1844–1854) проводилось систематическое внедрение русских в ряды закавказских народов. Однако государственных земель было недостаточно. Граф Паскевич щедро роздал их 124 тысячам армян, которые были переселены из Персии и Турции. В девяностых годах уже другая волна армян хлынула из Турции и заселила Закавказье. Осознавая, что оно может навсегда потерять возможность колонизации, российское правительство стало разрабатывать определенные планы в этом направлении.

В первое десятилетие XX века несколько тысяч русских были расселены в различных частях Закавказья. В основном это были раскольники или сектанты. Новые поселенцы оказались в стране, климат которой был для них непривычным, в окружении враждебно настроенного местного населения, нуждавшегося

в пахотной земле и возмущавшегося вторжением чужеземцев. Азербайджанцы Бакинской и Елисаветпольской губерний часто нападали на русские селения, уводили скот и иногда убивали священников. Многие русские возвращались в свои родные края, целые селения, построенные на государственные субсидии, были заброшены. Искусственный план колонизации имел бы успех лишь в том случае, если бы правительство было готово приложить в этом направлении огромные усилия и вложить большие средства.

Значительные усилия в этом направлении были сделаны в период деятельности графа Воронцова-Дашкова. В засушливой Муганьской степи были орошены тысячи гектаров земли и создано сорок девять русских поселений с двадцатью тысячами жителей. Чтобы не вызывать вражду среди местного населения, Воронцов-Дашков отныне распределял русским поселенцам только свободные земли, включая пустоши и осушенные болота. Однако в конечном счете и этот план не увенчался успехом. В то время как Северный Кавказ стал преимущественно русским, в Закавказье русские оставались чужеземцами. В 1897 году их насчитывалось немногим более пяти процентов всего населения, а в 1912 году – около семи с половиной процентов. Жили в Закавказье в основном государственные служащие, военнослужащие и квалифицированные рабочие, которые трудились на бакинских нефтяных промыслах. Все они фактически были городскими жителями и мало соприкасались с местным населением.

В городах русские жили так же, как и в других местах империи. Они привнесли свои школы, библиотеки, театры и политические партии. Некоторые города выглядели совершенно русскими; так, русский путешественник, попав из Москвы в Тифлис, не чувствовал себя чужим. Образованные грузины, армяне и азербайджанцы говорили по-русски, предпочитали в переписке русский язык своему родному. Однако под тонким верхним слоем русификации скрывались массы такие же нерусские, как и прежде, говорящие на своем родном языке и питающие вражду к пришельцам с Севера. Даже в сознании тех кавказцев, которые получали образование в российских университетах, говорили по-русски и чувствовали себя в России, как дома, национальное чувство не умерло. Оно подавлялось, достаточно было малейшего толчка, чтобы оно прорвалось наружу.

Мировая война

1 августа 1914 года Германия объявила войну России. У народов Закавказья это известие вызвало противоречивые чувства. Армяне, которые знали, что рано или поздно Турция будет вовлечена в войну, стали готовиться к грядущей конфронтации.

Уже 5 августа 1914 года католикос направил письмо российскому наместнику, призывая последнего не забывать об армянском вопросе и воспользоваться благоприятным историческим моментом для его решения. Он подчеркивал необходимость выполнения следующих условий: вилайеты Анатолии с армянским населением должны быть объединены в одну провинцию во главе с христианским генерал-губернатором, назначаемым Россией и независимым от Высокой Порты; турецким армянам должна быть предоставлена широкая автономия. Проведение этой реформы должно быть возложено исключительно на Россию, иначе ни один армянин не поверит в нее. Католикос обращал также внимание наместника на “страшную опасность”, которая будет угрожать армянам в Турции, если Россия отвернется от них.

Католикос явно призывал Россию напасть на Турцию, но царское правительство чувствовало, что время для этого еще не пришло. Воронцов-Дашков ответил католикосу, что проблемы, которые волнуют армян, будут разрешены в их пользу, и далее предостерегал его, что армяне должны действовать в строгом соответствии с указаниями наместника, поскольку если война неизбежна, то Турция должна выступать в роли агрессора. По этой причине было бы нежелательно поднять восстание армян в Турции. Воронцов-Дашков добавил, однако, что в случае войны, как он надеется, армяне выполнят его указания. Смысл этого письма, направленного католикосу, был очевиден. Россия фактически не заинтересована в решении армянского вопроса; она готовилась использовать их в качестве орудия своей экспансионистской политики, не более. Ослепленные своей ненавистью к Турции, армяне не поняли, какая жалкая роль была уготована им в грядущей войне.

Католикос писал Николаю II, что армяне надеются на русское покровительство. Царь писал в ответ: *“Передайте своей пастве, святой отец, что самое блестящее будущее ожидает армян”*. Может быть, Николай II писал искренне. 21 ноября 1914 года, когда Россия уже объявила войну Турции, он принял французского посла Мориса Палеолога, и они обсудили многие вопросы,

относящиеся к войне и последующему миру. Встал вопрос о территориальных претензиях России, и Николай признался, что его народ не поймет тех жертв, которые требовались от него, если районы Восточной Пруссии, часть Силезии, Познани, Галиции и западная часть Буковины не будут присоединены к России. Обратив взоры на Восток, Николай заявил: *“В Малой Азии я должен буду, конечно, принять во внимание армянский вопрос! Я не могу допустить, чтобы они снова попали под турецкое иго. Должен ли я присоединить Армению? Я сделаю это, если только армяне действительно будут просить об этом. В противном случае установлю для них автономный режим”*.

Месяц спустя Палеолог писал в своем дневнике, что в общественном мнении в России существуют два течения, одно из которых *“тяготеет к сверкающим горизонтам и манящим завоеваниям, включая Константинополь, Фракию, Армению, Трапезунд, Персию...”*, другое течение было пессимистическим и мрачным, особый интерес представляло здесь то, что, насколько мог заметить французский посол, вся российская общественность, с которой он сталкивался, предвкушала захват Трапезунда и Армении.

В то время как Россия строила планы относительно турецкой Армении, Турция мечтала о завоевании Кавказа. Германия хотела, чтобы Турция вступила в войну против России как можно скорее, и не скупилась на обещания медлительному союзнику.

6 августа германский посол в Константинополе фон Вангенгейм вручил турецкому правительству ноту, в которой было изложено шесть определенных обещаний. Пятым было утверждение о том, что Германия готова *“принудить к изменению восточных границ Османской империи с тем, чтобы обеспечить непосредственную связь между Турцией и мусульманским населением России”*. Непосредственный контакт с мусульманским населением России означал, как это явствовало из карты, захват русской Армении.

Турки надеялись использовать против России даже армян. За несколько дней до начала русско-турецкой войны в Эрзеруме был созван съезд *“Дашнакцутюна”*. Комитет младотурок послал делегацию на съезд с предложением, чтобы дашнаки вступили в турецко-немецкую коалицию и подняли восстание на Кавказе. За это им была обещана автономия. Излишне говорить, что дашнаки отвергли предложение.

Как только Россия объявила войну Турции, католикос написал письмо Воронцову-Дашкову, выражая верность армянского народа Российской империи и царю. В Тифлисе было организовано Армянское национальное бюро во главе с Александром Хатисяном, городской головой. Бюро оказывало помощь армянским беженцам, вело вспомогательные военные работы, организовывало хумба (отряды), которые вступали в российскую армию. Фактически “Дашнакцутюн” начал создавать добровольческие отряды еще до того, как была объявлена война.

На проходившем в Тифлисе в феврале 1915 года всеармянском национальном съезде выяснилось, что российское правительство выделило дашнакам свыше двухсот тысяч рублей на вооружение турецких армян и организацию восстания в удобный момент. Сами турецкие армяне и среди них даже члены “Дашнакцутюна” выступали против этих планов. Они опасались физического истребления всего народа. Это было незадолго до того, как русским стало известно отношение турецких армян. Они перестали доверять “Дашнакцутюну”, тем более что его конечные цели расходились с планами, которые вынашивала Россия для послевоенной Армении. Другие армянские партии, такие как “Гнчак”, настороженно относились к тактике дашнаков и сначала противодействовали им; однако, охваченные всеобщим энтузиазмом, в конце концов оказали поддержку заведомо неудачному замыслу. Серьезная опасность угрожала жизни всего армянского населения Турции, но “Дашнакцутюн” не сделал ничего, чтобы отвести удар. Напротив, он был повинен в провоцировании турок на жестокие действия, имевшие место в ходе войны. Армяне были недовольны формированием добровольческих отрядов для борьбы с турками. Во время войны они вступили на путь международной дипломатии, надеясь подготовить почву для создания самостоятельного армянского государства после победы Антанты.

Миссия Завриева

В апреле 1915 года “Дашнакцутюн” направил своего представителя – доктора Завриева – во Францию и в Англию *“для того, чтобы заручиться поддержкой упомянутых стран в деле реализации армянских устремлений”*. Завриев просил российских дипломатов в Париже и Лондоне представить его правительственным кругам. Он заявил российскому послу в Париже Извольскому, что министерство иностранных дел России наме-

ребуется предложить державам создание автономной Армении в пределах Османской империи под протекторатом России, Англии и Франции. Завриев требовал, чтобы территория предполагаемого армянского государства включала не только так называемые армянские вилайеты, но также Киликию с портом на Средиземном море. Он сказал, что, хотя российское министерство иностранных дел и одобрило этот план, было бы лучше, если бы армяне сами договорились с великими державами, дабы развеять их подозрение. Извольский доложил о своей беседе с Завриевым министру иностранных дел Сазонову, спросив, как далеко он может пойти в вопросе поддержки планов Завриева. В ответ Сазонов телеграфировал: *“Наша беседа с армянами носила чисто умозрительный характер. Мы не предписывали Завриеву никакой определенной программы. На его просьбу о том, чтобы притязания армян относительно включения Киликии в территорию будущей Армении были учтены, последовал ответ, что мы не можем поддержать такие желания из-за преобладания французских интересов в Киликии”*.

Завриев и Богос Нубар-паша, известный армянский деятель, отец которого был министром египетского кабинета, установили контакт с французским правительством и выяснили, что у французов были свои собственные планы относительно Сирии и Киликии. Богос Нубар-паша пытался склонить французского министра иностранных дел Делькассе отказаться от Киликии в пользу Армении. В соответствии с указаниями Сазонова, Извольский не вмешивался в эти переговоры. Но когда российскому правительству стало известно о том, что Франция может согласиться на передачу Киликии армянам, Сазонов сообщил Извольскому, что Россия проявит солидарность в этом вопросе. Разумеется, чем больше армяне стремились заполучить, тем больше это русским нравилось, так как рано или поздно они намеревались захватить восточные вилайеты Турции.

Дипломатическая деятельность армян на этом не прекратилась. Они делали все возможное, чтобы приблизить крах Турции. В декабре 1915 года Завриев сообщил русским, что Джемаль-паша, один из трех крупнейших политических деятелей в Турции, недоволен правительством и, вероятно, захочет сместить его. Российский министр в Бухаресте С.А.Поклевский, которому доверился Завриев, тотчас телеграфировал об этом своему правительству. Завриев хотел знать, насколько смена турецкого правитель-

ства Джемаль пашой будет соответствовать интересам России. Он утверждал, что армяне могут оказать определенное влияние на Джемаль пашу. Российское правительство ответило, что желателен любой разлад среди турок, поскольку дело касалось России. Поклевскому были даны указания разрешить Завриеву дать самые щедрые обещания Джемаль паше, а согласия союзников можно было добиться и позднее.

Российский министр иностранных дел Сазонов телеграфировал затем Извольскому, российскому послу в Лондоне (князю Бенкендорфу) и российскому послу в Риме (Пиеру), что Джемаль паша выступит против своего правительства и против немцев в том случае, если союзники согласятся на следующее:

1. Свободная и независимая Турция в Азии, состоящая из автономных провинций, под властью султана, включая Сирию, Месопотамию, Армению, Киликию и Курдистан.

2. Джемаль паша должен быть султаном.

3. Он двинется на Константинополь и объявит нынешнего султана и свергнутое правительство пленниками немцев.

4. Во время похода на Константинополь Джемаль паша должен получить военную помощь от союзников.

5. После войны Джемаль паше будет оказана финансовая помощь.

6. Джемаль паша должен согласиться на потерю Константинополя и проливов.

7. Джемаль паша должен принять срочные меры по обеспечению безопасности и продовольствием турецких армян до окончания войны.

Сазонов прибавил, что если даже Джемаль паша окажется не в силах свергнуть правительство, уже сама попытка будет иметь большое значение, так как она внесет смятение в ряды противника.

Завриев был готов послать двух представителей в Египет для переговоров с Джемаль пашой, который командовал турецкими войсками на этом фронте. Завриев заявил также, что содействие французов и англичан является существенным фактором для успешного исхода дела.

Сначала русские полагали, что получить согласие союзников на провокации армян будет легко. Они были уверены, что англичане будут только рады оказать давление на Египет, тем более будет легче это сделать благодаря предательству Джемаль паша.

Извольский телеграфировал Сазонову, что французы заинтересованы в переговорах с Джемаль пашой, и что Бриан обещал поставить вопрос на заседании Совета министров. Бриан отмечал также, что условия, выдвинутые Сазоновым, могут затронуть интересы Великобритании (он имел в виду Аравию, Палестину и Месопотамию).

В марте 1916 года Завриев прибыл в Париж, где Извольским он был представлен Бриану. Француз с интересом выслушал планы армянского представителя, но отказался взять на себя какие-либо обязательства. Позднее он сказал Извольскому, что ему представляется *“неудобным вступить в переговоры с Джемаль пашой, так как он считает их несовместимыми с англо-французским планом создания азиатской Турции”*, который в то время обсуждался представителями трех великих держав в Петрограде. Когда Извольский заявил Завриеву о том, что Франция не приняла его план, армянский дипломат покинул Париж. Таков был результат попытки подкупить Джемаль пашу и выволить сотни тысяч армян.

Общие цели великих держав в этой войне выходят за рамки данного исследования, однако было бы уместно сказать несколько слов об их планах относительно Армении. Как было упомянуто выше, Германия намеревалась отдать Армению Турции. Россия со своей стороны надеялась захватить турецкую Армению.

Соглашения по турецкому вопросу

18 марта 1915 года Россия, Франция и Англия заключили так называемое *“Константинопольское соглашение”*, по которому России был обещан город, о котором она давно мечтала. Данное соглашение оговаривало, что права великих держав в Малой Азии будут определены в будущем.

В конце 1915 года Франция и Англия, сознавая необходимость конкретизации своего отношения к шерифу Мекки и арабскому вопросу, решили выработать общее соглашение по азиатской Турции. Это было сделано Марком Сайксом и Жоржем Пико, о результатах была информирована Россия. Марк Сайкс писал британскому послу в Петрограде, что для России было бы предпочтительным присоединить области с минимальной численностью армянского населения, поскольку оно настроено революционно. Именно Франция должна получить большую часть таких провинций, как Зейтун, Хаджин, Диарбекир, Мейяфаркин, Сивас, Эдессу

и территорию, которой некогда управлял Лев VI, лузиньянский король, который в 1375 году был схвачен мамлюками и умер в Париже восемнадцать лет спустя.

Французская зона, как писал Марк Сайкс, стала бы центром армянского национального притяжения, тогда как Россия получила бы территории, населенные в основном курдами и лазами.

Русские согласились с этим предложением. Французский посол в Петрограде писал в своем дневнике 16 марта: *“Сазонов говорит мне, что Верховная ставка одобряет соглашение, достигнутое между кабинетами Парижа и Лондона по вопросу о Малой Азии, за исключением Курдистана, который Россия хочет присоединить в дополнение к районам Трапезунда, Эрзерума, Битлиса и Вана. Предполагается, что взамен этого Франция получит район Диарбекира, Харпут и Сивас. Я не сомневаюсь, что Бриан согласится, так что данный вопрос можно считать решенным”*.

В апреле 1916 года Сазонов направил Палеологу меморандум, в котором Россия официально требовала территории, упоминавшиеся Сазоновым французскому послу ранее: Эрзерум, Трапезунд, Ван, Битлис и Курдистан. Требования России были приняты, и она присоединилась к соглашению Сайкса – Пико. Армяне и не подозревали, какое будущее было уготовано им в Париже, Лондоне и Петрограде.

Армяне были единственным из закавказских народов, которые вели дипломатические переговоры и самостоятельные военные действия во время войны. Грузины служили в российской армии на тех же началах, что и все российские подданные, и их отношение к войне не отличалось в общем от настроения широких масс России, лишь небольшое число националистов, особенно из среды знати, заняли антирусскую позицию.

Азербайджанцы, как и другие мусульмане Закавказья, были освобождены от воинской повинности. Одни вступали в русскую армию, другие надеялись на поражение России и освобождение, но большинство оставалось безразличным.

До 1918 года война велась за пределами Закавказья. Российские войска, приостановив натиск Энвер паши, вступили в Турцию, и вплоть до революции южные границы России были в безопасности. После мартовской революции в истории народов Армении, Грузии и Азербайджана открылась новая страница.

ГЛАВА III

МАРТОВСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Результатом затяжной и кровопролитной войны являлась революция. 8 марта 1917 года в Петрограде поднялось восстание, а несколько дней спустя взбунтовался местный гарнизон. 11 марта Государственная Дума отказалась повиноваться царю; 12 марта было сформировано Временное правительство. Так был свергнут царский режим.

15 марта весть о революции достигла Тифлиса, административного и культурного центра Закавказья. На следующий же день аппарат российской верховной власти рухнул. Первой исчезла с улиц полиция, затем закрылись государственные учреждения. Повсюду появились отряды революционеров, которые, как бы в ознаменование конца старого режима подавления, арестовали главу местной тайной полиции.

Демократия была в умах и на устах у каждого. Проходили массовые митинги, на которых армяне, грузины, азербайджанцы и представители других народностей смешивались во внезапном порыве товарищества. Морган Филипс-Прайс, английский журналист, который в тот период находился в Тифлисе, описал один из таких митингов: *“Дух Демоса внезапно возник из множества подавленных индивидуальностей, проявившись в образе этого огромного собрания средневековых горцев и рабочих XX века, воодушевленных идеей братства и свободы”*.

Старый режим сдался без боя. 18 марта великий князь Николай Николаевич, который во время войны сменил графа Воронцова-Дашкова в качестве наместника Кавказа, принял Филипс-Прайса, который описывает свое интервью следующим образом: *“Когда он (великий князь) посмотрел на меня, я увидел, что его лицо осунулось, а глаза налились кровью. Его руки дрожали, и в какое-то мгновение я подумал: “Действительно ли это великий князь Николай, тот могучий лев, которому Англия и Франция так долго поклонялись?”*

Великий князь сказал, что он желает сделать заявление для английской прессы. Его заявление было кратким и по существу: *“Я признаю новый порядок в России, так как я считаю его единственным средством спасения нашего Отечества. Как главнокомандующий армией я не допущу никакой реакции. Но я призываю моих соотечественников сохранять порядок и не подрывать дисциплину в армии, так как даже в республиканской Франции соблюдался принцип: “Армия – священна”.*

У великого князя были основания волноваться. По всему Закавказью возникали политические партии, гражданские комитеты и другие подобные организации; они объединялись для полного уничтожения режима, главным представителем которого он являлся. Наместник должен был спуститься с небес на землю; но у него еще оставались надежды, и он считал возможным говорить тоном высокопоставленного лица. Когда Жордания и Рамишвили, два руководителя социалистов, посетили Николая Николаевича во дворце наместника, он сказал им, что намеревается покинуть Тифлис, но не раньше, чем “решится вопрос о власти”: *“Что касается будущего устройства государства, то этот вопрос будет решаться Учредительным собранием, в котором я, как гражданин, надеюсь занять место. Вообще, я должен сказать, что я очень доволен Кавказом, так как никаких беспорядков здесь не произошло. Я думаю, что объяснение этому заключено в том факте, что социал-демократия, которая пользуется большим влиянием на Кавказе, стоит на стороне порядка. Я надеюсь, что это будет продолжаться и в будущем”.*

Великий князь оказался слишком большим оптимистом. Ему не суждено было занять место в Учредительном собрании, поскольку само это Собрание вскоре было разогнано штыками. Не пришлось и Кавказу долго оставаться спокойным: предстоял бурный период отчаянных схваток, но ни бывший наместник, ни посетившие его социалисты не могли в марте 1917 года предвидеть, каким путем будет развиваться история России и Закавказья. Россия стремительно неслась в неизвестность.

ОЗАКОМ

Временному правительству в Петрограде был известен тот факт, что в результате революционных событий Закавказье осталось без правительства. 22 марта 1917 года оно учредило особый комитет из членов Думы: Харламова, Пападжанова, Джафарова,

князя Кита Абашидзе и Переверзева – для установления порядка в Закавказье и введения гражданского управления в районах, охваченных войной на Кавказском фронте. В.А.Харламов был назначен председателем комитета, получившем известность как Особый Закавказский комитет (ОЗАКОМ).

Комитет подчинялся непосредственно Временному правительству и был уполномочен вести все гражданские дела в Закавказье, однако не имел законодательных полномочий. ОЗАКОМ был своего рода коллективным наместником, только гораздо слабее, не обладал тем престижем, которым пользовались царские представители.

Грузинские социалисты были разочарованы составом ОЗАКОМа. Жордания сообщил Петроградскому совету, Временному правительству и Керенскому, что этот Комитет не будет пользоваться соответствующим доверием. Чтобы удовлетворить социалистов, в ОЗАКОМ был введен грузин Чхеидзе, руководитель Петроградского совета.

Озабоченное проблемами войны и революции, Временное правительство не могло уделять много внимания управлению Кавказа, который оказался в той или иной степени предоставленным самому себе. ОЗАКОМ был слаб. Его состав не отражал интересов народа. Кроме того, ему пришлось конкурировать с несколькими революционными организациями, которые возникли после 15 марта и стали осуществлять некоторые функции правительства. К числу таких организаций относился Исполнительный комитет города Тифлис, представлявший различные группы и классы, а также Совет рабочих депутатов, однородная и дисциплинированная организация, руководимая Социал-демократической партией.

Не пользуясь популярностью и не обладая необходимыми рычагами, ОЗАКОМ не смог разрешить ни одной из важных проблем, которые стояли перед ним. Показательным примером является вопрос о грузинской церкви.

До XIX века, когда она была передана в подчинение русской церкви, грузинская церковь являлась автокефальной. Грузины никогда не мирились с новым положением вещей, и этот вопрос всегда оставался предметом горячих споров. Почти в тот же день, когда весть о революции достигла Тифлиса, грузинские епископы захватили здание экзархата и изгнали русского экзарха и его епископов, которых заменили грузинские священнослужи-

тели. Они захватили также все церковное имущество и поставили вопрос о самоуправлении перед ОЗАКОМом.

ОЗАКОМ не решил этой проблемы. Он просто передал этот вопрос на усмотрение Временному правительству. Последнее признало национальный характер грузинской церкви, предоставив ей право разработать проект о легализации в пределах России. Проект должен был быть представлен Временному правительству на утверждение, но окончательное решение должно было принять Учредительное Собрание. Тем временем грузинская церковь продолжала в соответствии с каноном исполнять обязанности грузинского экзархата. Очевидно, что подобное решение Временного правительства не могло оказать благотворного действия на грузин.

ОЗАКОМ, который не подавал голоса, оказался дискредитированным. Со временем он в еще большей степени утратил свое значение, которое с самого начала было незначительным, став, в конце концов, еще одним из десятков комитетов, учрежденных в годы революции.

Тифлисский Совет

Тифлисский совет проявил себя более влиятельной силой, чем ОЗАКОМ. 16 марта 1917 года Краевой комитет Российской социал-демократической рабочей партии созвал конференцию представителей районных организаций и крупных промышленных предприятий. 17 марта состоялась первая сессия. Был избран исполнительный комитет для руководства всей партийной работой в Закавказье. На следующий день был создан Тифлисский совет рабочих депутатов. Первое решение Совета включало следующие пункты:

1. Тифлисский совет рабочих и солдатских депутатов ставит своей целью оказать содействие установлению в России демократической республики, вести решительную борьбу против всех контрреволюционных сил;

2. Тифлисский совет рабочих и солдатских депутатов вникает во все аспекты политической и социальной жизни, помогает установлению нового порядка на местах, контролирует деятельность своих представителей, оказывает революционное давление на местные и центральные органы власти в тех случаях, если их действия недостаточно революционны и идут вразрез с интересами демократии.

Второй пункт данной резолюции представляет особый интерес. Он содержит определение Совета как своего рода правительства с правом контроля над деятельностью властей. Данное понятие было позднее окончательно разработано в Петрограде и привело к нетерпимому двоевластию. Советы и Временное правительство стали двумя антагонистами – ни тот, ни другой не могли овладеть той полнотой власти, без которой не может функционировать ни одно правительство, особенно в стране, изнуренной войной и революцией. Второй пункт резолюции Тифлисского совета подтвердил возможность такого антагонизма между ним и властями. Однако в Закавказье события приняли другой оборот.

Меньшевики

В Закавказье в Социал-демократической партии всегда преобладали меньшевики, и их влиянию на массы и партийную машину никогда ничто серьезно не угрожало. Меньшевики полагали, что мартовская революция положила начало буржуазному или капиталистическому этапу российской истории. До марта 1917 года даже Ленин придерживался точки зрения, что грядущая революция будет по своему характеру буржуазно-демократической. Социалистическая революция произойдет только в отдаленном будущем, после того как развитие капитализма в России достигнет той стадии, когда она станет страной с крупным промышленным пролетариатом, способным установить свою диктатуру. Ни Маркс, ни Энгельс, ни один из их последователей, включая Ленина, и представить себе не могли, что социалистическая революция произойдет в России до того, как социализм победит в таких промышленных странах, как Англия и Германия. Только стечение обстоятельств, сделавших возможным захват власти организованным меньшинством, заставило Ленина изменить свою точку зрения. Однако меньшевики остались верными старой формуле.

18 марта 1917 года руководитель грузинских меньшевиков Ной Жордания заявил: *“Настоящая революция по своему содержанию не является делом какого-то одного класса; пролетариат и буржуазия вместе вершат делами революции... Чтобы не оставаться в стороне, мы должны идти вместе с теми силами, которые участвуют в революционном движении, и сообща создавать республику”*.

Решение грузинских меньшевиков сотрудничать с буржуазией в деле установления демократической республики и их отказ допустить даже возможность социалистической революции в аграрной стране, лишенной промышленности и имеющей пролетариат только в зародыше, позволили большевикам обвинить их в защите местной буржуазии и помещиков от масс.

Только умеренный характер меньшевизма и его сила в Закавказье, особенно в Грузии, помешали попыткам Советов захватить власть. Однако было одно исключение. В Бакинском совете большевики одержали верх и последовали примеру Петроградского совета; правда, Баку остался отдельным особым случаем. Во всех других местах Закавказья Советы нашли возможным работать в относительном согласии с другими организациями, представлявшими различные социальные и экономические группы населения.

После мартовской революции социалисты (меньшевики) усилили свою позицию как руководящая партия Закавказья. Они имели большинство в Тифлисском совете, а также в Советах Кутаиси, Батума и других грузинских городов. Лишь в Баку они составляли меньшинство. Сила и популярность меньшевиков не явились неожиданностью, они росли и крепились на протяжении, по крайней мере, трех десятилетий. В течение длительного периода до мартовской революции грузинские меньшевики вели полулегальную деятельность.

Грузия делегировала в Думу пропорционально большее число социалистов, чем любая другая часть империи. Меньшевики в целом и члены Думы в частности часто разъезжали по стране, посещали представителей местных органов власти, говорили о необходимости строительства новых школ, дорог, ремонта мостов и развития городов, приобретая таким образом доверие у масс, которые видели в них своих защитников и покровителей. Популярность, завоеванная в течение длительного периода времени, помогла меньшевикам занять ответственные позиции во всех выборных политических и общественных учреждениях сразу после революции.

Выше было показано, как меньшевики контролировали деятельность Тифлисского совета, имели своих представителей в ОЗАКОМе, участвовали в строительстве нового политического строя. Их позиция в Грузии была прочной. Они пользовались значительным влиянием и в других регионах Закавказья. Не будет

преувеличением сказать, что меньшевики были самой влиятельной политической партией Закавказья.

Большевики

В противоположность меньшевикам позиции большевиков в момент, когда свершилась мартовская революция, были очень слабыми.

“Он (большевизм) был слаб не только в Грузии, в Тифлисе, но даже в Баку, где прежде, во время революции 1905 года, и после большевизм имел довольно сильные позиции. Однако перед февральской революцией 1917 года большевистские организации Закавказья представляли незначительную силу”. Эти слова были написаны Филиппом Махарадзе, одним из руководителей грузинских большевиков. Далее он сообщает, что в других городах, кроме Баку и Тифлиса, большевистских организаций не существовало вообще. Были отдельные представители большевистской ориентации, не связанные с другими организациями. Даже в Тифлисе в марте 1917 года насчитывалось не более пятнадцати двадцати большевиков.

Недостаток численности не помешал, однако, большевикам проявлять чрезвычайную активность. Уже в марте молодой большевик Кавтарадзе начал издавать в Тифлисе газету “Кавказский рабочий”, которая вскоре получила широкое распространение. По мере роста численности большевиков, возрастало и число их печатных органов. Весной и летом 1917 года появились газеты “Брдзола” (“Борьба”) и “Мушис симартле” (“Рабочая правда”) на грузинском языке, “Банвори крив” (“Рабочая борьба”) на армянском языке и “Буревестник” на русском языке.

Энтузиазм первых дней революции заставил большевиков и меньшевиков забыть свои фракционные разногласия и объединиться в единую социалистическую партию. Революционный пыл и общее настроение масс работали на объединение. В марте в Тифлисе был создан единый партийный комитет. Однако ни одна из фракций не доверяла другой полностью, так что большевики сохранили свое собственное отдельное партийное бюро, как бы предвидя новый раскол. Вскоре возникли некоторые разногласия, впоследствии столь преувеличенные советскими историками, тезис которых заключался в том, что со стороны руководства грузинских большевиков было чуть ли не преступлением объединяться с меньшевиками и что никакое сотрудничество

между этими двумя фракциями недопустимо. Однако в марте и апреле они все-таки работали вместе, и их разногласия не казались непреодолимым препятствием для объединения.

В апреле 1917 года в Петрограде проходил VII съезд РСДРП (большевиков). На нем присутствовали два руководителя грузинских большевиков – Миха Цхакая и Филипп Махарадзе. По их возвращении большевики порвали с меньшевиками и восстановили свою отдельную организацию. Газета “Кавказский рабочий” писала, что разрыв был необходим, так как настал ответственный момент, и пролетариат должен сплотиться в партию, политика которой чиста и свободна от мелкобуржуазных шараханий. Меньшевиков обвиняли в поддержке контрреволюционного Временного правительства, которое продолжало вести империалистическую войну.

“Кавказский рабочий” продолжал: *“Чтобы оградить пролетариат от чуждых влияний, наша партия не может больше делать никаких уступок революционному оборончеству и решительно порывает с ним. Исходя из этого, собрание (тифлисских большевиков) постановило порвать с меньшевистской организацией, которая придерживается оборонческой точки зрения, отозвать из нее всех сторонников большевизма и создать отдельную социал-демократическую организацию, основанную на принципах революционной социал-демократии”*.

Таким образом, окончательный разрыв произошел лишь в июне. Приведенные выше факты показывают, что разрыв был навязан из Центра. Грузинские большевики, фактически большевики по всей стране перед возвращением Ленина в Россию, в марте, объединились с меньшевиками. В апреле Ленин убедил VII съезд партии принять предложенную им новую программу, известную как “Апрельские тезисы”, и выступил против распространенной тогда идеи объединения с меньшевиками. На съезде Филиппу Махарадзе, в значительной степени ответственному за объединение большевиков с меньшевиками в Грузии, и Миха Цхакая было указано, что их политика ошибочна. Разрыв произошел лишь после их возвращения в Тифлис. Видный грузинский большевик Мамаи Орахелашвили связывал возвращение Цхакая и Махарадзе в Тифлис с разрывом между большевиками и меньшевиками. Из сказанного очевидно, что разрыв был навязан сверху.

Подобные настроения проникли и в социалистические молодежные организации. Весной 1917 года марксистский Союз учащейся молодежи Закавказья созвал в Тифлисе конференцию.

Союз представлял собой организацию, которая объединяла учащих, меньшевиков и большевиков, последние представляли меньшинство. С самого начала были выдвинуты два предложения. Одно – за сотрудничество с буржуазией, другое – за “углубление” революции. Резолюция, принятая большинством в восемь голосов против одного, в частности, гласила: *“Исходя из того факта, что в настоящей революции буржуазия также принимает участие как одна из движущих сил, конференция считает необходимым для рабочего класса сотрудничать с буржуазией до тех пор, пока не будет установлена демократическая республика”*.

Несмотря на различие мнений, выявленных голосованием по вышеуказанной резолюции, меньшевики и большевики продолжали сотрудничать в рамках этой организации в течение лета 1917 года. Лишь 16 сентября большевистская молодежь провела собрание, на котором была создана самостоятельная организация. Названная “Спартак” в честь гладиатора, возглавлявшего в I веке до н.э. восстание римских рабов, указанная организация была очень малочисленной, однако, как и их старшие товарищи, она восполняла недостаток численности бурной деятельностью.

В течение летних месяцев 1917 года ряды большевистской организации Закавказья неуклонно росли, пополняясь солдатами, возвращающимися с фронта. Тифлисская группа, которая в марте насчитывала всего каких-нибудь двадцать членов или и того меньше, теперь состояла из более чем двух тысяч. Однако большинство их были случайными лицами.

15 октября 1917 года в Тифлисе был созван I Закавказский краевой съезд большевистских организаций. Выступивший с речью Степан Шаумян подчеркнул, что основной задачей большевиков является мобилизация рабочих и крестьян на вооруженное восстание и захват власти. Обсуждалась большевистская тактика в отношении “текущего момента”, Учредительного собрания, земельного вопроса и т.д. Предложение меньшевиков объединиться было решительно отвергнуто.

Съезд принял ряд резолюций. Резолюция относительно Учредительного собрания гласила, что большевики будут проводить кампанию в качестве независимой партии и войдут в блок лишь с интернациональными группами, если таковые окажутся. По национальному вопросу съезд принял решение, что все народы имеют право на национальное самоопределение, вплоть до отделения от России. Этот принцип, однако, разъяснялся в другом

пункте, согласно которому отделение от России или даже создание федеративного государства на Кавказе не рекомендуется. По аграрному вопросу съезд постановил, что земли должны быть национализированы, и в соответствии с этим крестьян побуждали к захвату земель. В заключение утверждалось, что только революционным путем можно достичь этих целей, а не через компромиссы с Корниловыми, Родзянко, меньшевиками и эсерами. Таким образом, Корнилов и меньшевики были смешаны в одну группу со вчерашними союзниками последних.

Кавказская армия

Одной из самых острых проблем, стоящих перед Закавказьем, была ситуация на фронте. Армия численностью свыше полумиллиона человек сдерживала противника глубоко на турецкой территории. Это была единственная военная сила, способная добиться ощутимых результатов, и тот, кто смог бы установить над ней контроль, мог бы решать судьбу революции в Закавказье. Так как подавляющее большинство солдат были русскими, то такие партии, как “Мусават” и “Дашнакцутюн”, не пользовались большим влиянием среди них. Упорная борьба за армию должна была произойти между большевиками и меньшевиками.

В мае 1917 года в Тифлисе открылся I съезд делегатов Кавказской армии. На этом съезде преобладали меньшевики и эсеры. Среди делегатов было всего несколько большевиков, включая Кавтарадзе и Корганова. Все резолюции, принятые съездом, были предложены либо эсерами, либо меньшевиками, и Махарадзе поясняет, что в это время меньшевики еще неокончательно покинули революцию и не рисковали сделать решительный шаг в направлении к контрреволюционной буржуазии.

Двадцать лет спустя советский историк Махарадзе написал, что на I съезде представителей Кавказской армии Кавтарадзе, Корганов и другие вели активную большевистскую пропаганду, обращаясь к массам через головы меньшевиков и эсеров для распространения революционных лозунгов. Они разоблачали антинародную политику меньшевиков и эсеров по вопросу войны и мира, по аграрному вопросу и т.д.

Эсеры и меньшевики стояли за продолжение войны до победного конца.

Большевики, напротив, требовали мира любой ценой, демобилизации и превращения империалистической войны в гражд-

данскую. В соответствии со своим убеждением о необходимости продолжения войны меньшевики и эсеры предложили резолюцию, запрещающую деятельность партийных организаций в армии. Резолюция, имевшая целью сохранить армию от разложения и направленная прежде всего против большевиков, была принята. Однако большевики отказались подчиниться решениям съезда, которым они не руководили. В течение всего лета они были заняты созданием нелегальных партийных ячеек в полках. Боевой дух армии быстро падал, и дисциплина с каждым днем все более и более расшатывалась, однако армия продолжала удерживать фронт вплоть до ноябрьской революции.

Армяне

Армяне, как и другие народы Закавказья, приветствовали мартовскую революцию. Для “Дашнакцутюна” она означала в первую очередь решение национального вопроса, который для партии являлся самым болезненным. Больше чем любая другая партия в Закавказье, “Дашнакцутюн” хотел выиграть войну: поражение Турции стало у них навязчивой идеей, почти манией. Они знали, что революция может ослабить военное напряжение, и поэтому делали все возможное, чтобы предотвратить дезорганизацию Кавказского фронта. 7 мая 1917 года дашнакская газета “Оригон” писала, что национальный вопрос не следует затрагивать в настоящее время с тем, чтобы не ослаблять революционные силы.

В целях определения политической линии партии в новых условиях, порожденных революцией, в конце апреля 1917 года был созван съезд “Дашнакцутюна”. Первая его резолюция была очень консервативной по своему характеру. *“До созыва Учредительного собрания, – гласила она, – “Дашнакцутюн” будет проводить прежнюю политику и придерживаться прежних взглядов”*. Казалось, что революция не внесла изменений в проект Армянской революционной федерации. Вторая и третья резолюции указывали на необходимость предотвращения столкновения между Советами и Временным правительством. Это правительство, как говорилось в резолюции, следует поддерживать до тех пор, пока оно действует в интересах демократии.

Дашнаки произнесли много революционных фраз, на деле же они, будучи армянами, находящимися между русскими и турками, предпочитали первых и не хотели, чтобы анархия охватила Россию настолько, что для нее было невозможным продолжить

войну. Другие революционные партии поносили империализм. Национальные меньшинства по всей империи требовали своих прав и обвиняли во всех бедах старый строй. Только один армянин отважился подняться и сказать: *“Нападки на так называемый русский империализм совершенно непонятны. На Кавказе этот империализм установил закон и порядок и обеспечил безопасность жизни армян, чего раньше никогда не было. Русский империализм имел свои отрицательные стороны, но в общем он был прогрессивной силой. И когда я вижу, что русские боятся этого слова и каждый отказывается от него, мне, как армянину, становится больно, когда отвергают прошлое России. Между русским и немецким империализмом существует большая разница. Вы, русские, несете народам освобождение, несете безопасность жизни тех, кто стонет под игом мусульман, и ваше отрицание империализма, как вы его понимаете ныне, было бы роковой ошибкой по отношению к Востоку. В течение многих лет Армения ждала, чтобы русский империализм сказал свое решительное слово в турецкой Армении и вывел армян из-под турецкого гнета, поэтому ваше отрицание империализма было бы встречено с величайшим отчаянием в армянских трущобах Турции. Так что не отвергайте интересы этих трущоб, ибо это принизило бы значимость вашей истории!”*¹

Кто, как не армянин, испытывающий смертельный страх перед турками, мог произнести такую речь в 1917 году? Едва ли найдется какое-нибудь другое утверждение, сделанное в то время, которое сильнее выражало бы национальные чаяния, и прежде всего – национальные опасения армян. Только тот, кто принадлежал к этой нации, мог написать, что они готовы поддержать любую власть в России, независимо от строя. Все остальное отходило на задний план перед вопросом, собирается ли Россия остаться в Закавказье или нет. От ответа на этот вопрос зависело само существование армянской нации.

Временное правительство, которое было решительно настроено на продолжение войны, естественно, получило полную поддержку со стороны всех армянских организаций. Небольшая группа армянских социал-демократов выступала за поддержку Временного правительства. Хотя они осуждали войну как зло, они утверждали, что Россия не должна утратить своих территорий.

¹ Из речи Х.Н. Вермишиева, армянского делегата на VIII съезде Партии народного освобождения. “Речь”, 11/24 мая 1917.

Они также протестовали против тех, кто стремился разложить армию.

На конференции, состоявшейся в Москве, Назарянц, представитель всех армянских национальных партий, включая “Дашнакцутюн”, призывал приложить все усилия для спасения России. Он обещал, что армяне сделают все возможное, чтобы возродить могущество армии. Представитель партии “Гнчак” присоединился к тому мнению, что Временное правительство следует полностью поддержать.

По инициативе “Дашнакцутюна” в октябре 1917 года в Тифлисе был созван Армянский национальный съезд, представлявший различные партии. Его первая резолюция провозглашала, что российская Армения признает власть предстоящего Учредительного собрания и войдет вместе со всем Кавказом в состав Федеративной Российской Республики. Резолюция по турецкой Армении гласила, что данный вопрос следует решать в соответствии с пожеланиями местного населения. Подчеркивалось, что Кавказский фронт должен быть усилен, так как это имело особое значение для армян, независимо от интересов России в войне. Съезд просил, чтобы Учредительное собрание предоставило местную автономию *“с полного согласия наших соседей, грузин и татар”*¹, ратовал за секуляризацию армянских школ и национализацию (т.е. арменизацию) средней школы и т.д. Согласно последней резолюции было учреждено Национальное собрание из тридцати пяти членов, созываемое периодически, а также Национальный совет из пятнадцати членов, действующий на постоянной основе и ведающий делами всего народа. Этот орган должен был находиться в Тифлисе. Дашнак Аветис Аронян был избран его председателем.

По своему характеру Национальный совет напоминал правительство. В нем было несколько отделов, соответствующих министерствам и ответственных за решение различных вопросов жизни армян. Центральному комитету турецких армян было предоставлено право направлять, по мере необходимости, своих представителей в Национальный совет.

Сразу же после учреждения Национальный совет обратился ко всем армянам с разъяснениями своих функций, а также функций Национального собрания, перед которым Совет отчитывался. Поскольку Совет и Собрание были созданы на основе солидар-

¹ В то время азербайджанцев часто ошибочно называли татарами.

ности и союза различных армянских партий, предполагалось, что будет обеспечено действенное руководство их деятельностью.

Важно отметить, что основная деятельность закавказских армян протекала в Тифлисе и других городах за пределами Армении. В Тифлисе также постоянно располагался Армянский национальный совет. Хотя Эривани в то время ничто не угрожало, армяне предпочитали размещать свои важнейшие центральные организации в других местах. Что же касается самой Армении, какая-либо политическая деятельность там отсутствовала. Большинство, если не все, армянские политические деятели, партийные руководители и даже большая часть интеллигенции жили за пределами Армении, которая, таким образом, оставалась “захолустьем” закавказской политики. Судьба армянского народа решались не в Эриване, а по всему Закавказью и даже за его пределами.

Азербайджанцы

После мартовской революции Азербайджан, как и другие районы Закавказья, претерпел период реорганизации. В Баку положение осложнялось наличием многочисленного чужеземного пролетариата, недовольного экономическими условиями и готового на борьбу за улучшение своей участи. То, что жалобы, раздававшиеся со стороны рабочих, были небезосновательны, представляется совершенно очевидным. Анализ экономических условий, преобладавших в Азербайджане и его промышленном центре Баку, свидетельствует о проблемах, связанных с огромным ростом цен в 1916 году. Следующие цифры говорят сами за себя.

Рост цен с января 1916 по январь 1917 года

Хлеб	54%
Мясо	142%
Масло	152%
Картофель	47%
Молоко	123%
Яйца	110%
Капуста	13,9%
Растительное масло	154%

В указанный период соответствующего повышения заработной платы не было. С начала войны до января 1917 года цены подня-

лись на 350%, тогда как заработная плата выросла лишь на 200%. Таким образом, реальная заработная плата бакинских рабочих в 1917 году была значительно ниже, чем в начале войны.

В связи с трудными экономическими условиями основной интерес бакинских рабочих после мартовской революции был сосредоточен на коллективных договорах. Профсоюзы развили активную деятельность, выставив ряд требований по увеличению заработной платы и установлению восьмичасового рабочего дня. Однако экономическая борьба была лишь частью, и при том не самой главной, тех событий, которые разыгрались в Баку и по всему Азербайджану в марте 1917 года и после.

Бакинский Совет

19 марта 1917 года в Баку был создан Совет рабочих депутатов. Спустя два дня он выпустил прокламацию, провозгласившую, что никто *“за исключением представителей Совета не может выступать и действовать от имени всего бакинского пролетариата”*. Совет был не единственной организацией, которая стремилась заменить старые учреждения. Когда весть о мартовской революции достигла Баку, различные национальные группы, включая Союз нефтепромышленников, Городской совет и т.д., учредили Исполнительный комитет общественных организаций, который стал осуществлять власть над городом.

Первое заседание Бакинского совета состоялось 19 марта 1917 года. Было избрано пятьдесят два депутата, большинство из них были эсерами и меньшевиками. Несмотря на то, что большевики располагали всего двумя или тремя местами, их руководитель Степан Шаумян был избран председателем. Это говорит об его огромной личной популярности, так как он даже не присутствовал на заседании и находился на пути в Баку из Саратова, куда он был сослан при старом режиме.

Партии, представители которых вошли в Бакинский совет, недолго жили в мире. Шаумян вскоре уступил место председателю эсеру Сако Саакяну. Отсрочка оказалась в конечном счете благоприятной для большевиков.

Весной 1917 года бакинский пролетариат был озабочен в первую очередь решением экономических проблем, а Совет стал главным проводником его идей. 22 мая Совет обсудил проект соглашения с работодателями, основными пунктами которого были восьмичасовой рабочий день и повышение заработной платы с

учетом роста цен. Под угрозой забастовок промышленники приняли требования рабочих. Однако как только соглашение было подписано, промышленники перешли в контрнаступление. Они потребовали отмены восьмичасового рабочего дня, повышения установленных цен на нефть и т.д. Они хотели также положить конец всем попыткам и даже обсуждениям, связанным с установлением рабочего контроля над промышленностью.

Подобные наскоки вызвали сильнейшее сопротивление со стороны рабочих. Все больше и больше рабочих готовы были слушать пламенные речи Степана Шаумяна. Один из руководителей большевиков, Фиолетов, объяснял неудачу коллективного соглашения разнородным составом бакинских рабочих преобладанием случайных элементов, упорством правлений, компромиссной политикой меньшевиков и эсеров и безразличием Совета к этим вопросам. Подобные явления подрывали авторитет неболевистских социалистических партий, давая возможность большевикам завладеть умами рабочих.

В апреле 1917 года большевики пересмотрели свое отношение к мартовской революции, перейдя к открытой оппозиции Временному правительству, порожденному этой революцией. Отныне они склонялись к захвату власти при первом же удобном случае. Как только из Петрограда были получены соответствующие директивы, бакинские большевики созвали съезд социалистических партий и предложили принять следующие решения: российская буржуазия, которая была контрреволюционной еще до свержения монархии, таковой и осталась; лозунгом текущего момента должен быть не гражданский мир, а гражданская война; следует придавать значение экономическим требованиям рабочих; нужно сделать все, чтобы добиться сосредоточения государственной власти у Совета.

Последний пункт был вариантом знаменитого лозунга "Вся власть Советам!" Меньшевики выступили против этой резолюции, и между ними и большевиками произошел неизбежный разрыв, так же как это имело место в Грузии и во всей стране.

Последняя попытка объединить социалистические партии была сделана в Баку в июне 1917 года. Но раскол был уже слишком глубоким. По сообщению эсеровской газеты "Известия", Шаумян сказал, обращаясь к меньшевикам и эсерам: *"Либо мы предатели, либо вы контрреволюционеры. Буржуазия плетется в хвосте у контрреволюции"*.

В октябре 1917 года произошли новые выборы в Совет. Результаты оказались следующими:

По районам: Бинагады	Мусават	1520 голосов
	Дашнакцутюн	876
	Большевики	599
	Эсеры	587
	Меньшевики	429
Романы	Мусават	1523
	Дашнакцутюн	959
	Большевики	947
	Эсеры	359
Балаханы	Мусават	2076
	Дашнакцутюн	1100
	Эсеры	649
	Большевики	511
	Меньшевики	66
Забрат	Мусават	831
	Дашнакцутюн	1258
	Эсеры	240
	Большевики	212
	Меньшевики	68
Порт	Эсеры	254
	Большевики	140
	Меньшевики	124 (50)
Черный город	Эсеры	1365
	Большевики	810
Белый город	Эсеры	1618
	Большевики	53
Биби-Эйбат	Мусават	2467
	Дашнакцутюн	1095
	Эсеры	887
	Большевики	279
Завокзальный район	Эсеры	346
Сураханы	Большевики	272
	Мусават	1200

Таким образом, из общего числа свыше двадцати пяти тысяч голосов “Мусават” получил почти десять тысяч, или около 40%. Большое количество голосов, полученных эсерами, объясняется тем, что значительную часть населения Баку составляли русские. Количество голосов, поданных за дашнаков, не нуждается в комментариях. За большевиков (около четырех тысяч) голосовали как

русские чернорабочие, так и персидские сезонные рабочие нефтепромыслов. Небольшое количество голосов (менее одной тысячи) за меньшевиков было подано рабочей аристократией и интеллигенцией. Буржуазные партии, естественно, участия в выборах в Совет не принимали. Большое количество голосов, полученных “Мусаватом”, “Дашнакцутюном” и эсерами, представляется показательным, так как указывает на реальное соотношение сил в Баку. Октябрьские выборы показали, что национальный фактор определял подачу голосов в каждом отдельном случае.

Несмотря на то обстоятельство, что кандидаты от “Мусавата” получили при выборах в Совет большинство, они не вошли в этот орган. Большинство других партий последовало этому примеру из-за большевистского лозунга “Вся власть Советам!” В конце концов, в Совете остались 84 левых эсера, 6 меньшевистских интернационалистов, 15 левых дашнаков, 31 большевик, 52 сочувствующих большевикам и 15 независимых. Как показали дальнейшие события, те, кто отказался от участия в работе в Совете, совершили грубую ошибку, за которую им пришлось дорого заплатить.

Оставшаяся часть Совета избрала Исполнительный комитет, который состоял в основном из большевиков и левых эсеров. Председателем был переизбран Шаумян. Ни Совет, ни Исполнительный комитет не могли претендовать на то, чтобы представлять собой демократическое учреждение после выхода из его состава большей части делегатов, представлявших другие партии. Однако большевики обладали такими преимуществами, которые значили больше, чем количество голосов. У них было изумительное единство цели, сплоченность, блестящее руководство и готовность использовать все средства для достижения целей. Незадолго до этого они стали доминирующей силой в Совете.

Для того чтобы еще больше укрепить свои позиции, большевики, которые руководили Исполнительным комитетом Совета, решили создать Красную гвардию. Эсеры выступили против, утверждая, что, поскольку гарнизон лоялен, нет никакой необходимости в особой вооруженной силе. Большевики, однако, не остановились на этом, понимая, что в последний момент сила будет решать, кто останется у власти.

“Мусават”

Тем временем различные мусульманские организации, и прежде всего “Мусават”, готовились к открытию Всероссийского

Учредительного собрания, на которое они возлагали большие надежды. Спустя несколько недель после мартовской революции был создан Временный Комитет мусульманских общественных организаций. Он обратился к мусульманскому населению с призывом сплотиться вокруг национальных лозунгов, с тем чтобы мусульманские представители в предстоящем Учредительном собрании знали, что за ними стоит народ. В призыве, который был опубликован комитетом, говорилось, что единственной формой правления в России, отвечающей интересам мусульман, является демократическая республика.

В первые дни революции Бакинский комитет мусульманских общественных организаций, так же как и "Мусават", проявлял крайний радикализм. Комитет выступал за демократическую республику, которая предоставила бы соответствующие права мусульманам. *"Мы никогда не забудем, что буржуазно-конституционный строй в парламентских странах ничего не дал таким мусульманам, как мы. Примером могут служить Англия и Франция. Российские империалисты не могут быть нашими друзьями"*, так писала газета мусульманского комитета. Советский историк А.Л.Попов пишет, что "Мусават" нельзя априори классифицировать как реакционную партию ханов и беков, потому что в начальный период революции "Мусават" стоял на позициях демократии и даже социализма: *"До определенного момента Бакинский комитет мусульманских общественных организаций и мусаватистская партия успешно выполняли миссию не только представительства общих национальных интересов, но и руководства азербайджанской рабочей демократией"*.

Когда Корнилов предпринял попытку свергнуть правительство Керенского, Бакинский комитет политических и общественных организаций осудил контрреволюционного генерала и заявил о своей поддержке российской демократии. В Закавказье была распространена прокламация, подписанная Алимарданом беком Топчибашевым, азербайджанским политическим деятелем, выражающая солидарность мусульман с революцией.

В мае 1917 года состоялся Всекавказский съезд мусульман, на котором была выработана общемусульманская платформа. Заявив о том, что демократическая республика была бы формой правления, наиболее отвечающей интересам мусульман в России, съезд заверил Временное правительство в своей поддержке и принял "тезисы" по системе образования. Первый из них требо-

вал всеобщего бесплатного обучения на азербайджанском языке. Второй требовал, чтобы школами заведовали сами мусульмане. Были выдвинуты и другие требования подобного характера, но гораздо более важными решениями съезда были решения по военным вопросам. Было решено провести перепись населения, чтобы установить военный потенциал мусульман, созданы особые бюро по проведению таких мероприятий, как формирование мусульманских полков и их вооружение.

Армяне имели свою собственную военную организацию уже с начала войны. Грузины также с разрешения ОЗАКОМа создали воинские подразделения с целью удержания Кавказского фронта. Азербайджанцы приступили к созданию собственной военной организации, не спрашивая разрешения, а Временное правительство вынуждено было санкционировать эти решения, поскольку было слишком слабым, чтобы реально влиять на ход событий.

Осенью 1917 года Закавказье находилось в относительно лучшем положении, чем остальная часть империи. Фронт сдерживал турок, которые были не в состоянии предпринять успешное наступление. Центральная власть, несмотря на ее слабость, была признана повсюду. Все революционные партии, за исключением большевиков, поддерживали Временное правительство и полагались на Учредительное собрание в деле решения национального и других вопросов, которые волновали Закавказье. Именно в это время Закавказье привлекло к себе внимание иностранных держав. Германия понимала, что появилась возможность воспользоваться трудными обстоятельствами, пока представители союзных держав стремились обеспечить порядок. Консул США в Тифлисе Ф.У.Смит давал рекомендации и оказывал поддержку местным властям, а также стремился сорвать некоторые планы немцев. Но ни немцы, ни страны Антанты, ни русские, ни сами закавказцы и не подозревали о надвигающихся событиях. Даже большевики не могли предвидеть, каким образом Закавказье будет реагировать на новые и еще более крупномасштабные перевороты.

Период с марта по ноябрь 1917 года имел большое значение для будущего Закавказья. Выкристаллизовывались идеи, определялись проблемы, проводились границы будущего противоборства. Именно в этот период особенности положения в Закавказье круто изменили ход революции, чего нельзя сказать собственно о России. Но, оглядываясь назад, можно утверждать, что это было лишь прелюдией к великим сражениям.

ГЛАВА IV

НОЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Весть о восстании большевиков в Петрограде достигла Тифлиса на следующий же день. Закавказье сразу охватило смятение, но потребовалось всего несколько часов, чтобы различные партии, Советы и комитеты определили свое отношение к новой обстановке, возникшей в результате свержения Временного правительства.

На состоявшемся 8–10 ноября общем собрании представителей Краевого центра Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и исполнительных комитетов эсеров и социал-демократов (меньшевиков) была принята резолюция, в которой утверждалось, что захват власти большевиками неизбежно приведет к торжеству контрреволюции: *“Интересы революции диктуют необходимость мирного урегулирования восстания на основе соглашения между всей революционной демократией в духе демократизации строя и при условии созыва Учредительного собрания в установленный срок”*.

Краевой Совет призывал сохранять порядок и единство революционной демократии.

Идея мирного урегулирования конфликта некоторое время занимала умы закавказских советских руководителей. Очевидно, им не были известны размах и значение событий, которые произошли в Петрограде в ночь на 6 ноября. 16 ноября Краевой совет принял вторую резолюцию, по существу повторяющую первую в том, что конфликт должен быть решен мирным путем, присовершенствовав, что правительство должно быть сформировано из представителей различных партий; Учредительное собрание созвано как можно скорее, а война с Германией и ее союзниками продолжена, и никакого сепаратного мира не должно быть заключено. Эти меры, по мнению Краевого совета, привели бы к усилению революции, объединению сил демократии, а также предотвращению анархии и гражданской войны.

Авторы этой резолюции не поняли характера ноябрьской революции. Речь не идет об анализе ситуации, однако можно утверждать, что применять к захвату власти большевиками стандарты буржуазно-демократических революций было ошибкой, за которую пришлось дорого заплатить. Даже знания теории марксизма было недостаточно для ясного понимания ситуации. Источники большевизма следовало искать не только в гегелевской диалектике и социализме Маркса, но и в крестьянских бунтах Разина и Пугачева, терроризме народников, догматизме русской церкви и, наконец, в личности основателя большевизма – в Ленине.

Руководители различных политических партий и Советов были уверены, что большевики будут придерживаться решений предстоящего Учредительного собрания согласно принципа: “Глас народа – глас божий”. Единственный вопрос, который, как они считали, следовало решить, это – признание или непризнание ноябрьской революции и недавно сформированный Совет народных комиссаров до созыва Учредительного собрания.

Установление местной власти

11 ноября в Тифлисе состоялось собрание представителей революционных организаций региона. Руководитель социал-демократов (меньшевиков) Ной Жордания произнес речь, в которой заявил, что в течение последних ста лет Закавказье действовало рука об руку с Россией и считало себя “неотделимой частью Российского государства”. *“Теперь с нами случилось несчастье, – продолжал он, – связь с Россией прервана, и Закавказье осталось в одиночестве. Мы должны стать на ноги и либо спастись самим, либо погибнуть из-за анархии...”* Затем Жордания предложил создать самостоятельное местное правительство, которое оградит Закавказье от анархии и выведет его “из катастрофического положения”.

Ни Жордания, ни кто-либо другой не помышлял в то время об окончательном отделении, хотя все партии и другие организации Закавказья отказались признать Петроградский режим. Краевой совет осудил захват власти большевиками. Войсковой комитет, который представлял фронт, принял резолюцию, гласившую, что большевистский переворот свершил насилие над суверенной волей народа. Только правительство Керенского, гласила резолюция, имело право управлять от имени народа, а всякое другое правительство враждебно делу революции.

Право на самоопределение

Одним из первых актов нового Петроградского правительства была Декларация прав народов, которая была опубликована 15 ноября 1917 года за подписью председателя Совета народных комиссаров Ленина и комиссара по делам национальностей Сталина. Декларация провозглашала в качестве основ советской национальной политики следующее: 1. Равенство и суверенность народов России; 2. Право наций на самоопределение, вплоть до отделения от России и образования независимых государств; 3. Отмена всех национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений; 4. Свободное развитие национальных меньшинств и расовых групп, населяющих территорию России.

Принципы, провозглашенные в этом документе, предусматривали гораздо большее, чем это представлялось в самых смелых мечтах ярым грузинским, армянским и азербайджанским националистам. На первый взгляд, это было почти приглашением со стороны верховной власти подчиненным народам освободить себя. Интересно отметить, что лидеры Закавказья не ухватились за эту возможность. 16 ноября они могли провозгласить независимость и обосновать свой шаг положениями указанной советской Декларации. Затем они могли бы без труда заключить мир с Турцией и добиться признания как со стороны Турции, так и со стороны Германии. Но, очевидно, их связи с Россией были довольно прочными.

Так, они вспомнили о предложении Жордания создать автономное местное правительство, которое будет ограждать Закавказье от анархии до созыва Учредительного собрания, и приступили к его осуществлению. 24 ноября представители Краевого совета, Окружного совета Кавказской армии, Исполнительного комитета Тифлисского совета, Тифлисской городской думы, Кавказского Комитета общественной безопасности, ОЗАКОМа, политических партий, мусульманских организаций и профсоюзов собрались, чтобы обсудить возможность установления такой власти.

Было решено, что лидеры Закавказья отказываются признать новую власть в Петрограде и призывают к независимому правлению, пока не будет созвано Всероссийское Учредительное собрание. Тем временем должны быть проведены выборы в это Учредительное собрание, и избранный состав должен установить власть на местах.

Закавказский Комиссариат

Четыре дня спустя было сформировано правительство под названием Закавказский Комиссариат. В него вошли три грузина, три азербайджанца, три армянина и двое русских. Евгений Гегечкори, грузинский меньшевик, был избран председателем Комиссариата и комиссаром труда и внешних сношений. Другими комиссарами были:

Комиссар внутренних дел	А.Чхенкели
военный и морской комиссар	Д.Донской
комиссар народного просвещения	Ш.Алексеев-Месхиев
комиссар торговли и промышленности	М.Джафаров
комиссар путей сообщения	Х.Мелик-Асланов
комиссар земледелия	А.Неручев
комиссар продовольствия	А.Тер-Газаров
комиссар общественной безопасности	А. Огаджанян
комиссар государственного контроля	Х.Хасмамедов

Закавказский Комиссариат заменил упраздненный ОЗАКОМ, унаследовав от последнего все его слабости. Комиссариат был представительным, так как в него входили меньшевики, мусаватисты, дашнаки и эсеры. Кроме того, он был ближе к народу и лучше знал его мысли и настроения. Но, выполняя лишь охранительные функции, Комиссариат не имел конкретной программы, и Гегечкори, председатель Комиссариата, признавал позднее, что это был слабый и неэффективный орган. Гораздо важнее была зависимость Закавказского Комиссариата от различных Национальных Советов в военном вопросе. Большую часть времени Комиссариат не имел своих собственных войск и был не в состоянии проводить в жизнь свои же декреты либо поддерживать закон и порядок в стране.

Однако не признавать власть большевиков и помешать им завоевать власть – это две разные вещи. Между большевиками и властью в Закавказье повсюду стояла Социал-демократическая партия.

Большинство грузин были удовлетворены мартовской революцией, которая многое обещала буржуазии и интеллигенции, и обе стороны были довольны. Социал-демократы, как и марксисты, верили, что социалистическая революция в стране с преобладающим сельским хозяйством невозможна, поэтому были готовы поддержать буржуазию в деле стабилизации революции. Большевицкий переворот был, по их мнению, бессмысленной

авантюрой, так как, с точки зрения Маркса, невозможно установить социализм, прежде чем капитализм не достигнет полного своего развития. Они полагали, что недопустимо продолжать эту авантюру.

Захват власти в Тифлисе меньшевиками

В рассматриваемый период тифлисский арсенал охранялся ротой русских солдат Кавказской армии, в которой большевистские тенденции были очень сильны. Чтобы иметь собственные вооруженные формирования, меньшевики создали Красную гвардию, которая позднее была переименована в Народную гвардию. Ее набирали из рабочих-меньшевиков, а возглавлял Народную гвардию бывший большевик Валико Джугели. В ночь на 29 ноября Красная гвардия прибыла к тифлисскому арсеналу и потребовала сдать его. Солдаты были сбиты с толку, так как это требование было сделано от имени Тифлисского совета. Раздалось всего несколько выстрелов, прежде чем защитники уступили, и арсенал был занят Красной гвардией.

Захват меньшевиками арсенала неизмеримо ослабил позиции большевиков. Никто не понимал этого так хорошо, как Ленин. Когда в декабре 1917 года грузинский большевик Цинцадзе, который был послан в Петроград сообщить о положении в Закавказье, рассказал Ленину о случившемся, последний сразу же разъяснил значимость этого факта, не пощадив при этом чувств Цинцадзе.

Слабость, проявленная грузинскими большевиками в 1917 году, была обусловлена целым рядом причин. Вероятно, первой из них являлось то, что лозунг мира любой ценой не мог быть популярным в Закавказье, как и в самой России. Армянские и грузинские массы знали, что произойдет с ними, если турки займут Закавказье. Они были менее склонны покинуть фронт, чем русский крестьянин. Пропагандировать идею поражения армянину было бесполезно, когда его врагом был турок. На самом деле пораженческие настроения были настолько непопулярными среди армянских и грузинских масс, что даже некоторые большевики не поддерживали эти настроения.

Спустя несколько лет подобный подход к этому вопросу со стороны грузинских большевиков обернулся против них. В 1917 и 1918 годах они действительно решили защищать Закавказье совместно с другими партиями; приняли меньшевистский лозунг "Отечество и революция в опасности!" и зашли так далеко, что помогали

меньшевикам разоружать полки, которые были враждебны по отношению к Закавказскому Комиссариату. Когда турки начали свое наступление на Кавказском фронте, в Абхазии и Мегрелии поднялось несколько крестьянских восстаний, которые грузинские большевики поспешили назвать “бандитским движением” и “движением предательства Отечества и революции”.

Второй причиной неудачи большевиков захватить власть в 1917 году было их нежелание использовать Кавказскую армию. Некоторые большевики считали, что если призвать армию на помощь, свергнуть Закавказский Комиссариат в Тифлисе, она разграбит город. Большевик Гайоз Девдариани писал в 1928 году, что это была не революционная, а “филистерская точка зрения”. Девдариани назвал нежелание грузинских большевиков использовать разложившуюся армию для свержения правительства “роковой ошибкой”, которая привела не только к поражению большевиков в Тифлисе, но и к окончательному поражению Бакинской коммуны.

В 1935 году старый грузинский большевик Лаврентий Берия писал, что руководящая группа тифлисских большевиков - Филипп Махарадзе, Буду Мдивани, Окуджава, Торошелидзе и другие – наотрез отказалась от подготовки вооруженного восстания вопреки указаниям Ленина и Сталина. Берия обвинял тифлисских большевиков в сдаче арсенала, осуждал их политику и расценивал ее как предательство.

Еще одну причину, несомненно, самую вескую, не заметил ни Берия, ни Девдариани, это – слабость всей большевистской организации Закавказья. Следует напомнить, что в марте 1917 года в Тифлисе было не более пятнадцати – двадцати большевиков. Неважно, как быстро численно росла партия в течение последующих семи месяцев, она не могла набрать сил, необходимых для свержения коалиции меньшевиков, мусаватистов и дашнаков.

Потерпев неудачу при захвате власти в ноябре, большевики вынуждены были отступить. В декабре их Краевой комитет заявил, что слухи, распространяемые меньшевиками о том, что большевики готовят восстание, ложны.

“Наша партия решительно и определенно заявляет, что большевики не собираются выходить за пределы Тифлиса. Ни одного выстрела! Ни одна пуля не должна пронзить грудь рабочего, грудь солдата! Мы всегда были убеждены в том, что вопрос, который вызвал конфликт, может быть разрешен мирным путем”.

Отрицать вооруженное восстание в печати не означало еще прекращения всей деятельности, направленной на свержение власти. Кавказская армия продолжала оставаться в регионе, а ее боевой дух пал так низко, что возникла благодатная почва для антивоенной агитации и пропаганды. Поняв это, большевики усилили свою работу среди солдат.

По мере того как целые полки стали покидать фронт, большевики старались повернуть их против Закавказского Комиссариата. Но в районе Тифлиса не было достаточного сосредоточения войск, потому что эшелоны быстро переправлялись, и агитация среди войск не достигла практических результатов, за исключением воздействия на настроение жителей Тифлиса, которые жили в состоянии постоянного страха.

Борьба за Кавказскую армию

Попытка завладеть армией была сделана большевиками на II Краевом съезде, состоявшемся в Тифлисе во второй половине декабря 1917 года. Сразу после мартовской революции меньшевики и эсеры захватили большинство в Советах солдатских депутатов и Солдатских комитетах. Командующий Кавказской армией генерал Юденич писал: *“Состав комитетов, в общем, благоприятен в плане его стремления к упрочению законности и порядка, ведению войны до победного конца. Комитеты пользуются большим влиянием среди гарнизонов. В Тифлисе были проведены собрания солдат и офицеров, а на последнем председателем был избран генерал”*.

Задача большевистских агитаторов состояла в том, чтобы подорвать авторитет офицеров, убедить солдат в том, что без дальнейшего “углубления” революции народ не получит мира, земли и хлеба. Им удалось добиться того, что на II Окружном съезде Кавказской армии они уже составляли большинство.

Был избран новый Окружной войсковой совет. В него вошли пятьдесят два большевика и левых эсеров, которые всегда поддерживали первых, и сорок восемь меньшевиков, правых эсеров, дашнаков и других. Большевик Корганов, позднее ставший военным комиссаром Бакинской Коммуны, был избран председателем. Принятые съездом резолюции свидетельствуют о достигнутых большевиками успехах. Первая резолюция гласила, что представители капитала являются врагом, *“который будет стараться развалить революционно-демократический фронт, как только*

представится возможность; поэтому класс, который борется за победу рабочих и крестьян (т.е. пролетариата), должен осуществлять диктатуру, пока не будет созвано Учредительное собрание". Вторая резолюция заверяла в поддержке Петроградского Совета народных комиссаров и объявляла, что все действия, направленные против него, должны быть безжалостно подавлены. Пятая резолюция была довольно любопытной. Она требовала немедленного созыва Учредительного собрания, которое будет поддержано только в случае проведения им политики Петроградского совета. Шестая резолюция содержала угрозу отказаться от Учредительного собрания и осуществить революционную программу через новый орган власти – Советы, если Собрание откажется выполнять волю трудящихся. Съезд направил приветственную телеграмму Петроградскому совету народных комиссаров; и, наконец, провозгласил себя верховным командованием вооруженных сил в Закавказье. Большевики, дашнаки и другие отказались принять решения съезда. Он покинули его и созвали свой съезд. Но факт остался фактом: в декабре 1917 года большевики установили контроль над войсковыми частями, в которых всего семь месяцев тому назад главенствовали эсеры и меньшевики.

Борьба за Советы

Два других форума, на которых выявилось соотношение сил противников, состоялись в декабре 1917 года и январе 1918 года. Одним из них был II Краевой съезд Советов рабочих депутатов, другим – I конференция профсоюзов. Съезд Советов был созван по инициативе председателя Бакинского совета Степана Шаумяна. Он начался с разногласия относительно числа делегатов, представляющих различные города. Тифлис, например, посылал одного делегата от каждых пятисот рабочих; Баку – одного делегата от каждых двух тысяч рабочих. Большевики предложили либо увеличить в четыре раза число делегатов от Баку, который был их оплотом, или предоставить каждому делегату четыре голоса, либо сократить число тифлисских и других грузинских представителей в четыре раза. Большевики отвергли эти предложения, и семьдесят два большевистских делегата покинули съезд, который полностью перешел в руки меньшевиков.

Съезд, в котором преобладали меньшевики, одобрил все меры Закавказского Комиссариата и объявил об их поддержке. Мень-

шевистская газета “Эртоба”, сравнивая этот съезд со II съездом Кавказской армии, писала, что первый представлял политически зрелый и дисциплинированный пролетариат, тогда как последний представлял темное крестьянство, которое было одурманено марксистской пропагандой. Большевики, однако, обвиняли меньшевиков в политической нечестности при отказе равного представительства Баку.

Борьба за профсоюзы

Конференция профсоюзов приступила к работе 7 января и продолжалась в течение пяти дней. В ней приняли участие 82 делегата от 66 профсоюзных организаций, которые объединяли 103702 члена. Представительство было неравным. Баку выделил 32 делегата от 74623 членов, а Тифлис – 34 делегата, представлявших всего 21839 членов. Из 82 делегатов 48 были меньшевиками (23 – из Тифлиса, 15 – из Баку, 10 – из других городов). 17 были большевиками (7 – из Баку, 6 – из Тифлиса, 3 – из Батума и 1 – из Гори), остальные состояли из эсеров (9), бундистов (1), дашнаков (1), анархокоммунистов (1) и независимых (5).

Между большевиками и меньшевиками сразу вспыхнула жаркая дискуссия по вопросу об отношении профсоюзов к Учредительному собранию, которое должно было открыться через несколько дней. Большевики стремились к тому, чтобы Учредительное собрание поддержало все меры Петроградского Совета, в противном случае они грозили отказаться от его поддержки. Меньшевики и другие партии настаивали на том, чтобы Учредительное собрание было независимым. Они выступали за его самостоятельность. Большевистская резолюция относительно Учредительного собрания была отвергнута, принята была резолюция, предложенная меньшевиками. Второе столкновение произошло по вопросу местонахождения центрального органа профсоюзов, который был призван координировать деятельность рабочего класса всего Закавказья. Большевики стремились, чтобы он находился в Баку, где они могли в любое время оказать на него влияние, тогда как меньшевики по той же причине желали, чтобы он находился в Тифлисе. Наконец, за Тифлис было подано 35 голосов против 22, поданных за Баку. Меньшевики одержали полную победу.

Положение в Баку

В то время как меньшевики в Тифлисе выигрывали одно сражение за другим, большевики сосредоточили все свои усилия на Баку. Уже 7 декабря 1917 года Петроградский Совет народных комиссаров опубликовал обращение к мусульманам России и стран Востока, которым обещал свободу и право на самоопределение. В ней говорилось, что договора, разделявшие Турцию и Персию, должны быть отныне аннулированы; турок, персов, татар, чеченцев и другие народы призывали восстать против своих поработителей.

Будучи опытными революционерами, большевики хорошо понимали, что одними прокламациями сражение не выиграть. Большевикам необходимо было создать генеральный штаб в Закавказье и продвинуть в руководители человека, способного обеспечить победу. Выбор Совета народных комиссаров был предрешен. Иначе и не могло быть, потому что Степан Шаумян явно превосходил каждого, кто мог бы занять этот важный пост. На заседании Совета народных комиссаров в декабре 1917 года Сталин сделал доклад о положении в Закавказье, в соответствии с которым было принято решение назначить Шаумяна Чрезвычайным комиссаром Кавказа.

После ноябрьской революции Бакинскому совету, председателем которого стал Шаумян, пришлось столкнуться с рядом трудностей. В противовес Тифлисскому совету, Бакинский совет признал новую власть в Петрограде, но, хотя его Исполнительный комитет всецело находился в руках большевиков, положение Шаумяна было далеко непрочным. Первая опасность исходила от врага не в образе человека, а от голода, причиной которого было то обстоятельство, что крестьяне придерживали хлеб от продажи, так как не были уверены в том, что смогут возобновить сельскохозяйственные работы с наступлением весны. Затруднения с продовольствием начались еще в сентябре, когда в городе происходили хлебные бунты, направленные против попыток Бакинского совета сократить свободную торговлю продовольствием.

На Западе за последние несколько столетий люди имели весьма смутное представление о том, что такое настоящий голод. Достаточно сказать, что в Азии буквально миллионы людей умирали от голода. Голод 1917–1918 годов в Азербайджане был не из самых жестоких, если исходить из азиатского опыта, тем не менее он оказывал влияние на массы, играя большую политическую роль.

Архивы советских продовольственных органов хранят несколько документов, которые раскрывают положение дел в некоторых провинциальных городках и селениях Азербайджана зимой 1917–1918 года. Вот несколько телеграмм, направленных служащими Продовольственного управления в адрес вышестоящих органов:

(Из Астары): "...служащие Продовольственного Управления, опасаясь эксцессов, отказываются работать...население голодает пятый день".

(Из Божьего Промысла): "...наше население буквально умирает с голода...вынуждено питаться отбросами... укажите, куда перевести жителей, чтобы они не умерли с голоду..."

(Из Уджары): "...в селении начался голод. Хлебопекарни не работают в течение трех месяцев".

(Из Шемахи): "...толпы голодающих осаждают комитет" (Продовольственное управление).

Голод поставил под угрозу сохранение власти. Все организации, кроме Советов, решили воспользоваться ситуацией, чтобы подорвать влияние большевиков. Чтобы помешать этому, большевики перешли в наступление на две организации, которые пытались выступить претендентами на власть в Баку. Первой из них была Бакинская городская дума, второй – Революционный комитет общественной безопасности.

Бакинский Совет против Бакинской думы

Бакинская дума не признала новую власть. Ее возглавлял известный азербайджанский юрист Фатали хан Хойский, и она представляла правое крыло бакинского общества. Ее влияние на массы было незначительным, однако она представляла ядро сопротивления Совету. Вторая организация, Революционный комитет общественной безопасности, была создана 18 ноября 1917 года в ответ на сообщение о свержении Временного правительства. Комитет сразу же выступил в печати против Совета. Так как в него входили представители всех политических партий за исключением большевиков, его голос был все-таки услышан. Однако когда левые эсеры и интернационалисты-меньшевики покинули комитет, он потерял способность защищаться от нападок Совета, и его положение оказалось катастрофическим после того, как "Мусават" также отказал в поддержке.

22 ноября Совет потребовал от Комитета общественной безопасности принять решение о самороспуске, угрожая, в противном

случае, применить силу, если он не подчинится. Не располагая военной силой для обороны, Комитет объявил о своем роспуске.

“Мусават” и большевики

Самым серьезным соперником большевиков в Азербайджане являлся, несомненно, “Мусават”. В период с ноября 1917 года по март 1918 года отношение этой партии к большевикам претерпело большие изменения. Когда 17 ноября 1917 года Бакинский совет выпустил Обращение к населению Баку с призывом поддержать новую власть и угрозами беспощадно подавить всякие попытки контрреволюционных действий, партийный совет “Мусавата” счел возможным осудить Временное правительство и заявить, что подавление большевизма было бы бесцельным и вредным.

Первоначально лояльное отношение “Мусавата” к Совету подпитывалось надеждой, что большевики выполнят свои обещания и предоставят мусульманам России их заветное право на самоопределение. Сотрудничество между большевиками и мусаватистами стало настолько тесным, что их противники могли сказать: *“Нельзя указать ни на один “существенный” вопрос, по которому “Мусават” выступил бы против точки зрения большевиков и защищал бы какую-нибудь другую фракцию. Напротив, можно привести целый ряд основных вопросов, по которым мусаватисты всегда поддерживали большевиков и выступали против прочих фракций (меньшевиков, эсеров и дашнаков)”*.

Отмечалось также, что мусаватисты совместно с большевиками голосовали за роспуск Революционного комитета общественной безопасности, роспуск Учредительного собрания и заключение Брест-Литовского мирного договора, тогда как все остальные партии решительно отвергли эти шаги.

Сотрудничество между мусаватистами и большевиками носило, однако, чисто тактический характер, тогда как их вражда была реальной и глубокой и проявилась позднее, когда эти две партии выступили основными противниками во внутренней борьбе за кавказский Азербайджан.

Даже во время поддержки Бакинского совета “Мусават” делал это с оговорками. Когда большевики провозгласили свой лозунг “Вся власть Советам!”, руководитель “Мусавата” Расул-заде заявил: *“Мусаватистская партия в принципе не возражает против передачи власти Советам, но ввиду того, что Бакинский совет*

не был избран на демократической основе, а также ввиду того, что в нем не было представлено крестьянство, Мусаватистская партия отказывается передать власть указанному Совету и не войдет в его Исполнительный комитет”.

Отказ “Мусавата” передать всю власть и участвовать в работе Исполнительного комитета имел, конечно, и другие причины, помимо указанных Расул-заде. Исполнительный комитет проводил пророссийскую политику. Шаумян говорил, что *“Бакинский совет рабочих, солдатских и матросских депутатов принимает как обязательные декреты Всероссийского Съезда Советов и действует в полном согласии с Центральным исполнительным комитетом”.* “Мусават”, со своей стороны, выступал против централизации и стремился к автономии.

И большевики, и мусаватисты понимали, что рано или поздно они вступят в схватку не на жизнь, а на смерть, и обе стороны принимали меры к тому, чтобы обеспечить себе грядущую победу. Однако при попытке создать боеспособные вооруженные силы большевики столкнулись с огромными трудностями. Русские рабочие опасались вооружать азербайджанцев, которых они справедливо считали ненадежными с российской точки зрения. Азербайджанцы, со своей стороны, в буквальном смысле впадали в истерику при одном упоминании о вооружении армян. Баку жил в постоянном страхе межнациональных столкновений, русские считали, что роспуск армии на Кавказском фронте приведет к истреблению всех русских в Азербайджане. Однако вооруженная сила была необходима, поскольку речь шла о Советах. Когда была создана Красная гвардия, большевики столкнулись с мощным противодействием, однако, несмотря ни на что, продолжали осуществлять свои планы.

Но отдать приказ о формировании армии легче, чем осуществить это. Силы, которыми располагали Советы, были гораздо слабее, чем у “Мусавата” или “Дашнакцутюна”. “Дашнакцутюн” был хорошо вооружен, так как сумел закупить огромное количество оружия у русских солдат, которые тысячами дезертировали с фронта. Дашнаки, кроме того, в прошлом получили военный опыт, когда служили в русской армии и проводили партизанские операции в Турции. Азербайджанцы были так же хорошо вооружены, как и армяне, но их нельзя было даже сравнить с последними по организованности и опыту. Совет, со своей стороны, имел несколько отрядов, которые не были должным

образом вооружены и обучены. Понимая трудности, неизбежные в этой ситуации, Шаумян просил Сталина выделить десять миллионов рублей на нужды кавказской Красной армии, указывая, что без поддержки Каспийского флота будет практически невозможно удержать Баку в своих руках.

По мере того, как "Мусават" набирал силы, отношения между ним и Советом все более ухудшались. На проходившей в конце 1917 года конференции закавказских мусульман было решено созвать Учредительное собрание азербайджанцев и кавказских горцев. Этот акт был ясным признаком отделения, однако Совет предпочел не обращать на это внимания. В январе 1918 года, когда военные приготовления были завершены, большевики предприняли ход, имевший целью уничтожить "Мусават". Наиболее удобным предлогом для этого могло быть обвинение в подстрекательстве к межнациональным столкновениям и контрреволюции. Такая тактика могла бы привести к желаемым результатам, однако Совету следовало проявить осторожность и не выставить себя сторонником армян в борьбе против мусульман. Так или иначе, в Совете было слишком много русских и армян, и если они стали бы проводить антимусульманскую политику, азербайджанские массы еще теснее сплотились бы вокруг "Мусавата". Чтобы не показаться проармянски настроенными, большевики в своей печати нападали и на "Мусават", и на "Дашнакцутюн". "Бакинский рабочий" писал 30 января 1918 года: *"Баку представляет теперь два больших вражеских стана, противостоящих друг другу и готовых наброситься на противника в любое время. "Мусават" и "Дашнакцутюн", вот две антигосударственные, контрреволюционные силы, которые, вооружая и натравливая пролетарские массы друг против друга, хотят построить свое националистическое здание на руинах рабочего движения. Столкновение неизбежно. Оно неизбежно, если страшные предвестники надвигающейся катастрофы (ссылка на возможные мятежи) не заставят все демократические элементы нашего города активно начать действовать, бороться против враждебного национализма, который угрожает не только пролетарской революции, но и самому существованию трудящегося народа... Необходимо положить конец преступной деятельности банды головорезов, которые действуют легально и у всех на виду и даже заседают в революционных учреждениях"*.

Хотя в этой статье нападкам подвергался как “Мусават”, так и “Дашнакцутюн”, основной удар был направлен против первого. Совет не мог бы одолеть сразу двух таких сильных противников. Он не мог бы одолеть одного без помощи другого. Таким образом, Совет был вовлечен в межнациональную борьбу между азербайджанцами и армянами, стремясь натравить один народ против другого. Борьба между Советом и “Мусаватом”, достигшая кульминационной точки во время мартовских событий, и роль “Дашнакцутюна” в этих событиях имели большое значение для последующей истории Закавказья, поэтому на них следует остановиться несколько подробнее.

Мартовские события

9 марта 1918 года в Баку прибыл штаб Азербайджанской “дикий” дивизии. Ее командующий, генерал Талышинский, был арестован Советом. Мусульманские массы заволновались. В мечетях проходили собрания, на которых ораторы призывали народ оказать вооруженное сопротивление Совету.

Шаумян мог бы предотвратить кровопролитие, если бы был менее целеустремленным и настойчивым. За несколько дней до прибытия генерала Талышинского и его штаба он получил телеграмму от Ленина. Она содержала следующее: *“Дорогой товарищ Шаумян! Благодарю за письмо. Мы восхищены Вашей твердой и решительной политикой; соединяйте с ней самую осторожную дипломатию, которая, несомненно, стала необходимой ввиду данной труднейшей обстановки, и мы победим.*

Трудности не бесконечны; до сих пор нас спасали противоречия, столкновения и борьба между империалистами. Умейте использовать эти конфликты; теперь необходимо учиться дипломатии. Наилучшие пожелания и приветия всем друзьям.

В.Ульянов (Ленин)”.

Телеграмма показывает, что Ленин с его гениальной способностью оценивать людей осознавал обоснованность действий Шаумяна. Рекомендация Ленина относительно дипломатии была не чем иным, как предупреждением быть более осторожным и менее вызывающим.

Освобождение Талышинского могло бы прекратить инцидент, однако 30 марта Совет получил сведения о том, что мусульманская команда судна “Эвелина” вооружена и ждет сигнала к мятежу против Совета. Донесение, как удалось выяснить, в дей-

ствительности не имело никаких оснований, однако Совет перешел к действиям и разоружил команду, которая, по-видимому, пыталась сопротивляться. В ответ на эти действия Совета огромная толпа собралась во дворе одной из бакинских мечетей и приняла решение, требующее возврата оружия, конфискованного Советом у команды “Эвелины”. На следующий день делегация мусульман потребовала вернуть оружие. Джапаридзе, один из руководителей большевиков, обещал удовлетворить это требование, однако в это время на улицах началась стрельба.

Не имеет значения, кто сделал первый выстрел. Важно то, что к 6 часам вечера 30 марта 1918 года Баку превратился в поле сражений. Рыли траншеи, строили баррикады, шла подготовка к настоящему сражению. В течение нескольких часов в городе была тишина, как затишье перед бурей.

Когда Совет понял, что приближается настоящая гражданская война, он стал искать вокруг себя союзников, прекрасно сознавая, что его собственных сил совершенно недостаточно против азербайджанских масс, возглавляемых “Мусаватом”. Союзники скоро нашлись. Руководитель бакинских меньшевиков Айолло заявил, что они будут поддерживать Совет. Эсеры заверяли, что они будут бороться против панисламизма и “социалистов восточного толка”. Даже кадеты (правое крыло либералов) обещали поддерживать большевиков как борцов за русское дело.

“Мусават” не мог не заметить своей полной изоляции. Его газета “Ачыг сез” писала, что те самые большевики, которые боролись с меньшевиками в течение целого года, объединяются теперь даже с кадетами и дашнаками. Газета далее отмечала, что такое сотрудничество можно объяснить лишь национальными мотивами, и что политика натравливания одного народа против другого вместо ведения классовой борьбы является трагической капитуляцией демократии.

Однако в мартовские дни Совет спасли не кадеты, не меньшевики, не эсеры. Этим спасителем оказался “Дашнакцутюн” с его военной организацией, который решил исход дела в пользу Совета. Сначала Армянский национальный совет провозгласил нейтралитет в споре между “Мусаватом” и Советом. Предполагали даже, будто армяне заявили мусаватистам, что последние могут надеяться на их поддержку против большевиков. Если дело обстояло именно так, тогда армяне несут основную ответственность за последовавшую резню, ибо “Мусават” вступил в воору-

женное столкновение, полагая, что перед ним лишь один противник. *“Можно предположить, – пишет Сурен Шаумян, брат знаменитого комиссара, – что Мусульманский национальный совет не взялся бы за оружие, если бы он не был уверен в союзнике (дашнаках)”*.

31 марта Совет предъявил ультиматум, требуя:

- 1. Открытое и безоговорочное признание Совета как единственной власти и абсолютное подчинение всем его приказам;*
- 2. Вывод с территории Баку Азербайджанской “дикой” дивизии;*
- 3. Открытие сообщения на железных дорогах Баку – Тифлис и Баку – Петровск, которые были заблокированы мусульманами.*

Срок исполнения этих требований был назначен на 3 часа дня 1 апреля 1918 года. Было объявлено также, что в случае невыполнения этих требований будет введено военное положение, и “Мусават” будет нести ответственность за все последствия.

Почти одновременно с ультиматумом Совета Бакинский комитет защиты революции, орган, созданный специально на случай чрезвычайных обстоятельств, опубликовал обращение, в котором утверждалось, что советскому строю угрожает опасность контрреволюции, которая исходит от “Мусавата”. Комитет призывал граждан восстать, сплотиться вокруг Совета и быть готовыми бороться до последней капли крови в защиту революции. *“Националисты из мусаватистской партии и контрреволюционные элементы, которые следуют за ней, уже начали военные действия против Совета”*, – говорилось в прокламации, подписанной Степаном Шаумяном, Джапаридзе и председателем Военно-революционного комитета Кавказской Красной армии Коргановым.

Опытный генерал может послать свои армии в бой и приказать им отступить, но никто не может приказать толпе изменить свои действия, если дать ей волю. “Мусават”, который в последний момент принял советский ультиматум, был бессилён удерживать азербайджанцев от схваток на улицах. Армяне, которые так громко провозглашали свой нейтралитет, неожиданно перешли на сторону Совета и присоединились к наступлению на “Мусават”.

“В этом кровавом эпизоде, который имел такие роковые последствия для мусульман, главную роль сыграли армяне, которые находились в то время в Баку, сплотившись, как и везде, вокруг своей националистической партии (“Дашнакцутюн”)... Дело в том, что армяне под маской большевизма обрушились на

мусульман, вырезав за несколько ужасных дней более двенадцати тысяч людей, среди которых было много стариков, женщин и детей”.

Получившие печальную известность в истории мартовские события вызвали целый ряд массовых убийств по всему Азербайджану. Кровопролитие продолжалось неделями. Ни одна из сторон не проявляла милосердия; не учитывались ни возраст, ни пол. Огромные толпы носились по улицам, сжигая дома, убивая всякого прохожего, принятого за врага, много невинных погибло мученической смертью от рук как армян, так и азербайджанцев. Борьба, которая началась “как политическое соперничество между “Мусаватом” и “Советом”, приняла характер грандиозного межнационального противоборства.

Как бы очевидны ни были факты, всегда найдутся возможности исказить их в стремлении подогнать под ту или иную теорию. Таковыми оказались и мартовские события. Факты всем известны, их достаточно, чтобы удовлетворить требования самого взыскательного историка, и все же едва ли найдется хоть одна книга, в которой дано беспристрастное описание или объективная оценка грандиозной резни.

С армянской стороны представлен архиепископ Баграт, который написал письмо армянской миссии Баку, объясняя мартовские события. Письмо начиналось с традиционного обвинения в том, что азербайджанцам, приверженцам турок и немцев, не следует доверять. Разобравшись, таким образом, с азербайджанской версией событий, Баграт утверждал, что война была развязана “Мусаватом” и Советом, тогда как армяне оставались нейтральными. Правда, продолжал он, отдельные армянские солдаты приняли участие в сражении, но это были отдельные лица, за которых Армянский национальный совет не может нести ответственности. Архиепископ переложил всю вину на “Мусават”, который, судя по его письму, был пособником турок. В то время как последние наступали на Закавказье извне, первые атаковали изнутри. Если бы архиепископ писал это письмо на двадцать лет позже, он, наверное, употребил бы слова “пятая колонна” для определения “Мусавата”.

Поскольку дело шло об убийстве мусульманского гражданского населения, архиепископ Баграт отрицал, что армяне имеют к этому какое-либо отношение. Он утверждал, что, напротив, армяне во время столкновений укрыли около двадцати тысяч мусульман.

Азербайджанцы опровергли армянскую интерпретацию событий. Они утверждали, что именно национальная месть и желание разделить власть с большевиками побудили армян вырезать гражданское население Баку. В том, что нападение было направлено как против гражданского населения, так и против вооруженных отрядов “Мусавата”, не может быть никакого сомнения. Всякого азербайджанца, которого могли схватить банды дашнаков, убивали. Многие персы тоже заплатились жизнью. Персидские армяне в Баку действительно спасли жизнь многим своим согражданам, что, вероятно, и дало основание архиепископу Баграту утверждать, что около 20000 мусульман были спасены армянами.

Советские историки признали, что *“гражданская война в Баку вследствие участия армянских вооруженных отрядов приняла национальный оттенок... участие вышеуказанных отрядов нанесло определенный ущерб советскому строю”*. А.Л.Попов писал, что сражение было настолько жестоким, что армянские и советские отряды вынуждены были брать штурмом каждый дом в мусульманских кварталах города, тогда как преступные элементы открывали ворота тюрем, сжигали дома и грабили гражданское население. Азербайджанский большевик Эфендиев писал: *“Дашнаки, которые за щедрое вознаграждение защищали капиталистов Тагиева, Нагиева и других, от имени Совета вырезали до единого человека жителей целых кварталов и районов, населенных мусульманской беднотой. Дашнаки под командованием таких милиционеров, как Лалаев и другие, уничтожают теперь не только мусаватистов, но всех мусульман вообще... Ход событий создал такое положение, при котором товарищи, стоящие во главе Совета, Шаумян, Джанаридзе и другие, сами стали узниками дашнаков”*. На основе представленного выше материала можно утверждать, что Совет спровоцировал “гражданскую войну” в надежде подорвать могущество самого грозного своего противника – “Мусават”. Однако поскольку Совет призвал “Дашнакцутюн” оказать помощь в борьбе против азербайджанских националистов, “гражданская война” вылилась в резню, так как армяне убивали мусульман независимо от их политических убеждений и социального и общественного положения. Русские, небольшевики, стояли на стороне Совета по той простой причине, что они были русскими и предпочитали победу Совета, который подчинялся Москве, победе “Мусавата”.

Когда в Баку было, наконец, восстановлено некое подобие порядка, улицы были очищены от тысяч мертвых тел, а пожары потушены, Совет утвердился как решающая политическая сила города. Мусульмане потерпели поражение и были полностью разоружены, тогда как армяне – ослаблены. Докладывая Совету народных комиссаров Российской Советской Республики, Шаумян писал: *“Закавказье вступило в период активной вооруженной борьбы за Советскую власть. В течение трех дней — 30, 31 марта и 1 апреля — ожесточенная битва разыгралась в городе Баку. С одной стороны, сражались Советская Красная гвардия, Красная Интернациональная армия, недавно созданная нами, и Красный флот, который нам удалось реорганизовать в короткое время, армянские национальные отряды. С другой стороны, им противостояла мусульманская дикая дивизия, в которой было несколько русских офицеров, отряды вооруженных мусульман, руководимые мусаватистской партией”*. Шаумян писал, что в сражении приняло участие двадцать тысяч человек: *“Для нас результаты сражения были блестящи. Разгром врага был полный. Мы продиктовали им условия, которые были подписаны безоговорочно. Свыше трех тысяч человек были убиты с обеих сторон”*.

Советские газеты писали после мартовских событий, что Бакинский совет предвидел, что гражданская война неизбежна, и что Баку и его область будут основной ареной борьбы против контрреволюции. Предвидя это, Совет создал Красную гвардию и Красную армию, которые выиграли сражение с “Мусаватом”. Теперь, когда враг был разбит, необходимо было умиротворить мусульман, чтобы установить, по крайней мере, видимость мира и согласия.

2 апреля 1918 года Джапаридзе писал Шаумяну, что до поры до времени можно успокоить мусульман обещанием предоставить им автономию. Он заверил Чрезвычайного комиссара, что из Ташкента и с севера идет помощь.

Для большевиков настало время закрепить свои победы. Отныне они решили править самостоятельно. Первым шагом в направлении “монополизации власти” было требование к Армянскому национальному совету разоружить свои войска и прекратить свою деятельность в качестве второго эшелона власти в городе. Армяне, ослабленные сражением с “Мусаватом” и напуганные возможностью турецкого вторжения, согласились на то,

чтобы часть их войск влилась в Красную армию, а остальные войска были разоружены. Затем была упразднена Бакинская городская дума, в которой преобладали эсеры, меньшевики и дашнаки, неоднократно выступавшая против Совета. Далее последовало закрытие армянской правой газеты “Баку” и органа Бакинского комитета РСДРП (меньшевиков) “Наше слово”.

Безраздельная власть большевиков

25 апреля был создан местный Совет народных комиссаров по образцу Московского Совета. В его состав вошли почти исключительно большевики:

председатель и комиссар по внешним делам	Шаумян
комиссар внутренних дел	Джапаридзе
военный комиссар и председатель военно-революционного комитета	Корганов
комиссар просвещения	Колесников
комиссар городского хозяйства	Нариманов
комиссар юстиции	Каринян
комиссар путей сообщения	Маркарян
председатель ЧК	Тер-Габриелян
управляющий государственного контроля	Богданов
<i>(Все перечисленные выше комиссары были большевиками)</i>	
комиссар земледелия	Везиров
комиссар финансов	Киреев
комиссар снабжения	Цыбульский

Это были левые эсеры. Отметим, что один из этой тройки – Киреев, комиссар финансов, похитил крупную сумму казенных денег и попытался скрыться, но был задержан и расстрелян ЧК.

Вновь созданный Совет народных комиссаров заявил, что Бакинский совет рабочих, солдатских и матросских депутатов счи-

тает решения Всероссийского съезда Советов обязательными для себя и будет действовать *“в полном согласии с Всероссийским центральным исполнительным комитетом и Верховным советом комиссаров”*. Аналогичная идея содержалась и в официальной декларации Бакинского Совнаркома с одним дополнением, что отныне Совет является единственным органом власти, на который ложится вся ответственность за Бакинский округ с его крестьянским населением численностью около миллиона человек. Объявлялось, что Бакинский совет будет бороться за установление советской власти во всем Закавказье. Остальная часть декларации касалась таких текущих дел, как распределение земли среди крестьян, некоторые меры в отношении торговли и промышленности, укрепление Красной армии и т.д.

Самой важной мерой, принятой Бакинским Совнаркомом, была, несомненно, национализация нефтяной промышленности. Молодая Советская республика остро нуждалась в топливе. 22 мая 1918 года Ленин распорядился выделить из государственной казны сто миллионов рублей для погашения долгов по зарплате бакинским рабочим, добычи нефти и доставке ее в Россию. (Прежде Бакинский совет заставлял капиталистов города платить пятьдесят миллионов рублей, часть которых расходовалась на нужды нефтяной промышленности). Нефтяная промышленность была национализирована по декрету Бакинского Совнаркома. В результате между ним и бывшими владельцами, без которых нельзя было эффективно управлять промышленностью, возник конфликт. Большевики и эсеры выступали против национализации, но Москва поддержала меры Шаумяна, и оппозиция вынуждена была умолкнуть после того, как несколько нефтепромышленников были заключены в тюрьму.

Национализация нефтяной промышленности стала знаменательным событием в истории Баку. Это было торжество советской политики в тот момент, когда большевики достигли апогея своей власти. Долгий и мучительный путь был пройден с того дня, когда Шаумян был впервые избран председателем Бакинского совета, до того момента, когда он подписал декрет о национализации. От положения партии меньшинства в Совете большевики возвысились до того, что получили *“монополию власти”* и стали полновластными хозяевами Баку. Нигде в Закавказье большевики не смогли добиться столь весомых результатов. В свете этих событий последующее падение Бакинского совета приобретает особо важное значение.

ГЛАВА V

ЗАКАВКАЗЬЕ НА РАСПУТЬЕ

Отношение Америки

Для западных держав осенью 1917 года Закавказье было не чем иным, как фронтом в войне против Турции. Когда американский консул в Тифлисе Смит после ноябрьской революции отправил первую телеграмму в Государственный Департамент, он прежде всего подчеркнул то, что большинство местного населения и армия отказались следовать за большевиками. *“Но, – добавил он, – я сомневаюсь в их способности продержаться более пяти дней без финансовой поддержки, оказание которой представляет жизненный интерес для союзников”*.

Спустя девять дней другая телеграмма от Смита уведомляла Государственный Департамент о том, что Баку в руках большевиков, однако в других местах Закавказья большинство населения и их руководители решительно настроены не признавать большевистское правительство и не подписывать сепаратного мира.

Американский консул подчеркивал в своих донесениях тот факт, что Закавказье является в финансовом отношении банкротом и что лишь иностранный заем или субсидия могут спасти регион от полного краха.

Здесь следует сказать несколько слов об отношении США ко всякого рода вмешательствам в дела России в революционный период. Правительство США настолько решительно было настроено против какого-либо вмешательства, что еще 26 ноября 1917 года Государственный секретарь Лансинг телеграфировал американскому консулу в Тифлисе относительно предполагаемой финансовой помощи местным властям: *“Пожалуйста, сообщите, каким образом при описанных Вами условиях предлагаемая Вами финансовая помощь не будет способствовать распаду России или гражданской войне. Госдепартамент не может поддерживать тенденции ни в одном из этих направлений”*.

На следующий день в телеграмме полковнику Хаусу, советнику Вильсона, Лансинг сообщал: *“Американскому консулу в Тифлисе*

не следует предоставлять полномочий признавать правительство де-факто, пока не станет ясно, что такой шаг не приведет к распаду России или гражданской войне”.

Отвечая Лансингу, полковник Хаус писал, что премьер-министры Франции, Англии и Италии склонны оказать поддержку движению в Закавказье, однако он лично считает опасным поощрять внутренние беспорядки. Американский консул в Тифлисе был свидетелем распада Кавказской армии, видел слабость Закавказского Комиссариата и старался оказать помощь, однако отношение его правительства к этим событиям мешало ему в полной мере действовать в этом направлении. Донесения французских, английских агентов были менее оптимистичны, чем донесения Смита. Англичане и французы решили, что ничего нельзя сделать, чтобы помешать турецко-немецкому проникновению в Закавказье, и что все, что могут сделать союзники, это создать такую ситуацию в этом регионе, чтобы противник не смог эксплуатировать его экономически. Подобное отрицательное отношение союзников стало основой их официальной политики в Закавказье.

Усиление сепаратистских тенденций

Между тем Закавказье продолжало отдаляться от России. В начале декабря в Тифлисе состоялся первый Грузинский национальный съезд.

Ной Жордания произнес речь, в которой требовал местного самоуправления. Однако ни слова не было сказано относительно отделения от России. Жордания напомнил своим слушателям, что век тому назад перед Грузией стояла дилемма: выбрать либо Восток, либо Запад. “Но путь на Запад лежал через Россию, поэтому движение на Запад означало объединение с Россией”. В продолжение всего XIX века Грузия страдала от российского гнета, и все же ни одна политическая партия не настаивала на отделении. Все понимали, что, если обстановка в России улучшится, Грузия только выиграет. *“Теперь, – сказал Жордания, – перед Грузией вновь встала та же самая дилемма; и снова выбор должен пасть на Россию. Однако в настоящее время Россию раздирает анархия, что принуждает Грузию установить в стране автономный режим до тех пор, пока не будет решена судьба всей России”.* Лишь один намек, сделанный Жордания, обнаружил сепаратистские тенденции со стороны Грузии, а именно – предложение создать и усилить национальные воинские части. Закавказский сепар-

ратизм проявился до некоторой степени и в отказе признать большевистское правительство, в уверенности, что грузины, армяне и азербайджанцы смогут управлять самостоятельно до той поры, пока не будет восстановлена демократическая Россия. Здесь следует добавить, что большевики, как считали Жордания и его друзья, не удержат власть, Учредительное собрание положит конец их диктатуре и сформирует правительство, в состав которого войдут представители различных партий. Создание и вооружение отдельных армянских, азербайджанских и грузинских воинских частей было гораздо важнее всех речей и деклараций. Вследствие сложившихся обстоятельств народы Закавказья были вынуждены действовать независимо от центрального правительства, власть которого они не признавали. Заявляя о своей лояльности к России, армяне, грузины и азербайджанцы на деле стремились создать самостоятельные государства.

Первым крупным шагом Закавказского комиссариата, который можно рассматривать как акт суверенного правительства, было вступление в переговоры с Турцией. 4 декабря 1917 года Комиссариат собрался, чтобы обсудить предложение турецкого военкомандующего Фарик Вехиб паши относительно заключения перемирия на Кавказском фронте. Комиссариат решил принять предложение с тем условием, что никаких стратегических перегруппировок производиться не будет. Это было сделано с тем, чтобы защитить британскую армию в Месопотамии. Как только решение было принято, главнокомандующий Кавказской армией встретился с французским и английским военными представителями и сообщил им о предложении Вехиб паши, а также о том, что Комиссариат принял это предложение с условием, имеющим целью обеспечить безопасность британской армии в Месопотамии. Представители союзных держав выразили протест в связи с принятием столь важного решения без согласования с ними.

Эрзинджанское перемирие

В тот же день командующий Кавказской армией генерал Пржевальский сообщил Вехиб паше о решении Комиссариата. Через несколько дней небольшая закавказская делегация, включающая двух социал-демократов и одного дашнака, прибыла в Эрзинджан. 18 декабря 1917 года было заключено перемирие. В соответствии с ним предписывалось немедленно приостановить военные

действия, провести разделительную линию между двумя армиями на основе их расположения на момент подписания перемирия. Не допускалось никаких стратегических перегруппировок, особенно подчеркивалось, что турки не должны перебрасывать войска с Кавказа в Месопотамию. Предусматривалось также известить другую сторону заранее за две недели в том случае, если одна из сторон сочтет необходимым прервать перемирие, в противном случае оно будет длиться до подписания общего мирного договора.

Два процесса происходили одновременно на протяжении осени и зимы 1917–1918 гг. Первым было формирование национальных войск, вторым, и более важным, расформирование российской Кавказской армии. Уже в декабре 1917 года командующий Кавказским фронтом отдал приказ о формировании армянского армейского корпуса в составе трех пехотных дивизий, бригады кавалерии и территориальных полков. Основная причина данного мероприятия заключалась в расформировании российской армии и вытекающей из этого необходимости заменить ее такими силами, которые были бы надежными и готовыми не сдать позиций туркам.

После ноябрьской революции российская армия прекратила существование как действенная боеспособная сила. У ее солдат было одно лишь желание – вернуться домой. В своем стремительном бегстве с фронта они часто терроризировали армян, принуждая их к дезертирству. Эта лавина грозила поглотить Закавказье, руководители которого должны были действовать быстро, чтобы предотвратить разграбление городов и падение их режима. С этой целью был учрежден Национальный военный совет, в котором были представлены армяне, грузины и азербайджанцы. Национальный военный совет был единственным органом, который имел в своем распоряжении войска, поэтому ему пришлось встать на защиту Закавказья от новой угрозы.

Шамхорские события

Когда в январе 1918 года большая, воинственно настроенная группа российских солдат возвращалась с фронта по железной дороге, Национальный военный совет решил разоружить их. Грузинский меньшевик Ной Рамишвили, позднее член правительства независимой Грузии, отдал приказ приступить к акции. Солдаты были заблокированы возле селения Шамхор, и когда они отка-

зались сдать оружие, на них напал азербайджанский отряд. На основе имеющегося в настоящее время материала невозможно установить, кто первым открыл огонь, но факт остается фактом, что произошло столкновение, в ходе которого погибли несколько сот человек. Тысячи русских солдат были разоружены и отправлены по домам.

Большевики непременно воспользовались шамхорским конфликтом в пропагандистских целях. Они известили возвращающиеся с фронта эшелоны о том, что дорога на Тифлис небезопасна из-за нападений контрреволюционеров. Шамхорский инцидент потряс общественное мнение до такой степени, что те, на ком лежала ответственность за произошедшее, всячески пытались отрицать свою причастность к этому делу.

На сессии Краевого совета в Тифлисе командующий меньшевистской Красной гвардией Валико Джугели обвинил Рамишвили в провоцировании этого преступления. Рамишвили отверг обвинение, и произошел следующий обмен репликами:

Рамишвили: – Джугели – клеветник и злопыхатель.

Джугели: – А Ной Рамишвили – лжец.

Рамишвили (повторяет): – Джугели – клеветник.

Джугели: – Я прошу не наносить мне оскорбления.

Рамишвили: – Я утверждаю, что все, что сказал Джугели, является клеветническим измышлением и что Джугели – клеветник.

Джугели: – А вы негодяй и мерзавец, и я буду относиться к вам соответственно.

Мирные предложения Турции

После того как российские солдаты покинули фронт, он остался фактически оголенным.

Армяне стояли на левом фланге, грузины – на правом. При таких условиях письмо, полученное грузинским командующим генералом Одишелидзе от Вехиб паши, гласящее, что Энвер паша хотел бы знать, каким образом можно установить связь с “независимым кавказским правительством” с целью заключения мира, было более чем желательным. В том же письме Вехиб паша предлагал послать делегацию в столицу Закавказья. Два дня спустя (16 января 1918 года) Вехиб паша написал еще одно письмо генералу Одишелидзе, на этот раз приглашая представителей Закавказья на мирную конференцию в Брест-Литовске и обещая сде-

дать все возможное для того, чтобы облегчить признание нового государства. По некоторым причинам это письмо было получено в Тифлисе лишь в середине февраля. Закавказский Комиссариат не мог прийти к соглашению по поводу ответа на первое предложение Вехиб паши. Нерешительность Комиссариата была обусловлена не только трудным положением, в котором оказалось Закавказье, но и долейностью к "Империи", чувством определенного единства с "Российской революционной демократией". Так и не приняв решения, Комиссариат обратился в Краевой совет, который обсудил турецкое предложение и составил проект ответа Вехиб паше. Он гласил, в частности: *"...будучи составной частью Российской Республики, мы можем начать переговоры, только получив полномочия от Учредительного собрания, созванного недавно"*. Этот ответ так и не был отправлен, однако он помогает понять настроение закавказских советских руководителей, которые все еще надеялись, что большевики в конце концов отдадут власть, которую они завоевали. Он показывает также, что Совет считал Закавказье частью России, подчиняя тем самым национальные чувства некоторых его членов социалистической идее единства рабочего движения.

Надежды на то, что Учредительное собрание восстановит единство "революционной демократии", были развеяны январскими событиями, когда оно было распущено. Резолюция Закавказского Краевого совета гласила в этой связи: *"Роспуск Учредительного собрания порвал последнюю нить, которая могла бы соединить Россию и Всероссийскую революционную демократию... Роспуск Учредительного собрания снова развязал руки Закавказью"*.

Теперь, когда меньшевикам стало ясно, что большевики не собираются выпускать власть из своих рук, Закавказский Краевой совет решил создать сильное правительство, "способное поддерживать революционный порядок в стране и провести реформы".

Турки не могли долго ждать ответа на свое мирное предложение. На территории, завоеванной русской армией и теперь занятой грузинскими и армянскими войсками, мусульманское население преследовалось армянами, жаждущими мести. Вехиб паша обратил внимание генералов Одишелидзе и Пржевальского на страдания, причиняемые мусульманам. Он привел примеры, когда мусульман сжигали живьем, и другие аналогичные зверства. Очевидно, Одишелидзе признал, что такие зверства действи-

тельно имели место, потому что в другом письме Вехиб паша благодарил его за обещание защитить мусульман от армян. Но резня продолжалась, как и раньше. 15 и 16 января в Эрзинджане армянами были убиты несколько сот мусульман. (Вехиб паша приводил цифру в 1500, а Одишелидзе – 200 погибших).

Заботу, которую турки проявляли в отношении мусульман, не следует рассматривать лишь как акт филантропии. Вероятнее всего, она была использована в качестве предлога для нарушения декабрьского перемирия. Такая точка зрения подтверждается, если рассмотреть ответ, который Закавказский Комиссариат дал, наконец, на турецкое мирное предложение. В нем отмечалось, что Закавказье, в принципе, с ним согласно, но должно будет согласовать свои действия по данному вопросу с другими автономными областями на территории Российской Республики. 29 января 1918 года комиссар внешних дел Закавказья Евгений Гегечкори сообщил правительствам Украины и Юго-Восточного Союза о турецких мирных предложениях и пригласил их на конференцию, назначенную на 14 февраля 1918 года в Тифлисе, для выработки общей политики. Ни одно из двух правительств не приняло приглашения. Украина направила делегацию в Брест-Литовск, тогда как Юго-Восточный Союз отказался принять участие в переговорах с врагом. Закавказье было изолировано и должно было самостоятельно противостоять туркам.

Турция нарушает перемирие

12 февраля Турция еще раз направила жалобу на действия армян, заявив, что турецкая армия не может оставаться безучастным свидетелем убийств. Вехиб паша приказал своей армии наступать. Закавказские части пытались оказать сопротивление, но армяне, искусные в уничтожении мирного населения, оказались плохими воинами, когда дело дошло до настоящей войны. Армянский генерал Андроник, ответственный за оборону Эрзерума, не мог предотвратить массового бегства. Несмотря на численное превосходство, армяне сдали Эрзерум почти без боя.

Закавказский Комиссариат не мог еще принять решения и проводить определенную линию в отношении войны. В конце концов он передал данную проблему на рассмотрение Сейма, закавказского парламента, открытие которого было назначено на 23 февраля в Тифлисе.

Создание Сейма

Закавказье уже давно испытывало необходимость в законодательном органе, который мог бы решить круг вопросов, вытекающих из новой, трудной ситуации. В результате был создан Сейм. Специальные выборы не проводились. Список кандидатов во Всероссийское Учредительное собрание был признан списком кандидатов в Сейм. Число голосов, полученных каждой партией на выборах в Учредительное собрание, признавалось как число голосов, поданных за Сейм. Минимум голосов, который кандидат должен был получить, чтобы быть избранным, сократился в три раза по сравнению с минимумом, который требовался на выборах в Учредительное собрание с тем, чтобы увеличить число избираемых.

Номинально Сейм состоял из представителей десяти политических партий: меньшевиков, кадетов, эсеров, дашнаков, социал-федералистов, национал-демократов, мусаватистов, иттихадистов (эта группа была известна также и как Партия мусульман России), мусульманских социалистов, гумметистов; но в действительности он состоял из представителей трех основных этнических групп Закавказья. Меньшевики и "Мусават" были крупнейшими фракциями Сейма, имевшими по тридцать мест. "Дашнакцутюн" имел двадцать семь мест. Другие партии имели незначительное число депутатов (кадеты – 1, эсеры – 6, "Гуммет" – 3 и т.д.).

Большевики выступили против создания Сейма. Опасаясь возможных вспышек насилия, Закавказский Комиссариат закрыл большевистские газеты, которые тотчас появились под другими названиями. Противодействие большевиков этим, однако, не ограничилось. В день открытия Сейма, 23 февраля 1918 года, они организовали грандиозный митинг в Александровском саду в Тифлисе. Были выставлены красные флаги, выкрикивались антиправительственные лозунги. Когда полиция приказала демонстрантам разойтись, толпа не подчинилась, и по ней был открыт огонь из пулеметов. Этот инцидент наложил темное пятно на вновь созданный Сейм. Специальная комиссия, расследовавшая этот инцидент, доложила Тифлисскому совету, что стрельба была открыта не по приказу начальника отряда полиции, а явилась невольной реакцией на выстрелы, произведенные из толпы. На основании этого доклада Тифлисский совет возложил всю вину за инцидент на большевиков, организаторов и руководителей митинга.

Первую сессию Сейма открыл Чхеидзе, который осудил “вредную, неудачную иллюзию” большевиков относительно того, что можно избежать “огненного кольца войны”, придя к соглашению с Германией. Подобную речь можно было бы расценить как подтверждение желания продолжать войну до победного конца, если бы не тот факт, что в тот же день поступило еще одно предложение о мире от Вехиб паши, которое было благожелательно принято Сеймом, тем более что военные круги заявили об отсутствии сил, способных сдерживать турок.

Дебаты по вопросу о мире заняли несколько дней, во время которых большинство видных членов Сейма имели возможность выразить свое мнение. Одна из самых замечательных речей была произнесена руководителем закавказских социал-демократов Ноем Жордания. Русская революция, сказал он, буржуазна по своему характеру и только вызовет реакцию, если будут пытаться превратить ее в нечто иное. Он повторил марксистский тезис о том, что социалистическое общество может возникнуть только из недр буржуазного. Закавказье мечтало работать вместе с русской демократией, но эта мечта не сбылась, так как переговоры в Брест-Литовске порвали последние узы между Закавказьем и Россией. Теперь Сейм должен стать Учредительным собранием.

Первой его обязанностью будет заключение мира с Турцией, но не такого, который большевики заключают с немцами, ибо лучше умереть с честью, чем быть проклятым последующими поколениями. В заключение Жордания предложил сформировать самостоятельное правительство Закавказья с целью спасти регион от реакции, которая примерно через год будет угрожать с севера.

Сейм голосует за мир

1 марта особый комитет Сейма в составе представителей всех партий и национальных групп пытался определить принципы, на основе которых можно было бы заключить мир с турками. Александр Хатисян представил требования армян. Армяне хотели образования автономной Армении в пределах Турции в составе шести восточных вилайетов. *“После отделения Закавказья от России добрососедские отношения между армянами и Турцией стали вполне возможными”*. Развивая эту мысль, он сказал, что условия изменились настолько, что перед Турцией открылись новые перспективы. С распространением социализма в Малой

Азии может даже случиться, что Закавказские республики войдут в Турецкую федерацию. Ссылаясь на речь, которую накануне произнес Жордания, Хатисян указал на значительные изменения в позиции меньшевиков. Из этой же речи он сделал вывод, что общее положение таково, что народы Закавказья могут получить возможность образования независимых республик Грузии, Армении и Азербайджана.

“Я заявляю категорически, что армяне являются самыми лояльными гражданами Турции и отразят все угрозы целостности Османской империи, откуда бы они ни исходили. Вопрос о турецкой Армении всегда был международным вопросом; но если мы теперь решим его удовлетворительно, то он перестанет быть таковым”.

Подобный поворот в тридцатилетнем умонастроении армян, так явно выразившийся в речи Хатисяна, был потрясающим, почти невероятным. Что заставило армянского представителя, члена Сейма произнести такие слова? В течение ряда поколений его народ тянулся к России, от которой они ожидали помощи и защиты от турок. Именно с ней они связывали свои надежды и мечты; и вдруг, по-видимому, непреодолимое течение снесло скалу, за которую держался этот народ. Одолеваемые врагами и оставленные один на один с надвигающимся противником, армяне почувствовали, что почва уходит у них из-под ног.

В момент отчаяния и страха люди часто склонны верить в самое худшее. Как мог этот народ сохранить веру в полную победу Антанты, когда Россия, могущественнейший из союзников, уже вела переговоры об унижительном мире с Германией? Теперь армянам, как и грузинам, казалось, что с выходом России из войны Германия сможет сосредоточить свои силы на западе, где дополнительные ресурсы с востока помогут ей нанести последний удар. Поэтому, казалось, единственным путем для поддержания существования было прийти к соглашению с турками, какими бы тяжелыми условия ни были. Однако было очень трудно признать поражение, встать и объявить армянскому народу, что их надежды не оправдались и что будущее не сулит им ничего, кроме вечного подчинения вечным хозяевам. Нежелание признать, что все потеряно, может быть, и побудило Хатисяна сказать, что социализм распространяется и в Малой Азии, утверждение в столь же степени фантастическое, сколь и необоснованное.

В тот же день, 31 марта, совместное заседание Сейма и Закавказского Комиссариата единодушно приняло следующие предложения по вопросу о мире с Турцией:

1. Сейм правомочен заключить мир;

2. Сейм считает своей задачей заключить окончательный мир с Турцией;

3. Мирный договор с Турцией должен быть основан на восстановлении границ 1914 года;

4. Закавказская делегация будет стремиться обеспечить самоопределение для Восточной Анатолии, и прежде всего обеспечить автономию турецкой Армении в пределах Турции.

Единственный член Сейма от кадетской партии Семенов предложил, чтобы союзники были приглашены для участия в предстоящей мирной конференции. Принять предложение Семенова было явно невозможно, потому что ни Франция, ни Англия не согласились бы вести переговоры с турками, да и последние не явились бы на конференцию, на которой присутствовали бы французы или англичане. На вопрос Семенова, информированы ли союзники о решении Закавказья заключить мир, ответил комиссар внешних сношений Гегечкори, который заявил, что Комиссариат никогда не скрывал своих действий, отметив при этом, что “представители союзных держав были информированы таким же образом, как и вся публика, которая читает газеты”. Семенов выступил также против второго пункта декларации на том основании, что окончательный мир может быть выработан только общеевропейской мирной конференцией. Кажется, Семенов, как русский, не был заинтересован в содействии выработке приемлемых принципов, на основе которых можно было бы заключить договор, поэтому старался сорвать всякую попытку в этом направлении. Позднее он признал в своих воспоминаниях, что его оппозиция привела только к еще большему сплочению всех остальных членов Сейма.

Брест-Литовский договор

2 марта Закавказская делегация была готова отправиться в Трапезунд, город, избранный для ведения переговоров, когда поступила телеграмма от Карахана, члена российской делегации в Брест-Литовске, о том, что Россия решила принять условия Германии и подписать договор, по которому, кроме территории на западе, Турции отходили районы Карса, Ардагана и Батума.

Из всех закавказских народов армяне теряли больше всех по Брест-Литовскому договору. Они чувствовали, что их предали. Всего два месяца назад Совет народных комиссаров обнародовал декрет, провозгласивший право турецкой Армении на национальное самоопределение. В четырех параграфах этого декрета подчеркивалось, что для осуществления этого права существенными являются вывод всех войск из турецкой Армении и обеспечение безопасности ее населения силами армянской милиции, разрешение беженцам и ссыльным лицам вернуться в свои дома и создание временного правительства турецкой Армении в форме Совета. В том же декрете говорилось, что Чрезвычайный комиссар Кавказа Шаумян будет содействовать осуществлению программы, намеченной Советом народных комиссаров. К декрету прилагалось примечание о том, что границу между турецкой Арменией и Грузией должны определить демократически избранные представители смежных оспариваемых районов, мусульмане или другие, в сотрудничестве с Шаумяном. Этот декрет, подписанный Лениным и Сталиным, теперь совершенно игнорировался самими русскими.

Армянская община Петрограда заявила протест советскому правительству против условий Брест-Литовского договора, который сделал бы участь Армении еще хуже, чем до войны. Армянские общины других российских городов также направили аналогичные протесты, но безуспешно. Легко себе представить отчаяние армян. Россия согласилась не только эвакуировать в кратчайшие сроки районы Восточной Анатолии, но даже обещала демобилизовать и полностью разоружить армянские добровольческие отряды как в России, так и на турецкой территории, занятой Россией во время войны. Конечно, такое обещание Россия едва ли могла бы сдержать, так как у нее не было никаких вооруженных сил в Закавказье во время подписания Брест-Литовского договора. Но соглашение оказало сильное психологическое воздействие на армян, которые теперь почувствовали себя в еще большей изоляции, чем прежде. В свете этих событий речь, произнесенная Хатисяном на заседании Особого Комитета Сейма, представляется более понятной, чем казалось на первый взгляд.

Как только телеграмма Карахана была зачитана, Закавказский Комиссариат направил решительный протест в Петроград, Берлин, Константинополь, Вену, Киев, Вашингтон, Лондон и Париж,

заявив, что договор, касающийся Закавказья, но заключенный без его согласия, не будет принят как юридическое обязательство.

Трапезундская конференция

Закавказская делегация, отъезд которой был отложен, когда телеграмма Карахана известила о подписании Брест-Литовского договора, 7 марта, наконец, покинула Тифлис. Она прибыла к месту назначения вечером 8 марта, однако турецкие власти не разрешили ей сойти на берег, так как хотели сначала разоружить охрану из пятидесяти человек. Делегация не допустила этого, поэтому оставалась на борту корабля до тех пор, пока не прибыла турецкая делегация. Если бы турки прибыли на день позже, они бы не застали там Закавказской делегации. Прождав хозяев три дня, она была готова к отплытию. 12 мая состоялась предварительная встреча двух делегаций. Через два дня конференция была открыта официально.

Закавказскую делегацию возглавлял Акакий Чхенкели (грузинский меньшевик). Членами делегации были: Г.В.Гвазава (грузинский национал-демократ), Г.М.Лахишвили (грузинский социал-федералист), Г.Абашидзе (грузин-беспартийный), А.И.Хатисян (дашнак), Р.И.Качазнуни (дашнак), М.Х.Гаджинский (мусаватист), И.Гейдаров (мусаватист), М.Ю.Мехтиев (мусульманский меньшевик) и Шейх-уль-исламов (мусульманский меньшевик). Сообщают, что когда Закавказская делегация высадилась в Трапезунде, один турок сказал, что если это все население Закавказья, то оно действительно очень невелико, но если это лишь делегация, то слишком велика.

Еще до открытия конференции Вехиб паша просил Закавказье освободить территории, переданные Турции по Брест-Литовскому договору, добавив, что из-за непрекращающихся зверств армян его войска вынуждены будут продвинуться вперед.

На это председатель Сейма Чхеидзе ответил из Тифлиса, что Закавказье не признает правительство Советской России и мир, который оно заключило в Брест-Литовске. После этого Чхеидзе передал турецкие требования на рассмотрение Сейма. Разгорелись дискуссии.

Обращаясь к своим коллегам, Жордания сказал, что демократия всегда была заинтересована в мире. *“Но я должен сказать вам, – продолжал он, – что не всякий мир приемлем для демократии. Мы не большевики, которые делают людей счастливыми*

на словах и предают их на деле. Но мы и не толстовцы, которые оказывают непротивление злу насиллием". По словам Жордания, демократия добивается мира без аннексий и контрибуций. Батум, сказал он, является для Закавказья тем же, что Петроград для России или Смирна (Измир) – для Турции, тогда как Карс – это единственная крепость, способная защитить южные границы страны. Закавказье желает мира, заключил свою речь Жордания. *"Но мы можем отстаивать свое право на существование и не унижимся подписанием позорного договора и нанесением своей стране смертельного удара"*.

После Жордания выступил Фатали хан Хойский, азербайджанский лидер, который указал на непоследовательность закавказского правительства, которое в одних случаях действует так, словно Закавказье является частью России, в других - отказывается признать договор, заключенный русскими. Справедливое замечание Хойского вызвало раздраженные реплики эсера Лордкипанидзе и кадета Семенова. Оба призывали к сопротивлению. Меньшевик Гегечкори поддержал их призыв. Но решение опять-таки не было принято.

В то время как дискуссии в Сейме продолжались, турки настаивали, чтобы Закавказская делегация в Трапезунде заявила определенно, кого она представляет. На первом же заседании конференции глава турецкой делегации Реуф бей спросил Чхенкели о форме правления на Кавказе, но не получил ясного ответа, так как Чхенкели и сам не знал, что сказать. Через два дня Оттоманская делегация снова потребовала, чтобы Закавказская делегация разъяснила характер, форму и политико-административное устройство их государства. При этом турки хотели бы узнать, "выполнили ли нынешние власти последние условия, требуемые по международному праву для образования государств". Закавказская делегация ответила, что после ноябрьского переворота центральная власть в Закавказье была упразднена, после чего было сформировано самостоятельное правительство, которое занималось вопросами международных отношений, когда было принято приглашение Оттоманского правительства начать переговоры о мире и когда был заявлен протест против Брест-Литовского договора, поскольку он был заключен без согласия Закавказья. Таким образом, Закавказская делегация утверждала, что она представляет независимое государство, хотя эта независимость особенно не афишировалась.

Турки не преминули отметить, что это не ответ. Юридический статус Закавказья был, в лучшем случае, шатким, на что турецкие дипломаты и поспешили указать. Они согласились с тем, что два государства не могут заключить договор, налагающий обязательства на третье, однако это третье государство должно быть построено в соответствии с международным правом как гарантом его безопасности. Закавказье, однако, не было независимым государством во время подписания Брест-Литовского мирного договора и ничего не сделало с тех пор, чтобы добиться признания со стороны суверенных государств. Что касается неучастия Закавказья в переговорах по Брест-Литовскому договору, турки объяснили это тем обстоятельством, что в то время в Закавказье не существовало независимого государства, поскольку оно считалось частью России. Таким образом, турки заключили, что Закавказье не имеет никаких законных оснований не признавать Брест-Литовский договор.

Перед Закавказьем открылись два пути, после того как турки сделали свой шаг к заключению мира осенью 1917 года: либо провозгласить свою независимость, либо продолжать войну. Вместо того чтобы избрать ту или другую из этих альтернатив, Сейм и его делегация старались убедить турок, что Закавказье является почти независимым государством, как будто с точки зрения международного права есть такое понятие, как “почти независимость”. С юридической точки зрения, турки были правы, утверждая, что во время подписания Брест-Литовского договора Закавказье являлось частью России и что признание независимости Закавказья не может быть осуществлено задним числом.

В то время как в Трапезунде происходил обмен нотами и меморандумами, турецкая армия проводила успешные операции в районах Карса и Ардагана. Им оказывали содействие закавказские мусульмане, которые взрывали мосты, сжигали железнодорожные станции и разрушали коммуникации в тылу слабой и небоеспособной Закавказской армии. В Сейме армянский представитель обвинил “Мусават” в предательстве в связи с действиями мусульман, на что представитель “Мусавата” Рустамбеков ответил, что выступления были стихийными и никем не руководились. Ираклий Церетели, известный по Думе и один из видных деятелей мартовской революции, потребовал применения строжайших мер против беспорядков, заявив, что в подобной обстановке между анархией и предательством нет никакой разницы.

19 марта телеграмма с фронта сообщила правительству, что Ардаган захвачен, а армянские воинские части разоружены. Закавказская делегация все еще продолжала отвергать Брест-Литовский договор, отказываясь изменить свою позицию. Она составляла пространные обращения, прибегала ко всякого рода уловкам, забыв о том, что дипломатия всегда является выражением действительного соотношения сил, стоящих за ней. 20 марта турецкая делегация выразила "пожелание, чтобы Закавказье провозгласило свою независимость..." Это было бы лучшим выходом из того тупика, в который закавказские дипломаты завели себя своими маневрами. И вновь турки не получили определенного ответа.

25 марта состоялось совместное заседание правительства и лидеров Сейма. Один из двух армянских представителей в Закавказской мирной делегации, Качазнуни, доложил, что турки считают необходимым провозглашение независимости Закавказья. Им нужно было создание буферного государства между Турцией и Россией, но они не были уверены, сможет ли оно противостоять северной державе, поэтому хотели удержать Карс и Батум за собой. Мусульманский представитель мирной делегации, который тоже присутствовал на заседании, заявил, что если независимость не будет провозглашена, мусульмане не будут поддерживать Сейм. Единственным достижением этого заседания было предоставление чрезвычайных полномочий Чхенкели, главе делегации. Сейм, казалось, осознал, наконец, всю серьезность положения в действительности и был готов пойти на уступки, а вопрос о том, когда и какие именно, был предоставлен на усмотрение Чхенкели.

Прежде чем принять совместное решение относительно того, какие требования турок следует выполнить, Сейм еще раз попытался выяснить возможности получения поддержки со стороны союзных держав против общего врага. Любой беспристрастный военный наблюдатель мог бы сказать им, что бесполезно ожидать помощи от Англии, Франции или США. Неудивительно, что американский консул в Тифлисе Смит получил телеграмму от Государственного секретаря Лансинга, гласящую: *"США не в состоянии поддержать активные военные действия на Кавказском фронте..."* Такой же ответ можно было бы получить от министерства иностранных дел любого другого государства. Невозможно было оказать помощь Закавказью в его плачевном состоянии.

В начале апреля натиск турецких войск усилился. Грузины в окрестностях Батума медленно отступали, тогда как армяне, не получив должной поддержки со стороны русских, которые еще не дезертировали с фронта, вынуждены были уступить Карс. Куда бы ни вступала турецкая армия, тотчас следовали расправы над армянами. Правительство Советской России было вынуждено просить немцев заступиться за армянское гражданское население. Армянский национальный совет также направил обращение президенту Рейхстага, гласящую: *“Ответственность за будущую судьбу Армении всецело падает на Германию, и в ее силах прекратить обычные эксцессы турецких солдат...”*

Мартовские события в Баку создали еще одну угрозу существованию Закавказья. 2 апреля Сейм был информирован о том, что произошло. Рамишвили комментировал, что это является началом большевистского наступления на Тифлис и захвата ими власти в Закавказье. Представитель мусульманского социалистического блока требовал принятия срочных мер против большевиков в Баку, а Расул-заде пригрозил Сейму мусульманским бойкотом, если помощь не будет оказана.

Уступки Закавказья

5 апреля Закавказская мирная делегация сделала свой первый шаг к уступкам, предложив туркам некоторые территории в районах Карса и Ардагана и изменив свои первоначальные требования в отношении положения армян, хотя и отказывалась признать юридическую силу Брест-Литовского договора. К этому времени турки устали от переговоров. Поняв, что можно силой взять то, что Закавказье отказывалось уступить за “круглым столом”, турки предъявили ультиматум, в котором вновь подчеркивалось, что только Брест-Литовский договор может служить основой для дальнейших переговоров, и требовали ответа по истечении восьми часов. Чхенкели рекомендовал в телеграмме своему правительству поставить турок в известность, какие максимальные уступки Закавказье намерено сделать, и принять Брест-Литовский договор лишь тогда, когда все другие средства достичь соглашения будут исчерпаны.

Сейм последовал совету Чхенкели. Через два дня он просил предоставить полномочия на признание Брест-Литовского договора. Он признал, что тактика Закавказской делегации потерпела неудачу, предупреждал, что “страна без власти и дисциплины не

может вести войну”, и настаивал на провозглашении независимости. Этого не было сделано, несмотря на настойчивое требование Чхенкели и турок.

Не дожидаясь дальнейших указаний, Чхенкели дал следующий ответ на турецкий ультиматум: *“Делегации Оттоманской империи: Закавказская мирная делегация в ответ на письмо руководителя Оттоманской делегации от 6 апреля 1918 года имеет честь заявить, что она принимает Брест-Литовский договор и готова вести дальнейшие переговоры на его основе.*

*Председатель Закавказской делегации,
министр иностранных дел А.Чхенкели.
Трапезунд, 10 апреля 1918 года”.*

Позднее некоторые армянские политиканы обвинили Чхенкели и вообще всех грузин в предательстве армянского народа принятием Брест-Литовского договора. Такие обвинения, как явствует из вышеприведенных фактов, были необоснованными. Тем более что армянские члены Закавказской делегации так же выступали за принятие турецких требований, как и грузинские. В тот день, когда Чхенкели направил свое письмо Реуф бею, принимая Брест-Литовский договор в качестве основы для будущих переговоров, Хатисян и Качазнун телеграфировали в Тифлис: *“Мы считаем необходимым обратить самое серьезное внимание партии “Дашнакцутюн” на тот факт, что в данных условиях мы считаем принятие Брест-Литовского договора наименьшим злом”.*

Как только письмо Чхенкели было получено, турки предложили командующему грузинских войск в Батуме покинуть город до полудня 13 апреля 1918 года, добавив, что если предложение будет принято, грузинским войскам будет разрешено сохранить свое оружие, а их жизнь и честь не будут затронуты. Грузин предупреждали, что после 4-х часов дня 13 апреля 1918 года турки получат свободу действия.

Хотя решение Закавказской делегации принять Брест-Литовский договор было единодушным, оно не отражало общего мнения в Тифлисе. На совместном заседании президиума Сейма и представителей парламентских фракций Гегечкори, который был теперь премьер-министром и военным министром, сообщил, что, по мнению военных специалистов, Батум был хорошо укреплен и мог выдержать осаду турок. Ираклий Церетели, которого иногда в шутку, иногда всерьез называли “Златоустом русской револю-

ции”, произнес речь, усыпанную такими фразами, как: “Лучше умереть в бою, чем нанести себе смертельный удар”. Карчикян от дашнаков, Лордкипанидзе от эсеров и Семенов от имени русских меньшевиков поддержали идею сопротивления. Жордания предложил отозвать делегацию из Трапезунда и учредить коллегию из трех лиц для ведения войны. Предложение было принято и предназначалось к представлению в Сейм на следующий день.

Оглядываясь назад, трудно объяснить поведение членов Сейма в апреле 1918 года. Казалось, будто массовая истерия охватила Тифлис, когда большинство населения города, казалось, не замечало реального положения вещей. Когда 13 апреля Церетели заявил в Сейме, что *“турецкий империализм предъявил Закавказской делегации ультиматум признать Брест-Литовский договор. Мы не признаем такой договор. Мы знаем, что в Брест-Литовске был вынесен смертный приговор революционной России и смертный приговор нашему Отечеству, мы никогда не подпишем!”* – его речь была встречена громкими овациями. Церетели обличил немецкий империализм и назвал немецкие штыки единственной гарантией Брест-Литовского договора. Не будучи пророком, Церетели не мог предвидеть, что всего несколькими неделями позже он и его единомышленники будут цепляться за эти самые штыки, как за единственную надежду на спасение. Один за другим члены Сейма повторяли призыв к войне, стройный хор был нарушен одним только голосом мусаватиста Рустамбекова, который заявил, что азербайджанцы не будут воевать со своими братьями по религии, что, конечно, было простой отговоркой, так как азербайджанцы, как шииты, в течение многих веков боролись с турками-суннитами. Иные причины, помимо религиозных, побудили Рустамбекова сделать подобное заявление. У азербайджанцев не было причин бояться прихода турок. Напротив, с помощью турок они надеялись отвоевать Баку у Советов и отомстить за кровь, которая еще не высохла на городских улицах. Мартовские события сделали невозможным сотрудничество “Мусавата” с “Дашнакцутюном”, необузданная ярость которого еще была свежа в памяти каждого мусульманина.

14 апреля Гегечкори телеграфировал Чхенкели с предписанием прервать переговоры и покинуть Трапезунд. Некоторые члены азербайджанской делегации предпочли не повиноваться. В то время как Закавказье официально находилось в состоянии

войны, член его парламента Гаджинский продолжал вести переговоры с противником.

Турецкие войска продолжали продвигаться вперед. Ни протесты правительства Советской России, возложившего ответственность за будущую судьбу армян на Германию, которая одна только могла “предотвратить истребление мирного населения”, как выразились Чичерин и Карахан, ни слабые попытки сопротивления грузинских и армянских войск не могли остановить их победного марша. Сейм опубликовал обращение к народам Закавказья, разъясняя свою политику: *“...нам предстояло выбрать либо позорный мир и порабощение, либо войну... мы сделали выбор без колебаний. Мы не подписали позорный мир”*.

Вечером 14 апреля зал, в котором собрался Сейм, был заполнен до отказа. Огромная толпа стояла на улице. В 8 часов вечера Чхеидзе открыл заседание, хотя места “Мусавата” пустовали до полуночи. Большевик взял слово, предложив, чтобы Закавказье объявило войну Турции. “Дашнакцутюн” и другие партии поддерживали большевиков. От имени “Мусавата” Расул-заде произнес речь. Он заявил, что азербайджанцы не будут активно противостоять туркам, но что “Мусават” не возражает против объявления войны и сделает все возможное, чтобы поддержать правую сторону. Ни он, ни другие мусаватисты не пояснили, какую сторону они считают правой. Таким образом, поставленный на голосование вопрос об объявлении войны был принят единогласно, хотя за этим единодушием не было единства цели. Да и о каком единстве цели могла идти речь в Сейме, в котором “Мусават” обвинял дашнаков в союзе с Советом во время мартовской резни, тогда как самих мусаватистов грузины и армяне подозревали в дружбе и сотрудничестве с турками?

Закавказье объявляет войну

Когда война была объявлена, большевики-члены Сейма и Краевой комитет РСДРП (большевики), которые, несмотря ни на что, сохранили чувство единства с русским революционным движением, опубликовали прочувственное обращение, которое приводится здесь полностью: *“Обращение закавказских социал-демократов к демократам России.*

Товарищи рабочие, крестьяне и солдаты России!

В час смертельной опасности, которая надвигается на нашу землю, мы обращаемся к вам от имени закавказских демократов.

Империалисты Турции, основываясь на Брест-Литовском договоре, предъявили требования, которые сводятся к порабощению Закавказья. Мы не могли принять этих требований, потому что принятие их привело бы к отделению от России всего Кавказа и было бы предательством делу революции. Турция решила добиться удовлетворения своих требований силой оружия и двинула свои полки против нас. Великая опасность угрожает Закавказью. И в этот час вы, наши братья по великой революционной борьбе, должны прийти нам на помощь.

Мы сражались вместе с вами на баррикадах 1905 года. Вместе с вами мы боролись против царизма, вместе с вами томились в тюрьмах, на каторге, в ссылке. Мы вместе радовались в дни триумфа революции, вместе страдали в дни поражений; общая надежда освещала наш путь вперед. И теперь наши отряды, преграждая путь войскам турецкого султана, защищают в то же время знамя русской революции.

Мы исполнили свой долг до конца. Но наши силы могут иссякнуть. Вы богаче нас хлебом, оружием, людьми и деньгами. Мы ждем от вас помощи и содействия.

Откликнитесь на наш призыв, рабочие, крестьяне и солдаты России, и мы вместе станем защищать от врага красное знамя великой русской революции и нашу свободу!"

Ответа не последовало. А в Армавире группа из тридцати восьми грузин, отправлявшаяся из России в Тифлис на защиту Закавказья от турок, была арестована, обвинена в контрреволюции и расстреляна без суда и следствия.

15 апреля в Константинополе было опубликовано сообщение о том, что Батум взят. Некоторые крепости вынуждены были сложить оружие, не сделав ни единого выстрела, другие оказали сопротивление. В тот же день коммюнике грузинского командующего Батумским фронтом подтвердило турецкое сообщение. К великому сожалению, стало очевидно, что население Аджарии (мусульманской Грузии, главным городом которой является Батум) помогало туркам. Аджары разрушали железнодорожное полотно, подрывали составы и проводили партизанские операции, которые усиливали беспорядок в тылу, внося страх и панику в ряды оборонявшейся армии.

Карс занимал ключевую позицию в обороне Закавказья. Город пользовался репутацией первоклассной крепости, практически

неуязвимой перед штурмом, могущей быть сломленной лишь после длительной и систематической осады. Оборону города обеспечивали семь батальонов армянской пехоты (около 3000 человек), которые должны были удерживать фронт протяженностью примерно 25 км, и восемь артиллерийских батарей (около 80 офицеров и 1700 рядовых), составленных в основном из пехоты и малообученных. Войска обороны располагали одной сотней полевых орудий, двенадцатью 15-дюймовыми орудиями, размещенными на фортах, а также семьюстами старинными бронзовыми пушками и сотней орудий образца 1877 года; но из-за недостатка орудийных расчетов не все из них могли быть использованы. 19 апреля турецкая попытка штурмовать Карс была отбита. Главнокомандующий генерал Лебединский считал, что есть надежда продержаться еще долгое время.

Вопрос о независимости

Вопрос о независимости обсуждался несколько раз. Еще 28 февраля грузинский национал-демократ Гвазава в ответ на переговоры в Брест-Литовске предлагал провозгласить независимость Закавказья. Если бы в то время последовали его совету, может быть, страна избежала бы многих бед, но в феврале Гвазава оказался в одиночестве.

В середине марта по этому вопросу разгорелись горячие споры, в ходе которых Жордания выразил основную мысль. Он сказал, что на протяжении сотен лет Закавказье было сильным благодаря России, но теперь, когда меч выпал из рук России, Закавказье должно полагаться только на самое себя в деле спасения. Теперь перед лицом турецкой угрозы, продолжал он, единственным источником силы является единство всех народов Закавказья, большинство которых составляют мусульмане. Он признал, что мусульмане следуют турецкой ориентации, тогда как грузины и армяне склоняются к России, и пытался примирить две тенденции, наметив среднюю линию. Средняя линия означала независимость, с которой, хотя и неохотно, Жордания готов был согласиться.

Возражая Жордания, кадет Семенов указал, что вопрос о независимости следует рассматривать с общей точки зрения войны. Ввиду того, что независимость Закавказья была выгодна для Германии, то провозглашение независимости будет означать не

выход из войны, а просто изменение позиции сторон. Никакого решения принято не было, и вопрос остался нерешенным. В конце марта он обсуждался вновь, и Сейм проголосовал “категорически и бесповоротно” против независимости.

В апреле обстановка изменилась настолько, что Сейм полностью пересмотрел свою прежнюю точку зрения. 22 апреля меньшевик Ониашвили заявил в Сейме, что реакция и анархия в России вынуждают Закавказье искать новой ориентации. Отделение от России, подчеркнул он, является необходимым.

Расул-заде, который выступал следующим, отметил, что от революции ждали, что она принесет свободу народам России, а вместо этого она принесла еще большее угнетение, чем было даже при деспотам. Он предупреждал о “северном империализме”, который внесет смятение в ряды закавказской демократии, если теперь не будут предприняты какие-нибудь меры. Закавказье должно защищаться. Его нельзя приносить в жертву России, которая ничего не предлагает, кроме реакции. Георгадзе, речь которого последовала за выступлением Расул-заде, поддержал лидера “Мусавата”, но эсер Туманов указал, что к независимости вынуждает Закавказье турецкий империализм. Поэтому выбор лежал не между Россией и независимостью, а между Россией и Турцией. В этом месте его прервал Гаджинский, который выкрикнул: “Какое отношение имеет к этому Турция?” Не обращая внимания на замечание Гаджинского, Туманов продолжал: “Я говорю, что российская ориентация означает революционную ориентацию”. Его слова были встречены аплодисментами со стороны одних и выкриками: “Большевистская ориентация” – со стороны других.

Когда следующий оратор взял слово, стало ясно, что эсеры сами не были единодушны в вопросе о независимости. Лордкипанидзе сказал, что он представляет противоположную фракцию эсеров, по мнению которых необходима независимость. Он указал, что те, кто возражает против независимости, выступают за продолжение войны с Турцией, что нелогично, так как сама Россия уже заключила мир с Турцией в Брест-Литовске. Лордкипанидзе, кроме того, выступил с нападками против Семенова, которого он называл представителем русского офицерства и бюрократии, обещавших защищать Закавказье, а теперь, когда их помощь действительно необходима, хотят покинуть страну.

Провозглашение независимости

Заявление дашнака Качазнуни в пользу независимости решило исход дела, так как “Мусават” давно уже стоял за нее. Однако дебаты продолжались еще несколько часов. Когда предложение Ониашвили о том, что *“Закавказский Сейм решил провозгласить Закавказье независимой Демократической Федеративной Республикой”* было поставлено на окончательное голосование, большинство проголосовало за него. Таким образом, без фанфар, в обстановке противодействия и сумятицы Закавказье стало независимым государством.

Как и следовало ожидать, реакция на провозглашение независимости была различной в разных кругах. Закавказский Краевой Совет одобрил постановление Сейма, признав, что оно открывает единственный выход из военного и политического тупика, вызванного угрозой “империалистического юга и анархического севера”. Выступая на страницах “Правды”, Сталин, с другой стороны, писал, что *“объявление Сеймом независимости Закавказья, призванное развязать руки Тифлисскому “правительству”, на самом деле бросило его в ловушку международных хищников”*. Он предсказывал, что независимость тифлисских меньшевиков ведет их к союзу с германо-турецкими империалистами против российской революции. *“Закавказское население, - писал Сталин, — против отделения от России. Недаром наиболее совестливые из меньшевиков, Жордания, Церетели и даже (даже!) Гегечкори, умыли руки, предоставив эту грязную работу наиболее неразборчивым из меньшевиков”*. “Мусават” торжествовал. Дашнаки хранили неловкое молчание, не зная, что их ждет впереди, и опасаясь турок.

Как только независимость была провозглашена, Сейм уполномочил Чхенкели сформировать правительство. Но это было сделано заранее, и Сейм воспользовался возможностью проголосовать за новый кабинет, будущий премьер-министр телеграфировал Вехиб паше, что независимая Закавказская республика принимает условия Брест-Литовского договора и намерена направить делегацию в Батум, как самое удобное место для мирных переговоров, на период проведения которых он просил приостановить военные действия. Эта телеграмма была передана Вехиб паше через генерала Назарбекова, которому было приказано прекратить огонь и войти в контакт с турками с целью заключения перемирия. Приказ был подписан военным министром генералом

Одишелидзе. Приказ прекратить огонь был отдан войскам еще до того, как было достигнуто соглашение с турками, таким образом Закавказье являлось удобной мишенью для удара, вздумай турки нанести его. Армянский офицер российской армии, генерал Корганов, доказывал, что приказы в действительности исходили от частных лиц, так как они были получены 23 апреля, тогда как правительство Чхенкели было сформировано не ранее 26 апреля, когда его представили Сейму и оно получило вотум доверия.

Теперь, когда Закавказье приняло Брест-Литовский договор, его войска должны были покинуть Карс, самую укрепленную крепость Закавказья. Чхенкели и Одишелидзе отдали приказ генералу Назарбекову подготовиться к эвакуации, тогда как Чхенкели телеграфировал Вехиб паше, что все турецкие условия для заключения перемирия приняты.

Эвакуировать Карс было сложным и трудным делом, на которое требовалось, по крайней мере, две недели, но турки продолжали оказывать давление, отказавшись предоставить необходимое время. В одних случаях приказ о прекращении огня поступил с опозданием, в других – его не приняли во внимание, так что малые бои продолжались под Карсом даже после того, как было заключено перемирие.

Когда весть о сдаче города достигла его жителей, сразу же начался массовый отъезд христианского населения. Армян охватила паника. Турки стояли у самых стен города, и целый день можно было слышать стрельбу. В общей суматохе несколько зданий загорелось или было подожжено. В зловещем свете пожарищ бегущие толпы представляли удивительное зрелище. В повозках, верхом на конях, но большей частью пешком тысячи мужчин и женщин устремились из осажденного города, унося на спине своих детей и самые ценные вещи. Те, кто был слишком стар или болен, чтобы идти пешком, остались в городе. 25 апреля в 9 часов вечера первая турецкая колонна вступила в город, который Оттоманская империя тридцать лет тому назад сдала России.

Первое правительство Закавказья

В то время как турки праздновали свою победу, независимое Закавказье формировало свое первое правительство. 26 апреля Чхенкели, который, кроме поста премьер-министра, исполнял обязанности министра внешних дел, сформировал свой кабинет, который включал:

Н.В.Рамишвили	министр внутренних дел
А.И.Хатисян	министр финансов
Х.Мелик-Асланов	министр путей сообщения
Ф.А.Хойский	министр юстиции
Г.Т.Георгадзе	военный министр
Н.Г.Хомерики	министр земледелия
Н.Юсуббеков	министр просвещения
М.Н.Гаджинский	министр торговли и промышленности
А.И.Саакян	министр продовольствия
Р.И.Качазнуни	министр социального обеспечения
А. А.Эрзинкян	министр труда
И.Гейдаров	министр государственного контроля

Приведенный выше список министров позволяет получить представление о соотношении сил в Закавказье в апреле 1918 года. Три основных народа Закавказья, грузины, армяне и азербайджанцы, получили министерские посты, которые были разделены поровну, на каждую национальность пришлось по четыре места. Грузины и азербайджанцы, однако, заняли самые важные министерства (внешних дел, военное, путей сообщения, внутренних дел, юстиции и государственного контроля). Лишь одно важное министерство было предоставлено армянину (министерство финансов), ибо известно, что армяне обладают способностями в финансовых вопросах. Другие армяне вынуждены были довольствоваться постами министров продовольствия и социального обеспечения.

Представляя свой кабинет Сейму, Чхенкели произнес речь, в которой наметил основные задачи правительства. Первой в этом списке была упомянута разработка Конституции, второй – определение границ нового государства.

Третьим пунктом было прекращение войны. Затем следовала борьба как с контрреволюцией, так и с анархией. Пятым пунктом была земельная реформа.

Расул-заде, лидер “Мусавата”, приветствовал заявление Чхенкели, особенно упоминание того факта, что Баку еще не является частью независимого Закавказья, указав, таким образом, направление, в котором отныне должна действовать партия “Мусават”.

28 апреля 1918 года новорожденная независимая Демократическая Федеративная Республика Закавказья была признана Оттоманской империей.

ГЛАВА VI

БАТУМСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Турция согласилась с тем, чтобы избрать Батум местом проведения новой конференции, а Чхенкели получил сообщение, что турецкая делегация уже находится в пути. Турецкую делегацию в Батуме возглавлял Халил бей, министр юстиции, исполняющий обязанности министра иностранных дел. Его сопровождал Вехиб паша, чьи военные успехи против разложившейся русской Кавказской армии придали ему славу героя среди турок. Закавказская делегация прибыла в Батум в количестве сорока пяти человек.

Ее возглавлял Чхенкели, премьер-министр и министр иностранных дел, в ее состав входили представители всех политических партий и фракций Закавказья. Это следовало сделать, даже рискуя послать в Батум делегацию, которая скорее напоминала экспедиционный корпус, поскольку никто никому не доверял. Кроме того, как отмечали некоторые современные наблюдатели, казалось, будто в Закавказье каждый стремится к тому, чтобы его называли "Ваше превосходительство". Люди играли в дипломатию, как дети играют в домики. Ведущими делегатами были Николадзе, семидесятипятилетний грузин с блестящим революционным прошлым, Хатисян, Качазуни (армяне), Гаджинский и Расул-заде (азербайджанцы).

Одно и единственное заседание Батумской конференции состоялось 11 мая 1918 года. Вступительную речь руководителя Оттоманской делегации Халил бея на французский язык переводил Орхан бей, который был переводчиком в Брест-Литовске. Турки предложили, чтобы на конференцию был допущен Гейдар Баммат, представитель Северо-Кавказской Горской Республики, которая провозгласила свою независимость. Никто не выступил против этого. Покончив с формальностями, Халил бей заявил, что Оттоманскую империю больше не удовлетворяют приобретения, сделанные ею по Брест-Литовскому договору. Так как переговоры в Трапезунде были прерваны по вине Закавказья, турки считают, что они имеют право на дополнительную территорию. Они

подготовили новый договор и хотели бы, чтобы Закавказье подписало его. Чхенкели, которому пришлось выдержать упорную борьбу, чтобы ему и его коллегам смириться с Брест-Литовским договором, выразил протест против новых требований, но турки даже не соизволили ознакомить их с ними на этом заседании. Они просто обещали Чхенкели прислать текст договора, который они подготовили. Заседание Батумской конференции стало практически точной копией заседаний в Трапезунде, если бы не один факт: на заседании присутствовал немецкий генерал фон Лоссов. Он пребывал в молчании большую часть времени, только в конце заседания попросил копию текста предложенного Оттоманской делегацией договора, проект которого, по его словам, он хотел бы изучить, чтобы иметь возможность защитить интересы Германии.

Текст “Договора о мире и дружбе между Оттоманским правительством и Конфедеративной Закавказской Республикой” содержал, как оказалось, двенадцать статей и три приложения. Был предложен также отдельный дополнительный договор, касающийся военных вопросов. Самой важной частью составленного договора была та, которая касалась турецких территориальных требований, включавших Ахалцихский и Ахалкалакский районы Тифлисской губернии, город Александрополь, большую часть Эчмиадзинского района и железную дорогу Карс – Александрополь – Джульфа. Принять эти требования означало отдать туркам Армению.

Закавказская делегация разделилась во мнении – принять или отвергнуть турецкие требования. В то время как шли споры, турки, пренебрегая перемирием, продолжали свое наступление в районе Эривани, тогда как другие турецкие войска пробивались на северо-восток, стараясь соединиться с азербайджанскими отрядами. Армения была буквально в кольце, беспомощная, ее голос практически не имел силы в решениях Закавказской делегации. Грузинам тоже был нанесен очень тяжелый удар: они только что потеряли сам Батум. Только азербайджанцы не видели ничего трагического в Батумских переговорах. Считая турок родственным народом, они возлагали большие надежды на будущее. Такое отношение подрывало единство Закавказской делегации и, в конечном счете, самого государства.

Ознакомившись с текстом турецкого проекта, Закавказская делегация направила Халил бею четыре предложения, смысл которых заключался в следующем:

1. Договор должен быть заключен не между Турцией и Закавказьем, а скорее, между Союзом Четырех, с одной стороны, и Закавказьем – с другой;

2. Все соглашения, касающиеся текущей войны, должны стать предметом специальной конвенции;

3. Установление экономических связей между Закавказьем и Турцией будет регулироваться особым двусторонним соглашением;

4. Отсутствие представителей Болгарии и Австрии не является препятствием к заключению договора, к которому они могут примкнуть позже.

Закавказье снова затеяло игру дипломатических уверток и лицемерных разговоров. Вышеуказанные четыре предложения не отвечали ни одному из турецких требований. Более того, Закавказье начало сложный маневр, имевший целью вовлечь Германию в переговоры в Батуме. Первое из четырех закавказских предложений предусматривало заключение договора не с одной Турцией, а с Союзом Четырех в целом, тогда как четвертое предложение исключало как Австрию, так и Болгарию. Оставались лишь Турция и Германия.

Немцы, столь часто обвиняемые социалистами в империализме, стали желанными в Закавказье, в них видели высших представителей европейской культуры, науки и техники, их видели прекрасными воинами, покорителями многих стран. Армяне однажды обращались к Германии за помощью против Турции. В Батуме теперь уже грузины искали средства, чтобы использовать престиж и авторитет Германии для обуздания турок.

Турки быстро разгадали, что замышляет Закавказская делегация. 15 мая 1918 года Халил бей сообщил Чхенкели, что турки не признают прав Закавказья выражать свои суждения по вопросу о том, кому следует, а кому не следует подписывать мирный договор.

14 мая возникли новые осложнения. Турки потребовали открыть путь их войскам в Джульфу (Персия) через Александрополь, обещая не причинять ущерба местному населению. Не дожидаясь ответа, они начали передвижение войск утром 15 мая. Этим действием нарушалось перемирие, причем турки утверждали, что вынуждены это сделать из-за присутствия англичан в Персии. Незамедлительный “энергичный” протест Чхенкели Халил бею подчеркивал тот факт, что направлена жалоба немецкому представителю – генерал-майору фон Лоссову. Немецкий

генерал, в свою очередь, писал Чхенкели, что протест Закавказья направлен правительству Германии, а также правительствам Австрии и Болгарии, и сообщал, что он направил ноту туркам с изложением своего личного мнения относительно турецкого продвижения на территорию Закавказья.

Тем временем министр внутренних дел Закавказья Рамишвили телеграфировал Чхенкели, что правительство поставило в известность генерала Назарбекияна, армянского командующего в Александрополе, о турецком ультиматуме.

Назарбекиану было сказано, что никаких британских войск нет ни в Джульфе, ни поблизости от нее, и поэтому он должен просить турецкого командующего действующей армией приостановить наступление, в противном случае Закавказье будет защищать Александрополь. Эта слабая угроза сопротивления, однако, не удержала турок от наступления. Через день или два после начала наступления турецкие войска вступили в Александрополь, армянские части отступили без боя. К этому времени Назарбекиан, Андроник и другие армянские генералы, вероятно, больше думали о защите Эривани и того, что осталось от Армении, чем о пособничестве в крушении Закавказья.

Закавказье и Россия

Переговоры в Батуме еще больше осложнялись необходимостью разрешить проблему взаимоотношений Закавказья с Россией. Германия, хотя и была заинтересована в бакинской нефти и грузинских железных дорогах для перевозки драгоценного топлива, предложила выступить в качестве посредника между Москвой и Тифлисом. Германский посол в России граф Мирбах обратился к комиссару по внешним делам Чичерину, который потребовал, чтобы советские представители были приглашены участвовать в Батумской конференции, хотя и поспешил добавить, что участие России в Батумской конференции не будет означать признания "самозванного правительства Закавказья". Вскоре Россия изменила свою позицию, приняв немецкое предложение о посредничестве. Внутренние бедствия, которые одолевали Советскую республику, были так велики, что до поры до времени она была не в состоянии ни противодействовать Германии более чем было необходимо, ни серьезно заняться вопросом независимости Закавказья. Была намечена встреча между представителями России и Закавказья, однако этот план не был осуществлен.

Не были приглашены русские и в Батум. Отделение Закавказья и начало белого движения на юге России создали новую обстановку, так что вопрос о российско-закавказских отношениях не поднимался вплоть до конца 1919 года, когда он снова приобрел актуальность.

Германское посредничество

К 18 мая переговоры в Батуме достигли мертвой точки. Халил бей настаивал на своих первоначальных требованиях, тогда как Чхенкели давал свои старые ответы. Становилось все более и более очевидным, что никакого положительного результата достигнуто не будет. Вследствие этого фон Лоссов попытался найти выход из безвыходного положения, предложив посредничество Германии.

В 8.30 вечера 19 мая 1918 года члены Закавказской делегации собрались, чтобы обсудить предложение фон Лоссова. Один из армянских представителей, Качазнуни, выразил мнение, что нет необходимости в обсуждении этого вопроса. Поскольку Германия предложила свои услуги, ими нужно воспользоваться на благо Закавказья. Хатисян поддержал Качазнуни, сказав, что как-то при разговоре Халил бей заметил, что в случае возникновения тупиковой ситуации можно будет обратиться к Германии за посредничеством. Азербайджанский делегат Гаджинский возражал против самой идеи посредничества. По его мнению, вмешательство Германии в переговоры приведет к конфликту с турками; во всяком случае, Чхенкели должен переговорить с Халил беем, прежде чем принять предложение Германии.

Разница в позициях между армянскими и азербайджанскими делегатами показала, насколько противоположны были интересы этих двух народов. Гаджинский доказывал, что переговоры не следует затягивать и что несколько территориальных уступок туркам не затронут жизненных интересов Закавказья. Как армяне, так и грузины уже давно начали сомневаться в лояльности азербайджанцев Закавказью. Когда Гаджинский настаивал на том, что следует посоветоваться с Халил беем, прежде чем дать ответ фон Лоссову, Чхенкели не мог удержаться, чтобы не спросить, зависит ли решение Закавказской делегации от Халил бея. Увидев, что большинство против него, Гаджинский попросил сделать часовой перерыв, против чего Хатисян возражал на том основании, что Гаджинский собирается донести Халил бею о том, что произошло. Это было серьезное обвинение, но Гаджинский пред-

почел оставить его без внимания. В продолжение всей конференции азербайджанские делегаты информировали турок о переговорах Закавказской делегации. И грузины, и армяне понимали, что ничего не могут этому противопоставить. Спор относительно предложения фон Лоссова несколько прояснил картину, представив новое подтверждение тому, что азербайджанцы ближе к противнику, чем к государству, часть которого они составляют. Немецкое предложение было, в конце концов, принято, хотя никто не надеялся, что оно что-нибудь даст.

Пока переговоры в Батуме затягивались, турецкая армия продолжала свое продвижение от Александрополя в направлении Лори и Тифлиса. Теперь у нее было две цели наступления: район Мосула и Баку. Армения, преграждающая путь в персидский Азербайджан и Баку, и Грузия с ее железной дорогой, шедшей в Баку, должны были быть полностью оккупированы и окончательно подчинены туркам. Перемирие или его отсутствие, но турки приближались к своей цели, как и прежде.

Под натиском турок Закавказье распадалось на части. Азербайджанцы, которые ничего не теряли в случае победы турок, смотрели с неодобрением на всякую попытку противостоять им. Армяне были настолько истощены и слабы, что их мнение не принималось во внимание. Грузины, казалось, занимали стратегическую позицию между двумя другими народами, но в действительности были бессильны что-либо предпринять без помощи извне. Днем 21 мая 1918 года состоялось заседание, на котором присутствовали Жордания, Николадзе, Сургуладзе и Авалов от Грузии; Хойский, Пепинов, Юсуббеков, Сафикиюрдский, Хасмамедов и Джафаров от Азербайджана. Азербайджанцы намекнули, что тройственная Закавказская Республика может не выдержать данный кризис, и что они хотели бы вместо нее сохранить, по крайней мере, "дуалистическое государство". Грузины ответили, что если такой удар постигнет Закавказье в Батуме, Грузия будет считать себя вправе действовать по своему усмотрению.

Теперь каждый понимал, что дни Закавказской Республики сочтены, так как выход Азербайджана из федерации превратит ее в фикцию. 22 мая грузинские делегаты собрались для того, чтобы обсудить свой следующий шаг. Единственным выходом из их затруднительного положения, казалось, было бы провозглашение независимости Грузии и роспуск Закавказской Федерации. Если бы Грузия была независимой, она могла бы пригласить

немцев, чтобы защитить ее от турок. Этот план был не нов. Сначала его долгое время вынашивали националисты, но лишь очень немногие считали его возможным или желательным. Теперь он стал последней надеждой на спасение Грузии.

Грузия стремится заручиться поддержкой Германии

Не поставив в известность ни армян, ни азербайджанцев, Грузинский национальный совет, представляющий все политические партии и различные общественные организации Грузии, решил просить через фон Лоссова о поддержке Германии. В Грузии было некоторое число немецких военнопленных, из которых можно было бы сформировать целый полк немецкой армии и тем самым попытаться остановить турок. Грузинские делегаты в Батуме вступили в тайные переговоры с фон Лоссовым и фон дер Шуленбургом, бывшим немецким консулом в Тифлисе.

24 мая фон Лоссов письменно сообщил Закавказской делегации, что он предлагал свои услуги в качестве посредника Халил бейю, но “к сожалению, моя попытка не увенчалась успехом”. На следующий день в своем последнем письме к Закавказской делегации он добавил, что получил достоверные сведения о том, что Закавказье находится в состоянии распада. Так как он имеет полномочие вести переговоры лишь с Закавказьем в целом, ему необходимо лично встретиться со своим высшим начальством, чтобы получить новые инструкции. С этой целью он решил немедленно покинуть Батум на корабле “Минна Хорн”.

Отъезд фон Лоссова ускорил кризис. Турки стремились прекратить работу конференции, которая грозила вовлечь их в конфликт с их могущественным европейским союзником. 26 мая Халил бей вручил Чхенкели ультиматум, подтверждающий прежнюю позицию турок и содержащий новые претензии на Нахичевань, территорию, которая никогда не принадлежала Турции. Аппетиты захватчика не знала пределов. Опьяненные неизменными успехами и видя незащищенность своей жертвы, турки не останавливались ни перед чем, чтобы захватить как можно больше территорий. Возможно, их генералы видели себя преемниками великих османских воинов, чьи армии стояли под стенами Вены и опустошали Украину, а морские суда вселяли ужас в сердца венецианцев и испанцев. Последний ультиматум, как утверждал Халил бей, был продиктован стремлением турок прийти на помощь мусульманскому населению Закавказья, и особенно Баку,

где “сотни тысяч... страдают от кровавого гнета безжалостных бандитов”. Кроме того, утверждал он, турецкой армии необходимы Закавказские железные дороги для переброски войск. Чхенкели было предоставлено семьдесят два часа для ответа на ультиматум.

Паника охватила Закавказье. Жестокая битва бушевала под Караклисом, где армяне, несмотря на отчаянное сопротивление, потерпели поражение от вражеской артиллерии и численно превосходящего противника. В Тифлисе ужас жителей только еще больше усилился после обращения Городской думы, которая призвала население проявить стойкость в час опасности и оставаться на своих местах, даже если город окажется под ударом. В занятых турками районах Ахалкалаки и Ахалциха мусульманское население объявило о своем отделении от Закавказья. Азербайджанские лидеры с нетерпением ожидали прихода турок. Вся сплоченность, вся общность интересов, созданная за век совместного существования как части России, практически рухнула за одну ночь. Ничего не осталось, кроме взаимного недоверия, ненависти и стремления к самосохранению, даже ценой уничтожения других, если будет на то необходимость. В такой грозный момент пришла весть о том, что Грузия объявила о своей независимости. С Демократической Федеративной Закавказской Республикой было покончено.

ГЛАВА VII

РАСПАД ЗАКАВКАЗЬЯ

Провозглашение независимости Грузии явилось неожиданностью для большинства грузин. Только часть населения радовалась этой новости, большинство же опасалось неизвестности, которая ждала страну впереди. Однако грузинская независимость имела свои корни. Это не был ни самопроизвольный акт, ни акт чистого оппортунизма, призванный удовлетворить требования дня. Еще до 1914 года в Грузии существовали небольшие, разрозненные группы, посвятившие себя борьбе за независимость. Война воодушевила грузин повсеместно. В Константинополе и Берлине грузинские беженцы создавали комитеты освобождения, причем Комитет в Константинополе зашел так далеко, что вступил в переговоры с турецким правительством. Лев Кереселидзе, представитель многочисленной грузинской знати, вел переговоры. В ноябре 1917 года тифлисская газета "Клде" опубликовала текст договора, заключенного между турками и Комитетом национального освобождения Грузии. Он предусматривал признание Турцией независимой Грузии в пределах ее исторических границ, установление дипломатических отношений между двумя государствами и т.д. Среди конкретных пунктов, включенных в договор, было данное турками разрешение на формирование грузинского легиона, который в действительности уже был создан и участвовал в боевых действиях на Кавказском фронте.

Мартовская революция активизировала националистические элементы повсюду в Закавказье. В Грузии она дала возможность национальной церкви отстоять себя, а национальным идеям свободно распространяться. Даже среди грузин, которые были разбросаны по всей России, идея о независимости возникла очень рано. В марте 1917 года Джавахишвили, известный грузинский историк и будущий основатель первого грузинского университета, произнес речь, в которой провозглашалось право Грузии на самостоятельное национальное устройство.

После свержения Временного правительства грузинский национализм вырвался на свободу. Социал-демократы, которые всегда были самыми яркими противниками национализма, по крайней мере, на словах, оказались вынужденными в силу сложившихся обстоятельств поддержать отделение Закавказья от России. Ежедневно возникали десятки патриотических организаций. Многие из состоятельных грузин, которые получили образование в русских учебных заведениях, впервые стали изучать свой родной язык. По мере того, как военное положение Грузии ухудшалось, все больше людей стали задумываться о независимости как о единственном пути к спасению. Тем не менее, когда 26 мая 1918 года независимость была провозглашена, она стала потрясением для страны.

Провозглашение независимости нуждалось в тщательной подготовке и согласовании действий с немцами, без помощи которых оно было бы невозможным. За спиной армян и азербайджанцев в Батуме состоялись откровенные беседы между грузинскими делегатами и фон Лоссовым. Наконец, сам Жордания прибыл из Тифлиса. Наверное, пожилому социалисту было трудно заниматься делами, которые противоречили убеждениям всей его жизни, однако национальная принадлежность оказалась выше идеологии, а необходимость – сильнее абстрактного принципа.

Распад Федерации

Соглашение между грузинами и фон Лоссовым было достигнуто 24 мая. После этого Чхенкели направил в Тифлис телеграмму следующего содержания: *“Сообщите следующее президенту Грузинского национального совета: дальнейшая задержка в провозглашении независимости приведет к непоправимым последствиям. Попытка немцев выступить посредниками не удалась. Осталось одно – противопоставить турецкому вторжению независимую Грузию, поддерживаемую Германией. Немецким представителем для грузинского правительства будет граф Шуленбург. Ряд соглашений с Германией готов к подписи”*.

Но Грузия могла родиться только ценой гибели Закавказской Республики... Нанести удар просуществовавшей всего месяц республике выпало на долю Ираклия Церетели, который 26 мая произнес две речи в Сейме. В первой он утверждал, что Закавказье не могло продержаться долго, поскольку с самого начала не было единства между народами, входящими в его состав. Социал-

демократы всегда стояли за единство, но Батумская конференция продемонстрировала, что они одиноки в своем стремлении. Ход исторических событий оказался слишком стремительным. Когда турки перешли в наступление, половина закавказского населения выступила за сопротивление, тогда как другая половина проявила симпатии к противнику. Таким образом, Закавказская Федерация оказалась мифом, а социал-демократическая партия не имела иного выбора, кроме как заявить грузинскому народу: *“В этот момент вы одни... Если вы хотите отстоять свои интересы и спасти себя, вы должны создать свой собственный государственный организм и свое собственное... правительство”*. В своей второй речи, произнесенной в заключение дебатов, Церетели заявил, что раз мусульмане Закавказья приветствуют турок, то Закавказье прекращает свое существование, и настало время для провозглашения независимости Грузии.

Сейму ничего не оставалось, как разойтись. Без всякого воодушевления была принята последняя резолюция, гласящая, что ввиду разногласий, которые возникли между народами Закавказья по вопросам войны и мира, дальнейшее сосуществование с общим правительством не представляется возможным, поэтому *“Сейм признает распад Закавказья и складывает свои полномочия”*.

Не успели члены более не существующего Сейма выйти вереницей из зала, в котором они голосовали за распад Закавказья, как появилась новая группа людей. Это были члены Грузинского национального совета. Этот орган был избран Национальным конгрессом, который представлял все грузинские политические партии, советы, армию, кооперативы, профсоюзы, национальные меньшинства (мусульмане, евреи) и многие другие организации. Национальный конгресс избрал Жордания председателем Национального Совета. Именно в этом качестве он открыл заседание Национального Совета 26 мая.

Галереи зала были заполнены до отказа. Среди специально приглашенных находились граф Шуленбург и несколько других немецких офицеров, тифлисский митрополит Леонид и представители грузинских вооруженных сил. Красные знамена революции были сняты, а на их место водружены национальные знамена Грузии.

Жордания начал свою речь с указания на то, что в этот день все стали свидетелями редкого и трагического события в истории

– развала государства. Теперь закладывался фундамент для строительства нового грузинского государства. Он заверил собравшихся в том, что независимая Грузия никогда не позволит себе игнорировать интересы какой бы то ни было нации, *“и поэтому ни один народ, живущий в нашей стране или за ее пределами, не будет испытывать никаких тревог за свою судьбу. Армянский народ... найдет в нашей среде такое же покровительство, каким он всегда пользовался у грузинских царей”*.

Грузия провозглашает независимость

Жордания огласил Акт о независимости. В нем указывалось, что в конце XVIII века, теснимая со всех сторон сильными врагами, Грузия добровольно вошла в состав России с тем условием, что последняя защитит Грузию от внешних врагов. Великая русская революция привела к разрыву единого фронта и отказу от Закавказья, которое пыталось, правда, неудачно, сохранить единство своих народов:

Настоящее положение грузинского народа настоятельно диктует Грузии необходимость создать собственную государственность для того, чтобы спасти себя от порабощения вражескими силами и заложить прочный фундамент для свободного развития. В соответствии с этим, Грузинский национальный совет... уполномочен заявить следующее:

1. *Отныне грузинский народ является источником суверенных прав, и Грузия представляет собой полноправное независимое государство;*

2. *Политическим строем независимой Грузии является демократическая республика;*

3. *В случае возникновения международных конфликтов Грузия неизменно придерживается политики нейтралитета;*

4. *Грузинская Демократическая Республика стремится к установлению добрососедских отношений со всеми членами международного сообщества, в частности, с соседними народами и государствами;*

5. *Грузинская Демократическая Республика гарантирует гражданские и политические права всем своим гражданам;*

6. *Грузинская Демократическая Республика предоставляет широчайшие возможности для свободного развития всем народам, населяющим ее территорию;*

7. До созыва Учредительного собрания Грузией будет управлять Национальный Совет, состав которого будет дополнен представителями национальных меньшинств, а также временное правительство, подотчетное Национальному Совету.

Оглашение Акта о независимости было встречено овацией. По просьбе Жордания секретарь Национального Совета вышел на балкон и зачитал Акт толпе, которая загрозила площадь. Затем Национальный Совет единодушно утвердил Акт – независимость Грузии была провозглашена официально.

Ной Рамишвили, первый премьер-министр Грузии, сформировал кабинет, в котором Чхенкели был отведен пост министра иностранных дел. Через три дня Исполнительный комитет Тифлисского совета, одоблив провозглашение независимости, решил продолжать свою работу на основе объединения всей демократии Закавказья “под знаменем интернационализма”.

Германо-грузинское соглашение

Еще в Батуме немцы и грузины достигли договоренности, что соглашения, которые они выработали, будут подписаны после провозглашения независимости Грузии. Фон Лоссов со своим штабом отплыл в Поти, грузинский порт на Черном море севернее Батума, где они ожидали прибытия Рамишвили и Чхенкели. Фон Лоссов поспешил подписать документы и возвратиться в Германию. 28 мая было подписано предварительное соглашение, регулирующее отношения между Германией и Грузией. Оно содержало пять статей или глав.

Первая гласила, что Грузия признает Брест-Литовский договор в качестве основы для ее отношений с Германией.

Статья 2 предоставляла Германии право на пользование грузинскими железными дорогами для перевозки людей и грузов, с этой целью порт Поти, а также все железнодорожные станции должны находиться под контролем германских войск.

Статья 3 касалась обмена дипломатическими представителями.

Статья 4 – консульских связей, последняя статья гласила, что договор вступает в действие с момента его подписания, но что он будет в скором времени заменен новым и более детальным соглашением.

В тот же день было подписано три дополнительных соглашения. Первое в ознаменование прибытия германских войск пред-

усматривало свободное обращение германских денег в Грузии. Второе касалось обмена военнопленными. Третье предоставляло в распоряжение немцев все суда, находящиеся в грузинских портах. Экономическим вопросам был посвящен специальный договор. Грузинское правительство должно было получить заем, залогом которого служили железные дороги и порт Поти. Грузинское правительство заявляло в первой статье данного договора, что вышеупомянутые железные дороги и порт Поти являются государственной собственностью и будут находиться в ведении смешанной германо-грузинской комиссии. Статья 2 предусматривала создание совместной горнодобывающей компании с монополией на эксплуатацию залежей полезных ископаемых. Таким образом, Германия стремилась прибрать к рукам различные отрасли экономики новорожденной республики.

Перед отбытием в Поти фон Лоссов отправил секретное письмо грузинскому правительству, обещая сделать все возможное, чтобы побудить правительство Германии оказать содействие Грузии в признании ее независимости, а также в определении границ. Когда 28 мая фон Лоссов сел на корабль, его сопровождали члены грузинской делегации Чхенкели, Николадзе и Авалов.

С распадом Закавказья Армения была предоставлена самой себе. Лишенная какой бы то ни было поддержки, она вынуждена была провозгласить свою независимость 28 мая. Было сформировано правительство во главе с Качазнуни и Хатисяном в качестве министра иностранных дел. Грузии посчастливилось заручиться поддержкой Германии, но никто не вспомнил об Армении. Отсутствие полезных ископаемых и общее обнищание страны – таковы были причины того, что она ни для кого не представляла интереса.

На Александропольском направлении и под Нахчываном армянские добровольцы продолжали оказывать сопротивление наступающим туркам. Районы Эривани и Эчмиадзина были наводнены беженцами. Казна нового государства была пуста. Его вооруженные силы не могли долго продержаться. При таких обстоятельствах единственным возможным шагом было принятие любых условий, продиктованных турками. С тяжелым сердцем армянские делегаты возвратились в Батум на поклон превосходящей силе.

Проблемы, которые встали перед азербайджанцами после распада Закавказья, были в некотором отношении совершенно про-

тивоположны тем, которые стояли перед Арменией и Грузией. Для Азербайджана Турция была не врагом, а союзником. 28 мая в Тифлисе азербайджанские члены более не существующего Сейма и члены Мусульманского национального совета провозгласили независимость Азербайджана. Фатали хан Хойский был назначен премьер-министром. Когда грузинское правительство попросило азербайджанское правительство переехать в другое место, город Гянджа был избран в качестве временной столицы республики.

Значение Армении еще более упало после провозглашения ее независимости. Только благодаря победе Антанты ее статус относительно Грузии и Азербайджана возрос. С июня по сентябрь проблемы Азербайджана были связаны с Баку, который сначала под руководством большевиков, затем других партий отчаянно сражался с объединенными силами азербайджанцев и турок. В период с мая по ноябрь 1918 года самую важную роль в Закавказье играла Грузия.

Закавказские государства заключают мир с Турцией

31 мая премьер-министр Грузии Рамишвили письменно сообщил руководителю турецкой делегации в Батуме Халил бею о том, что Грузия отныне является независимым государством. Рамишвили спрашивал, относятся ли в равной степени требования турок, предъявленные Закавказью, и к независимой Грузии. В дни царизма, как только цензура запрещала ту или иную газету, она тотчас появлялась снова под другим названием. Рамишвили, старый социалист, должно быть, знал о таком трюке, но ему не следовало проделывать его с турками. Халил бей дал ответ, которого и следовало ожидать, сообщив, что, поскольку общая обстановка в Закавказье не изменилась, Оттоманское правительство считает, что его требования относятся и к Грузии. Кроме того, турки требовали, чтобы ответ на их ультиматум был дан к полуночи 31 мая. Грузинский ответ последовал сразу. Он содержал три важных пункта: Грузия изъявляла свою готовность разрешить Турции пользоваться ее железными дорогами, соглашалась с тем, чтобы ее южная граница была определена по Брест-Литовскому договору и, наконец, заявляла, что не допустит никакого вмешательства в свои внутренние дела. Последний пункт был, очевидно, стремлением сохранить престиж. По вопросу о территории Ахалцих-Ахалкалаки, мусульманское население которого провозгласило свое отделение от Закавказья и свою приверженность Тур-

ции, Рамишвили сказал, что он, в принципе, принимает турецкие требования.

4 июня 1918 года турецкие и грузинские делегаты встретились снова. Халил бей произнес речь, обвинив Грузию в том, что она по своей вине потеряла столь большую территорию. Ей не следовало прерывать переговоры и бороться против Оттоманской империи. Образование сильного государства на Кавказе, основанного на дружбе грузин и кавказских мусульман, отвечало бы жизненным интересам Турции, заключил Халил бей. Наконец, мирный договор был подписан, причем глава турецкой делегации отметил, что этот документ означает “формальное признание” Грузии со стороны Оттоманской империи.

Мирный договор содержал двенадцать статей, первая из которых гласила, что “прочный мир и вечная дружба устанавливаются между Оттоманской империей и Грузинской Республикой”. Статья 2 предусматривала включение в данный договор, правда, чуть позднее, определение границ между Грузией, с одной стороны, и Арменией и Азербайджаном – с другой. В статье 4 обе договаривающиеся стороны обязывались не допускать создания на своих территориях вооруженных формирований, действующих против безопасности того или другого государства. Статья 5 касалась задержания и разоружения российских судов, которые могут оказаться в грузинских портах. Статья 6 провозглашала, что “религия и обычаи мусульман, проживающих в Грузии, должны пользоваться уважением”. Им должна быть гарантирована свобода совести и вероисповедания. Имя Его императорского Величества Султана должно упоминаться в молебствиях мусульман. Последним предоставлялись и другие права и привилегии, такие как иметь свои собственные школы и т.д. Статья 7 предусматривала заключение соглашений в сфере экономики и по консульским вопросам. Статьи 8, 9 и 10 касались железнодорожного транспорта, почты и статуса жителей пограничной зоны. Статья 11 гласила, что условия Брест-Литовского договора считаются действительными лишь постольку, поскольку они не противоречат статьям настоящего договора. Двенадцатая и последняя статьи гласили, что церемония обмена ратификационными документами пройдет в Константинополе. Договор был подписан Халил беем от Турции и Рамишвили, Гвазовой, Одишелидзе и Рцхиладзе от Грузии.

Этот мир, хотя и невыгодный для Грузии, казался, в целом, не столь уж кабальным. Однако дополнительное соглашение, под-

писанное в тот же день, продемонстрировало, какой высокой ценой Грузия достигла мира и независимости. По дополнительному договору побежденная страна фактически разоружалась, так как численность ее армии определялась по соглашению с турками (статья 1). Грузия обещала, кроме того, выдворить со своей территории всех офицеров, военных или гражданских лиц стран, находящихся в состоянии войны с Турцией (статья 2). Грузинские железные дороги, которые уже были переданы Германии по Потинскому соглашению, должны были также быть предоставлены в распоряжение турок (статья 3). Последние сохраняли за собой право охранять железные дороги своими войсками, если Грузия окажется не в состоянии обеспечить законность и порядок. Таким образом, оказывалось, что Грузия утрачивала свою независимость в тот самый момент, когда провозглашала ее.

Условия турецко-армянского договора, который напоминал по форме турецко-грузинский и был подписан в тот же день, 4 июня, оказались еще более тяжелыми. Армения “теряла” Карс, Ардаган, район Борчалы (оспариваемый также Грузией), части районов Эчмиадзина и Шарура, а также большую часть Нахичеванского района. Территория Армении была искромсана, распалась на отдельные части. Кроме территориальных потерь, она была вынуждена предоставить туркам полный контроль над жизненно важной железной дорогой Александрополь – Джульфа (Персия). Договор был подписан от Армении премьер-министром Качазнуни, министром иностранных дел Хатисяном и Пападжановым.

Договор между Турцией и Азербайджаном, подписанный Расул-заде и Гаджинским, был формальностью. Фактически, обе стороны уже в течение некоторого времени были союзниками. Азербайджан ничего не терял, но надеялся с оттоманской помощью овладеть Баку. Как только Армения и Грузия были устранены с пути, турки и азербайджанцы бросили свои объединенные силы на нефтяной город.

ГЛАВА VIII

ОБОРОНА И ПАДЕНИЕ БАКУ

Советское правление в Баку

В конце мая 1918 года Баку был большевистским островком в антибольшевистском океане. Кавказский фронт был сломлен, волны турецкого нашествия затопили всю страну. Обстановка была настолько запутанной, что очень немногие имели ясное представление о том, что происходит в действительности. Многие ожидали появления англичан в Закавказье для того, чтобы не допустить возможной турецко-немецкой попытки обойти с фланга западную Персию и вторгнуться в Индию через Закаспийскую область и Хорасан. Берлинская газета опубликовала сообщение, заимствованное из киевских «Последних новостей», о том, что англичане проникли в Закавказье, заняв Абшеронский полуостров, на оконечности которого расположен Баку. Издаваемый в Париже армянский журнал «Голос Армении», комментируя это сообщение, писал, что, возможно, это выдумка немцев, имеющая целью оправдать турецкий поход на Баку. Слухи о прибытии англичан в Закавказье распространились так широко, что не кто иной, как сам народный комиссар Советской России по делам национальностей Сталин, счел необходимым опубликовать в газете «Правда» опровержение. Он писал: *«Никаких английских отрядов не появлялось в Баку и не могло появиться хотя бы потому, что вся Бакинская губерния и весь восток Закавказья охраняются советскими войсками, готовыми по первому призыву сразиться с внешней силой, в какую бы форму она ни облеклась. По сообщению Чрезвычайного комиссара Шаумяна от 25 мая, «Баку и его районам не угрожает пока опасность от кого бы то ни было, если не считать татарских помещиков, на днях организовавших набег на Аджикабул и отброшенных советскими частями далеко на запад».*

Если Бакинскому совету не угрожала опасность британского вторжения, то перед ним стояли другие сложные и неотложные проблемы. Отрицательное отношение азербайджанского кре-

стьянства к советскому режиму было хорошо известно большевикам. Орган последних, "Бакинский рабочий", писал, что большевики наговорили много хороших слов крестьянству, однако то же самое делали и турецкие агенты, которые обещали ему рай Магомета, если оно свергнет Советов и установит власть султана. Когда 26 мая открылся съезд крестьянских депутатов Бакинского уезда, один из делегатов сказал, что они готовы следовать за Советом при условии, что их не убьют. Комментируя это патетическое заявление, "Бакинский рабочий" писал: *"Если задуматься над этими наивными и простыми словами, в них можно увидеть настоящую трагедию. Крестьянин следует за беком с тем, чтобы тот не убил его, но он также из-за страха следует и за Советами"*. Что может лучше и сильнее выразить состояние мусульманского крестьянства, чем слова этого неизвестного крестьянина? Съезд принял резолюцию, призывающую к установлению советской власти в селениях Азербайджана. 29 мая состоялось совместное заседание съезда и Бакинского совета, на котором была принята резолюция, осуждающая "банды беков и ханов" и их "лакеев меньшевиков, националистов и дашнаков". Далее в ней говорилось: *"Мы, представители Бакинского пролетариата и мусульманского крестьянства Бакинского уезда, заявляем:*

Бакинская демократия, а также рабочие и крестьяне всего Закавказья ни в коем случае не смиряются с отделением Закавказья от революционной России и будут бороться с оружием в руках против турецко-немецких банд и их союзников, предателей Чхенкели, Зиятхановых, Хойских и их компании.

Никакой мир, заключенный этой горсткой узурпаторов, нами признан не будет".

Члены Совета, должно быть, проделали непосильную работу по просвещению крестьян, которые еще вчера проявляли полное неведение и политическое безразличие к происходящему, а ныне выражались языком профессиональных революционеров.

Наступление на Гянджу

Чтобы укрепить военное положение в Баку, Совет решил инсценировать наступательные действия на востоке. 6 июня 1918 года Корганов, народный комиссар Бакинского Совета по делам армии и флота, издал приказ Красной армии, который, в частности, гласил: *"Настало время решить судьбу рабоче-крестьянской революции в Закавказье. Закавказский Сейм распущен. Меньше-*

вики и другие дворянские партии провозгласили независимость Грузии. В Елисаветполе (Гянджа) беки... провозгласили независимость Азербайджана. Турецкие войска захватили Карс, Александрополь, Эривань и Ахалкалаки. Турецкие генералы требуют открыть путь в Баку, чтобы подавить бакинский пролетариат и уничтожить Советскую власть... Товарищи, солдаты Красной армии! Взоры всех трудящихся, рабочих и крестьян обращены на бакинский пролетариат и его Красную армию и флот... Бакинскую армию ждут как освободителя... Одержав победу, вы спасете народ Кавказа от гибели; вы спасете Баку, центр нефтяной промышленности всей Советской республики, таким образом, вы упрочите советское государство. Помощь идет к нам с Северного Кавказа и из России". 12 июня Шаумян телеграфировал Ленину и Сталину, что бакинские войска начали свое наступление на Гянджу (Елисаветполь). Когда советские войска выступили, большевики призвали азербайджанское крестьянство захватывать земли, принадлежащие ханам и бекам, и создавать сельские Советы. Однако большая часть бакинских войск и фактически все офицеры состояли из армян, примкнувших к дашнакам, а зачастую из самых отъявленных дашнаков. Одним из командиров Красной армии являлся снискавший себе дурную славу Амазасп, который боролся в качестве предводителя партизан против турок, и для которого всякий мусульманин был врагом просто потому, что он мусульманин. Обращение красных офицеров с местным населением во время наступления на Гянджу было настолько ужасным, что армянский большевик, не задумываясь, назвал их хулиганами¹.

*"Благодаря своим реквизициям, презрительному отношению и постоянным расстрелам под предлогом шпионажа в пользу противника, но в действительности диктуемым ненавистью к мусульманам, они (армянские командиры советских войск) могли вызвать только отрицательное отношение к советской власти. Поэтому теперь можно сделать вывод, что наступление, начатое Красной армией, было ошибкой"*².

В то время как Красная армия продвигалась по направлению к Гяндже, Бакинский Совет переживал внутренние трудности. Митинг шести тысяч рабочих, проведенный эсерами, принял

¹ Сурен Шаумян. "Бакинская коммуна 1918 года".

² Пролетарская революция, №12/59/, 1926, стр.83–84. "Известия" №87, 1918, Баку.

резолюцию, требующую новых выборов в Совет, выборов с участием всех социалистических партий, кроме “Мусавата”. Более того, резолюция требовала отстранения Шаумяна с поста председателя Совета¹. Положение с продовольствием в городе было чрезвычайно серьезным. В мае, июне и июле население было вынуждено питаться орехами, так как хлеб выдавался только армии.

“Ардаганский” заговор

Хотя войска Бакинского Совета и вели наступательные бои против азербайджанцев, большинство русских и армянских жителей Баку ожидали прибытия турок. Каждый понимал, что без широкой поддержки либо со стороны России, либо с какой-нибудь другой стороны Баку, вероятно, не сможет удержаться. Помощь русских была проблематичной, особенно после того, как Россия заключила мир с немцами и турками, а за Каспийским морем стояли британские войска, которые, как считал обыватель, пойдут куда угодно, чтобы сразиться с турками. Совет, как и ожидалось, отверг саму мысль о том, чтобы просить англичан о помощи. В июне был раскрыт заговор, организованный с целью свергнуть советскую власть. Во главе заговора стояли правый эсер Иванов и некий Кириченко, техник с канонерки “Ардаган”. Они надеялись захватить власть и затем пригласить англичан для обороны Баку. План их был очень прост. В полдень 12 июня 1918 года на бульваре у моря должен был состояться митинг. Канонерка “Ардаган” должна была высадить своих матросов, которые побудили бы толпу присоединиться к ним. Следующим шагом был бы арест Степана Шаумяна. Обращение к Красной армии было уже напечатано и приготовлено для распространения. Оно гласило: *“Вы, товарищи красноармейцы, матросы, уставшие от бесконечной борьбы за интересы рабочего класса, должны искренне и с большой радостью приветствовать английских товарищей, которые на днях придут в Баку и присоединятся к нам. С богом за общее дело, против общего врага германо-турок. Да здравствует РСФСР! Да здравствует Красная армия! Да здравствует английская армия!”*²

Эта неграмотная прокламация показала, какого рода лица стояли за мятежом. Шаумян заявил, что Партия социал-революци-

¹ Там же стр. 83–84. Курсив в оригинале.

² Степан Шаумян. “Статьи и речи”. Баку. “Бакинский рабочий” 1924, стр.193.

онеров в целом никакого отношения к этому мятежу не имела. Чрезвычайный комиссар связывал англичан с заговором, приводя выдержки, как он утверждал, из письма Кириченко британскому консулу в Баку. Однако, несмотря на заявление Шаумяна, оправдывающее эсеров как партию, последние находились под подозрением. Большинству жителей Баку было очевидно, что только своими усилиями им не спасти город от врага. Население разделилось на четыре неравные части. Самая многочисленная группа, азербайджанцы, не хотела защищать Баку, так как их собратья в провинции сотрудничали с турками и шли на город под турецким флагом. Армяне, которые составляли вторую группу, были решительно настроены защищать Баку любой ценой из-за животного страха перед турками и азербайджанцами. Третьей группой были русские меньшевики, в которую входили монархисты, меньшевики, кадеты и правые эсеры. Все они боялись турок, сочувствовали Антанте и судили о положении на Кавказе с общеевропейской точки зрения. Последней и самой малочисленной группой были большевики. Они хотели удержать Баку как можно дольше, чтобы снабжать Советскую республику столь необходимой нефтью, однако отказались принять помощь англичан. Они рассуждали просто.

Если Баку должен пасть, то пусть он попадет в руки турок, в будущем от них будет легче избавиться, чем от англичан. Большевистские руководители действовали, исходя из того, что англичане намеревались захватить русские владения, предположение, не подтвержденное фактами. Неудивительно, что в таких условиях каждая партия должна была стремиться к своей цели тайно, не доверяя всем другим. Член созданного российскими солдатами в Энзели (Персия) Военно-революционного комитета Челябин писал Шаумяну, что бакинские дашнаки находятся в контакте с англичанами в Персии и стараются побудить их выступить на Баку. Челябин указывал, что Комитет является самым большим препятствием к осуществлению планов дашнаков.

Приглашение Бичерахова

Россия держала в Персии войско в несколько тысяч человек. К 1918 году большая часть войска была деморализована и перестала быть военной силой, лишь один полк под командованием полковника Лазаря Бичерахова сохранял боеспособность. Бичерахов был типичным русским империалистом. Его войска поль-

зовались ужасной репутацией в Персии, его ненавидят и поныне. Ярый противник большевиков, он мечтал добраться до Кавказа и уничтожить Бакинский Совет. В то же время он стремился помешать туркам захватить Баку. Для достижения цели он заявил о своей лояльности новому правительству России, пообещав даже Военно-революционному комитету Энзели не допустить продвижения англичан далее города Решт на севере Персии. 6 июня 1918 года Челябин писал Шаумяну, что Бичерахов, который всегда был союзником англичан, изменил свое к ним отношение, и ему можно доверять. После этого Шаумян сообщил Совету, что Бичерахов признал Совет и готов служить советской власти. Зная об англофильском прошлом Бичерахова, Шаумян предложил Совету признать его войска как часть Красной армии. В знак своей верности Бичерахов даже сообщил Совету о некоторых тайных планах, которые англичане якобы готовили против Баку.

Районы Энзели и Решта, где стояли войска Бичерахова, были охвачены смятением. Персидский революционер-авантюрист Кучик хан с благословения Советов вел партизанскую войну против персидского правительства, англичан и остатков русской армии. Когда Бичерахов признал советскую власть и был приглашен выступить со своим войском на Баку, Кучик хана попросили пропустить войско через контролируемую им территорию. Озадаченный предводитель партизан не мог понять, как Совет может иметь дело с человеком, который, как он знал, был союзником англичан. В Баку Бичерахова величали теперь революционным вождем. Эсеры называли его даже “наш военный вождь, товарищ Бичерахов”. Такова была метаморфоза царского полковника, печально известного зверствами своих войск в Персии. Примерно в то время, как Лазарь Бичерахов стал командиром Красной армии, его брат Георгий Бичерахов возглавил антисоветский мятеж на Тереке. Позднее стало известно, что Лазарь помогал своему брату оружием и деньгами. Это был яркий пример предательства, но, к сожалению, архив Бичерахова недоступен, поэтому невозможно установить подробности дела.

18 июня 1918 года Шаумян писал Ленину в Москву и Сталину в Царицыно, что, несмотря на все трудности, царящий голод, бакинские большевики чувствуют себя очень уверенно. *“Но давайте подождем и посмотрим, каким будет наше военное положение через несколько дней”*, – добавлял Шаумян. У него были все основания проявлять осторожность. Войска, находящи-

еся в распоряжении Совета, не вызывали доверия. Участник обороны Баку сообщал: *“Красная армия состояла почти исключительно из армянских добровольцев, совершенно не способных сражаться и находящихся под командованием офицеров-дашнаков. Эти отряды грабили близлежащие селения, вызывая ярость мусульманского крестьянства. Они не бежали с фронта только потому, что не могли добраться до своих домов. Каспийский флот, лучшие матросы которого были демобилизованы еще до мартовских событий, теперь состоял в основном из... городских лавочников, которые шли во флот главным образом ради жульничества и спекуляций... Красногвардейцев было мало, и вся их отвага не могла изменить положения дел на фронте”*.¹

В конце июня из России прибыло несколько броневигов, поднявших настроение жителей, но не изменивших в сколько-нибудь значительной степени боеспособность Красной армии.

Как и следовало ожидать, Бичерахов недолго был верным Совету. Воспользовавшись первым же удобным случаем, он снял свои войска и направился на север, на соединение с антисоветской армией в Дагестане. Его предательство ослабило позицию Шаумяна, к тому же меньшевики и эсеры намеренно обвинили последнего в вынашивании планов, идентичных плану германского генерального штаба.

Германские интересы в Баку

В Баку стали поступать сообщения о том, что турки и немцы помогают *“азербайджанским вооруженным силам подготовить контрнаступление из Гянджи”*. Правительство Советской России через своего посла в Берлине Иоффе потребовало, чтобы немцы соблюдали условия Брест-Литовского договора, на что последние ответили, что они ничего не знают о бандах, которые действуют против Бакинского Совета. Однако они сообщили Иоффе, что попытаются удержать турок от нападения на Баку, если Россия предоставит Германии часть нефти этого города. *“Конечно, мы согласны”*, – телеграфировал Ленин Сталину, сообщившему ему об этом условии. В этой связи Сталин телеграфировал Шаумяну, что генеральная линия советской политики в Закавказье заключается в том, чтобы заставить немцев признать проблемы Грузии, Армении и Азербайджана внутренним делом России. *“Возможно, что мы уступим немцам в вопросе о Грузии, – писал Сталин, –*

¹ Архивы Верховного Совета СССР. Дело №125, т.12-й, стр.286.

но такая уступка будет в конце концов сделана только на том условии, чтобы немцы заявили о своем невмешательстве в дела Армении и Азербайджана”¹.

Между тем успешное контрнаступление азербайджанцев внушало тревогу. Рукопашные схватки происходили под безжалостным летним солнцем, обе стороны несли большие потери. 12 июля Бакинский Совет объявил мобилизацию всех мужчин, родившихся в 1893–1897 годы, угрожая уклоняющимся суровым наказанием. 13 июля Шаумян телеграфировал Ленину, что положение на фронте резко ухудшилось. Чрезвычайный комиссар просил у России всемерной помощи. Стремление армянских и русских жителей Баку пригласить англичан возрастало обратно пропорционально успехам Красной армии в борьбе против азербайджанцев и турок. Когда стало ясно, что последние могут появиться в городе в любое время, член Армянского национального совета Тер-Газаров отправился в Персию на переговоры с английским генералом Денстервилем. Требования относительно приглашения англичан раздавались так громко, что они нашли отклик даже в Совете. Эсеры голосовали за то, чтобы просить помощи англичан.

Конечно, они оказались в меньшинстве, однако Шаумян был вынужден просить центральное правительство дать новые указания. Ответ был получен 21 июля. Это была телеграмма, подписанная Сталиным от имени Совета народных комиссаров, которая обвиняла эсеров в “нарушении воли России в пользу... англо-французских империалистов” и заканчивалась словами: *“От имени Всероссийского центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров требую от всего Бакинского Совета, армии и флота беспрекословного проведения независимой международной политики и решительной борьбы против агентов иностранного капитала...”* За ней последовали телеграмма от Ленина, подтверждающая послание Сталина, и от председателя Всероссийского центрального исполнительного комитета Свердлова, который сообщал: *“Мы подтверждаем телеграмму Сталина. Категорически требуем подчинения Бакинского Совета, всех рабочих, армии и флота решениям Съезда (Советов) и директиве ВЦИК и Совнаркома”².*

¹ “Документы по истории гражданской войны в СССР”, т.1-й, стр.289, 202.

² Там же, стр. 289, 290.

Турецкое наступление на Баку

Шаумян прилагал все усилия для того, чтобы выполнить эти указания, но так как турки приближались к Баку, ему трудно было руководить городом и даже Советом в полной мере. 25 июля он высказался за принятие срочных мер по мобилизации и отказ от приглашения англичан в Баку, однако его предложения не получили поддержки большинства Совета.

Чрезвычайный комиссар сделал еще одну отчаянную попытку убедить дрогнувший Совет в том, что нет никакой необходимости прибегать к помощи англичан. Он заявил, что в распоряжении врага не больше войск, чем у защитников Баку, что было неправдой. Он обещал получить из Астрахани артиллерию, двадцать миллионов патронов и т.д. Астраханский исполнительный комитет, зная, каким тяжелым ударом будет падение Баку для Советской республики, решил оказать срочную помощь осажденному городу, но их собственные ресурсы были ограничены и не было уверенности, что их помощь Баку подоспеет вовремя. Наконец, Шаумян утверждал, что англичане могут доставить в Баку не более тысячи человек, что ни в коем случае не спасло бы город.¹

Конфликт в Баку

Из Москвы Ленин советовал считать мятежом и предательством всякое действие, идущее вразрез с решениями центрального правительства, но не мог “обещать наверняка”, что из России в Баку будут направлены войска. Однако в этом заключалась вся суть дела. 30 июля 1918 года турки показались вблизи Баку. Армянский офицер Аветисов сообщил Совету, что дальнейшее сопротивление бесполезно. Казалось, что он, как и многие другие, еще надеялся принудить Шаумяна пригласить англичан. Но Шаумян не сдавал своих позиций. Если бы ему пришлось выбирать между англичанами и турками, он выбрал бы последних. Таким образом, судьба Баку была предрешена. Большевики решили погрузить на суда все оружие и боеприпасы, которые они могли захватить, в ожидании сдачи города туркам.

Падение Совета

Обнаружив, что большинство Совета поддерживает идею союза с англичанами, Шаумян распустил его так же, как и Совет народных комиссаров, одновременно выпустив прокламацию,

¹ “Документы по истории гражданской войны в СССР”, т.1-й, стр.291–292.

которая объявляла, что Бичерахов – предатель, ответственный за прорыв фронта, и что поскольку бакинский пролетариат обманут правыми эсерами, меньшевиками и дашнаками и решил пригласить англичан, Совет складывает с себя свои полномочия. Отныне, провозглашал Шаумян, в Баку больше нет революционной войны, а есть только борьба двух империалистических коалиций. До тех пор пока не будет достаточно сил, чтобы отразить как германотурок, так и “английских хищников”, Совет не может оставаться в Баку. “С болью в сердце и проклятиями на устах те, кто пришел умереть здесь... за Советскую власть, вынуждены уйти...” Прокламация заканчивалась выражением уверенности, что бакинский пролетариат снова объединится с рабочими и крестьянами России и встанет под знамя Советской Социалистической Республики.

31 июля весь состав Бакинского Совнаркома погрузился на суда, идущие в Астрахань. Не успели они отплыть, как меньшевики установили новую власть. Суда, на которых находились комиссары, были остановлены в трех или четырех милях от берега канонеркой “Ардаган”, которая приказала им вернуться в бакинскую гавань. Там комиссары были арестованы и заключены в городскую тюрьму.

“Диктатура Центрокаспия”

Преемницей Совета стала созданная эсерами так называемая “Диктатура Центрокаспия” – орган, который состоял главным образом из русских и поддерживался армянскими националистами. В связи с установлением новой власти конференция заводских комитетов приняла следующую резолюцию:

“1. Конференция заводских комитетов выражает свое доверие и поддержку временной власти, которая возглавляет оборону Баку;

2. Бакинский пролетариат, не мыслящий себя без России или свободную Россию без Баку, снова заявляет о своем полном единстве с трудящейся Россией;

3. Конференция шлет приветствие всем российским товарищам, которые развернули знамя борьбы против немецких насильников над всей Россией, и верит, что час освобождения России и триумф революции близок;

4. Конференция будет приветствовать немедленный созыв временным правительством Совета депутатов, который объ-

единит вокруг себя бакинский пролетариат во имя борьбы за воссоздание единой неделимой России, во имя Учредительного собрания;

5. Конференция выражает свое негодование бывшим комиссарам, которые не только покинули свои посты и оставили фронт в момент смертельной опасности населению Баку, но и предательски пытались увезти с собой оружие, воинское снаряжение и продовольствие, необходимые для обороны. Конференция считает комиссаров предателями и врагами народа".¹

Эта резолюция, составленная эсерами и дополненная меньшевиками, была принята ста тридцатью одним голосом и лишь семнадцатью голосами против из числа присутствовавших участников конференции. Очевидно, бакинский пролетариат действительно отвернулся от большевиков в конце лета 1918 года. "Диктатура Центрокаспия" успела сделать совсем немного. На внутреннем фронте она смогла обеспечить продовольствием Баку, где гражданское население не видело хлеба в течение многих месяцев, на внешнем – самым важным мероприятием диктатуры явилось приглашение англичан для оказания помощи в обороне Баку.

Англичане в Баку

Британский военный контингент в Персии был незначительным; и лишь с большим трудом командующему, генералу Денстервилю, удалось выделить примерно тысячу четыреста человек для экспедиции в Закавказье. Генерал Денстервиль долго ждал этого случая; когда к нему обратились различные бакинские партии и организации, он с готовностью ухватился за предоставленную возможность и погрузил на суда смешанные силы из пехотинцев, артиллерийского подразделения, двух броневиков, двух подразделений пулеметчиков и нескольких других подразделений, которые подошли из Решта. Поскольку численность войск, которые входили в состав его вооруженных сил, была невелика, генерал Денстервиль рассчитывал, что они скорее послужат своего рода связующим звеном для остальных защитников Баку, чем выступят самостоятельными боевыми единицами. *"Целиком вся оборона города, – предупреждал Денстервиль представителя Армянского национального совета, – не может быть организована только англичанами, которые,*

¹ Шаумян, Указ. соч., стр. 213, 217.

как вам известно, должны держать большие армии на нескольких различных фронтах, а расстояние от Багдада до Баку без железной дороги делает содержание наших войск делом несколько затруднительным".*

Англичане захватили все российские суда в персидском порту Энзели, предоставив лучшее судно "Президент Крюгер" генералу Денстервилю и его штабу. Красный флаг, который украшал его мачту, был спущен. Многочисленные революционные комитеты посылали запросы английскому генералу, не является ли он контрреволюционером. Он признает царский флаг, указывали они и потребовали, чтобы красный вымпел революции был вновь поднят. Назревающий конфликт мог бы привести к ужасным последствиям, если бы решение не было найдено. Был достигнут компромисс, разрешивший Денстервилю поднять старый российский флаг, но в перевернутом виде. Очевидно, революционеры не знали, что российский флаг в перевернутом виде представлял собой сербский флаг. В этом было нечто забавное, что не ускользнуло от внимания Денстервиля, и он представил себя этаким *"британским адмиралом на Каспийском море, единственном море, воды которого еще не бороздили британские суда, на борту судна, названного в честь бывшего врага – южноафриканского президента, британским генералом, отплывающим из персидского порта под сербским флагом, чтобы освободить от турок горстку армян в революционном российском городе"*.¹ Когда "Денстерфорс" прибыл в Баку 17 августа 1918 года, его встречали с энтузиазмом, особенно армяне, которые смертельно боялись турок, стоящих под городом. Однако когда генерал Денстервиль прибыл в Баку, многие испытали разочарование небольшим количеством английских войск. Ожидания жителей Баку не оправдались. Они дали волю своему воображению, мечтая о сотнях судов, несущих на борту целые армии дисциплинированных англичан, готовых изгнать турок, а может быть, и большевиков, со всего Закавказья. Вместо этого они увидели немногим более тысячи солдат с двумя броневиками и небольшой артиллерией. Но даже эта небольшая сила произвела определенное впечатление в день своего прибытия. Некоторое время армяне на фронте сражались упорнее, чем когда-либо раньше. Однако вскоре подъем боевого духа спал.

*"Искра" №12, 1918, Баку.

¹ L.C.Dansterwill. "Tse Adventums ob Dunstenforce", London, 1932, p.215.

Распространились слухи, что англичане дурачат народ тем, что каждую ночь под покровом темноты погружают свои войска на суда, а по утрам высаживают вновь на берег с тем, чтобы произвести впечатление постоянно прибывающих подкреплений.

Денстервиль, в свою очередь, был поражен обстановкой, которую застал в Баку. Вместо того чтобы воевать, русские и армянские солдаты проводили бесконечные политические митинги. Войска были совершенно дезорганизованы, никто не подчинялся приказам, ни один офицер не осмеливался добиваться их исполнения. Бесчисленные комитеты действовали как тормоз на любую команду к действию. Из-за вечного беспорядка в городе англичане должны были держать два броневика здесь, вместо того чтобы бросить их в бой. Майор Донахью из “Денстерфорса” рассказывает, как были поражены английские офицеры странной воинской этикой защитников Баку, которые часто оставляли оголенными целые участки фронта ради того, чтобы послушать выступление очередного оратора на митинге либо выпить чай со своими подружками в городе.

Рассказ о пребывании Денстервиля в Баку – это рассказ о непрекращающихся столкновениях между ним и “Диктатурой Центрокаспия”, постоянных интригах и недоразумениях. Денстервиль полагал, что ему, как опытному воину, следовало бы поручить общее командование обороной. Но одни не доверяли “английским империалистам”, тогда как другие стремились командовать сами. Не мог Денстервиль выработать и план операций, так как никто не подчинялся приказам. Лишь слабость противника позволила Баку продержаться столько времени; однако положение было безнадежным с самого начала. При таких обстоятельствах самое лучшее, что мог сделать Денстервиль, это покинуть город. Он высказал свое намерение “Диктатуре Центрокаспия”, которая запротестовала, заявив, что его уход из осажденного города может рассматриваться только как дезертирство и предательство. Одно время казалось, будто русские намерены остановить англичан силой, если они попытаются покинуть Баку. Предостережение, направленное Денстервилем “Диктатуре Центрокаспия”, привело к еще большему ухудшению отношений между сторонами. Турки подвели свою артиллерию так близко к городу, что их орудия держали на прицеле весь город. Снаряды взрывались на улицах и попадали в дома, сея смерть и смятение среди гражданского населения. 12 сентября вражеский

перебежчик рассказал англичанам, что турки готовятся к общему наступлению, в то же время британский летчик сообщил о прибытии подкреплений противника. 14 сентября в 4 часа утра после длительного артиллерийского обстрела турки атаковали самый укрепленный участок линии обороны, в результате им удалось прорваться. Было очевидно, что Баку долго не продержится. Генерал Денстервиль отдал приказ об отводе своих войск с линии фронта.

Опасаясь взрыва ярости у русских и армянских союзников, англичане выждали наступления ночи, чтобы погрузиться на свои корабли и отплыть под покровом ночи. Когда “Диктатура Центрокаспия” узнала, что ее покинули, она пыталась помешать англичанам, приказав двум канонеркам не выпускать их суда из гавани под угрозой потопления. Несмотря на угрозы, в 11 часов вечера 14 сентября 1918 года англичане вышли в море, взяв курс на Энзели. Одна из канонерок открыла огонь, но не нанесла никакого повреждения. Через восемнадцать часов Денстервиль достиг персидских берегов.

Внезапное отступление “Денстерфорса” часто представлялось “Диктатурой Центрокаспия” населению Баку как измена. Несомненно, действия генерала Денстервиля носили характер предательства со стороны союзника, но с военно-стратегической точки зрения это был единственно правильный шаг. Характерно, что когда генерал плыл по теплым волнам Каспия, он не знал того, что и он сам был практически предан “Диктатурой”. Еще 22 августа Исидор Рамишвили, член бывшей российской Госдумы от социал-демократов и старейший государственный деятель Грузии (не путать с Ноем Рамишвили), предложил членам “Диктатуры” Айолло и Велунцу договориться о посредничестве Германии между “Диктатурой Центрокаспия” и турками. Сначала “Диктатура” колебалась. Но 2 сентября ее руководитель Тюшков направил радиogramму в Тифлис о том, что они готовы принять предложение и просят Исидора Рамишвили приехать в Баку.

Однако немецкое посредничество не имело успеха. Турки были недовольны своим союзником, так как немцы вели двойную игру. Их “верный союзник” стремился, чтобы Россия удержала Баку, опасаясь того, что если турки займут его, они не смогут обеспечить бесперебойную добычу нефти, в которой так сильно нуждалась Германия. Не кто иной, как сам генерал Людендорф, склонялся к этой мысли. С другой стороны, турки были решительно настроены

захватить Баку, независимо от того, понравится это немцам или нет. С того момента, как англичане высадились в Баку, для немцев потеряло всякий смысл удерживать турок от их намерений.

Исидор Рамишвили должен был сообщить “Диктатуре Центрокаспия”, что невозможно разрешить конфликт через посредника. Рамишвили привел непреклонную позицию азербайджанского правительства в этом вопросе как одну из причин неудачной попытки посредничества. Нет сомнений в том, что азербайджанцы стремились войти Баку в еще большей степени, чем турки, но не они являлись решающим фактором. Предоставляем читателю самому догадаться, предупредила бы “Диктатура Центрокаспия” Денстервиля, если бы соглашение с турками было достигнуто.

Падение Баку

С уходом англичан Баку не смог продержаться и двадцати четырех часов. Некоторой части армянских войск под командованием генерала Багратуни удалось бежать на судах и добраться до Энзели. 15 сентября 1918 года азербайджанские войска вошли в город. Турки оставались за городом в течение трех дней, в то время как азербайджанцы в полной мере отомстили за мартовские события. Данные, собранные специальной комиссией Армянского национального совета, показывают, что были убиты 5248 бакинских армян. Кроме того, были убиты 1500 армянских беженцев из других мест Кавказа, которые случайно оказались в Баку в столь неподходящий момент. К этим цифрам Комиссия добавила 2240 армян, чьи тела были найдены на улицах, но личности которых не были установлены. Таким образом, общее число достигло 8988. Следует отметить, что эти данные были собраны Армянским национальным советом, от которого едва ли можно ожидать объективности в таком вопросе.¹

Двадцать шесть комиссаров

Бакинские комиссары Шаумян, Джапаридзе, Корганов и другие не погибли во время сентябрьских событий в Баку. Их ожидала более странная, но не менее жестокая судьба. Они уже предприняли две попытки покинуть Баку, первую – 31 июля, вторую – 14 августа. Оба раза их суда возвращались по приказу “Диктатуры Центрокаспия”, во второй раз комиссаров заключили в тюрьму.

¹ Б.Ишханян. “Великие ужасы в городе Баку”, Тифлис, 1920, стр.28–30.

Вскоре после этого были проведены новые выборы в Бакинский совет. Как ни странно, но Шаумян, Джапаридзе, Микоян, Фиолетов и несколько других заключенных комиссаров-большевиков были избраны. Однако "Диктатура Центрокаспия" отказалась освободить их. Она даже начала готовить суд над большевиками по обвинению в уголовных преступлениях. Как только англичане покинули Баку, город охватила паника. Микояну, который каким-то образом не был арестован, удалось добиться приказа об освобождении заключенных и вывести их из тюрьмы всего за несколько часов до того, как азербайджанские войска вступили в город. Комиссары поднялись на борт корабля "Туркмен" в тот момент, когда он уже отходил от берега. Когда азербайджанская армия вступила в Баку, была объявлена награда за каждого большевика, мертвого или живого.

Сначала было решено, что "Туркмен" направится в Астрахань, но команда, чьи семьи были эвакуированы либо в Петровск, либо в Красноводск, отказалась вести корабль в единственный порт на Каспии, который находился в руках большевиков. Комиссарам предложили выбрать порт, в который можно было направиться: Энзели, занятый англичанами, Петровск, находящийся в руках Бичерахова, Красноводск, где было создано квазиправительство, в котором эсеры играли основную роль и который, как казалось комиссарам, был наименее опасным местом. Было решено плыть в Красноводск. Как только комиссары высадились в городе, они были арестованы местными властями и заключены в тюрьму. Их протесты против действий тюремных надзирателей, которые отказали им в умывальниках и постелях, отобрали деньги и ценные вещи и вообще обращались жестоко, были бесполезны. Руководитель антибольшевистского Красноводского губернского комитета управления Кун телеграфировал Бичерахову, прося разрешения судить заключенных военно-полевым судом. Между тем командующий британскими войсками в Хорасане генерал Маллесон телеграфировал капитану Тиг-Джонсу, своему представителю в Ашхабаде, с вопросом о том, что Закаспийское правительство собирается предпринять в отношении заключенных. Тиг-Джонс присутствовал на заседании, на котором члены Закаспийского правительства решали судьбу комиссаров. Некоторые из представителей власти были пьяны, и Тиг-Джонс ушел с заседания, не дождавшись решения вопроса. На следующий день ему сообщили, что двадцать шесть большевиков должны быть

расстреляны. Тиг-Джонс тотчас телеграфировал генералу Маллесону, но не принял никаких мер, чтобы предотвратить казнь узников. Через три дня он получил сообщение, что комиссары были расстреляны в пустыне между Красноводском и Ашхабадом. Казнь двадцати шести комиссаров произвела сенсацию. Сотни статей и десятки книг были написаны о ней. Еще в апреле 1919 года Сталин возложил вину на “людоедов из “цивилизованной” и “гуманной” Англии. Спустя несколько месяцев после расстрела эсер Вадим Чайкин представил свидетельства о том, что члены Закаспийского антибольшевистского правительства Кун, Фунтиков, Дружкин и другие несли всю ответственность за расправу. Однако Фунтиков указывал на причастность капитана Тиг-Джонса, утверждая, что последний договаривался с Дружкиным о том, чтобы расстрелять комиссаров.¹ Тиг-Джонс категорически отрицал то, что он был хотя бы в малейшей степени причастен к убийству двадцати шести, доказывая, что “...судьба заключенных обсуждалась и решалась русскими властями в Ашхабаде без вмешательства со стороны англичан”. Он утверждал, что в убийстве двадцати шести виновны эсеры и что Чайкин, будучи сам эсером и желая снять обвинения со своих товарищей, пытался переложить ответственность на англичан. Поскольку советское правительство продолжало обвинять Тиг-Джонса, английское правительство в декабре 1922 года заявило протест против обвинений, на что советское правительство ответило, что сам факт совершения убийства на территории, занятой англичанами, делает их ответственными за преступление. Сомнительно, чтобы нейтральный суд признал Тиг-Джонса виновным в преступлении, в котором обвинял его Чайкин, но невозможно отрицать и того, что он, по крайней мере, проявил преступную халатность, так как без труда мог бы предотвратить убийство, но, очевидно, участь заключенных не интересовала его настолько, чтобы заставить его дожидаться завершения заседания, на котором решалась их судьба. Казнь комиссаров явилась тяжелым ударом для большевиков; их утрата чувствовалась долгое время.

Прибытие азербайджанского правительства в Баку

17 сентября азербайджанское правительство прибыло в Баку из Гянджи. Кабинет Фатали хана Хойского получил благослове-

¹ В.Чайкин. “К истории российской революции”, выпуск 1-й, Москва, 1922, стр.54–55.

ние султана, который 6 сентября устроил особый прием в “Хаджа София” в честь Расул-заде, Хасмамедова и Сафикюрдского, которые выразили надежду, что отныне их страна может “процветать” под покровительством султана.¹ Азербайджан нуждался в помощи. Окрестности Баку были опустошены ураганом войн, прошедших над ними. Город нуждался в порядке и спокойствии, чтобы залечить свои

¹ “Азербайджан”, №13, 20 октября 1918 года.

ГЛАВА IX

НЕЗАВИСИМАЯ ГРУЗИЯ

Для грузин “слово “немец” было... символом спасения”.¹ В тот момент, когда немецкие солдаты в своих остроконечных касках появились в Грузии, у ее населения вырвался вздох облегчения. Отправка войск в далекую Грузию была действительно трудным шагом со стороны германского Верховного командования. Военские части, которые были необходимы в других местах, направились на Кавказ вопреки протестам таких военных экспертов, как Лиман фон Зандерс, который считал, что предпочтение должно быть отдано Палестинскому фронту на Ближнем Востоке.

Однако Германия оказывала помощь Грузии не из-за одних лишь гуманных побуждений. С прямотой прирожденного солдата Людендорф писал: *“Для нас стало существенно необходимым прибрать к рукам этот район – не просто потому, что мы надеемся заручиться военной поддержкой с этой стороны, но и для того, чтобы получить сырье. То, что мы не можем положиться на Турцию в этом вопросе, еще раз продемонстрировало ее поведение в Батуме, где она добывалась права оставить все сырье за собой. Мы можем надеяться получить нефть из Баку только в том случае, если возьмем ее сами”*. Таким образом, острая потребность в нефти и ненадежность турок заставили германское командование направить на Кавказ войска, которые оно с трудом позволило себе снять с других фронтов.

Прибытие немцев

13 июня в Тифлисе была опубликована декларация, гласящая: *“Германское правительство доводит до сведения населения, что немецкие войска, которые прибыли в Тифлис, были приглашены правительством Грузии с целью защиты границ Грузинской Демократической Республики по указанию и под руководством правительства”*.² Сами немцы имели более ясное представле-

¹ Кариби. “Красная книга”, Тифлис, 1920, стр.159.

² М.Амия. “Путь грузинской жиронды”, Тифлис, 1926, стр.6.

ние о своей задаче. Карл Каутский писал, что немцы явились в качестве организаторов производства, так как они нуждались в грузинском сырье, особенно в марганцевой руде. Они успешно выполнили свою задачу по эксплуатации сырьевых ресурсов Грузии. Дисциплинированность войск, дружеское обращение офицеров и распорядительность управляющих сделали немецкую оккупацию довольно популярной. Каутский, возможно, имел основание писать: *“Грузия – одна из немногих стран в этой войне, где немецкие армии вели успешную пропагандистскую работу в пользу Германии”*.

Германо-грузинские переговоры

Когда возглавляемая Чхенкели грузинская делегация прибыла в Берлин, ее встречали с почестями, обычно оказываемыми представителям суверенного государства. Чхенкели официально уведомил германское правительство о том, что 26 мая 1918 года была провозглашена независимость Грузии, а 4 июня в Батуме подписан мирный договор между Турцией и Грузией, в соответствии с которым Оттоманская империя признала независимость Грузии. В настоящее время в стремлении улучшить условия Батумского соглашения грузинская делегация предложила созвать новую конференцию, в которой приняли бы также участие Германия, Австрия и Болгария.

Вильгельм II и Людендорф разделяли мнение фон Лоссова относительно того, что связи между Германией и Грузией должны быть прочными. В придворных кругах шли даже разговоры о восстановлении монархии в Грузии во главе с каким-нибудь немецким князем на троне. В разговоре с членом грузинской делегации Аваловым немецкий дипломат спросил, проявляются ли в стране монархистские тенденции, однако Авалов заверил его, что в Грузии распространены республиканские настроения. Авалов, в свою очередь, поинтересовался, какими немец представляет себе отношения между Грузией и Империей в будущем. Ответ, который он получил, был успокаивающим. Дипломат заявил, что позиция немцев в Грузии аналогична позиции англичан в Индийском княжеском государстве.

Несмотря на энтузиазм фон Лоссова, заинтересованность Людендорфа и поддержку самого кайзера, руководитель юридического отдела германского министерства иностранных дел занял сугубо формальную позицию, заявив, что, поскольку Германия и

Россия находилась в мире, когда была провозглашена независимость Грузии, ее юридическое признание как суверенного государства возможно лишь с согласия России.

Последовали долгие дебаты между юристами с Вильгельмштрассе и членами грузинской делегации. Немцы утверждали, что Грузия уже давно перестала существовать как независимое государство. Она была частью России свыше ста лет, не предъявляла никаких требований о независимости даже во время переговоров в Брест-Литовске, поэтому Германия юридически не может признать Грузию, если этого сначала не сделает Россия. В ответ грузины указывали на особый характер их независимости. Как мог фон Лоссов участвовать в Батумской конференции, спрашивали они, если Германия не признавала Грузии? Немцы ответили, что участие фон Лоссова было лишь де-факто. Не унывая от этих формальных отписок, грузины писали меморандум за меморандумом, засыпая немецких чиновников ссылками, доказательствами, предложениями, обещаниями. В июне Авалов составил два меморандума, один – по истории отделения Грузии от России, другой – по текущим политическим проблемам. Авалов писал, что Грузия должна прежде всего укрепить свое финансовое и военное положение, добиться признания иностранных государств и вступить в дипломатические отношения с ними. Второй задачей должно стать заключение союза между Грузией и ее соседями в качестве подготовки к созданию Закавказской конфедерации, которая будет иметь право располагать вооруженными силами, способными защитить себя от возможных нападений. Поскольку Грузия будет краеугольным камнем такой конфедерации, то в интересах Германии поддержать ее. Через Грузию политическое и экономическое влияние Германии проникнет в страны Ближнего Востока. Кроме того, как только Германия предоставит Грузии заем, она получит право разрабатывать залежи полезных ископаемых на ее территории. Грузины всячески стремились придать максимальную привлекательность своим предложениям. В том, что Германия была заинтересована в этих предложениях, не могло быть никаких сомнений. В июле она вела переговоры с Россией, пытаясь склонить последнюю не препятствовать признанию Грузии Германией. Советский посол в Берлине Иоффе после консультаций со своим правительством объявил, что Россия согласна на признание Германией закавказской республики. 27 августа в Берлине был подписан российско-германский договор, явившийся

дополнением к Брест-Литовскому договору. 6-я глава указанного договора касалась Кавказа, причем статья 13 гласила, что Россия не будет препятствовать признанию Германией независимости Грузии. В статье 14 указывалось, что Германия не будет оказывать поддержку какой-либо третьей державе в возможных боевых операциях на Кавказе, за пределами Грузии. На карте была проведена линия, и Германия обещала использовать свое влияние с тем, чтобы третья держава не пересекла ее. Линия, о которой идет речь, отделяла Баку. Взамен Германии была обещана четвертая часть добычи нефти в Баку.¹

Как только согласие России было получено, Германия и Грузия приступили к разработке договора. К 3 октября он был готов для подписания. Во вводной части говорилось, что договаривающиеся стороны желают установить дружественные отношения, способствуя тем самым политическому и экономическому развитию Грузии. Проект договора состоял из восьми глав. Первая содержала признание Германией нового государства и выражала желание договаривающихся сторон жить в мире и дружбе. Глава 2 касалась деятельности дипломатических и консульских представительств. Главы 3, 4 и 5 касались, соответственно, российско-германских соглашений, заключенных до 1914 года, которые могут быть применены к Грузии, экономических вопросов и обмена военнопленными. Глава 6 предоставляла немецким колонистам в Грузии, большое число которых поселилось там в девятнадцатом веке, права наравне с грузинскими гражданами. Глава 7 обеспечивала особые гарантии немецким церквям и школам в Грузии, предоставляла немцам право вести археологические раскопки. Восьмая и последняя глава предусматривала ратификацию договора. Однако неудачи немцев в войне помешали подписать его.

Почти одновременно с вышеописанным политическим договором было разработано экономическое соглашение. Состоялось предварительное обсуждение с бароном фон Штейном, главой государственного управления по экономическим делам, за которыми последовали переговоры с представителями немецкой тяжелой промышленности, такими как Крупп, Германо-Люксембургское акционерное общество, Профсоюз германского кайзера и другими. Их главным представителем выступал Фриц Тиссен.

¹ Ю.Ключников и А.Сабанин. "Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях", Москва, 1926–1928, гл.2-я. №125, стр.165.

Немцы были заинтересованы главным образом в грузинском марганце. В целях подготовки более эффективного проекта по разработке этого минерала было решено создать специальную компанию, которая пользовалась бы монопольными правами в этой отрасли. Намечалось также создание двух компаний: одной – по управлению железной дорогой, ведущей в район разработок Чиатури, другой – по управлению портом Поты. Немцы хотели добиться контроля над этими компаниями, однако грузины предложили свой собственный план, согласно которому предусматривалось участие обеих сторон в этих проектах. Немцы осуществляли бы технический контроль, тогда как грузины сохраняли бы право общего контроля над реализацией плана. Германия приняла грузинский план, и соглашение было подписано при условии, что оно войдет в силу после того, как состоится официальное признание Грузии. Поскольку этого признания так и не последовало, то и “марганцевые” соглашения не были реализованы. В течение всего лета 1918 года Германия старалась сдержать натиск Турции на Кавказе. В договоре от 27 августа Германия обещала России сделать все возможное, чтобы не допустить турок к Баку. Уже тот факт, что немецкие войска находились в Грузии, был оскорбительным для Оттоманской империи. Когда в соответствии с Батумским договором турецкие войска хотели занять грузинские железные дороги, грузины отказались отвести свои войска, сославшись на приказ германского Верховного командования. Действительно, 7 июня генерал фон Лоссов телеграфировал грузинскому правительству о том, что грузинские войска должны оставаться на местах прежней дислокации. Немецкие газеты осуждали действия турок. Газета “Нойе Бадише Ландер-цайтунг” упрекала Турцию за отвод войск из Месопотамии и Палестины, где англичане неуклонно продвигались вперед. *“Не думают ли турки, что мы будем отвоевывать Месопотамию и Палестину для Турции, в то время как она будет завоевывать территории в других местах?”* – спрашивали немцы.

В июне Турция пригласила закавказские республики, Германию, Австрию и Болгарию в Константинополь на конференцию для пересмотра Батумского договора. 20 июня грузинская делегация, возглавляемая Гегечкори, прибыла в оттоманскую столицу, где к ней присоединились делегаты двух других закавказских государств. Глава армянской делегации Александр Хатисян дал интервью корреспонденту венской газеты “Политише корреспон-

денц”, но ему было нечего сказать. Ни один делегат не имел ясного представления относительно того, что замышляют турки. Конференция откладывалась несколько раз, потому что турки стремились сначала упрочить свои позиции в Азербайджане. Члены делегаций жили в качестве гостей оттоманского правительства в лучших отелях “Пера”, проводили время в размышлениях о будущем.

Батумский плебисцит

Между тем грузины продолжали настраивать немцев против турок. 20 июня Рамишвили написал германскому дипломатическому представителю графу фон Шуленбургу о том, что турки притесняют аджар (грузин-мусульман, населяющих побережье Черного моря возле Батума), которые желают воспользоваться своим правом на этническое самоопределение на основе Брест-Литовского договора. За этим последовал целый ряд жалоб и протестов. Однако турки не утруждали себя формальностями. Они организовали плебисцит в Батуме и получили подавляющее большинство голосов. 28 июля в ответ на письмо Рамишвили командующий немецкими войсками в Грузии генерал фон Кресс писал, что так как турки провели Батумский плебисцит без согласования с соседними государствами, нарушив тем самым статью 4 Брест-Литовского договора, германское правительство считает правомерным грузинский демарш, опротестовывающий проведение этого референдума.

Получив поддержку Германии, грузинское правительство письменно обратилось к командующему турецкой Третьей армией и выразило недовольство проведением Батумского плебисцита. Грузинская сторона сделала девять замечаний:

- 1. Во время проведения референдума город находился на осадном положении;*
- 2. Подготовка референдума была проведена неудовлетворительно;*
- 3. Референдум был объявлен неожиданно и только на двух языках, так что грузины не могли даже узнать о нем;*
- 4. Во время референдума большая часть жителей находилась вне Батума и не могла вернуться в город из-за запрета турецких властей;*
- 5. Голосование не было тайным;*
- 6. Турки оказывали давление и даже запугивали голосующих;*

7. Многим гражданам не разрешалось голосовать;

8. Временно проживающим, например, персам, разрешалось голосовать;

9. Бюллетени выдавались в зависимости от национальной принадлежности, так что ограничивалась свобода других голосующих.

По вышеперечисленным причинам правительство Грузии заявило протест против Батумского референдума и признало его недействительным.¹ Эсад паша, командующий турецкой Третьей армией, ответил, что обвинения грузин необоснованы. Плебисцит, утверждал он, был свободным, доказательством является то, что было зарегистрировано много голосов против союза с Турцией.² После этого турки отказались от дальнейшего обсуждения данного вопроса. Так как удачи все реже сопутствовали Германии на полях сражений с Францией, отношение турок к Грузии и Армении стало меняться. Во время своего визита в Берлин в сентябре 1918 года оттоманский премьер-министр Талат паша принял грузинскую делегацию во время приема в отеле "Адпон" и пообещал использовать свое влияние в Константинополе, чтобы содействовать улучшению отношений между Турцией и Грузией. Он говорил о сходстве интересов его страны и Закавказья, о том, что все они жители Востока, и т.д. Иными словами, он был воплощением дружелюбия и радушия.

Изменения в позиции Турции

Не прошло и месяца, как Турция была готова действительно пойти на уступки Грузии. Отступавшая на Западном фронте германская армия рассеивала чудесные иллюзии о победе империи. Правительство Талат паши пало. Принимая грузинских дипломатических представителей в октябре 1918 года, новый премьер-министр Турции Иззет паша заявил, что его страна намерена немедленно освободить все закавказские территории, которые она заняла, и прежде всего те, которые были переданы по Брест-Литовскому договору. Генерал фон Лоссов, находившийся в это время в Константинополе, советовал грузинам, а также и армянам пощадить гордость турок и заявить оттоманскому правительству, что вопрос о границе, которую предстоит установить между Гру-

¹ "Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии", Тифлис, 1919, №185, стр.370–371.

² Там же, №186, стр.372–374.

зией и Арменией на территориях, которые освобождают турки, должен быть решен двусторонним соглашением между этими двумя странами. Однако грузины и армяне больше не нуждались в переговорах с турками. Оттоманская империя была в таком же смятении, которое переживало Закавказье в 1917 году.

Как помнит читатель, начиная с марта 1917 года, Закавказье попадало из одной полосы кризиса в другую. Не успело Временное правительство заменить царское, как само было свергнуто большевиками. Стремясь защитить себя от большевизма, Закавказье под давлением турок провозгласило свою независимость. Однако независимость не принесла с собой мира. Когда турки стали хозяевами большей части Закавказья, Грузия пыталась найти временное укрытие за германскими штыками. Но даже в этот короткий период германской оккупации Грузия жила в состоянии постоянных беспорядков. Летом 1918 года волнения в Грузии были вызваны двумя причинами: событиями в соседних республиках – Армении и Азербайджане – и пребыванием германской оккупационной армии. 4 июня 1918 года, в день подписания Батумского договора, между тремя республиками было подписано первое соглашение. Оно касалось подвижного состава Закавказских железных дорог, каждая страна получала несколько локомотивов и вагонов, пропорционально протяженности железнодорожных путей в ее границах. Соглашение было подписано не только представителями заинтересованных республик, но и Халил беем. Казалось, что большинство проблем, которые могли бы возникнуть между закавказскими государствами, можно было бы решить таким же путем, однако в действительности все оказалось намного сложнее.

Грузия и Азербайджан

В середине июня грузинские войска при участии отдельных подразделений германских сил вошли в район Борчалы, который Грузия считала частью своей территории. Районы Борчалы и Лори имели смешанное грузинское, армянское и азербайджанское население, так что невозможно было определить, кто обладает большими правами на них. Министр иностранных дел Азербайджана Мухамед Гасан Гаджинский направил ноту грузинскому правительству, в которой было указано, что части районов Борчалы, Сигнаха и Тифлиса являются целиком мусульманскими и выразили желание присоединиться к Азербайджану. Он просил,

чтобы Грузия во имя дружбы между двумя государствами освободила Борчалы и отменила приказ о его занятии. Он предложил разрешить конфликт посредством назначения смешанной комиссии для установления границы. Грузинское правительство возразило, что Борчалы всегда являлись частью Грузии и что ее восточная граница также не подлежит обсуждению. Ной Рамишвили, автор ответа грузин, потребовал от Азербайджана отказаться от вмешательства во внутренние дела Грузии с тем, чтобы не нанести ущерба дружественным отношениям, которые установлены между двумя народами. Очевидно, азербайджанское правительство сочло нецелесообразным обострять конфликт с Грузией из-за нескольких квадратных километров земли. В следующей ноте Гаджинский уже не упоминал Борчалы, потребовав только, чтобы была назначена комиссия для установления официальной границы между Грузией и Азербайджаном.¹

Грузия и Армения

Грузинская оккупация Борчалы вызвала протест и со стороны Армении. Последняя утверждала, что большинство населения района составляют армяне. Грузинское правительство, которое сначала заявило, что оно заняло территорию, о которой идет речь, для того чтобы защитить ее население от турок, впоследствии изменило свое намерение и решило остаться. На встрече с Хатисяном, Качазнуни и другими армянскими представителями Ираклий Церетели заявил, что Грузия решила занять районы Борчалы, Газаха и Ахалкалаки, потому что Армения слишком слаба, чтобы существовать самостоятельно, и поэтому необходимо иметь на Кавказе сильное христианское государство, которое при поддержке Германии сможет защитить и себя, и Армению. Такие действия со стороны Грузии, конечно, не способствовали улучшению отношений между закавказскими странами.

Взаимная неприязнь усилилась, когда Грузия отказалась принять восемьдесят тысяч армянских беженцев, которые надеялись найти кров в горном районе вблизи Бакуриани. Положение этих беженцев было плачевным. Бандиты увели их скот, и у них не оказалось ни крова, ни пищи. Эпидемии, опасности, подстерегающие на каждом шагу, и голод явились причиной гибели около тридцати тысяч человек за короткий отрезок времени. В июле

¹ З.Авалов. "Независимость Грузии в международной политике, 1918–1921", Париж, 1924, стр.436–438.

пятнадцать тысяч армян из Нухи и Шемахи, в большинстве своем женщины и дети, пытались найти убежище в грузинском селении Лагодех. Однако грузинские войска изгнали их, приставив штыки к спинам, через границу прямо в руки азербайджанцев.¹ В то время Армения была не в состоянии оспаривать факт оккупации Борчалы грузинами или обвинять их в жестоком обращении с беженцами, но семена войны дали свои всходы. Через несколько месяцев они дали всходы в виде ужасного столкновения между двумя народами, на протяжении веков живших в мире.

¹ Следует отметить, что цифры по численности беженцев и потерям, понесенным армянской стороной, были заимствованы из книги, написанной дашнаком, что ставит под сомнение их достоверность (M.Varandian. "Le Conflict Armeno-Georgian a la Guerre du Caucase", Paris, 1919, pp. 74–75).

ГЛАВА X

ГЕРМАНСКАЯ ОККУПАЦИЯ ГРУЗИИ

Вторым источником бедствий, постигших Грузию летом 1918 года, явилась германская военная оккупация. Как бы дружественна ни была оккупационная армия, она всегда вызывает чувство негодования у народов, чью страну она занимает. Германская армия закупала хлеб по более высоким ценам, чем были установлены грузинским правительством, способствуя тем самым росту инфляции и недовольства. Ной Рамишвили обратился к генералу фон Крессу, который заявил, что поскольку немцы не могут заставить крестьян продавать по установленным ценам, как это может сделать грузинское правительство, то они вынуждены покупать по завышенным ценам. Кроме того, фон Кресс указал Рамишвили, что инфляцию создает безудержная спекуляция, и рекомендовал грузинскому правительству принять меры по ее ликвидации.

Дело грузинских помещиков

Невозможно, чтобы армия не вмешивалась в какой-то мере во внутренние дела страны, которую она оккупирует. Немцы в Грузии не были исключением. Когда крестьяне Горийского уезда отказались платить помещикам подать за 1917 год, последние обратились к правительству, но не встретили никакой поддержки в Тифлисе. Разочарованные и разгневанные, они обратились к немецкому командованию. Фон Кресс передал дело помещиков министру внутренних дел Рамишвили. Тот предложил создать комиссию в составе двух представителей грузинского правительства, двух представителей землевладельцев и члена германской делегации в Грузии. Комиссия должна была определить сумму, которую землевладельцы имеют право взимать, а немецкие войска – помочь с ее взиманием.

Ответ грузинского правительства был составлен юристом С. Джапаридзе, который дал правовое заключение относительно обязательств крестьян по выплате податей в данном конкретном

случае. Ввиду того, что в соответствии с проведенной в декабре 1917 года земельной реформой крупные поместья были национализированы, доказывал Джапаридзе, землевладельцы имеют право требовать плату только за землю, которая осталась им после реформы. Кроме того, подати крестьян были сокращены. Там, где крестьяне платили своим помещикам четвертую часть своего урожая, теперь с них требовалось уплатить только одну пятую, там, где подать составляла одну пятую, теперь она стала одной шестой, и т.д. Минимальная подать устанавливалась в 10%. Более того, ОЗАКОМ постановил в 1917 году, что крестьяне не обязаны больше платить подати натурой. Они могут платить деньгами, по ценам, установленным государственными продовольственными комитетами. Все это доказывало, что требования землевладельцев не имели юридических оснований. Вскоре после этого несколько помещиков, среди них были и те, кто обращался к немцам, были арестованы и обвинены в измене. Генерал фон Кресс потребовал ответа о причинах их ареста, заявив, что поскольку немцы явились в качестве друзей с целью помочь организовать новое государство, любому гражданину должна быть предоставлена свобода обращаться к ним с жалобами. Правительство не должно считать действия гражданина или группы граждан подрывными только потому, что они не согласны с решениями данного режима. Поскольку государство, как таковое, не подверглось нападению, значит, никакого предательства не было. В ответ на это разъяснение 28 сентября правительство сообщило народу об аресте помещиков. Их обвинили в заговоре с целью сбора незаконных податей насильственным путем.

Помещики, которых революция фактически лишила принадлежавших им владения, до прибытия немцев жили в страхе и под постоянной угрозой своему существованию. Когда немецкие каски появились на улицах Тифлиса и на извилистых горных дорогах, они стали верить, что вернулись старые добрые времена. Они были уверены, что солдаты кайзера пришли занять нишу, оставшуюся после русского царя. Не добившись поддержки правительства в борьбе против крестьян, дворяне организовали собственные вооруженные отряды, наподобие "черных сотен", снискавших себе позорную славу в революционные дни 1905 года. Большевицское правительство, многие члены которого пострадали от бесчинств тех банд в 1905 году, было решительно настроено ликвидировать организацию дворян, прежде чем они успеют

вызвать беспорядки и ввергнуть страну в горнило крестьянского восстания.

Министр внутренних дел Ной Рамишвили написал фон Крессу, что правительство правомочно подвергать аресту тех помещиков, чьи действия провоцируют анархию. Правительство не может допустить произвола отдельных лиц в таких делах, как насильственный сбор платежей. Рамишвили указал в заключение, что некоторые из представителей дворянства использовали имя фон Кресса для достижения своих личных целей. В конце лета 1918 года в России стало распространяться движение белых как реакция на захват власти большевиками. Возникли десятки правительств, каждое с армией, которые получали определенную помощь от той или иной иностранной державы. На Северном Кавказе действовала так называемая Астраханская армия князя Тундутова. Немцы, которые финансировали князя, просили грузинское правительство разрешить некоему капитану кавалерии Бергу вербовать солдат для армии Тундутова. Не дав своего разрешения на формирование вооруженных отрядов для Тундутова на своей территории, грузинское правительство обещало оказать содействие всякому русскому офицеру выехать из Грузии в качестве частного лица.

Дело британских военнопленных

Игнорирование суверенитета Грузии со стороны немцев и турок особенно наглядно проявилось в деле британских военнопленных, небольшая группа которых была доставлена в Тифлис турками. В Национальной Ассамблее (грузинский парламент) перед правительством был поднят вопрос о факте нарушения международного права, после чего грузинское правительство заявило протест против действий турок. На этот раз немцы не поддержали грузин в их противостоянии с турками. Фон Кресс заявил, что их союзник в соответствии с Батумским договором имеет право на перевозку военных грузов по грузинским железным дорогам. Однако грузины возразили, что классифицировать военнопленных как “военные грузы” означало слишком широкое толкование Батумского договора. Кроме того, военнопленные были размещены в тифлисских гостиницах, что явилось чем-то большим, чем простой перевозкой. Однако Германия продолжала настаивать, и Грузии пришлось уступить и довольствоваться заявлением, что подобные случаи более не повторятся. Турки в сентябре 1918 года были не

в состоянии противостоять своим соседям. В самых изысканных выражениях они просили грузинское правительство считать данный случай простым недоразумением.

Оценка германской оккупации меньшевиками

Однако в целом германская оккупация оказалась благоприятной для Грузии, как утверждали сами меньшевики в письме в Международное социалистическое бюро. В нем отмечалось, что в сложившихся исторических условиях, в которых оказалась Грузия весной 1918 года, Германия была единственной державой, которая могла спасти ее от турецкого кинжала. Большевики заявили, что в дни триумфа германского империализма они без колебаний осудили его, но *“теперь, когда немецкий народ сам вынес приговор этому империализму, мы считаем долгом чести заявить Интернационалу, что в Грузии Германия не заняла себя ни предательством, ни насилем, не злоупотребила ни нашим доверием, ни своей силой”*¹. Лишь к концу августа 1918 года некоторые грузины стали серьезно сомневаться в возможности победы Германии. Министр иностранных дел Чхенкели твердо верил, что немцы победят. Находясь в Берлине, где он возглавлял грузинскую делегацию, Чхенкели со дня на день ожидал увидеть, как Франция будет стерта в порошок под безжалостным ударом прусского бронированного кулака. Однако Авалову удалось убедить Чхенкели отпустить его в Норвегию и Швецию, чтобы установить там неофициальные контакты с представителями Франции, Англии и Соединенных Штатов. В Норвегии Авалов встретился с французским и британским послами, которые согласились с тем, что в сложившихся обстоятельствах для Грузии не было иного пути, кроме того, который она избрала. Британский посол сэр Мэнсфельд К.Финдли знал немного о Грузии от Оливера Уордропа, специалиста по истории и литературе Грузии, который, как ни странно, был в то время британским генеральным консулом в Бергене. Авалов не забыл посетить поверенного в делах США Г.Ф.Артура Шоупфельда, которому он вручил меморандум, содержащий провозглашение независимости Грузии и просьбу о признании со стороны Америки. Такие же меморандумы были направлены англичанам и французам. Ноябрь 1918 года ознаменовался крахом Германии и ее союзников. Лишь тогда большинство грузин поняли, что судьба их страны зависит

¹ “Борьба”. 3 ноября 1918 года, Тифлис.

от победоносной Антанты. Чхенкели, который проводил прогерманскую политику весной и летом, должен был уйти, уступив свое место Евгению Гегечкори. Если Грузия хотела сохранить свою независимость, она должна была немедленно перейти в другой лагерь. Князь Южин-Сумбатов был направлен в столицу Швейцарии Берн, чтобы установить связь с дипломатами союзников. Он вручил им копии меморандума, в котором говорилось о борьбе Грузии против турок, отказе принять Брест-Литовский договор, провозглашении независимости и вынужденном характере обращения за помощью к немцам для борьбы против турок с целью самосохранения. Выражалась надежда, что скоро будет установлена непосредственная связь между Грузией и государствами Антанты. Договоры, которые грузинская делегация подготовила совместно с представителями Вильгельмштрассе, так и не были подписаны. Как только Турция и Германия капитулировали, Россия объявила, что Брест-Литовский договор аннулируется, а это означало, что Грузия и Армения могут возобновить свои требования на Карс, Ардаган и Батум, однако аннулирование Россией Брест-Литовского договора означало также отказ от предусмотренного дополнительным договором от 27 августа признания Грузии. К международным проблемам, с которыми столкнулись Грузия и все Закавказье после поражения Германии, прибавились проблемы внутри страны. Эвакуация немецких войск производилась планомерно и не имела ничего схожего с уходом русской армии в 1917–1918 годах. Тем не менее она высвободила силы анархии. Дотоле скрытый дух революции вдруг воспрял и вырвался наружу. В различных частях Грузии вспыхнули восстания. Ее будущее, как и будущее Армении и Азербайджана, стало теперь таким же неопределенным, как и в мае. Взоры армян, грузин и азербайджанцев обратились на Запад, откуда должно было прийти окончательное решение.

ГЛАВА XI

БРИТАНСКАЯ ОККУПАЦИЯ ЗАКАВКАЗЬЯ

В начале ноября 1918 года оттоманское военное командование известило азербайджанское правительство о том, что через несколько дней турецкие войска покинут страну. Правительство, “скомпрометировавшее” себя дружбой с турками, не знало, что можно ожидать от союзников. Кроме того, последние, казалось, были против образования независимых государств на территории бывшей Российской империи. Сохранятся ли новые закавказские республики? Ответ на этот вопрос могли дать победители.

10 ноября премьер-министр Фатали хан Хойский и исполняющий обязанности министра иностранных дел Адиль хан Зиятханов направили телеграмму президенту США Вильсону. Языком, насыщенным фразами типа “ваш великий призыв” (четырнадцать пунктов), “желание спасти весь мир от взаимного истребления” и т.д., Вильсону сообщалось о претензиях Азербайджана на независимое существование. *“Прежде чем обратиться к европейским державам, – подчеркивалось в телеграмме, – народ и правительство Азербайджана обращаются к Вашей гуманной личности, как к защитнику малых угнетенных народов в надежде получить помощь и признание”*.¹

Декларация генерала Томсона

Не успели турки заявить о своем намерении покинуть Азербайджан, как правительство послало делегацию в Энзели для переговоров с новым командующим британских войск в Персии. В делегацию входили будущий премьер-министр Насиб бек Юсуббеков, Агаев и Рафиев. Генерал Томсон сделал следующее заявление: *“1. К 10 часам утра 17 ноября азербайджанские и турецкие войска должно быть выведены из Баку;*

2. Баку с его нефтяными промыслами будет оккупирован, тогда как остальная часть страны останется под контролем азербайджанского правительства и его войск;

¹ Le 28 mai, 1918, Баку, 1919, pp.10–12

3. Азербайджан официально не признается, но представители Англии, Франции и Америки устанавливают связи с его правительством де-факто;

4. Все организации и учреждения будут функционировать как обычно, за исключением следующих изменений:

а) генерал Томсон будет генерал-губернатором Баку;

б) городскую полицию возглавит англичанин;

в) Городской думе снова будет предоставлена свобода действия.

г) Азербайджан не будет исключен из дискуссии относительно принципа национального самоопределения на Парижской мирной конференции.

д) Лазарь Бичерахов и его части вступят в Баку вместе с британскими войсками.

е) Вооруженные армяне не будут допущены в Баку”.¹

При всей сумбурности этого заявления оно все же выявило позицию Томсона в отношении Азербайджана. Делегаты телеграфировали о результатах своей миссии в Баку, стараясь убедить правительство в том, что положение очень шаткое и ничего не остается, кроме как подчиниться англичанам. Между премьер-министром Азербайджана Фатали хан Хойским и генералом Томсоном состоялся обмен телеграммами. В своей телеграмме Хойский указал, что азербайджанское правительство не возражает против вступления войск союзников в Баку, и выразил надежду, что независимость его страны и ее территориальная целостность не пострадают от британской оккупации, а также обещал обеспечить англичан соответствующим жильем. Поблагодарив премьер-министра за послание, генерал Томсон выразил уверенность, что отношения между Азербайджаном и англичанами останутся самыми дружественными. Обе телеграммы были опубликованы в официальной газете “Азербайджан”, которая сообщила, что в результате переговоров между азербайджанским правительством и генералом Томсоном было достигнуто соглашение, согласно которому часть британских войск вступит в Баку.

Прибытие британцев в Баку

Англичане прибыли в Баку около 10 часов утра 17 ноября 1918 года. В порту их встретили несколько должностных лиц мини-

¹ А.Раевский. “Английская интервенция и мусаватистское правительство”, Баку, 1927, стр.33.

стерства иностранных дел, а также представители различных национальных организаций, в том числе Русского национального совета. Адиль хан Зиятханов, исполняющий обязанности министра иностранных дел, приветствовал Томсона следующими словами: *“Мое правительство поручило мне приветствовать в Вашем лице представителя великой европейской державы... Новая светлая эра солидарности, основанной на совместной мирной работе, открывается всему разобщенному, истекающему кровью и замуценному бедами человечеству... Наш народ преисполнен... надежды, что его старшие братья, народы Европы... не откажутся во имя высокого и святого идеала принять его в свою семью”*. Ответ генерала Томсона был вежлив, но холоден: *“Я поздравляю Вас с окончанием мировой войны. Как командующий объединенных французских, английских и американских сил, заявляю, что мы прибыли сюда согласно договору, подписанному Турцией, чтобы заменить оттоманские войска, которые охраняли вашу территорию до сих пор. Мы не намерены вмешиваться в ваши внутренние дела ни в настоящем, ни в будущем. Я надеюсь, что при тесном сотрудничестве все изменится к лучшему”*.¹

Азербайджанцы не могли не заметить суровости ответа Томсона. Русский писатель Байков сообщает, что генерал даже приказал спустить азербайджанский флаг, но, возможно, это только преувеличение, высказанное тем, кто испытывал злорадство при виде униженного врага.

Тотчас по прибытии в Баку Томсон обратился с воззванием к жителям этого города. Самым важным в нем было отсутствие слова “Азербайджан”. Кавказ рассматривался как часть России, названной союзником, которому англичане стараются оказать помощь. Руководители “Мусавата” и правительства, которые в большинстве случаев были в одном лице, испытали чувство тревоги. Их опасения возросли, когда они узнали, что вечером 17 ноября генерал Томсон встречался с представителями Русского национального совета Пошебякиным, Байковым и Смирновым. Не способствовало спокойствию и присутствие в городе небезызвестного Бичерахова. Однако переговоры Томсона с русскими вовсе не имели целью нанести ущерб Азербайджану. Русские вели себя как хозяева, отклонив предложение Томсона войти в состав коалиционного правительства, которое должно было функционировать до тех пор, пока Парижская мирная конференция не решит

¹ Le 28 mai, 1919.

будущее новообразованных государств. Для русских Закавказье было российской провинцией, и они не собирались признавать право азербайджанцев на национальное самоопределение. Томсон, который, в конце концов, начал терять терпение из-за неуступчивости Пошебякина, Байкова и Смирнова, заявил, что в данный момент России просто не существует. На этом переговоры закончились, русские так ничего и не добились, к великой радости националистов из “Мусавата”.

Азербайджанский парламент

7 декабря 1918 года в Баку состоялось первое заседание азербайджанского парламента. Он был избран на основе всеобщих выборов, причем впервые в истории мусульманских народов в них участвовали женщины. Кроме мусульманского большинства, парламент включал двадцать одного представителя от армян, десять – русских и несколько польских и еврейских депутатов. Парламент состоял в целом из ста двадцати членов, облеченных высшей государственной властью. Кабинет был подотчетен парламенту. Демократические законы, в соответствии с которыми были проведены выборы в парламент, не отражали действительного положения вещей, однако они показали, что даже на Кавказе народ начинает думать о свободе и демократии. Избранный председателем парламента Алимардан бек Топчибашев был высокообразованным юристом, умеренным националистом, толерантным в своих воззрениях. Он редактировал газету “Каспий”, пользующуюся влиянием среди бакинской интеллигенции. Когда была избрана первая российская Государственная дума, Топчибашев был одним из ее членов. Фатали хан Хойский сформировал новый кабинет, в котором он также занял пост министра иностранных дел, тогда как Гаджинский, который был министром иностранных дел в первом кабинете Хойского, занял пост министра государственного контроля. Генерал Мехмандаров возглавил военное министерство. Первой и самой важной задачей нового кабинета было добиться признания англичан. Русские в Баку развенчали в пух и прах сущность азербайджанского национализма и сепаратизма. Однако выборы в парламент и конституционная процедура формирования кабинета Хойского убедили англичан, что перед ними представительное правительство. Первые признаки возможности признания Азербайджана появились 28 декабря 1918 года, когда генерал Томсон опубликовал заявление, кото-

рое гласило: *“Ввиду формирования коалиционного азербайджанского правительства под председательством Ф.Х.Хойского, настоящим я заявляю, что Союзное командование будет оказывать полную поддержку вышеуказанному правительству как единственно законной местной власти в пределах Азербайджана”*. Эта прокламация была напечатана в официальной газете *“Азербайджан”*, вселив мусаватистам надежду, что поражение Турции, может быть, еще не означает гибель их государства.

Британские интересы в Баку

Месяц спустя Баку посетил генерал сэр Джордж Милн, которому был оказан пышный прием со стороны азербайджанского правительства. В беседе с Хойским он подтвердил заявление Томсона, объявив обрадованному премьеру, что британское правительство признает азербайджанское правительство как единственно законную власть на территории этой страны, которой будет оказана полная поддержка Союзного командования.

Высказывались различные мнения относительно того, зачем англичане прибыли в Баку, и какие интересы они преследовали в регионе. Советские историки утверждают, что целью англичан было создание плацдарма для противодействия Советской республике и эксплуатации бакинской нефти. В 1926 году Гурко-Кряжин писал, что британская политика в Закавказье в 1918–1919 годах преследовала две цели: предотвратить воссоединение Закавказья с Россией путем оказания поддержки мелким шовинистическим государствам и ведение открытой вооруженной борьбы против Советской России. Гурко-Кряжин, Ратгаузер, Раевский и другие встретили поддержку на Западе, где такие авторы, как Луис Фишер, повторили их доводы. Некоторые высказывания представителей европейских политических и деловых кругов также обеспечили им необходимую поддержку. Так, председатель Бибиэйбатской нефтяной компании Герберт Аллен заявил в Лондоне в декабре 1919 года: *“Никогда в истории этих островов не было такой возможности для мирного проникновения британского влияния или британской торговли, для создания второй Индии или второго Египта... Нефтяная промышленность России, щедро финансируемая и надлежащим образом организованная под британским покровительством, сама по себе будет ценным приобретением для Британской империи... Британскому правительству представляется блестящая возможность оказать сильное влияние*

на огромную производительность грозненских, бакинских и закаспийских промыслов". Это высказывание истолковывалось как выражение официальной политики британского правительства. В 1928 году американец Луис Фишер отмечал: *"Ради справедливости, следует подчеркнуть, что методы англичан в Баку не были грабительскими. Они не действовали так, будто их целью являлось захватить как можно больше нефти и скрыться. Они вели себя так, будто собирались остаться здесь на долгое время. Они рассматривали Баку как новое приобретение империи, а не как сокровище, которое можно украсть мимоходом"*. Нет необходимости напоминать, что англичане имели иное представление о своей миссии в Закавказье. Великобритания вела в тот период то, что сегодня определяется как тотальная война. Врага следовало преследовать всюду, где бы он ни находился. Действительно ли англичане верили в угрозу нападения немцев на Индию через Закаспий, трудно установить, хотя некоторые из их военных специалистов и выражали такие опасения¹; но факт остается фактом: первые английские войска появились в Закавказье, когда турки осаждали Баку. То, что англичане не задержались в Закавказье и покинули его задолго до того, как первые советские войска появились на границах Грузии и Азербайджана, опровергает утверждение о том, что они пришли, чтобы остаться.

В попытке договориться с англичанами и французами грузины столкнулись с огромными затруднениями в Лондоне и Париже. Преобладающим настроением в столицах государств-победителей было сочувствие к России как неудачливому союзнику, которому следует оказать помощь. Национальные идеалы армян, грузин и азербайджанцев не нашли отклика на Западе. Кроме того, дипломаты царской России, имеющие широкие связи в официальных кругах, делали все, чтобы дискредитировать кавказский сепаратизм в глазах Европы. Однако в Англии еще сохранялись традиционное недоверие к России и вековое стремление положить конец ее проникновению на Восток. Те, кто разделял эту точку зрения, приветствовали возможность установить надежный барьер российскому проникновению на Ближний Восток.

В Лондоне грузинские представители Авалов и Гамбашидзе вступили в контакт с министерством иностранных дел. Их упорство в отстаивании интересов Грузии было вознаграждено в конце

¹ Так, об этом говорит сэр Перси Сайкс во втором томе своей "Истории Персии".

декабря, когда они получили ноту, извещавшую их, что правительство Ее Величества сочувствует независимости Грузинской Республики и готово помочь ей добиться признания на Парижской мирной конференции. Радостное известие было передано в Тифлис без промедления.

Грузия и англичане

Первые встречи между англичанами и грузинами на Кавказе были менее дружелюбными. Так, генерал Томсон направил новому премьер-министру Жордания послание, в котором утверждалось, что Союзные державы не признают никаких независимых образований на территории России. Программа союзников, по словам Томсона, заключалась в следующем:

- 1. Восстановить Кавказское наместничество от лица России;*
- 2. Освободить Кавказ от немцев и большевиков;*
- 3. Восстановить порядок, не вмешиваясь, однако, во внутренние дела страны;*
- 4. Восстановить торговлю с портами Персии и районами, не занятыми большевиками;*
- 5. Обеспечить свободное передвижение личного состава войск союзников по Закавказским железным дорогам;*
- 6. Помочь армянским войскам возвратиться домой.*¹

Эта программа была, конечно, совершенно неприемлемой для Грузии. Ей было жизненно необходимо изменить позицию союзников. Для достижения этого грузинские меньшевики были готовы изменить окраску с красного цвета на менее вызывающие оттенки. Когда американская политическая миссия направлялась в Батум из Баку через Тифлис, ее глава, профессор университета, спросил представителя грузинского правительства Диомида Топуридзе, почему на улицах Тифлиса вывешены красные флаги: “Красный флаг – символ социализма и революции. Может быть, вы намерены продолжать революцию?.. Это то же самое, что большевизм, а вы знаете, что союзники желают установить мир и порядок”. Чтобы успокоить высокого гостя, Топуридзе ответил: “Наша революция уже закончилась. Мы далеки от социальных экспериментов...” Профессор не был удовлетворен. “Верно ли, что ваше правительство социалистическое?” – спросил он. Не моргнув глазом, Топуридзе ответил отрицательно, признав, однако, что в кабинете есть несколько социалистов. После этого

¹ Г.Девдариани. “Дни господства меньшевиков в Грузии”, стр.39–40.

американец спросил, может ли Грузия оказать помощь Британии и, следовательно, Соединенным Штатам в борьбе против большевизма. В тот же день в беседе с представителем союзников в Батуме Вебстером Топуридзе сказал, что Грузия никогда не переставала считать себя союзником Антанты и что она считает своим долгом помочь англичанам бороться с большевизмом на Кавказе. В то время Батум продолжал находиться под контролем турок, которые ожидали прибытия английских войск, чтобы сдать город. Топуридзе предложил Вебстеру использовать все возможности республики, включая порты и железные дороги, для достижения общей цели: установления порядка и борьбы с большевиками, взамен этого Грузия просила обеспечить ее территориальную целостность. К концу декабря генерал Томсон был готов к тому, чтобы направить войска из Баку для оккупации Грузии. 22 декабря министр иностранных дел Гегечкори писал полковнику Джордану, главе британской миссии в Тифлисе, что грузинское правительство не считает необходимым вводить иностранные войска в Грузию для поддержания порядка, так как правительство вполне может справиться с этим без посторонней помощи. Если иностранные войска, которые собираются вступить в Грузию, имеют иные цели, а не поддержание порядка, то грузинское правительство вынуждено заявить, что никто не переступит границ Грузии без ее разрешения. Даже если союзники вступят в Грузию с разрешения грузинского правительства, им не позволят вмешиваться во внутренние дела страны.

Полковник Джордан ответил, что ввод британских войск осуществляется в полном соответствии с генеральным планом союзников по установлению мира и безопасности во всем мире. Он заверил грузинское правительство, что никакого вмешательства во внутренние дела Грузии не будет, как не будет и нарушения свободы народа. Джордан заключил свое письмо просьбой предоставить помещение для одной пехотной бригады, одной артиллерийской бригады и восьмисот коней. В своем втором письме Гегечкори повторил, что нет никакой необходимости вводить иностранные войска в Грузию, но принимая во внимание заявление полковника о том, что это делается в соответствии с генеральным планом Антанты, *“грузинское правительство, исполненное желанием сотрудничать с союзниками для утверждения законности и справедливости, провозглашенных ими, дает*

свое согласие на ввод войск...” Под этой видимостью суверенитета и независимости скрывался элемент иронии. У Грузии не было средств помешать англичанам вступить в страну, даже если она и хотела бы это сделать. Подобно тому, как несколько месяцев назад немцы сочли удобным действовать через грузинское правительство, преследуя свои цели в Закавказье, так и англичане теперь видели в нем инструмент, который при правильном использовании может облегчить их задачу. Никакая фразеология о независимости не могла скрыть этого основного факта. Как только англичане заняли Закавказье, они стали действовать как хозяева. Их офицеры в Батумском полицейском управлении вскрывали все пакеты и конверты, даже адресованные правительствам закавказских республик и отправленные дипломатической почтой. В Тифлисе англичане пытались контролировать печать. Когда меньшевистская газета “Борьба” опубликовала несколько статей, которые англичане нашли двусмысленными, генерал Уолкер заявил Жордании: *“Я должен предупредить грузинское правительство, что если оно не заставит эту газету прекратить подобную кампанию, и статьи подобного рода будут продолжать появляться, если грузинское правительство не закроет “Борьбу”, я буду вынужден сам положить конец выходу этой газеты, ввиду того, что ее статьи наносят оскорбление союзным державам”*. Жордания ответил, что грузинская печать, которая отражает общественное мнение, не подвергается цензуре, но если статьи, направленные против союзников, будут продолжать появляться, правительство примет меры, чтобы предотвратить такие случаи в будущем.¹

Можно утверждать с уверенностью, что большая часть, если не все, действия англичан в Закавказье неправильно истолковывалась местным населением. Английские солдаты вели себя не так, как немецкие. Среди населения было широко распространено мнение, что англичане пришли, чтобы остаться. Самые невероятные слухи, и, как правило, отражающие вражду к ним, ходили по всему Закавказью. Однако непонимание было взаимным, так как большинство англичан были так же не в состоянии понять народы Закавказья, как и последние, в свою очередь, не могли понять их.

¹ “Демократическое правительство Грузии и английское командование”. Красный архив, №2 (2), Москва, 1927, стр.136–137.

Союзники и Армения

Маленькая, изнуренная войной Армянская Республика встретила англичан с распростертыми объятиями. Армения надеялась, что наступает новая эра, когда она, наконец, получит то, что ей обещали в течение многих лет. В июле 1918 года Рамсей Мак Дональд запросил правительство в палате общин относительно того, сделают ли союзники после победы над турками все, чтобы решить будущее Армении в соответствии с принципом самоопределения. Министр Балфор, выступающий от лица правительства, дал утвердительный ответ. Другое обещание было дано Клемансо, когда он написал армянскому политическому деятелю Богос Нубар паше, что судьба Армении будет решена *“согласно высшим принципам человечества и справедливости”*. Подобные заверения Ллойд Джорджа, Брийдана и других известных государственных деятелей составили бы длинный и внушительный список. Армения имела все основания надеяться, что ей будет уделено особое внимание со стороны союзников, которые провозгласили освобождение Армении как одну из важнейших задач в войне. Действительность, однако, опровергла эти ожидания. Конец войны не положил конец бедствиям Армении.

ГЛАВА XII

АРМЯНО-ГРУЗИНСКИЙ КОНФЛИКТ

После подписания Батумского договора Грузия заняла районы Лори и Борчалы, которые Армения считала своими. Однако Армения была тогда слишком слаба и изолирована, чтобы противостоять этому, поэтому она довольствовалась протестом. Однако “Дашнакцутюн” не забыл, что в час поражения Армении был нанесен удар северным соседом. Прием, оказанный армянским беженцам грузинскими властями, еще более разжег ненависть, которая рано или поздно должна была привести к кровопролитию.

Грузия созывает Кавказскую конференцию

Еще в период пребывания германских войск в Грузии, на границе с Арменией регулярно происходили столкновения. 18 октября 1918 года Грузия обвинила Армению в захвате части территории Тифлисской губернии. 27 октября 1918 года грузинское правительство пригласило Армению, Азербайджан и Горскую Республику Северного Кавказа (государство, провозгласившее свою независимость в мае 1918 года) принять участие в конференции в Тифлисе. Проведение этой конференции, утверждали грузины, необходимо ввиду близкого окончания войны. Закавказье, отмечали они, должно быть готово к предстоящей мирной конференции, на которой ее республики должны выступить сообща. Для этого необходимо было решить свои проблемы. Грузия предложила обсудить следующие вопросы:

- 1) *взаимное признание независимости;*
- 2) *разрешение всех спорных вопросов, в том числе столкновений на границах, через третейский суд;*
- 3) *взаимное обязательство не вступать в соглашения, противоречащие интересам одной из закавказских республик или Горской Республики;*
- 4) *взаимная поддержка и солидарность на предстоящей мирной конференции в защиту общих интересов республик Кавказа.*

До того как были получены ответы на приглашение, тифлисские газеты опубликовали сообщения о том, что в Армении объявлена мобилизация. Грузинское правительство запросило поверенного в делах Армении Джамаяна, верны ли эти сообщения, и получило заверения, что они ложны. 31 октября Джамаян сообщил грузинскому правительству, что Армения будет рада участвовать в конференции вместе с Грузией, Азербайджаном и Горской Республикой Горцев, но хотела бы договориться о предварительном обсуждении. Гегечкори ответил, что повестка назначенной конференции носит предварительный характер, и что никакие дополнительные вопросы не исключаются.

Армения воздерживается

Тем временем армянское правительство хранило странное молчание. 10 ноября Жордания телеграфировал грузинскому дипломатическому представителю в Эривани Мдивани, чтобы он сообщил армянскому правительству, что поскольку оно не направило делегата и не дало ответа на приглашение, конференция будет отложена на три дня. "Попросите их послать двух делегатов...", – заканчивалась телеграмма. Мдивани обратился к министру иностранных дел Армении, и ему было заявлено, что армянская сторона считает целесообразным, чтобы Грузия и Армения разрешили свои споры о границе на двусторонней основе до созыва общезакавказской конференции. Кроме того, Армения хотела бы выяснить отношение Азербайджана к этой конференции. Министр иностранных дел Армении Тигранян подтвердил это как в устной форме, так и в ноте, врученной Мдивани. Последний рекомендовал своему правительству отложить конференцию еще на десять-пятнадцать дней с тем, чтобы предоставить время для получения согласия Тиграняна. 14 ноября конференция открылась в Тифлисе, но без Армении. Грузию представляли Гегечкори и Рамишвили, Республику Горцев – Векилов и Коцев, Азербайджан – Джафаров. Грузины поняли, что отсутствие Армении делает конференцию практически бесполезной, однако азербайджанский делегат Джафаров считал, что конференцию можно провести и без ее участия. Грузинам удалось убедить азербайджанцев и горцев в необходимости еще раз обратиться к Армении с просьбой прислать делегатов, поэтому конференция была отложена до 20 ноября. Армения была непреклонна в своем отказе участвовать в конференции до разрешения своего пограничного

спора с Грузией. Конференцию пришлось откладывать дважды. Почему Армения не прислала своих делегатов? – спрашивали Гегечкори в Тифлисе и Мдивани – в Эривани. Джамалян и Тигранян давали почти одинаковые ответы: Армения хочет разрешить свой спорный вопрос с Грузией посредством двусторонних переговоров. Отказ Армении выносить свой спор с Грузией на общую конференцию в Тифлисе легко понять: на этой конференции она была бы вынуждена согласиться с третейским судом для разрешения спора со своим северным соседом. А с Азербайджаном или другой мусульманской республикой в роли третейского судьи Армения была уверена, что никогда не сможет выиграть спор. Другой причиной непримиримого отношения армян было их убеждение, что раз союзники пришли в Закавказье, они, конечно, встанут на сторону Армении против Грузии и Азербайджана. Разве Армения не была верна царской России, Англии, Франции и Соединенным Штатам? Разве она не сражалась с турками и не сопротивлялась немцам в то время, как Азербайджан и Грузия пресмыкались перед ними? Разве в Палате общин и Палате представителей американского Конгресса не раздавались обещания загладить обиды Армении? Турецкие и немецкие войска еще не покинули страну, когда Армения стала праздновать свою победу. Если армяне испытывали подобные чувства, неудивительно, что они отказывались идти на компромисс.

В начале декабря турки приступили к эвакуации из Закавказья, но перед тем как уйти, они сыграли злую шутку с Арменией и Грузией, сообщив первой, что после 6 декабря армяне вправе занять территорию, которая некогда принадлежала Османской империи. Аналогичное сообщение было направлено грузинам, однако в последней ноте сроком турецкой эвакуации был указано 4 декабря. Таким образом, когда армянские войска вступили в районы Лори и Борчалы, они увидели, что грузинские войска преграждают им путь.

5 декабря министр иностранных дел Армении Тигранян заявил, что его страна не направит свои войска в Ахалкалаки или иную спорную область до тех пор, пока не будет достигнуто мирное разрешение конфликта. Через два дня Гегечкори объявил, что грузины уже заняли Ахалкалаки, чтобы защитить население от насилия, чинимого бандами. Кроме того, как утверждал Гегечкори, Ахалкалаки принадлежит Грузии на моральном, политическом, историческом и всех прочих основаниях.

Восстание в Борчалы и армяно-грузинская война

В то время как Гегечкори и Тигранян спорили, в Борчалы вспыхнуло восстание против грузинской оккупации. Оно было вызвано как неудовлетворительным управлением грузин, так и пропагандой дашнаков. Мдивани телеграфировал Тиграняну, предложив создать смешанную комиссию для изучения сложившейся ситуации. Министр иностранных дел Армении обещал обсудить этот вопрос совместно с правительством. Однако вместо ответа на свое предложение Мдивани получил ультиматум, требующий, чтобы Грузия покинула район Борчалы. Дро, командующий армянскими войсками в районе Лори, заявил, что его войска не будут ждать ответа грузин, а перейдут в наступление 14 декабря. Грузинский посланник пытался лично попасть в Тифлис, чтобы доложить своему правительству о последних событиях, но был задержан в Караклисе после того, как армянские военные власти отказали ему в выдаче пропуска на выезд из города. В отчаянии Мдивани телеграфировал Пуадебарду, французскому военному атташе в Эривани, и сообщил ему об ультиматуме, умоляя использовать свой авторитет для предотвращения вооруженного столкновения между двумя закавказскими народами.

Но было слишком поздно. Близ города Санаин войска Армении соединились с армянскими повстанцами, которые уже имели столкновения с грузинской армией. Гегечкори сначала отказывался верить, что это было сделано по приказу армянского правительства. Между тем Тигранян объявил, что грузинская артиллерия обстреливает армянское селение Саларцы. После одиннадцатичасовой попытки предотвратить войну Гегечкори телеграфировал Тиграняну, что Грузия готова разрешить спор мирным путем, но тон его сообщения был не слишком примирительным. Он обвинил Армению в различных актах агрессии и требовал, чтобы боевые действия были прекращены: *“В противном случае правительство Грузии будет иметь моральное право сложить с себя всю ответственность за последствия”*.

14 декабря Гегечкори выступил перед грузинским парламентом. Он сообщил о печальных событиях, отказе Армении присутствовать на общезакавказской конференции, протесте армян против занятия грузинами Ахалкалаки, инциденте под Санаином и т.д., подчеркнув вместе с тем то, что, по его мнению, армянское правительство не несет ответственности за столкновения на границе. Последнее заявление было встречено криками возмущения

со стороны националистически настроенных членов парламента. Если они были недовольны мягким тоном речи Гегечкори, то следующие слова должны были удовлетворить их. *“Мы сделали все, что можно было сделать дипломатическим путем, – сказал министр, – если это не приведет нас к разрешению конфликта, дипломатия должна будет замолчать”*.

Грузинское правительство заявило, что у одного армянского солдата был обнаружен документ, свидетельствующий об агрессивных планах Армении. Это был приказ командующего местной армией, который гласил:

1. Грузинские войска занимают Воронцовку и Привольное.

2. В соответствии с решением правительства военным министром отдан приказ занять районы Лори и Борчалы вплоть до реки Храм. Вверенному мне полку приказано немедленно выступить и занять селения Воронцовка и Привольное.

Этот документ, каким бы изощренным он ни показался, прямо указывает на то, что Армения была не прочь начать войну за овладение этой полоской земли.

15 декабря Тигранян направил еще одну ноту Гегечкори, в которой отмечалось, что 12 декабря Армения потребовала вывода грузинских войск из армянской части района Борчалы, который грузины захватили силой. В своей безграничной любви к миру, говорилось далее в ноте, Армения надеется, что Грузия воздержится от агрессивных действий по отношению к местному населению, которое не желает, чтобы их земля была захвачена Грузией. Однако грузинское правительство отказалось решить спорный вопрос о границе мирным путем и даже начало кампанию против местного населения. Армянское правительство не может оставаться безучастным к расстрелам и грабежам армян на их собственной территории. Нота заканчивалась выражением надежды, что грузинское правительство, уважающее пожелания населения и права Армении, незамедлительно освободит от своих войск спорные районы. Ответом Гегечкори было приглашение Тиграняна на конференцию для разрешения конфликта, в случае неудачи будет привлечен третейский суд, как средство предотвращения братоубийственной войны. Одновременно грузинское правительство сообщило союзникам, что 9 декабря 1918 года грузинские пограничники подверглись нападению регулярных армянских войск под Санаином и Воронцовкой. Телеграфное сообщение было прервано, а железнодорожные пути разобраны.

Однако грузинское правительство, утверждал Гегечкори, не поверило, что это было сделано по приказу армянского правительства, и пригласило Армению на конференцию, чтобы найти решение опасному инциденту. Вместо того чтобы принять приглашение, Армения совершила вероломное нападение. Поэтому на нее, как на агрессора, ложилась вся ответственность. Выступивший в парламенте премьер-министр Жордания заявил, что ему совершенно ясно, что армянское правительство сначала спровоцировало восстание в Борчалы, а затем послало свои войска якобы на помощь местному населению. *“Правительство Армении нарушило добрососедские отношения, которые устанавливались в течение многих веков. Оно нарушило исторические традиции как армянского, так и грузинского народов”*.¹ По мнению Жордания, у Армении было две отговорки для оправдания своего преступления. Первой был ущерб, якобы нанесенный, по общему мнению, армянскому населению, второй – притязания этой страны на часть Борчалинского района. Жордания заявил, что после недавнего убийства Карчикяна, руководителя умеренных дашнаков, экстремисты взяли руководство партией в свои руки, ввергнув Армению в неисчислимыя беды. В Закавказье, заключил он, Армения уже испортила свои отношения с Азербайджаном; теперь она останется в изоляции. Война вызвала в Грузии всплеск антиармянских настроений. Тысячи мирных армянских жителей Тифлиса и других городов были объявлены военнопленными, десятки тысяч были высланы. Первоначально боевые действия разворачивались в пользу Армении, ее войска подошли к самому Тифлису, однако 29 декабря они понесли поражение под Шулавери и были вынуждены отступить.²

Вмешательство англичан

Еще 21 декабря англичане пытались прекратить войну. Командующим армянской и грузинской армиями был направлен приказ прекратить огонь, однако ему не повиновались. 22 декабря грузинское правительство сообщило главе английской миссии в Тифлисе полковнику Джордану, что Грузия готова принять предложение союзников на двух условиях:

1. Приказ о прекращении огня грузинской армии должен быть дан ее собственным правительством;

¹ “Документы и материалы...” №241, стр.462–464.

² А.Деникин. “Очерки русской смуты”, т.4-й, Берлин, 1924–1926, стр.152–154.

2. В районе Борчалы должно быть восстановлено положение, которое было до начала военных действий.¹

25 декабря союзники обратились к главнокомандующим грузинской и армянской армиями с призывом немедленно прекратить боевые действия. Было объявлено, что смешанная комиссия в составе французских и английских офицеров в сопровождении представителей грузинского правительства направится на фронт, чтобы проследить за исполнением приказа. Условия перемирия были выработаны французами, англичанами и грузинами без согласования с армянами и оказались достаточно несправедливыми для последних. В телеграмме президенту Армянской Республики союзники приказывали армянской армии отступить на позиции, которые она занимала до конфликта. Район Ахалкалаки останется в руках грузин, Борчалы будет нейтральной зоной и охраняться англичанами. Это сообщение было подписано не только французами и англичанами, но, как ни странно, Жордания. Таким образом, армяне имели основание считать, что с ними обошлись жестоко, если не предательски, их западные друзья. Положение армян было отчаянным. Если бы не их вера в союзников, они никогда не напали бы на Грузию. Они были уверены, что Англия и Франция не будут препятствовать действиям по наказанию народа, который сотрудничал с немцами во время войны. Они считали, что Запад в долгу перед ними. Разве Гладстон не сказал однажды, что служить Армении – значит служить цивилизации? И после этого английские, французские и американские государственные деятели, писатели, священники и дипломаты не переставали повторять эту фразу.

Однако теперь, когда союзники находились в Закавказье, они не стали бороться за дело армян. Грузия, которая могла использовать немцев, казалось, могла заставить и Антанту служить своим интересам. В своих воспоминаниях генерал Деникин, возглавлявший движение белых на юге России, утверждает, что англичане выступили на стороне Грузии, поскольку грузины заявили им, будто Армения не одинока в своей войне против Грузии, а состоит в стоворе с Добровольческой армией генерала Деникина. Он отрицает существование заговора между ним и Арменией против Грузии, но сообщает, что генерал британских войск Уолкер заявил Тиграняну, что в случае нападения на Грузию объединенных сил Армении и Добровольческой армии Англия придет

¹ “Документы и материалы...”. №№250, 251, 252, стр.477–479.

на помощь Грузии. Телеграмма от Дугласа Визерса, члена смешанной комиссии союзников, датированная 30 декабря 1918 года, принесла в Тифлис известие о том, что Армения согласилась прекратить войну в 24 часа к 31 декабря 1918 года. Таким образом, англичане смогли навязать мир двум закавказским народам, которые, едва достигнув независимости, стали проявлять признаки старых империалистических государств. Лишь Великобритании удалось предотвратить распространение пожара войны на весь Кавказ, хотя именно ее московские газеты обвиняли в первую очередь в провоцировании войны и применении старого принципа “разделяй и властвуй”.

Конфликт и II Интернационал

Учитывая то обстоятельство, что правящие партии как Грузии, так и Армении были членами II Интернационала, они вынесли свой спор на одну из его конференций в Берне (февраль 1919 года). Конференция постановила, что ко всем спорным территориям следует строго применять принцип самоопределения. На состоявшемся в мае заседании Исполнительного Комитета, на котором председательствовал лидер лейбористской партии Великобритании Артур Гендерсон, дашнак Михаил Варандян выдвинул обвинения против Грузии. В состав Исполкома входили такие видные социалисты, как Мак Дональд, Ренодель, Лонге, Бунинг и Гуйсманс. Этот ареопаг мира социализма решил провести плебисцит в спорных районах, с этой целью на Кавказ намечалось направить особую комиссию. Однако армяне потребовали вывода грузинских войск из спорных территорий до проведения плебисцита, на что Исполнительный Комитет Интернационала ответил, что Армения должна доверять его комиссии. Армяне отказались доверять кому бы то ни было, кроме себя. Они были настолько упрямы, что Гуйсманс упрекнул их в нежелании прийти к соглашению. Поскольку Интернационал считал, что он призван скорее быть третейским судом, чем просто структурой, призванной удовлетворить требования армян, он потерпел неудачу, так как армяне не признавали никакого решения, не отвечающего их условиям. В августе 1919 года вопрос еще раз был поставлен на конференции социалистов в Люцерне, когда было решено просить Лигу Наций провести плебисцит. Армяно-грузинская война нанесла большой ущерб делу независимости закавказских республик. Старая вражда грузин к армянам разгорелась и достигла

невиданных прежде размеров, сделав невозможным совместные армяно-грузинские действия на Парижской мирной конференции. Перед Западом предстало печальное зрелище двух народов, управляемых партиями, которые являлись членами II Интернационала и провозглашали своей главной целью мир, но в то же время воевали за несколько клочков земли наподобие Германии или России. Те, кто был призван решать судьбы человечества в Париже, не могли уже доверять ни Грузии, ни Армении. Противники независимости Закавказья получили в свое распоряжение богатый материал, на основании которого они могли доказать и действительно доказали, что Армения, Грузия и Азербайджан, управляемые дашнаками, меньшевиками и мусаватистами, не в состоянии сохранить мир и обеспечить мирное существование своим народам. Даже в самом Закавказье возникли сомнения, сможет ли эта страна стоять на своих собственных ногах.

ГЛАВА XIII

ГРУЗИНСКОЕ ГОСУДАРСТВО

В результате отделения Закавказья от России и провозглашения независимости Грузии местное отделение Российской социал-демократической рабочей партии приобрело статус правящей партии страны. Жизнь поставила перед меньшевиками проблемы, которые нужно было решать не откладывая. Грузинские меньшевики всегда выступали против участия социалистов в буржуазных правительствах. Когда Церетели стал членом Временного правительства в Петрограде, Жордания возражал, доказывая, что пролетарские партии должны остаться вне буржуазных правительств с тем, чтобы быть свободными в классовой борьбе и достижении своих целей. Однако в 1917–1918 годах в Грузии не было иной организации, кроме партии меньшевиков, способной управлять страной. Таким образом, последние должны были взять власть вопреки часто повторяемым утверждениям Жордания, что текущая революция является буржуазной по своему характеру, а ее результатом станет создание буржуазного государства. Грузинские меньшевики изменили свою первоначальную позицию, не только приняв участие в буржуазном правительстве, но и фактически возглавив его. Мир получил редкую возможность наблюдать за тем, как социалистическая партия строит то, что, как она сама признавала, будет буржуазным государством. Преданность догме не позволила меньшевикам пересмотреть свои основные принципы. Как и все доктринеры, которые столкнулись с действительностью, они стремились оправдать свои действия. Ради сохранения своей власти и независимости страны они были вынуждены искать помощи сначала у немцев, затем у англичан, которых они столько раз клеймили как империалистов. Шаг за шагом они отступали от своих предвзятых идеологических позиций, прикрывая каждый раз свое отступление диалектическими формулировками, предназначенными поддержать собственный слабеющий дух.

Грузинские меньшевики вступали в союзы с иностранными "империалистами" во благо своего Отечества. Движимые чувством патриотизма, российские меньшевики гневно осудили своих закавказских собратьев. Центральный комитет Российской социал-демократической рабочей партии (меньшевиков) заявил: *"Партия не может и не намерена терпеть в своих рядах пособников контрреволюционной буржуазии и англо-американского империализма..."* Резолюция, направленная против грузинских меньшевиков, принятая конференцией российских меньшевиков 27 декабря 1918 года, гласила: *"Конференция утверждает, что политика грузинских социал-демократов, которые стремятся сохранить демократический строй и автономию Грузии ценой ориентации на иностранную поддержку и отделение от России, поставила их в положение, противоречащее задачам, которые осуществляет партия в целом"*.¹

Падение Советов

Власть грузинских меньшевиков первоначально сосредоточивалась в Советах, которые после мартовской революции были более важными как органы управления, чем Особый закавказский комитет (ОЗАКОМ) или Закавказский Комиссариат. После провозглашения независимости Грузии Советы все более становились помехой для меньшевиков, которые получили полный контроль над государственным аппаратом. Когда в июле 1918 года в Тифлисе собрался Краевой совет, Иракий Церетели доказывал, что поражение, понесенное Грузией от Турции, было обусловлено отсутствием в стране сильной и единой власти. *"Поэтому, – сказал он, – Совет рабочих и солдатских депутатов должен передать все функции государственной власти демократическому правительству и занять классовую позицию, сохранив право контроля над действиями этого правительства"*.² Меньшевики объясняли постепенный упадок власти Советов тем фактом, что политические цели последних (такие как всеобщее избирательное право, власть, основанная на воле народа, и т.д.) уже были достигнуты. Если бы Советы стали регулярным органом управления, они функционировали бы как орган управления меньшинством и привели бы к гражданской войне и подавлению свобод,

¹ Л.Троцкий. "Между империализмом и революцией". Сочинения, т.12-й, Москва, 1925, стр.218–219.

² "Борьба" №19, 1918, Тифлис.

завоеванных революцией. Грузинские Советы, говорили меньшевики, разделяют мнение Лассалья о том, что всеобщее избирательное право есть вернейший путь к социализму.

По мере того, как Советы утрачивали власть, революционный характер грузинского правительства выступал все в меньшей и меньшей степени. В октябре 1918 года Национальный Совет Грузии изменил свое название на “парламент”. Еще до этого меньшевистская Красная гвардия была переименована в Народную гвардию. Еще один шаг, и она стала бы Национальной гвардией буржуазной республики. Однако отход меньшевиков от революции несколько преувеличивается. Остается фактом то, что это было не то правительство, которое умирало партию в 1918 году, а как раз наоборот. В апреле, когда Закавказье отделилось от России, и в мае, когда Грузия провозгласила свою независимость, лидер меньшевиков Ной Жордания остался вне правительства. Он предоставил своим заместителям Чхенкели, Рамишвили, Гегечкори и другим выполнять практическую работу по созданию государства. Жордания оставался на постах председателя Тифлисского совета, председателя Краевого совета и председателя Центрального комитета своей партии. Лишь в конце 1918 года, когда возникла настоятельная необходимость теснее совместить работу в партии и правительстве, он занял пост премьер-министра.

Опора власти меньшевиков

Влияние и авторитет меньшевиков в Грузии были неоспоримы. На выборах во Всероссийское Учредительное собрание в 1917 году в Закавказье было подано около двух миллионов голосов (1996263), из которых свыше шестисот тысяч было отдано за меньшевиков (660216), дашнаки и мусаватисты получили по четыреста тысяч голосов. Когда сравниваешь цифры по выборам для всего Закавказья с цифрами выборов только для Грузии, начинаешь осознавать тот факт, что Грузия действительно была оплотом меньшевизма. Только в Грузии меньшевики получили 640231 голос, всего на двадцать тысяч меньше от общего числа голосов, полученных ими в Закавказье. Другие партии не выдерживали никакого сравнения. Дашнаки получили немногим более семидесяти тысяч голосов, исключительно армян, грузинские националисты (национал-демократы и социал-федералисты совместно) – около сорока восьми тысяч, большевики – двадцать четыре тысячи, все другие, вместе взятые, – всего четырнадцать тысяч. Националь-

ный Совет Грузии, известный позднее как парламент, избирался нерегулярно. Поскольку его полномочия носили сомнительный характер, было решено избрать Учредительное собрание и возложить на него разработку Конституции Грузии, а также функции законодательного органа. В феврале 1919 года были проведены выборы на основе всеобщего равного избирательного права при тайном голосовании. Представительство было пропорциональным. Из около семисот тысяч зарегистрированных избирателей пятьсот двадцать четыре тысячи приняли участие в голосовании, из них четыреста восемь тысяч отдали свои голоса за меньшевиков, которые получили 72% голосов городских и 82% голосов сельских жителей. В Учредительном собрании Грузии меньшевики получили 109 мест, из общего числа менее 140. Если бы не пропорциональное представительство, число неменьшевистских членов Учредительного собрания сократилось бы до одного-двух, поскольку было всего лишь несколько мест в Грузии, где меньшевики не получили большинства. При анализе влияния, которым пользовались меньшевики в Грузии, и сравнении его со слабым авторитетом российских меньшевиков, становится очевидно, в каком огромном долгу российское социал-демократическое движение находится перед Грузией. Правда, Россия дала Плеханова, Аксельрода, Мартова, но Грузия дала партии функционеров-практиков и поддержку масс. Именно из Грузии выбиралось большинство меньшевистских членов последующих Дум. Иными словами, без Грузии трудно представить себе российский меньшевизм иначе, как очень слабое, не пользующееся влиянием движение.

Земельная реформа

Одной из первых реформ, проведенных грузинскими меньшевиками после мартовской революции, была земельная реформа. Аграрный вопрос был весьма актуальным для всего Закавказья, особенно Грузии, где крестьяне владели меньшим количеством земли, чем в Армении или Азербайджане. В декабре 1917 года, еще до того, как Закавказье провозгласило свою независимость, меньшевики подняли земельный вопрос перед Сеймом. Ожидалось, что меньшевистский план ограничения владения землей и конфискации излишеств земли встретит сильную оппозицию со стороны азербайджанских членов Сейма, многие из которых являлись крупными землевладельцами. Однако все они голосо-

вали за национализацию земли без выкупа. Полагали, что готовность азербайджанских ханов голосовать за национализацию объясняется их твердым убеждением в том, что этот закон навсегда останется на бумаге. Но, может быть, революционный энтузиазм, охвативший многих дворян в первые дни Французской революции, аналогичным образом побудил ханов отказаться от своих имений. Во второй половине декабря 1917 года Закавказский Комиссариат опубликовал декрет, в котором объявлялось, что с целью обеспечения благосостояния безземельных крестьян все земли, принадлежащие царской семье, церкви и частным лицам выше установленной нормы, будут национализированы. За декретом последовало принятие закона, устанавливающего нормы владения землей в различных отраслях сельского хозяйства. В районах, где выращивались такие доходные культуры, как виноград и табак, разрешалось иметь не более 7 десятин (около 19 акров) земли на душу. В зерновых районах норма была увеличена до 15 десятин (приблизительно 40 акров). Те, кто занимался животноводством, могли иметь сорок десятин (около ста восьми акров) пастбищных земель. Все излишние земли отходили в государственный земельный фонд. Крестьяне, чьи участки были меньше установленной законом нормы, могли арендовать дополнительно землю у государства. В скором времени в Грузии под давлением народных масс в этот закон были внесены изменения, крестьянам было разрешено скорее покупать, чем арендовать дополнительную землю. Грузия была единственной из трех закавказских республик, где эта реформа была проведена. Армения делала попытки в этом направлении, но не довела их до конца, тогда как в Азербайджане помещики были так сильны, что радикальное крыло "Мусавата" не решалось настаивать на своих требованиях. В Грузии же к 1 января 1920 года было национализировано свыше 4 тысяч имений. Большевики не решались, по идеологическим соображениям, продавать землю крестьянам. Их первоначальная идея заключалась в использовании земли как государственной собственности. Создать многочисленный класс независимых фермеров означало, как они полагали, развить сельскохозяйственный капитализм, а этого они не хотели. Теперь, когда стало очевидно, что коллективизация земли приведет к кровопролитной крестьянской войне, большевики решили продать землю тем, у кого ее было недостаточно. Всего свыше 350 тысяч гектаров земли было продано крестьянам.

С практической точки зрения аграрные реформы относятся к самым трудно осуществимым. Обычно, первым следствием распределения земли является снижение производства сельскохозяйственных продуктов, хотя, в целом, частное сельское хозяйство может дать больше, чем феодальные латифундии. Правые доказывали, что аграрная реформа в Грузии уничтожила класс средних землевладельцев, которые были хорошо образованы и деятельны. В большинстве случаев, доказывали противники реформы, новые владельцы не имеют опыта, производительность снижается, и страна в целом страдает от последствий. Крупные землевладельцы перестали выражать недовольство. Как пишет советский историк Драбкина: *“...аграрная реформа, несмотря на свою половинчатость, подорвала дворянское землевладение... весь курс, проводимый социал-демократическим правительством в деревне, вел к образованию сильной сельскохозяйственной буржуазии и развитию капитализма в сельском хозяйстве, т.е. к неизбежному уничтожению всех пережитков феодализма”*.

Крестьянские волнения

Несмотря на аграрные реформы, которые улучшили материальное положение крестьянства, Грузия прошла через целый ряд крестьянских восстаний. Большинство из них были стихийными, проходили неорганизованно, хаотично. Еще весной 1917 года крестьяне, воспламененные вестью о революции, перестали соблюдать старые законы и решали земельный вопрос по-своему. Районный комиссар Борчалы писал в вышестоящие инстанции: *“Жители данного района повсюду захватывают частные земельные владения и настигают силой оружия, вопреки указаниям Временного правительства... Невозможно приостановить эти захваты местными силами. Необходима немедленная отправка воинских частей”*.¹ Крестьянские волнения распространялись по всей стране из-за действий грузинских солдат, возвращавшихся с Западного фронта, где большевистская пропаганда была более широкой и более успешной, чем в Кавказской армии. Некоторые из этих ветеранов, неудовлетворенные медленным ходом исполнения закона о земельной реформе, прибегли к насилию и мятежу. Зимой 1918 года произошло восстание в Южной Осетии. Восстание приняло национальный характер, так как осетины

¹ Архивы НКВД. Груз.ССР, дело №1800, фонд канцелярии тифлисского губернатора, 1917, стр.30.

отличаются от грузин в этнолингвистическом плане. Восстание приняло такой размах, что для его подавления вызвали Народную гвардию из Тифлиса. Пролетарские войска сжигали селения, расстреливали пленных и опустошали этот регион. Война, которая длилась две недели, оставила в сердцах осетин глубокую ненависть к грузинам. С тех пор Южная Осетия стала благодатной почвой для большевистской пропаганды. Их Краевой комитет начал создавать организации в осетинских селениях с центром в селении Джава. Весной 1918 года, во время турецкого наступления на Закавказье, крестьянские восстания произошли в Абхазии и Мегрелии. Большевики были вынуждены бросить Народную гвардию против повстанцев. В то время как турки наступали на Батум, батальоны Джугели расстреливали мегрельских крестьян. В своем дневнике Джугели записал: *“Народ разочаровал меня. Его тупое безразличие убивает во мне всякие идеалы. Даже в этой священной войне народ не расшевелился, не встал на защиту своей революции”*.¹ Другие меньшевики не находили безразличие крестьян к революции опасным, так как они придерживались теории, что крестьяне реакционны по своему характеру.

В начале лета 1918 года крупное восстание произошло в Душетском районе, где большевики создали боевую организацию. Правительство, опасаясь вспышки вооруженных действий, решило разоружить население, однако воинское подразделение, которому предписывалось исполнение решения, было окружено и разоружено. Восстание началось. Первое же воинское подразделение, которое предприняло попытку подавить его, потеряло из-за противодействия крестьян пленными двести человек вместе с семью пулеметами, большим запасом продовольствия и боеприпасов.

Ближайшие аванпосты грузинской армии находились на Дарьяльском перевале и в городе Мцхет. Повстанцы стремились добраться до города и установить связь с районом Терека, занятым большевиками, откуда они ожидали подкреплений. Снова пришлось вызывать Народную гвардию. Ее бойцам было сказано, что восстания неизменно происходят в самых отсталых районах Грузии, где тьма поднимается против света, контрреволюция – против революции. Большевики утверждали, что возглавляемое большевиками, некоторыми национал-демократами – защитниками помещиков, безработными русскими бюрократами и

¹ В. Джугели. “Тяжелый крест”, Тифлис, 1920, стр.6.

армянскими шовинистами восстание превратило Душетский район в Грузинскую Вандею.¹

Краевой комитет большевиков, получив сообщение о Душетском восстании, принял решение помочь повстанцам. Нужно было решить три задачи:

1) обеспечить повстанцев руководителями, способными проводить боевые операции;

2) доставить в Душети боеприпасы, которых не хватало у крестьян;

3) направить подкрепление с Северного Кавказа.

Однако у большевиков в Терском районе не было вооруженных сил. Хотя подкрепление в конце концов прибыло, оно оказалось слишком малочисленным и запоздалым. Воодушевленные расправой, учиненной Народной гвардией над душетскими крестьянами, помещики стали заставлять своих бывших крепостных платить подати и нести феодальные повинности, распространяя слух, что Народная гвардия принадлежит дворянам, а потому заставит крестьян подчиниться прежним хозяевам. Однако пролетарская Народная гвардия отказалась стать их орудием. Она даже заставила помещиков вернуть крестьянам деньги и товары, которые им удалось собрать с помощью угроз. Во многих случаях подавление крестьянских восстаний сопровождалось зверствами, характерными для всех гражданских войн. Почти одновременно с Душетским восстанием произошло восстание в Сачхере. Его возглавляло несколько ветеранов, воевавших на Западном фронте и попавших под влияние большевиков, а также двое слушателей Военно-медицинской академии. Силы восставших насчитывали 200 человек. Они были хорошо организованы и дисциплинированы, так как в их рядах находились бывшие военнослужащие. Им удалось разоружить правительственные войска и провозгласить советскую власть. Правительство вынуждено было послать против них целый полк. Восстание было подавлено ценой больших потерь. 20 домов было сожжено, 15 мятежников убиты, 24 казнены впоследствии, 80 заключены в тюрьму. В июне 1920 года в Южной Осетии вспыхнуло второе восстание. Большевистский Краевой комитет создал и вооружил осетинский полк во Владикавказе. В случае необходимости этот полк мог пересечь границу Грузии. В июне 1920 года осетинский полк так и поступил, заняв Южную Осетию после того, как вытеснил грузинских погра-

¹ Ф.Махарадзе. "Советы и борьба за советскую власть в Грузии", стр. 181–182.

ничников. Правительство послало против них пехотный батальон, кавалерийский полк, две горные батареи и подразделения Народной гвардии. Как указывала газета "Эртоба", меньшевикам было хорошо известно, что это восстание инспирировано большевиками. Руководитель Народной гвардии Джугели писал в своем дневнике: *"Осетинские националисты являются нашими злейшими и самыми безжалостными врагами... В прошлом году они помогали Деникину, а теперь они заодно с большевиками"*. Джугели определил число повстанцев в несколько тысяч. *"Этих предателей, – добавил он, – следует жестоко наказать. Другого пути нет"*.

История показывает, что крестьянские восстания обычно заканчиваются неудачей. Жакерия потерпела неудачу в XIV веке во Франции. В эпоху Лютера немецкие крестьяне были потоплены в собственной крови дворянами. В России крупнейшие крестьянские восстания под предводительством Разина и Пугачева были подавлены, крестьяне ничего не добились. Если движения такого размаха оканчивались неудачей, то небольшие по своему размаху грузинские восстания тем более не могли достичь своих целей. Кроме того, массы грузинского крестьянства при меньшевиках находились в лучшем положении, чем когда-либо. Лишь небольшая их часть участвовала в происходящих волнениях, которые, в общем, не дали никаких результатов, кроме полемики между политическими деятелями. Грузинское правительство столкнулось с серьезнейшим испытанием в области экономики. На открытии сессии Учредительного собрания Грузии и Жордания привел некоторые факты, которые свидетельствовали о серьезности проблемы. Земельная реформа дала государству около 5 с половиной миллионов акров леса, свыше миллиона акров пахотной земли и почти 3 миллиона акров пастбищ. Правительство ожидало получить 200 миллионов рублей от крестьян, которые купили землю у государства. Однако эти деньги в бюджет не поступили. Начиная с ноября 1917 года, Грузия перестала получать деньги из Государственного банка России. Доходная часть ее бюджета за период с ноября 1917 года по январь 1919 года составила приблизительно 100 миллионов рублей (96188000), тогда как расходы за тот же период достигли почти 350 миллионов рублей (342244000), что составило дефицит в сумме чуть менее 250 миллионов рублей (246056000). В тот же период импорт Грузии превысил экспорт на 53 миллиона рублей. Правительство "уравнесило" бюджет

выпуском денежной массы, породив тем самым инфляцию, которая еще более ослабила пошатнувшуюся экономику.

Экономическое положение Грузии

Руководствуясь социалистическими принципами, меньшевики национализировали все гидроэлектростанции, минеральные источники – в Грузии летние курорты составляют важную статью дохода, – каменно-угольные шахты Тквибули и марганцевые рудники Чиатури, порты и железные дороги. Согласно статистическим данным, опубликованным министерством труда Грузии в 1920 году, в промышленности были заняты около 70 тысяч рабочих. Из них свыше пятидесяти двух процентов были государственными служащими, 28% работали на муниципальных и кооперативных предприятиях и лишь 19% по частному найму. Национализированные промышленные предприятия были обузой для государства. Особенно много расходов требовалось на содержание железных дорог. Грузины должны были сначала перевезти русских солдат с Кавказского фронта, затем немцев, турок и, наконец, англичан. Никто из них не уплатил ни копейки, и грузинское правительство вынуждено было покрыть все расходы. Сокращенный рабочий день и повышенная заработная плата, которые социалистическое правительство гарантировало своим рабочим, были введены тогда, когда их меньше всего можно было позволить. В конце 1919 года открылись каналы для регулярной торговли с Западом. Армянские купцы пустились в крупные спекуляции, вывозя сырье и все, что можно было продать за границей. Иностранная валюта, получаемая от этих операций, в государственную казну не поступала. Армянские торговцы и их грузинские собратья искусно избегали таможенных и налоговых инспекторов. Тифлис был наводнен парижской косметикой, принадлежностями мужского туалета из Лондона и т.п., тогда как широким массам не хватало предметов первой необходимости. Жордания говорил в одной из своих речей, что если раньше можно было лишь предсказывать, что Грузия идет к катастрофе, то теперь уже можно утверждать, что это предсказание сбылось, “мы уже пришли к катастрофе”.

Согласно теории Карла Каутского, три класса участвуют в борьбе за власть. Это крупные помещики (консерваторы), капиталисты (либералы) и пролетариат (социалисты). В Грузии, писал Каутский, после аграрной реформы 1918 года не осталось ни

одного крупного помещика и, следовательно, ни одного консерватора. Так как в Грузии не было развитой промышленности, не было и крупных капиталистов. Единственным политически жизнеспособным классом был пролетариат. Каким образом в стране с слабой промышленностью мог быть сильный пролетариат, Каутский не объясняет. Он разделяет грузинский пролетариат на две части: восточный пролетариат и современный. Первый политически индифферентный и дезорганизованный. Своей неспособностью проводить независимую политику он напоминал наемных работников Древнего Рима. Работающие за плату на крупных промышленных предприятиях представляли современный пролетариат, среди них железнодорожные рабочие составляли пролетарское ядро. Печатники, металлисты, рабочие табачных фабрик, торговые служащие – вот кто представлял политически дисциплинированные социалистические кадры.

Организованный и решительный грузинский пролетариат, утверждает Каутский, ясно представлял себе собственные интересы и интересы общества в целом. Вот почему он мог оказывать влияние и вести за собой не только крестьянство, но и интеллигенцию: учителей, врачей, юристов, инженеров, писателей. Однако Каутский не мог понять, почему пролетариат не вел, а скорее был ведом интеллигенцией. Среди руководителей партии меньшевиков было много бывших дворян, торговцев, юристов, выпускников духовных семинарий и детей священников. Сила и влияние меньшевиков заключались не столько в их пролетарской идеологии, сколько в факторе, рассмотренном нами во второй главе и превратившем меньшевиков во всеобщую национальную партию. Грузинский тред-юнионизм возник в 1905 году. Однако первые профсоюзы, созданные в том году, просуществовали недолго, не выдержав натиска реакции. После мартовской революции профсоюзы стали создаваться вновь. Вскоре почти три четверти грузинских рабочих были объединены в ста тридцати трех союзах, тридцать три из которых находились в Тифлисе. В профсоюзах преобладали социал-демократы, которые управляли страной от имени пролетариата. Меньшевики настолько не жалели своих усилий в этом направлении, что *“даже в большей степени, чем в России, оно (правительство) было, – отмечает Каутский, – диктатурой меньшинства. Однако в противоположность России, они строились на демократической основе, без обращения к террору, поскольку в них были представлены все классы”*. Такое

сосуществование диктатуры и демократии способны понять лишь диалектики, воспитанные гегельянской школой мысли; для всякого другого это – противоречие, которое нельзя преодолеть. Трудовое законодательство меньшевистского правительства было призвано удовлетворять нужды и желания пролетариата и в то же время не наносить чрезмерного ущерба зарождающему классу капиталистов. По одному из первых трудовых законов меньшевиков был установлен восьмичасовой рабочий день. Сверхурочная работа, допускаемая только в особых случаях, давала право рабочему на двойную оплату. Детский труд объявлялся вне закона, ночной труд был запрещен для женщин и подростков, причем последним не разрешалось работать более шести часов в день. Были приняты законы, регулирующие наем и увольнение, предоставляющие рабочим свободу забастовок и социальное обеспечение в случае безработицы или болезни. Для ускоренного разрешения трудовых споров были созданы особые согласительные комитеты, находящиеся в ведении министерства труда. Эти меры оправдались при предотвращении забастовок, хотя несколько забастовок все же произошло. Так, в марте 1919 года в Тифлисе имела место крупная забастовка. Однако в 1919 году в девяти забастовках участвовали всего 2427 рабочих, или 3% всех рабочих. Обращение правительства к рабочим с призывом повысить производительность, что было жизненно необходимо в интересах нации, нашло некоторый отклик. Когда в апреле 1919 года на съезде профсоюзов большевики пытались убедить рабочих, что профсоюзы должны добиваться скорее политических, чем экономических целей, их слова не дошли до слушателей. Это произошло из-за их убежденности в том, что повышение производительности необходимо, что профсоюзы допускают сдельную оплату труда и премиальную систему в промышленности. По сравнению с дореволюционным временем жизненный уровень грузинских рабочих повысился. Они могли покупать предметы первой необходимости, например, хлеб, у государства по ценам, ниже рыночных, в то же время развитие кооперативных объединений позволяло многим из них покупать товары по оптовым, а не розничным ценам. В том, что диктатура партии меньшевиков в Грузии не совпадала с тем, что большевики называли диктатурой пролетариата, не может быть никакого сомнения. Однако факт остается фактом, что трудящемуся классу было уделено этим правительством больше внимания, чем любому другому обществен-

ному классу. Социалистическая идеология меньшевиков и их связи с рабочими сделали их борцами за пролетарское дело, хотя, по их собственному признанию, они строили капиталистическое общество, как единственно возможное, из которого, в конечном счете, могло родиться социалистическое общество. Но будь то демократия или диктатура, Грузия все еще нуждалась в армии. В бурный период войн и революции молодая страна не могла позволить себе быть слабее своих соседей. Меньшевицкая партия имела собственное вооруженное формирование – Народную гвардию. Это был хорошо вооруженный и надежный отряд, сформированный в основном из тифлисских рабочих. Однако этого было недостаточно для защиты интересов государства, поскольку Народная гвардия не могла заменить регулярную армию. Новая грузинская армия была создана по образцу швейцарской милиции, где добровольческие и регулярные войска функционировали параллельно. Армию и Народную гвардию и хвалили, и ругали в зависимости от позиции лица, дававшего им характеристику. Карл Каутский восхищался их дисциплиной и боевым духом, тогда как генерал Деникин давал им низкую оценку, хотя даже он признавал, что в первые дни революции Народная гвардия представляла серьезную силу. Армянский писатель Лорис-Меликов дает уничтожающий отзыв о грузинских вооруженных силах. По его мнению, армия могла только маршировать по Головинскому проспекту, главной улице Тифлиса, тогда как гвардия хозяйничала в стране и терроризировала население.

Грузинский национализм

Поскольку меньшевики приняли руководство национальным государством, они не могли не поддаться воинствующему национализму грузинского народа. Эпидемия национализма распространялась с небывалой скоростью, поражая все государственные органы. В ноябре 1918 года на партийном съезде Жордания заявил, что между российской и грузинской формой социализма имеется существенное различие. В России, говорил он, и большевики, и меньшевики строили свои партии сверху вниз. Лишь в Грузии партия была построена снизу: *“Там, в России, интеллигенция была хозяином в организации, здесь хозяевами являются рабочие”*. В словах Жордания была крупица истины, однако они вводили в заблуждение. В России социализм был привнесен в рабочую среду интеллигентами, которые и осуществляли кон-

троль над организацией. Это справедливо и в отношении Грузии. Действительно существенным различием было то, что в России в 1917–1918 годах и позднее меньшевики и большевики вместе представляли меньшинство, тогда как в Грузии лишь меньшевики каждый раз на выборах получали семьдесят пять процентов голосов. Большевики, правящая партия в России после ноября 1917 года, насчитывали не более ста пятидесяти тысяч, или не более одной десятой процента всего населения, когда они свергли Временное правительство, тогда как в Грузии в указанный период меньшевики насчитывали около восьмидесяти тысяч членов, или свыше четырех процентов всего населения. Различия между российским и грузинским социализмом стали настолько разительными, что съезд решил создать самостоятельную Социал-демократическую партию Грузии. Другим шагом в направлении к национализму была замена красного знамени революции национальным флагом с изображением св.Георгия – покровителя Грузии. Законодательное собрание Грузии утвердило грузинский язык единственным, на котором разрешается выступать его членам. Армянские депутаты были лишены возможности как понимать своих грузинских коллег, так и выражать свое мнение. Единственный язык, который был общим для всех, – русский – был объявлен вне закона. Из зала заседаний законодательного собрания национализм проник в суда, где делопроизводство было переведено на государственный язык. Этот декрет лишил работы всех русских и армянских юристов Тифлиса. В вооруженных силах также было приказано пользоваться государственным языком. С учетом того, что большинство грузинских офицеров служили в российской армии, а грузинский язык к тому же не имел в своей лексике технических эквивалентов наименований современного оружия, отказаться от русского языка было трудно, однако правительство было решительно настроено не разрешать своим военным служащим говорить на другом языке. 22 января 1921 года военный министр издал специальный приказ, согласно которому офицерам, продолжающим пользоваться русским языком на воинской службе, грозило суровое наказание. Русские жители Грузии испытывали большие затруднения и проблемы вследствие торжества воинствующего грузинского национализма. Различные правовые ограничения мешали им, как иностранцам, поступать на гражданскую службу; одновременно искусственно воздвигнутые языковые барьеры заставляли их отказаться от профессии юриста. Десятки тысяч

русских чиновников, телеграфских и почтовых служащих, даже железнодорожников потеряли работу. Многие покидали Грузию, распространяя ненависть к новой республике по всей территории, занятой Добровольческой армией. Даже иностранные обозреватели отмечали тот неистовый национализм, который охватил грузинский народ и его правительство. Один английский корреспондент писал: *“Свободное и независимое социал-демократическое государство Грузия навсегда останется в моей памяти как классический пример империалистической “малой нации”. Как в захватах территорий во внешней политике, так и в бюрократической тирании, во внутренней, ее шовинизм не знал предела”*.

Грузинский империализм

Грузинский империализм проявился в 1918 и 1919 годах в вопросе о так называемой Юго-Западной Кавказской Республике. Большинство населения юго-западной части Закавказья составляли мусульмане, тяготеющие к Азербайджану. Так как Грузия не могла допустить, чтобы Азербайджан отодвинул свои границы до Черного моря, включив в свой состав мусульман юго-западного Кавказа, Национальный совет юго-западного Кавказа образовал независимую республику, которая заявила о своих правах на районы Карса, Батума, Ахалциха, Ахалкалаки, Шарура и Нахичевани. Республика гарантировала равные права всем своим гражданам, независимо от национального происхождения, религии или социального положения, хотя армяне составляли исключение. Она обратилась к Антанте с просьбой о признании и была готова послать делегацию на Парижскую мирную конференцию.¹

И Грузия, и Армения претендовали на территорию, занимаемую Юго-Западной Кавказской Республикой, единственным сторонником создания которой выступал Азербайджан; министр иностранных дел Азербайджана писал генералу Томсону, что мусульмане юго-западного Закавказья имеют право на самоопределение, а единственной причиной отказа азербайджанцами от оказания военной поддержки своим братьям по религии является вера в союзников, которые не позволят ни Грузии, ни Армении растоптать права народа. Англичане обещали Азербайджану сохранить прежнее положение вещей и защищать новую

¹ Министерство иностранных дел Азербайджана. Дело XV, “Юго-Западный Кавказ”, см. А. Попов. “Из эпохи английской интервенции в Закавказье”. “Пролетарская революция”. № 6–7, Москва, 1923, стр. 260.

республику, пока Парижская мирная конференция не решит ее судьбу. Вскоре союзникам стало ясно, что Юго-Западная Республика является детищем потерпевших поражение турок, которые стремились сохранить точку опоры в Закавказье. Тем временем и Грузия, и Армения предъявили претензии на территорию нового государства. 23 февраля 1919 года Жордания сообщил англичанам, что Грузия заключила с Турцией соглашение, по которому районы Ахалцих и Ахалкалаки должны быть заняты грузинами. Когда турки ушли, а грузины вступили на территорию, они узнали, что уже сформировано "правительство", которое не признает прав грузин на эту территорию. Англичане, которые сначала санкционировали деятельность Национального Совета в Карсе, изменили свое отношение к этому вопросу, когда беспорядки и столкновения между мусульманами, с одной стороны, и грузинами и армянами – с другой, приняли угрожающие масштабы. 10 апреля 1919 года генерал Томсон издал приказ о роспуске "Шура" (Совет) в Карсе, приняв на себя ответственность за поддержание законности и порядка. Но английское командование заявило также, что оно выступает лишь опекуном, и окончательное решение о судьбе Юго-Западной Республики будет принято на Парижской мирной конференции. Под неослабевающим дипломатическим давлением из Тифлиса и Эривани английскому командованию не удалось сдержать свое обещание мусульманскому населению Аджарии и районов Ахалциха, Ахалкалаки и др. 19 апреля четырехсот армянских солдат под командованием генерала Силикова вступили в Карс. Тем временем меньшевики вели яростную пропаганду, чтобы заполучить Батум. С момента эвакуации из него турок осенью 1918 года город был оккупирован англичанами. Около двух тысяч солдат имперских войск, в основном индийских, пытались поддержать порядок в многотысячном городе, где действовало множество враждебных политических группировок, фракций и просто банд, которые создавали беспорядок и держали город в постоянной тревоге. Убийства по политическим мотивам, с целью мести или просто грабежа были обычным явлением. Французский журналист, специальный корреспондент "Ля Тан" писал: *"Этот город, так же как и вся область, стал центром волнения и разложения, где турецкие националисты и большевики смогли, наконец, объединиться без риска"*. Сын шведского консула в Батуме был убит среди белого дня, однако полиция не смогла задержать преступника. Более серьезным

стало убийство генерала Ляхова, который обесчестил себя подавлением революции в Персии и кровавыми расправами в период правления на Северном Кавказе, где он служил в Добровольческой армии генерала Деникина. Накануне 1 мая 1920 года он был убит Губели, чрезвычайным представителем областного комитета большевиков в Батуме. Последний был арестован, однако большевики организовали демонстрацию протеста и не покидали улиц до тех пор, пока английский командующий, генерал Кук-Коллис, опасаясь возможного мятежа, не освободил заключенного. Трудности, с которыми англичане столкнулись в Батуме, не ограничивались убийствами на улицах. Батум был единственным грузинским городом, где большевики пользовались значительным влиянием. Они организовывали забастовки, один раз им удалось остановить погрузку судов. Англичане не могли примириться с «двумя властями в одном городе». Они арестовали восемнадцать профсоюзных лидеров, которые были либо большевиками, либо сочувствующими большевикам. Арест и последующая ссылка этих лиц в Константинополь, по словам одного советского историка, «обезглавили партийную организацию» в Батуме.

Грузины были разочарованы тем, что англичане не позволили им занять Батум после того, как турки покинули город. В беседе с британским представителем в Грузии Оливером Уордропом министр иностранных дел Гегечкори сказал: *«Мы полагали... что по прибытии в Закавказье союзники передадут Батум нам; но, к сожалению, они не сделали этого»*. Гегечкори выразил недовольство тем, что Батум все еще управляется российскими бюрократами, правление которых способствует росту беззакония и беспорядка. Заместитель министра иностранных дел Сабахтарашвили сделал следующее предложение: *«...Грузия получит Батумскую область, где учредит власть, согласно воле... масс. Местное правительство будет создано на выборной основе. Порт будет передан англичанам, как и военная база и угольная станция на Черном море»*.¹

Уордроп, знаток грузинской литературы и истории, сочувствовал грузинам, но армяне не хотели, чтобы Батум отошел к Грузии. Не имея выхода к морю, они предпочитали видеть Батум интернационализированным. Лорис-Меликов, самозванный бродячий посол Армении, телеграфировал французскому министру иностранных дел, прося его принять и Батум, и Баку под эгиду Лиги

¹ Г. Девдариани. Указ. соч., стр. 87–93.

Наций, но его просьба была отклонена. Вскоре после этого Батум был возвращен Грузии без всяких оговорок относительно создания английской морской базы в этом порту. Большевики, которые делали все, что могли, чтобы вынудить англичан покинуть Батум, не имели никакого желания видеть грузинских меньшевиков на своем месте. Действуя согласно указаниям Краевого комитета, Батумский комитет Коммунистической партии организовал подрыв железнодорожного моста, по которому должна была пройти грузинская армия, направлявшаяся в Батум, что, конечно, не помешало армии войти в город. 7 июля 1920 года улицы Батума были украшены флагами, когда английские войска направились в порт, в то же время грузинские войска вступили в город с противоположной стороны. Состоялась впечатляющая церемония. Генерал Кук-Коллис приветствовал генерала Квинитадзе, командующего грузинскими войсками. Когда церемония закончилась, более серьезные дела обратили на себя внимание генерала. Дело в том, что аджары вели себя беспокойно при грузинском правлении, как и раньше при английском. Чтобы положить конец беспорядкам, генерал Квинитадзе сделал заявление, которое предупреждало, что всякий, кто окажет сопротивление войскам, будет считаться мятежником и расстрелян, его имущество, как и имущество его отца, матери и братьев, будет конфисковано и передано казне, а семья будет выслана из Батумской губернии. Как не похожи были эти угрозы на те добрые слова, которые всего год тому назад произносил Жордания, когда говорил в парламенте, что меньшевики не стремятся принудить мусульман, абхазцев, армян и другие народы войти в состав Грузии! Грузия, говорил он, желает создать добровольный союз, основанный на признании прав меньшинств демократической республики: *“Мы знаем, что окраинные районы отличаются от центров по культуре. Исторически здесь сложились совершенно иные отношения и обычаи. Мы принимаем это во внимание, причем правительство решило предоставить автономию во внутренних делах этим пограничным районам при одном условии – сохранение исторического и экономического единства Грузии. Мы можем принять все их требования относительно автономии, как бы велики они ни были. Мы не можем принять только одного – отделения от нас”*.¹

За год или два Грузия прошла долгий путь от российской колонии до самостоятельной маленькой империи. Различие между

¹ Н.Жордания. “За два года”, Тифлис, 1919, стр. 201–202.

отношением Грузии к Абхазии или Аджарии и отношением России к Грузии или Армении состояло не в принципе, а в масштабе. На своих собственных задворках грузины оказались такими же империалистами, как и русские. Прекрасные фразы о социалистической солидарности наций, самоопределении и т.п. оказались пустым звуком.

Оппозиция правлению меньшевиков

В течение трех с половиной лет грузинские меньшевики пользовались безраздельной властью в своей стране, что, однако, не означало, что их принципам и политике не было противодействия. Меньшевики подвергались нападкам со стороны таких партий, как социал-федералисты, национал-демократы, Национальная партия землевладельцев и радикал-демократы. Как только непосредственная опасность начинала угрожать самому существованию Грузии, правые партии объединялись с правительством. Однако в тот момент, когда опасность, казалось, миновала, они возобновляли решительные нападки друг на друга.

Национал-демократическая партия объединяла многочисленных грузинских дворян, разоренных земельной реформой, и некоторых представителей грузинской буржуазии, которые гораздо слабее выступали против социализма, чем дворяне, причем даже проповедовали необходимость сотрудничества с меньшевистским правительством. В сентябре 1918 года дворяне откололись от этой организации, образовав свою Независимую национал-демократическую партию. Но ни они, ни какая-либо другая политическая группа не могли надеяться нанести поражение меньшевикам на выборах. После некоторого периода независимой деятельности все грузинские несоциалистические партии собрались на конференцию и решили создать объединенную Демократическую партию Грузии. Основным пунктом ее программы было требование отмены закона, который ограничивал количество земли, находящейся во владении одного лица. История стремительно развивалась; она смела Демократическую партию вместе с независимостью Грузии. Нельзя сказать с уверенностью, насколько успешно действовали бы объединенные правые партии. Но, судя по прошлому опыту, их постигла бы жалкая участь партии незначительного меньшинства, которая выставляет кандидатов на каждом выборах, но никогда не получает более нескольких процентов голосов. Большевики были гораздо более серьезным противни-

ком для грузинской правящей партии. Поскольку им не хватило сил захватить власть в ноябре 1917 года, они развили лихорадочную деятельность и добились гораздо большего, чем можно было ожидать от столь малочисленной группы. Весной 1918 года большевикам не удалось использовать крестьянские восстания, тогда как прибытие немцев в мае 1918 года сделало их работу практически невозможной. Краевой комитет большевиков, обнаружив, что его работа прервана немецкой оккупацией Грузии, решил перебраться из Тифлиса на Северный Кавказ. В начале июня члены Краевого комитета Назарян, Думбадзе, Махарадзе, Цинцадзе, Мравян, Кавтарадзе и Тодрия выехали во Владикавказ. Для того чтобы не потерять связей с Грузией, было создано особое Тифлисское бюро. Его возглавил Миха Цхакая, в то время как Мамия Орахелашвили и М.Окуджава были заключены в Кутаисскую тюрьму. Два других члена Краевого комитета, Степан Шаумян и Джапаридзе, находились в Баку и не были связаны с остальными. Между тем во Владикавказе Краевой комитет не мог сделать многого, поскольку дело касалось Закавказья. Высокие горы отделяют Терскую область, центром которой является Владикавказ, от Грузии. Все горные дороги строго охранялись меньшевистскими солдатами, что практически исключало возможность перехода границы. Владикавказ был настолько изолирован от всего мира, что члены Краевого комитета большевиков часто не знали, что происходит в России. После ухода немцев Краевой комитет смог возвратиться в Тифлис. Тифлисский комитет партии начал издавать газету "Волна". Возобновилась организационная работа, причем особое внимание уделялось профсоюзам и армии. Армии придавалось большое значение, потому что она состояла из крестьян, которые легко поддавались влиянию, тогда как пролетарская Народная гвардия оставалась верной меньшевикам.

В 1919 году возобновилась и усилилась работа Союза коммунистической молодежи. "Спартак", большевистская молодежная организация, установил связи с Бакинским интернациональным союзом рабочей молодежи и "Спартак" Армении, двумя другими большевистскими молодежными организациями Закавказья.¹ 22 сентября 1919 года в Баку открылась конференция, на которой были представлены все организации большевистской молодежи Закавказья. Грузия послала восемь делегатов, Армения

¹ Г.Девдериани. "Очерки истории комсомола Грузии", Тифлис, 1928, стр.129.

– трех или четырех, Баку – пять или шесть. Общее число делегатов составляло шестнадцать или восемнадцать, причем каждый делегат представлял сто членов организации, что свидетельствует о том, что общее число молодых большевиков в Закавказье составляло от тысячи шестисот до тысячи восьмисот. Бакинский комитет Российской Коммунистической партии послал на конференцию наблюдателя, придав ей тем самым официальный характер. Конференция изменила названия различных большевистских молодежных организаций на одно общее, которое они разделили с коммунистической молодежью всей России, – Российский коммунистический союз молодежи. На этой же конференции было создано два бюро по руководству работой Союза, одно – в Тифлисе для Грузии и Армении, другое – в Баку для Азербайджана. ...В августе и сентябре 1919 года в различных частях страны состоялись местные партийные конференции. На Тифлисской конференции 19 августа 1919 года было решено, что время для восстания назрело. Анализ экономического положения в Грузии привел большевиков к выводу, что меньшевистский режим близится к катастрофе, и что не хватает только восстания, чтобы приговор привести в исполнение.

Разведывательная работа большевиков в 1919 и 1920 гг.

В конце сентября была проделана серьезная подготовка, создан военный штаб, и дата восстания назначена на 7 ноября, день второй годовщины большевистской революции; однако потом оно было перенесено на 5 ноября. На комсомол была возложена ответственность за разведывательную работу, составление планов улиц и правительственных зданий, выявление численности и расположения меньшевистских войск и т.д. Большевики имели некоторое число сторонников в грузинской армии. Двадцать два из них стали руководителями заговора в военных вопросах. 4 ноября они собрались на заседание, чтобы обсудить последние детали восстания, назначенного на следующий день. Однако кто-то из двадцати двух оказался предателем или верным солдатом, в зависимости от того, как на это смотреть. Он донес правительству о заговоре. Когда заговорщики были в сборе, специально выделенный для этой цели отряд занял помещение и арестовал их. Правительство, осведомленное обо всех подробностях заговора, не было застигнуто врасплох. Выступить против него открыто было бы бесполезно, так как силы были слишком неравны. Краевой коми-

тет Коммунистической партии отменил восстание, но приказ не дошел до некоторых ячеек на периферии, где начались выступления, как и было ранее намечено. Все они были без труда подавлены армией и Народной гвардией. Неудача ноябрьского восстания нанесла большевикам тяжелый удар. Особенно она потрясла ряды комсомола. В беседе с английским корреспондентом Ной Рамишвили, министр внутренних дел, заявил, что большевики доставили в Грузию восемьдесят семь миллионов рублей, которые были израсходованы на подкуп и пропаганду. Правительство было осведомлено о заговоре и арестовало руководителей. За последний год, отметил Рамишвили, было сослано несколько сот большевиков. Несмотря на поражение, которое большевики потерпели в ноябре, их Краевому комитету удалось быстро восстановить дезорганизованный партийный аппарат и возобновить временно прерванную деятельность. Комсомол также принял участие в подготовке к новым и более крупным сражениям. Он мобилизовал всех своих членов в возрасте от семнадцати до двадцати одного года в комсомольскую гвардию. Приказ №3, изданный штабом этой гвардии 17 апреля 1920 года, гласил: *“Мобилизованные лица немедленно должны организоваться в боевые группы по десять человек каждая. Группы должны быть двух видов: сформированные из тех, кто умеет пользоваться оружием; а также из резервистов...”*¹ Боевые группы комсомола стали покупать и накапливать оружие, недостаток которого остро чувствовался. В конце апреля 1920 года российская Красная армия заняла Азербайджан, и грузинские большевики готовились восстать, надеясь получить поддержку со стороны XI Красной армии. Краевой комитет комсомола направил обращение к Всероссийскому центральному исполнительному комитету, Совету народных комиссаров, Коминтерну, Красной армии, Центральному комитету Российского коммунистического союза молодежи, прося о помощи против *“деспотических правительств меньшевиков и дашнаков”*. Краевой комитет партии принял решение предпринять еще одну попытку свергнуть правительство. На этот раз дата была назначена на 2 мая. Разъясняя выбор этой даты, советский историк Девдариани писал: *“Нельзя не признать, что этот шаг партии был ошибкой с точки зрения достижения успеха намеченного восстания, тем более что было решено начать восстание на следующий день, т.е. 2 мая. Между тем первомайская демонстрация*

¹ Г. Девдариани, Указ. соч., стр. 46.

закончилась... массовыми арестами всех ее активных участников, что, конечно, отразилось на итогах вооруженного восстания в Тифлисе”.

Утром 1 мая большевики-демонстранты направились к центру города. Один комсомолец оставил следующее описание этого памятного дня: *“Атмосфера была напряженной. Ожидали появления большевиков. Сначала меньшевики не мешали нам, надеясь, что за нами никто не последует. Этим они хотели доказать нашу слабость. Но вскоре они убедились в обратном. Огромные толпы окружили наши грузовики, слышались призывы к восстанию и гром аплодисментов. Было роздано сотни тысяч листовок. В это время меньшевики бросили клич для начала погрома: “Бей большевиков, предателей Грузии, агентов Энвер паши!”, “Долой красный империализм и его ставленников!” Первая бригада вступила в действие. Они стащили товарища Кикодзе с грузовика, но комсомольцы окружили ее плотным кольцом... Началась рукопашная схватка. Мы – с голыми руками, они – с оружием в руках”.* Наконец демонстрация была разогнана полицией с помощью рабочих-меньшевиков. Было произведено много арестов.

План восстания, назначенного Краевым комитетом на 2 мая, был простым и дерзким. Большевики знали, что в ночь на 2 мая все главные руководители меньшевиков будут присутствовать на заседании Тифлисского совета. Ставилась задача одним ударом напасть на здание и арестовать всех участников заседания, лишив противника руководства. Орудийный залп из Тифлисского арсенала должен был служить сигналом к началу операции. С наступлением ночи большевики стали готовиться к нападению. План, однако, провалился еще до того, как раздался первый выстрел. Группа комсомольцев, которые должны были сообщить отряду большевиков о начале заседания, прибыла слишком поздно. К тому времени, когда большевики добрались до здания, члены Совета и их гости разошлись по домам. Орудие в арсенале так и не подало сигнала. Выступил только один отряд комсомольцев. Он оказался недостаточно серьезным противником для закаленной в боях Народной гвардии тифлиских рабочих и полиции. Несколько повстанцев были убиты, остальные вынуждены были спасаться бегством. Инспирированное большевиками восстание в Южной Осетии, приуроченное к восстанию в Тифлисе, также окончилось неудачей.

Поражение восстания 2 мая 1920 года было обусловлено тем обстоятельством, что грузинские большевики были слишком слабы, чтобы свергнуть упрочившееся и пользующееся поддержкой масс правительство. Майское восстание было очевидной авантюрой. Единственной надеждой, которую питал Краевой комитет Коммунистической партии, отдавая приказ, было то, что Красная армия не останется беспристрастным наблюдателем, а поспешит на помощь повстанцам. Восстание было подготовлено плохо. Оценивая события той ночи, большевик Девдариани писал: *“... приказ к восстанию в Тифлисе 2 мая был шагом отчаяния, бессмысленным шагом, игрой в восстание, а не искусством, которое, согласно учению Маркса, как и всякое искусство, требует серьезного отношения, учета всех обстоятельств, расчета соотношения классовых сил и т.д.”*

Неудачная попытка вмешательства России

То, что Красной армии не удалось прийти на помощь тифлисским повстанцам, вызвало большое недовольство среди грузинских большевиков. Это оказалось неприятным сюрпризом для тех, кто ожидал, что в Грузии произойдет то же, что и в Азербайджане неделю тому назад, когда советские войска заняли Баку. Еще более сильный удар ожидал несчастных грузинских коммунистов. 7 мая 1920 года Советская Россия официально признала независимость Грузинской Демократической Республики. Кавказский Краевой комитет Российской Коммунистической партии направил тем временем Коминтерну, Всероссийскому исполнительному комитету, Красной армии и Совету народных комиссаров обращение, содержащее следующие строки: *“Мы, трудящиеся массы всех закавказских народов, заявляем... перед лицом международного пролетариата, что мы презираем лозунг “независимости”, провозглашенный меньшинством кавказского населения через наших угнетателей и насильников, “правительств” Грузии, Азербайджана и Армении”*. Однако какой смысл был отвергать независимость, когда ее торжественно и “недвусмысленно” признало советское правительство в Москве? На короткий период грузинские коммунисты почувствовали себя покинутыми. Партия, которая была малочисленна и слаба, чтобы начать прямо с боев, но еще способная вести борьбу на одном лишь энтузиазме, пала духом.

ГЛАВА XIV

НЕЗАВИСИМАЯ АРМЕНИЯ

Положение Армении

В роковые 1918–1920 годы из трех закавказских республик Армении пришлось пережить самые тяжкие испытания и беды. Летом 1918 года, когда турки прекратили свое наступление, Армении досталось не более 11 тысяч квадратных километров территории, на которой скопилось, по крайней мере, 600 тысяч беженцев. С юга и запада стояли турки, готовые возобновить свое наступление; на востоке был враждебный Азербайджан, а на севере – Грузия, озлобленная из-за спорных районов Борчалы и Лори. В таком положении дашнакскому правительству следовало бы подумать лишь об одном – о физическом спасении армянского народа. На бумаге Армения была демократической республикой, а на деле “Дашнакцутюн” осуществлял неограниченную диктатуру. Он контролировал как законодательные, так и административные правительственные органы. Качазнуни, бывший одно время премьер-министром Армении, сам являясь дашнаком, писал: *“Создалось невыносимое двоевластие; на поверхности был парламент и правительство, а в глубине – партия и ее органы... Это была большевистская система. Но то, что большевики делают открыто и неуклонно, мы пытаемся прикрыть демократическими формами”*. Правительство Армении, контролируемое “Дашнакцутюном”, подвергалось нападкам справа и слева, как со стороны армян, так и иностранцев. Когда оно заявило о достигнутом прогрессе: *“Среди административных и законодательных мер мы могли бы упомянуть принятие аграрных законов, по которым земля в Армении подлежит национализации и передаче рабочим”*, его обвинили в социализме. Когда оно предоставило некоторую свободу предпринимателям, его называли лакеем капитализма. Правительство также обвинили в неспособности установить законность и порядок, поддержать достоинство нации, защитить страну от врагов. Хотя большинство из этих обвинений

подкреплены внушительным числом фактов, они по существу несправедливы. Армения находилась в столь тяжелом положении, что ни одно правительство не могло бы действовать иначе. После дипломатического поражения, которое Армения понесла в результате непродолжительной войны с Грузией, она оказалась в полной изоляции. Расположенная в отдалении от основных путей сообщения, с небольшим числом крупных городов, Армения унаследовала меньше российских богатств, чем Грузия или Азербайджан. Это постоянно ощущалось в стране, половину населения которой составляли перемещенные лица. С сентября 1918 года по январь 1920 года государственная казна Армении получила доход в 30 миллионов рублей, тогда как расходы составили 300 миллионов. Дефицит в 270 миллионов был покрыт с помощью печатного станка, что привело к неизбежной инфляции. Стоимость армянского рубля падала с невероятной быстротой. В марте 1920 года американский доллар приравнивался 1000 армянских рублей, в ноябре – 28 тысячам. Мрачную картину Армении обрисовал генерал Джеймс Г.Харборд, бывший начальником штаба у генерала Першинга. Он был послан в Армению президентом Вильсоном для изучения обстановки и посетил Диярбекир, Сивас, Харпут, Эрзинджан, Эрзерум, Карс, Батум, Баку, Тифлис, Эривань и многие другие города Турции, Закавказья и Сирии. Харборд представил президенту Соединенных Штатов беспристрастный доклад, в котором было отражено тяжелое положение трех закавказских республик, и прежде всего Армении. По его мнению, правительства Грузии, Армении и Азербайджана были продажны и бездействовали. Он выразил сомнение в способности этих народов управлять республиками самостоятельно. Вражда между ними делала их независимость еще более хрупкой.

Послевоенные требования Армении

Капитуляция Оттоманской империи в ноябре 1918 года, казалось, возвестила новую эру в истории Армении. Ее заклятый враг был на коленях. Сирия, Ирак, Палестина и весь Аравийский полуостров были освобождены. Победа, которая пришла к Армении, вскружила головы ее руководителям. Они стали грезить о “Великой Армении”, простиравшейся от Средиземного до Черного морей и от Черного до Каспийского морей. Они требовали не только шесть вилайетов Анатолии, но и Киликию. Они потребовали даже часть персидского Азербайджана, хотя Персия не

участвовала в войне. Их необоснованные претензии были поддержаны в Париже, Лондоне и особенно в Вашингтоне. В Палате общин м-р Аневрин Уильямс призвал правительство загладить ту несправедливость, которую Британия причинила Армении, когда помешала ее освобождению Россией в XIX веке: *“Армения состоит из шести вилайетов или областей... включая область Киликии... Эти области составляли вместе Большую и Малую Армению. Я прошу, чтобы им определили государство или правительство под тем или иным названием и чтобы этому государству в качестве мандатария великих держав была предоставлена свобода действий по управлению этой областью до тех пор, пока не будет введена та или иная форма самоуправления”*. Но эти обещания и надежды сбили армян с толку. Интерес Европы и Америки к Армении был не глубоким. Большинство людей на Западе не знали тогда, как и не знают этого и сегодня, где находится Армения – в Европе, Азии или Африке. Некий ирландец, член Палаты общин, использовал осуществленную турками резню против армян в качестве обычного вступления к своим речам, направленным против того, что, по его мнению, напоминало расправу англичан над ирландцами. Кроме того, армяне недооценили жизнеспособность турецкого народа и его решимость не склоняться перед победоносными союзниками. В феврале 1919 года Турция сделала попытку вступить в переговоры с Арменией, пообещав турецким армянам автономию в пределах турецкого государства и предложив произвести обмен населением в тех районах, где были особенно напряженные отношения. Ослепленные победой, армяне отвергли турецкие предложения, заявив, что:

- 1. Турки виновны в уничтожении свыше миллиона армян.*
- 2. Армяне никак не провоцировали резню.*
- 3. Лишь такое варварское правительство, как правительство Турции, могло в чем-то обвинить свои жертвы и воспользоваться их муками, переложив на них вину за собственные преступления.*
- 4. Турки составляют меньшинство населения в восточных вилайетах Анатолии. Даже если теперь в этих вилайетах турок большинство, то оно вызвано уходом и истреблением армян, и потому не может считаться обоснованной претензией на армянские территории.*
- 5. Армения не желает оставаться в составе Турции и надеется, что союзники помогут ей освободить свою страну.*

6. Турецкое правительство обязано наказать всех виновных в преступлениях против армян.

Таким образом, мирного решения проблемы не могло быть достигнуто на указанных условиях, которые доказывают, что дашнаки не были в действительности заинтересованы в разрешении конфликта с Турцией, а проводили прежнюю политику, направленную на привлечение внимания Европы своим неповиновением туркам, как это произошло в 1896 году, когда Константинополь и Европа были потрясены тем, что армяне захватили и удерживали в течение нескольких часов Оттоманский банк. Между тем в захваченных армянской армией после отступления турок регионах турецкой Армении убийства и грабежи мусульманского населения армянами достигли ужасающих масштабов. Советский историк Борян, армянин по национальности, утверждает, что армянские политические деятели использовали государственную власть не с целью управления страной, а для истребления мусульманского населения и захвата их имущества. Когда в Армении раздались голоса против этой кровавой политики, руководители страны ответили: *“Турки всегда грабили армян, почему бы армянам один раз не ограбить турок?”* Борян делает заключение: *“... эти факты позволяют утверждать, что армянские дашнаки превзошли турок”*.¹ Мнение Боряна подтверждает в основном и генерал Харборд, который пишет, что турки совершили много злодеяний, *“но там, где армяне продвигались и отступали с русскими, их ответная жестокость, несомненно, могла соперничать с бесчеловечностью турок”*.

Армения и Азербайджан

Не успела Армения стать независимым государством, как она, подобно Грузии, обнаружила некоторые черты “великой” империалистической нации. Она предъявила непомерные требования Турции, развязала войну с Грузией, оказалась вовлеченной в бесконечный и бесплодный конфликт с Азербайджаном из-за Нагорного Карабаха. Распределение населения в пограничных районах между Арменией и Азербайджаном носило такой характер, что ни о какой демаркационной линии говорить не приходилось. Передвижения скотоводов-азербайджанцев провоцировали постоянную напряженность между сторонами. На протяжении

¹ Б.Борян. “Армения, международная дипломатия и СССР”, Москва, 1928, т.2-й, стр.82.

веков перегоняли они свои стада высоко в горы летом и на равнины зимой. Теперь, когда Армения заявила права на горы, она попыталась упорядочить эти переходы введением удостоверительных документов и свидетельств о стоянке кочевников. Кроме того, были установлены сторожевая охрана, таможенные посты, другие объекты, призванные воспрепятствовать их передвижениям. Протесты азербайджанского правительства не принесли никакой пользы. Кто мог взять на себя ответственность указывать независимой и суверенной Республике Армения не применять на своей границе с Азербайджаном правил и предписаний, годных для иммиграционного перехода, например, на острове Эллис? Правительства Армении и Азербайджана не имели достоверных сведений о событиях в Карабахе. Было только известно, что там проливалась кровь. Страсти разгорались, и в 1919 году с минуты на минуту могли вспыхнуть военные действия. Англичане были на стороне Азербайджана, назначив мусульманина, доктора Султанова генерал-губернатором Карабаха. Когда английские войска оставили Закавказье, Армения и Азербайджан возобновили войну. Хойский и Хатисян обменивались взаимными обвинениями. Оба клялись, что любят мир превыше всего, однако ни тот, ни другой не удерживали бандитов от убийств и грабежей. История армяно-азербайджанских столкновений представляет собой трагическую страницу в истории этих стран.

Оставшись в Закавказье без друзей, армяне обратились за сочувствием и помощью к странам за пределами Кавказа. В конце 1918 года они заключили торговое соглашение с правительством независимой Украины, по условиям которого Армения должна была получить продовольствие, в чем она так нуждалась. Первая партия груза с Украины насчитывала до восьмисот тонн зерна и восьмисот тонн сахара.¹ Однако отношения между Арменией и Украиной дальше этого не продвинулись ввиду неопределенности ситуации в самой Украине.

Армения и Деникин

Примерно в тот же период Армения установила контакты с Добровольческой армией генерала Деникина, контроливавшей юг России. В Екатеринодаре появился некий полковник Власов, который называл себя представителем армянской армии. Он описывал Армению как ревностного русофила и просил возвраще-

¹ "Жизнь Национальностей", Москва, №1, 9 ноября 1918 года.

ния всех армян призывного возраста в свою страну. Для армян, живущих на территории, занятой Добровольческой армией, при условии их согласия отправиться на родину в качестве военнослужащих Власов просил продовольствия, оружия и средств передвижения. Генерал Драгомиров, один из заместителей Деникина, послал в Эривань агента, чтобы разузнать о действительном положении дел. Агент был разочарован, так как армяне, как оказалось, изменили свои приоритеты. Они отвернулись от Власова и заигрывали с англичанами и американцами. Для националистически настроенного Деникина это было хуже измены.

Отношения между Арменией и Добровольческой армией сами по себе представляют весьма сложную тему для исследования. Они будут рассмотрены в последующей части настоящей работы, в разделе, посвященном конфликту между Деникиным и Закавказьем. В Армении, как и повсюду на территории бывшей Российской империи, обосновались большевики. Однако условия там были настолько своеобразны, что армянских большевиков едва ли можно считать таковыми. К сожалению, достоверные источники по коммунистическому движению в Армении отсутствуют, но даже те отрывочные сведения, которые дошли до нас, обрисовывают странную картину.

Создание Коммунистической партии Армении

В Армении не было промышленности, поэтому не было и пролетариата. Ремесленники, которые работали в собственных мастерских, были неподходящим элементом для построения коммунизма. Пролетариями были железнодорожники, которых было всего несколько сот, да и те растянулись по всей линии дороги от Тифлиса до Джульфы. Массы либо проявляли апатию, либо следовали за “Дашнакцутюном”. Национализм был сильной стороной в армянской политике. Ни одна партия, которая игнорировала национальный дух, борьбу за освобождение и идеалы независимой Армении, даже не могла надеяться на успех. Большевики были дискредитированы поведением России в Брест-Литовске, где она отказалась от отстаивания интересов турецкой Армении, а также районов Карса и Ардагана. Возникновение Коммунистической партии Армении относится к 1917 году. Партия была основана в Тифлисе группой беженцев из турецкой Армении, которые послали представителя в Петроград и получили из Центра указания и некоторую сумму денег. Когда член Цен-

трального комитета Коммунистической партии Армении посетил свою страну, он признал, что *“Коммунистическая партия существует только в вашем воображении; она не существует и не может существовать в Армении, где рабочие и крестьяне и слышать не хотят о такой партии”*.¹ Один из первых руководителей этой полуделегальной организации Ханоян признавал, что в Армении господствует национализм, а Коммунистическая партия слаба, причем центром ее скорее является Тифлис, чем Эривань. Весной 1918 года Центральный комитет Коммунистической партии Армении был вынужден покинуть Тифлис и переехать в Москву, откуда осудил независимость Армении, “дарованную Антантой”. Деятельность этого комитета во время пребывания в Москве сводилась к проведению многочисленных собраний и изданию нескольких книг. Собрания были пустой тратой времени, тогда как большая часть книг, вероятно, распространялась по Москве и не доходила до Армении. К концу 1919 года Центральный комитет несуществующей партии прибыл в Эривань и приступил к созданию организации, которую он, как предполагалось, возглавлял. Дашнакское правительство, терроризм которого был страшен только для мусульман, не мешало по-настоящему большевикам. В Эривани царил такая дезорганизация, разложение и хаос, что даже методы террора не действовали. Когда руководитель большевиков Ханоян был арестован по приказу министра внутренних дел Гулханданяна, помощник последнего Минасян снабдил арестованного паспортом и помог ему выехать из Армении. Большевики, в свою очередь, действовали так, чтобы не слишком досаждал дашнакам. Руководители Коммунистической партии Армении возлагали свои надежды на армянский народ. Они надеялись посредством референдума узнать, какова воля масс. Сначала вопросник был распределен среди всех членов партии. Некоторые из вопросов были такого рода: не находится ли Армения в когтях Антанты? Ответ, конечно, был: да. Можно ли установить советскую власть в Армении, несмотря на ситуацию в соседних странах, силами одних лишь армянских коммунистов? Большинство ответило, что это невозможно.

Подвергая критике руководителей Коммунистической партии Армении, советский историк Борян утверждает: *“...они забыли, что в эпоху революционных действий революционная партия должна заниматься не опросом для определения психо-*

¹ Б. Борян. Указ. соч., т. II, стр. 94–95.

логического состояния масс, должна не подсчитывать голоса, а готовиться к вооруженному восстанию для захвата власти... В классовой борьбе не воля большинства, а искусное маневрирование организованного меньшинства является решающим фактором..." Центральный комитет не проводил никакой деятельности в армянской армии. Попытки внушить армянскому солдату, чья мать была убита, а сестра изнасилована турками, идею о том, что его действительным врагом является армянский лавочник, который, может быть, также потерял отца, мать или брата, были совершенно бессмысленны. Призывать массы к восстанию против правительства, в то время как турки угрожали из-за границы, было пределом того, на что могли пойти армянские большевики. Борян обвинил Центральный комитет в уклонизме и открытой антипартийной деятельности. Он писал, что *"хотя массы и армия были готовы к советизации, Центральный комитет отказался возглавить их. Он оказался слишком демократичным, слишком много думал об опасности турецкого нападения, что дает возможность утверждать, что он находился под влиянием "Дашнакцутюна"*. Вывод о том, что ни массы, ни армия не были готовы к советизации, вытекает из работы Боряна.

Майское восстание 1920 года

В течение зимы и весны 1920 года силы армянских коммунистов значительно укрепились. Им удалось найти опору, особенно среди железнодорожников Александрополя. Ободренный советской оккупацией Азербайджана, Центральный комитет Коммунистической партии Армении решил продемонстрировать свои силы в первомайский праздник по всей стране. 1 мая тысячи демонстрантов заполнили улицы Эривани, Александрополя, Сарыкамыша и Карса. Большевики не планировали восстание; они не хотели ничего, кроме мирной демонстрации, однако группы соперничающих коммунистов и дашнаков обменялись оскорблениями, произошли стычки и беспорядки. Оказавшись в очаге стихийного восстания, Центральный комитет Коммунистической партии Армении обратился за содействием к тифлисским большевикам.¹

7 мая в Александрополе был создан Революционный комитет. Он провозгласил себя верховной властью в Армении и предложил дашнакскому правительству в Эривани сдаться без боя. Было

¹ С.Ханоян. "Коммунисты в Армении", стр.220–221.

создано несколько Советов солдатских депутатов, бронепоезд, который присоединился к революции, стал штабом восстания. 11 мая в Карсе была провозглашена советская власть.

Майское восстание застало врасплох “Дашнакцутюн”, который не ожидал, что слабая Коммунистическая партия способна на такое. Коммунисты были удивлены не меньше дашнаков, так как восстание заранее не намечалось, а стало стихийным выражением недовольства. Четыре дня ушло на то, чтобы “Дашнакцутюн” собрал свои силы. 12 мая он создал Комитет спасения Армении, и испытанный “Хумбапец”, преданный идеалам старой партии, вступил в борьбу. Бешеная пропаганда, направленная дашнаками против большевиков, которые были заклеймены как турецкие агенты, скоро дала свои результаты. Началась всеобщая реакция, ознаменовавшаяся в конечном счете восстанием. Комсомольцы сражались храбро, но потерпели поражение; их руководитель Худас Худасян был убит в бою. Российская Красная армия двинулась на помощь армянским большевикам, однако восстание в Азербайджане вынудило ее изменить свои планы и тем самым предоставить Армянскому революционному комитету возможность, исходя из собственных ресурсов и опыта, решать возникшие проблемы. 14 мая дашнаки снова заняли Карс и Александрополь, Сарыкамыш перешел к ним 18 мая. В течение нескольких дней восстание было полностью подавлено. События мая 1920 года показали, что “Дашнакцутюн” все еще является хозяином Армении, пользующимся всеобщей поддержкой и превосходящим все другие армянские партии дисциплиной, военной организацией, резервами и опытом. Однако было очевидно и то, что Армения находится в опасности. Если бы турки захотели напасть в мае, они бы встретили слабое или отсутствие какого-либо сопротивления. Красная армия также легко могла бы оккупировать Армению, если бы не мятеж в Азербайджане. Население Армении никогда не чувствовало себя в безопасности, а майские события 1920 года еще более подорвали и без того шаткое положение маленькой и слабой страны, которая пыталась сохранить свою вновь обретенную независимость в эпоху всеобщих столкновений и борьбы. Майское восстание оказалось репетицией перед более серьезными и кровопролитными сражениями, которые потрясли Армению в декабре 1920 и мае 1921 годов, положив конец дашнакской республике.

ГЛАВА XV

НЕЗАВИСИМЫЙ АЗЕРБАЙДЖАН

Поражение Оттоманской империи поставило Азербайджан в тяжелое положение. Страна была скомпрометирована в глазах стран-победительниц тесными связями и союзными отношениями с врагом. Необходимо было коренным образом изменить внешние ориентиры страны ради выживания. Азербайджан был основным фактором, ответственным за распад Закавказской Федерации. Весной 1918 года “Мусават”, вынужденный в силу необходимости координировать свои действия с Грузией и Арменией, решил отделиться от своих соседей. В 1919 году мусаватисты осознали, что самостоятельно Азербайджан не сможет решить проблемы, с которыми столкнулась страна. Отражая эти изменения в умонастроениях руководителей партии, второй съезд “Мусавата” после доклада политической секции партии постановил, что лишь объединенный фронт закавказских народов может обеспечить неприкосновенность трех республик. Съезд призвал правительства Грузии и Армении образовать свободный союз закавказских народов.¹ Эмин Расул-заде писал: *“Не только представители господствующей партии – “Мусават”, но почти все течения политической мысли Азербайджана и видные политические деятели с самого начала возникновения Азербайджанской Республики стояли за необходимость единения всех кавказских народов в одно конфедеративное государство”*.

Хотя, несомненно, такие настроения были, их реализации помешали мелкая вражда и ссоры между закавказскими народами. Азербайджанское правительство не смогло разрешить свой спор с Арменией, и эти две страны оставались в состоянии бесконечной и неослабной борьбы.

¹ “Азербайджан”, № 271, 14 декабря 1919 года, см. М.Э. Расул-заде. “О пантуризме”, Париж, 1930, стр.59.

Правительство

После достижения независимости во внутренней жизни Азербайджана произошло немало изменений. Была введена система управления, по которой парламент, избираемый на основе всеобщего, свободного и пропорционального представительства, являлся высшим органом государственной власти. Излишне говорить, что в парламенте доминировал “Мусават”, хотя эта партия никогда не достигла такого полного контроля над правительством, как дашнаки в Армении. Кроме мусаватистского большинства, парламент включал представителей национальных меньшинств. Армяне, например, занимали двадцать одно из ста двадцати мест. Пост председателя парламента считался самым высоким постом в республике. Председатель назначал премьер-министров, которые затем формировали правительство, подлежащее утверждению парламентом. Несмотря на демократические формы устройства, Азербайджан управлялся не столько парламентом, сколько союзом сил, включавшим в себя “Мусават”, баснословно богатых бакинских нефтепромышленников и помещиков западного Азербайджана. Эта неофициальная коалиция, которая напоминает лебедя, рака и щуку из басни Крылова, была не в состоянии полноценно сотрудничать.

Азербайджанский парламент провел несколько реформ, ни одна из которых не имела особого значения для страны. Вероятно, самым важным было предоставление избирательных прав женщинам, что сделало Азербайджан первым в мире мусульманским государством, предоставившим женщинам политические права наравне с мужчинами. Другим важным мероприятием было открытие Государственного университета в Баку. До революции в этом городе было несколько отдельных институтов, теперь они объединились в университет, который сразу стал ведущим культурным центром страны.

Земельная реформа

Однако азербайджанское правительство потерпело неудачу, когда оно подошло к самой важной и насущной из всех проблем – земельной реформе. Когда Закавказский Сейм принимал закон о национализации крупных поместий и ограничении количества земли, находящейся во владении одного лица, его азербайджанские члены голосовали за данную реформу. Однако в тот период Баку находился в руках большевиков, а с юга наступали турки.

Когда в мае 1918 года было сформировано азербайджанское правительство, оно было вынуждено переехать из Тифлиса в Гянджу, где попало под влияние местной знати – ханов и беков, единственной группы, которая могла предоставить “Мусавату” вооруженные формирования.

Во время пребывания в Гяндже азербайджанское правительство издало указ о том, чтобы осуществление земельной реформы, принятой Сеймом, отложено до предстоящего созыва Учредительного собрания Азербайджана. Вместе с тем предписывалось вернуть поместья, которые уже были захвачены жаждущими земли крестьянами, их прежним владельцам.

Однако приблизительно через полгода “Мусават”, проигнорировав интересы землевладельцев, опубликовал декларацию с требованием принять земельные законы, практически аналогичные законам, принятым социал-демократическим правительством Грузии. Все земли, принадлежащие государству и частным лицам, следует распределить между безземельными крестьянами, заявил “Мусават”. Он пошел даже дальше грузинских меньшевиков, так как предложил не требовать с крестьян никакой платы за землю, которую они получают. Следовало установить земельную норму на одного владельца. Те, кто будет вкладывать свой труд и капиталы в землю, могут рассчитывать на компенсацию из особого государственного фонда, сформированного из налогов на доходы капиталистов. Предложения “Мусавата” были очень выгодны крестьянам. Они не затрагивали интересов интеллигенции и мелкой буржуазии, которым “Мусават” служил и из которых пополнял свои ряды. Однако политически сильные помещики западного Азербайджана должны были потерять все, если бы закон был принят, тогда как бакинские капиталисты были бы вынуждены финансировать разорение феодального класса Азербайджана.

В октябре 1919 года земельный вопрос поступил, наконец, в парламент, где левые мусаватисты выдвинули предложение установить норму частного землевладения и национализировать все леса. В стране, которая недавно пережила революцию, столицу которой вот уже несколько месяцев удерживали большевики, а соседняя Грузия уже приняла законы, выгодные крестьянству, мало кто отважился открыто выступить против этого предложения. Однако крупные землевладельцы не собирались отказываться от своих родовых поместий. У них было много сторонников в самом “Мусавате” еще с июня 1917 года, когда последний объе-

динился с партией федералистов из Гянджи, крайне консервативной организацией, защищавшей интересы помещиков. Обсуждение земельного вопроса в парламенте заняло менее получаса. Он был отложен до созыва Учредительного собрания Азербайджана. Когда будет созвано это собрание, ни у кого не было ни малейшего представления.¹

Крестьянские волнения

Даже забитое и подавленное азербайджанское крестьянство не могло безучастно примириться с нищетой и угнетением. Весть о том, что в России и Грузии правительства передали землю крестьянам, оказала сильное влияние на крестьянские массы Азербайджана. В течение всего короткого периода независимости это государство сотрясали крестьянские бунты, которые порой достигали масштабов крупных крестьянских восстаний. Летом 1919 года в окрестностях Гянджи появился партизанский отряд, который возглавлял некий Гатыр Мамед. Он сжигал дома богатых, захватывал их имущество и убивал всякого, кто оказывал сопротивление. Губернатор Гянджи, не сумев разогнать отряд собственными силами, вынужден был обратиться в Баку за подкреплением. Правительственные войска предприняли настоящую кампанию против смелого крестьянского предводителя, который после многих боев с превосходящими силами противника был, наконец, выслежен и убит.²

Экономическое положение

Экономические трудности усугублялись выступлениями крестьян, которые еще более ослабляли позиции правительства Азербайджана. Экономика страны целиком и полностью зависела от экспорта нефти, основным потребителем которой была Россия, однако гражданская война в этой стране закрыла этот рынок. Экспорт нефти резко сократился, что привело к катастрофическому падению цен. В промышленности наблюдалось сокращение заработной платы рабочих, что неизбежно вызывало забастовки и усиление большевистских настроений у пролетариата. Пытаясь спасти нефтяную промышленность от краха, правительство стремилось привлечь иностранный капитал в Баку и

¹ А. Г. Караев. "Из недавнего прошлого", Баку, 1926, стр.81–82.

² М. Д. Багиров. "Из истории революционной организации Баку и Азербайджана", Москва, 1946, стр.190–192.

продавать нефть странам, согласным платить за нее наличными. В июне 1919 года правительство вело переговоры с представителем “Стандард Ойл” Г.Томасом, закончившиеся заключением соглашения, по которому “Стандард Ойл” должен был закупить сто тысяч тонн нефти в 1919–1920 годах по тридцать три доллара за тонну. За этим должна была последовать еще одна сделка на такой же объем сырья по той же цене. Советский историк Раевский писал, что английские нефтяные интересы, представленные “Шелл Компани”, помешали американскому проникновению в азербайджанскую экономику и заставили правительство Азербайджана аннулировать соглашение, при этом Азербайджан потерял, по меньшей мере, три миллиона триста тысяч долларов, а, может быть, и вдвое больше.¹ Финансовая сфера страны пережила ряд кризисов в 1918–1919 годы. Лишенная финансовой поддержки России, израсходовав огромные суммы на содержание аппарата и армии, не имея постоянных источников дохода, республика обанкротилась. Если финансовые кризисы не привели к полному краху экономики страны, то лишь благодаря бакинской нефти, которая если даже и не приносила денег, обеспечивала Азербайджану постоянный кредит за границей. Во время оккупации Баку англичане заимствовали изрядные средства из Бакинского государственного банка, бывшего отделения Российского государственного банка. Они пользовались железными дорогами, ввозили и вывозили товары, участвуя в целом ряде хозяйственных операций, без чего армия была бы лишена мобильности и продовольствия. 20 марта 1919 года официальная газета “Азербайджан” писала, что английское командование задолжало азербайджанскому правительству почти 213 миллионов рублей. Когда правительство пыталось получить этот долг, Верховный комиссар Великобритании в Закавказье Оливер Уордроп ответил от имени лорда Керзона, что британское правительство признает свой долг, поскольку деньги, которые оно взяло в долг, пошли на военные экспедиции; однако оно отказывается считать себя должником тех сумм, которые были потрачены на освобождение местного населения. Когда азербайджанское правительство потребовало англичан вернуть в Бакинский государственный банк некоторые ценности, которые принадлежали ему, но были переданы англичанам Бичераховым, Уордроп заявил, что ценности будут возвращены при условии, что Азербайджан возьмет на себя ответствен-

¹ А. Раевский. Указ. соч., Баку, 1927, стр.80–81.

ность за часть довоенных долгов России, от уплаты которых отказалось правительство Советской России. Азербайджан так и не получил своих денег обратно, обстоятельство, которое еще более подорвало и без того плачевное состояние казны.

Отношения Азербайджана со своими соседями оставались, в целом, неудовлетворительными. Он смог установить достаточно хорошие отношения с Грузией и Ираном, однако Армения продолжала оставаться врагом с того дня, когда была провозглашена независимость, и до момента, когда Красная армия вступила в Баку. Вскоре после распада Закавказской Республики между Грузией и Азербайджаном возник спор из-за Закатальского округа, который был быстро урегулирован. Проблемы мусульман юго-западного Закавказья, возникшие после поражения Турции, также разрешились мирным путем.

Азербайджан и Армения

Отношения Азербайджана с Арменией были частично рассмотрены в предыдущей главе настоящего исследования. Однако для полноты картины следует добавить еще несколько слов. После сентябрьских событий 1918 года поверенный в делах Армении в Тифлисе Джамалян направил ноту протеста азербайджанскому представителю в Грузии Джафарову, обвинив правительство последнего в убийстве в Баку двадцати пяти или тридцати тысяч армян и требуя сурового наказания виновных. Число убитых было чрезмерно преувеличено. Даже согласно официальным данным специальной армянской комиссии по расследованию, список убитых не превышал девяти тысяч.¹

Джафаров ответил, что азербайджанское правительство всегда желало жить в мире со своими соседями. Он объяснил сентябрьские столкновения как стихийную месть за убийство около десяти тысяч азербайджанцев армянами в марте 1918 года. Он отверг обвинение армян в том, что азербайджанское правительство не наказало тех, кто несет ответственность за сентябрьское кровопролитие. Сто человек были признаны виновными в убийствах и повешены. В заключение он указал, что поведение армян, выражаясь языком ноты Джамаляна, было рассчитано на то, чтобы направить общественное мнение против Азербайджана, и не направлено на улучшение отношений между двумя странами. Конфликт, который подавлялся в течение двух лет, вновь вспых-

¹ Б. Ишханян. Указ. соч., стр.29.

нул в 1920 году, когда в Карабахе началась настоящая война. На конференции, которая была созвана в Тифлисе с целью примирения враждующих сторон, азербайджанская делегация заявила, что она не уполномочена подписывать соглашение о прекращении военных действий. Так, все попытки восстановить мир закончились неудачей. Война с Арменией еще больше ослабила и без того слабую азербайджанскую армию. Военный министр Мехмандаров доложил парламенту, когда Россия начала угрожать с севера, что пятьдесят тысяч человек, которые находятся под его командованием, не смогут сдержать наступления даже одного российского полка.¹

Итальянский мандат

В 1919 году на арене Закавказья появилась еще одна европейская держава, правда, в течение весьма короткого времени. Англичане предложили итальянцам, которые были недовольны малыми выгодами от войны, мандат на Закавказье. Итальянцы проявили большой интерес к возможности эксплуатировать баснословно богатый Азербайджан. 10 мая 1919 года правительство Азербайджана получило следующее сообщение от генерала Томсона: *“Имею честь доложить Вам, что английские войска будут заменены итальянскими войсками. Группа итальянских офицеров уже прибыла в Грузию, чтобы сделать необходимые приготовления. Прошу вас оказать им всяческую помощь и содействие”*.²

Атташе итальянского посольства в Париже граф Садино заявил в частной беседе, что Италия преследует на Кавказе исключительно экономические цели. Она получит от Лиги Наций мандат на Кавказ, но будет пользоваться им только с согласия местного населения, не пробудет в Закавказье более трех или, в крайнем случае, пяти лет. За это время кавказские республики создадут конфедерацию, окрепнут и решат свою собственную судьбу. Если возникнет Российская Федеративная Республика, то кавказские государства, может быть, захотят войти в ее состав. Садино дал понять, что Италия ни в коем случае не будет воевать против Деникина, который угрожал Азербайджану, а также против кого бы то ни было. Кавказ может иметь свои собственные войска, а Италия будет оказывать материальную и техническую помощь.

¹ Б. Байков. “Воспоминания о революции в Закавказье” (1917–1920 гг.), Берлин, стр.173.

² Архивы истории партии Азербайджана, фонд Министерства иностранных дел, дело №54, стр.11.

В заявлении Садино совершенно четко была отражена позиция Италии, которая надеялась извлечь экономические выгоды из Закавказья, но не собиралась участвовать в гражданской войне в России. Единственное, к чему она стремилась, это быстро и легко нажиться. Вот почему ее внимание привлекло “черное золото” Баку. 16 мая 1919 года в Баку прибыл принц Савойский. Вслед за ним, 22 мая, прибыла итальянская военная миссия во главе с полковником Мельхиором Габба. Последний хотел знать, сколько войск Италия должна будет держать там, чтобы обеспечить мир и безопасность. И принц, и полковник, казалось, очень симпатизировали Азербайджану, последний обещал сделать все от него зависящее, чтобы помочь стране стать на ноги. Однако вскоре после этого в Риме произошла смена кабинета, а новый премьер-министр Франческо Нитти усмотрел в итальянском мандате на Кавказ лишь безрассудную авантюру. Таким образом, этот план был выброшен во вместительную корзину для ненужных бумаг истории. Во второй половине августа 1919 года британские войска покинули Азербайджан, который отныне должен был существовать как совершенно независимое государство. Лишь несколько английских офицеров остались в качестве инструкторов и консультантов в азербайджанской армии. Правительство было обеспокоено угрозами со стороны Добровольческой армии генерала Деникина, офицеры которой, все как один русские националисты, свирепо поглядывали на Азербайджан из Дагестана, который они заняли, уничтожив Горскую Республику и потопив в крови сопротивление свободолюбивых потомков Шамиля. Азербайджан нуждался в защитнике. Поскольку Великобритания ушла, Франция не проявляла никакого интереса к его судьбе, а Италия не стремилась выйти на арену, к тому же не было никакой надежды на помощь со стороны Соединенных Штатов, Азербайджан обратился к Персии.

Азербайджан и Персия

16 июля 1919 года Совет министров направил заместителя министра иностранных дел Адильхана Зиятханова дипломатическим представителем Азербайджана при дворе персидского шахиншаха. Бывший посол царской России в Тегеране Этгер, служивший теперь Деникину, сделал все, чтобы воспрепятствовать прибытию азербайджанского посланника. Было время, когда слово царского посла было законом в Тегеране, но те дни миновали. В 1919 году уже никто не обращал внимания на советы и протесты посла, представлявшего несуществующее правительство. Персид-

ская делегация во главе с Сеидом Зиэддином Табатабаи прибыла в Баку для заключения соглашений о перевозках, тарифах, почтовой связи, таможене и т.д. Были произнесены речи, в которых подчеркивалась общность между кавказским Азербайджаном и Ираном; много шума, но мало дела. В октябре и ноябре 1919 года на Парижской мирной конференции между Алиголи хан Мошавер аль-Мамалек Ансари, главой незадачливой персидской делегации на Парижской мирной конференции, и руководителем азербайджанской делегации Алимардан беком Топчибашевым состоялись более серьезные переговоры. Министр иностранных дел Персии Фируз Мирза Носрат-эд-Довлех заверил, что его страна не строит никаких планов относительно кавказского Азербайджана, но, добавил он, обе страны выиграли, если бы воссоединились. 1 ноября азербайджанская делегация представила персам проект договора, в котором, в частности, отмечалось: *“Азербайджанская Демократическая Республика устанавливает с соседним персидским государством политико-экономические связи, сущность и форма которых, а также методы реализации должны быть выработаны и определяться на основе обоюдного соглашения между персидским и азербайджанским правительствами, с одобрения парламентов обоих государств. Кроме того, представляется желательным объединение действий персидского и азербайджанского правительств в сфере внешней политики”*.¹ Подобный договор мог стать реальностью лишь в том случае, если Россия окажется окончательно сломленной. Однако азербайджанское правительство знало, что Персия, истерзанная гражданской войной, ограбленная иностранным империализмом, ослабленная собственным полуфеодалным правительством и обесчещенная правящей династией, вероятно, не могла бы стать гарантом безопасности Азербайджана, даже если последний объединился бы с ней. Необходимо было получить гарантию от Великобритании, так как лишь эта страна была действительно заинтересована в Ближнем Востоке и имела достаточно средств для оказания действенной помощи. Исходя из этого, статья 6 проекта договора гласила, что Азербайджанская Республика нуждается в помощи англичан в такой же степени, что и Персия. При этом имелся в виду договор от 2 августа 1919 года, по которому Великобритания фактически установила протекторат над страной Льва и Солнца. Чтобы найти спасение от России, Азербайджан готов был принять условия, против которых выступали персы, поскольку они не

¹ Азербайджанский государственный архив, фонд Министерства иностранных дел, дело №12, стр. 24–25.

повиновались англичанам и отказывались ратифицировать договор. Англичане отказались взять на себя какие-либо обязательства в Азербайджане, поэтому планы азербайджанского правительства так и не осуществились.

Бакинские коммунисты

В 1919 году важнейшим внутренним событием стало возобновление деятельности большевиков в Баку. После свержения Совета летом 1918 года Российская Коммунистическая партия не могла легально действовать в Баку, однако "Гуммет" свободно продолжал свою работу. "Гуммет", по всей вероятности, был старейшей азербайджанской партией. В первые дни партия была преимущественно большевистской по своему характеру, однако позднее ее меньшевистское крыло укрепило свои позиции. Однако большевики считали возможным все это время проводить свою работу через "Гуммет". На бакинских рабочих, которые отвернулись от коммунистов в 1918 году, давили частично эсеры, частично "Мусават", которым удалось получить большинство на съезде рабочих, состоявшемся в декабре 1918 года. Противники "Мусавата" утверждают, что агенты этой партии стояли у входа в зал заседания съезда, предлагая пять рублей каждому, кто будет голосовать за "Мусават". Путем подкупа или иным путем "Мусават" получил большинство. Экономический кризис, который поразил Баку в 1919 году, ухудшил положение бакинского пролетариата. Низкая заработная плата и высокие цены сделали жизнь бакинских рабочих невыносимой. Когда в декабре 1918 года рабочие потребовали повышения заработной платы и сокращения рабочего дня, их руководители Велунц и Саакян, оба небольшевики, были арестованы. Забастовки вынудили англичан освободить заключенных, однако волнения, вызванные этим инцидентом, не улеглись.

Большевики немедленно воспользовались этим случаем. В феврале 1919 года Анастас Микоян, который находился в тюремном заключении, был освобожден и стал руководителем бакинских большевиков. Одной из основных задач, которые предстояло решить, была задача расколоть "Гуммет", в котором доминировало меньшевистское крыло. Это было сделано в марте. Большевистски настроенные члены "Гуммета" примкнули к социал-демократам, тогда как большевики из той же организации решили создать Коммунистическую партию Азербайджана. На пленарном заседании Кавказского краевого комитета Российской Коммунистической партии между тифлисскими и бакинскими большевиками возникло острое разногласие по вопросу о том, следует

ли создавать самостоятельную Коммунистическую партию Азербайджана. Бакинских большевиков обвинили в националистическом уклоне и сепаратизме. Им было сказано, что их политика санкционирует то, против чего борются грузинские коммунисты. На это бакинские большевики ответили, что азербайджанские массы никогда не последуют за российской партией, что бы она ни отстаивала; необходимо иметь местную организацию, самостоятельную, по крайней мере, по названию, которая смогла бы завоевать доверие масс. Несмотря на протесты Краевого комитета, в нарушение партийной дисциплины азербайджанцы Караев, Султанов, Ахундов, Гусейнов и другие отделились и создали самостоятельную Коммунистическую партию Азербайджана. Гусейнов был избран председателем ее Центрального комитета.

Вновь созданная Коммунистическая партия Азербайджана не была разрешена законом и не смогла стать массовым движением, несмотря на изменение названия. Националистическое притяжение “Мусавата” было настолько сильным, что никакая сила в пределах самого Азербайджана не могла противостоять ему. Только внешняя сила могла смести его и поставить коммунистов на место правящей партии. Слабая сама по себе, Коммунистическая партия Азербайджана была сильна благодаря поддержке России. В сентябре 1919 года в Баку прибыла делегация турецких националистов, чтобы заручиться поддержкой азербайджанского правительства. Опасаясь французов и англичан, кабинет Юсуббекова отказал в помощи. Однако Коммунистическая партия Азербайджана и Бакинский комитет Российской Коммунистической партии (на деле это было одно и то же) тотчас предложили туркам свою помощь. *“Отныне Коммунистическая партия Азербайджана стала одной из основных рычагов революционной борьбы за национальное освобождение Турции. Коммунистическая партия Азербайджана сыграла роль моста между пролетарской революционной Москвой и революционным движением Турции”*. Таким образом, несмотря на свою численную слабость и отсутствие всенародной поддержки, Компартия Азербайджана стала важным фактором в истории Закавказья в роковые 1919–1920 годы.

ГЛАВА XVI

ЗАКАВКАЗЬЕ И ДОБРОВОЛЬЧЕСКАЯ АРМИЯ

Летом 1918 года генералы Алексеев и Деникин, возглавлявшие антисоветские войска, сформировали Добровольческую армию для свержения большевистского режима в России. Меншевики и эсеры не доверяли движению реакционных генералов и вели антибольшевистскую борьбу самостоятельно. Евгений Гегечкори заявил от имени грузинских социал-демократов, что никакой демократической России не существует, есть только большевики и Алексеев. Грузия не может поддержать никого из них и отказывается вмешиваться в российские дела.¹

Наступление большевиков на Черноморье

Когда в конце марта 1918 года наступавшие на Черноморское побережье большевистские войска достигли Сухума, Абхазский национальный совет, выразивший волю местных автономистов, обратился к Грузии за помощью. Встревоженная возможностью того, что Красная армия будет развернута у ее границ, Грузия направила свои войска против русских, заставив их отступить к Туапсе. 24 июля Абхазский национальный совет и грузинское правительство заключили договор, по которому район Сухума временно стал частью Грузии. Статья 3 указанного договора гласила, что Абхазский национальный совет, как и прежде, может продолжать управлять до тех пор, пока Национальное Собрание Абхазии сможет окончательно решить судьбу народа. Большевики сделали еще одну попытку отвоевать Черноморское побережье, перейдя в сентябре 1918 года в наступление на Туапсе с войском из десяти тысяч человек и десяти орудий. Грузинские войска, плохо вооруженные и изнуренные после двух месяцев перманентных боев, сдали город, но Красная армия не имела возможности воспользоваться плодами своего первого успеха. Ее тылы подвергались атакам Добровольческой армии, кавалерия которой выбила

¹ "Борьба", 6 ноября 1918.

Красную армию из Туапсе и на всем протяжении Черноморского побережья. Вскоре после этого Добровольческая армия присоединилась к грузинам южнее Туапсе.¹ Как только стало ясно, что вместо большевиков Грузия будет иметь в качестве соседа контрреволюционную Добровольческую армию, агент грузинского правительства в Сочи Анджапаридзе телеграфировал военному министру в Тифлис, прося указаний. Положение обещало быть довольно трудным, так как Добровольческая армия была не только антибольшевицкой, но и антигерманской, а в тот период Грузия находилась под протекторатом Германии. Должны ли грузинские войска удерживать позиции, которые они занимают, спрашивал Анджапаридзе, или они должны отступить?

Резолюция сочинских социалистов

Грузинское правительство решило удержать Сочи и Сухум. В Сочи состоялся объединенный совет социалистических партий, который обсудил положение и пришел к заключению, что демократия должна вести войну на два фронта – против большевиков и против монархистов. Единственным регионом бывшего Российского государства, гласила принятая резолюция, где был установлен республиканский режим, является Грузия. Ставя своей целью создание демократической республики в России, социалисты должны поддержать установление демократического режима в различных местах бывшей Российской империи. Так как желанием социалистов было улучшение условий жизни Сочинского региона на основе свободы, самоопределения и классовой борьбы, которое можно реализовать лишь в том случае, если Сочи воссоединится с Грузией, было принято единодушное решение просить грузинское правительство занять указанный район.

Переговоры Гегечкори и Алексева

Воодушевленное этой резолюцией грузинское правительство послало Гегечкори и генерала Мазниева на переговоры с представителями Добровольческой армии и правительства кубанских казаков. Полуофициальная конференция была открыта 25 сентября генералом Алексеевым, верным царским офицером, который, по мнению такого авторитета, как Уинстон Черчилль, был “стратегом, равным Фошу и Людендорфу”, под чьим командованием Добровольческая армия стала несокрушимой силой.

¹ А.Деникин. Указ. соч., т. III, стр. 48–49, 240.

Алексеев заявил, что Добровольческая армия признает независимость Грузии и не вынашивает планов против нее. Однако есть признаки того, что Грузия настроена враждебно к ней. Правящие круги Грузии преследуют и подвергают гонениям военнослужащих Добровольческой армии. Кроме того, грузины заняли Сочи и Туапсе. *“Почему они захватили двадцать пять верст (около двадцати пяти километров) территории, которая не принадлежит им?”* – спрашивал Алексеев. Затем он выразил недовольство грузинской национализацией судов, железных дорог и т.д., которые он назвал “российской собственностью”. В ответ Гегечкори заявил, что обвинения Алексеева беспочвенны. Грузия является единственным местом, где российские офицеры находили убежище, тогда как в других местах их линчевала толпа. К этому Мазниев добавил, что Грузия заняла Сочи и Туапсе в то время, когда никто еще не знал о Добровольческой армии. Один из представителей Добровольческой армии, Шульгин, пожаловался, что их теснят со всех сторон. Немцы, большевики, турки – все были врагами. Он обвинил Грузию в участии в коалиции, направленной против Добровольческой армии. *“Скажите нам честно.., что вы участвуете в этой комбинации окружения и давления..”* На это откровенное заявление Гегечкори ответил, что Грузия не участвует ни в каких планах, направленных против Добровольческой армии, так же как и не собирается поддерживать таковые. *“Наше сотрудничество носит случайный характер и объясняется лишь общностью цели в данный момент – борьбой против большевиков”*. Неудовлетворенный этим ответом, Деникин попросил дать четкий ответ на вопрос об отношении грузин к большевизму. Ответ Гегечкори был следующим: *“На вопрос о нашем отношении к большевизму я могу заявить, что борьба с большевизмом в наших пределах ведется неослабно. Мы подавляем большевизм всеми имеющимися в нашем распоряжении средствами, как разрушительное движение, которое угрожает целостности нашего государства”*. Эти слова произнес тот Гегечкори, который в ноябре 1917 года, когда большевики захватили власть и все верили, что Временное правительство будет скоро восстановлено и сурово накажет их за мятеж, склонил Краевой совет Кавказской армии принять резолюцию, гласящую, что Временное правительство не должно заниматься репрессиями против большевиков. На втором заседании конференции, состоявшемся 26 сентября, обсуждался вопрос о границах Грузии. Председатель Кубанского правитель-

ства Воробьев просил грузин освободить город Гагры и его район, утверждая, что из тридцати трех тысяч его жителей двенадцать тысяч являются турецкими подданными (греки, армяне, турки), свыше восьми тысяч русских, до шести тысяч эстонцев, около полутора тысяч молдаван и некоторое число абхазцев, в то время как грузинское население не превышает одной тысячи. Гегечкори ответил, что Добровольческая армия является частной организацией и неправомочна обсуждать пограничные вопросы. Ни Гегечкори, ни Алексеев не шли на уступки в вопросе о Сочи и Гаграх. Полоса земли всего в несколько миль шириной, казалось, обрела мистическое значение. Алексеев объявил перерыв на десять минут, после которого он в последний раз спросил, согласны ли грузины отдать Сочи. Гегечкори был непреклонен. Сочи, сказал он, должны остаться в руках грузин. Так как соглашение не было достигнуто, Алексеев объявил конференцию закрытой. Его заключительная речь содержала завуалированную угрозу, а также предупреждение, что Германия не сможет снабжать Грузию хлебом, а Добровольческая армия сможет. Пока немцы находились в Грузии, Добровольческая армия не планировала нападение. В ноябре 1918 года немцы стали выводить войска. Грузины знали, что кризис не за горами. Им нужна была поддержка местного населения, чтобы иметь повод занять территории, которые, согласно административному делению царской России, не входили в Закавказье. Крестьянский съезд, который состоялся в Сочи в декабре, постановил, что город Сочи, в конечном счете, воссоединится с демократической Россией, но пока такой России не существует, он должен относиться к Грузии, под защитой которой трудящиеся массы будут иметь возможность осуществить свои мечты по распределению земли, введению земств и т.д.

Конфликт по поводу Сочи

Несмотря на все резолюции, которые население Сочи приняло в пользу Грузии, район был оккупирован Добровольческой армией. 5 января 1919 года состоялось пленарное заседание Демократической организации города Сочи, которое решило обратиться к союзникам, чтобы остановить наступление генерала Деникина, сменившего Алексеева на посту командующего Добровольческой армией. Параграф 3 резолюции настаивал на необходимости вывода деникинских войск из района Сочи, тогда как параграф 4 содержал просьбу о вводе немецких гарнизонов,

которые защитят народ “от возможного вторжения реакционных элементов”. Заключительный параграф был настоящим гимном в честь Грузии: *“Грузинская демократия в лице правительства спасла население Сочинского района от двух страшных бедствий российского правления – анархии и военной диктатуры. Приложив огромные усилия, она направила внутреннюю жизнь района в русло общественного порядка, действительной демократии и здорового правления для народа”*. Резолюция была подписана социалистическим блоком Сочинской городской думы, Районного совета крестьянских депутатов, Сочинского комитета Социал-демократической партии и Сочинского комитета эсеров.¹ Генерал Деникин имел в своем распоряжении всю дипломатическую службу бывшей Российской империи. Через нее он мог расположить в свою пользу большую часть правительственных кругов Франции и Англии. Кроме того, он поддерживал непосредственную связь с военными представителями союзников в России, Закавказье и других регионах. В феврале 1919 года он телеграфировал английским генералам Милну (в Константинополе) и Уолкеру (в Тифлисе), что на Черноморском побережье грузины притесняют абхазское население, разогнали Абхазский национальный совет и провели новые выборы под давлением воинских частей, чтобы сделать Совет полностью послушным своим планам. Абхазский народ, заявил Деникин, обратился к нему с убедительной просьбой приостановить выборы, выдворить грузин из Абхазии, обеспечить мир в регионе и гарантировать безопасность от грузинского насилия. По мнению Деникина, длительная оккупация Абхазии грузинами, которых местное население ненавидело, потребует военной интервенции с его стороны для восстановления порядка. Тем временем в Тифлисе Жордания принял английского военного представителя генерала Уолкера, который сообщил грузинскому премьер-министру, что 23 января 1919 года британское командование объявило территорию Грузии неприкосновенной. Теперь, когда Деникин пренебрег предостережением, англичане направят одно из своих подразделений, которое будет служить барьером между Грузией и Добровольческой армией. Жордания был настроен воинственно. Он заявил, что Грузия требует немедленного вывода деникинских войск, в противном случае она будет вынуждена изгнать их. Уолкер, в свою очередь, указал, что он готовится использовать английские

¹ “Документы и материалы...”, №199, стр.415–416.

войска не для сражения с той или иной армией, а для сохранения мира, и в случае, если Грузия намерена усугубить конфликт, то она будет отвечать за последствия. Жордания подчеркнул тот факт, что Деникин уже не повиновался приказу англичан, напав на Грузию. Далее он пожаловался, что с самого прибытия союзников в Закавказье Грузия не знала покоя. Опасаясь показаться антибританским, он добавил, что лично он является "горячим сторонником стран Антанты". Командованию Добровольческой армии было известно о поддержке, которую англичане оказывали правительствам независимых республик Закавказья. Оно понимало, что союзники стремятся установить порядок в различных частях России *"с помощью местных элементов, будь они даже враждебны идее единой неделимой России..."* Для русских, как большевиков, так и белых, Кавказ был собственностью, которую рано или поздно они потребуют. Когда английское правительство предложило, чтобы окончательное решение судьбы закавказских республик было вынесено на Парижскую мирную конференцию, дипломаты Деникина в Лондоне и Париже горячо запротестовали.¹ Однако они понимали, что находятся в положении, не позволяющим спорить с англичанами из-за Закавказья. Как писал деникинский дипломат: *"В данных условиях было бы желательно не обострять принципиальные разногласия между Россией и Англией по вопросу о будущей судьбе Кавказа. Мне кажется несомненным, что примирение противоречивых устремлений кавказских народов является слишком обширной задачей, которую можно решить по готовой формуле национального самоопределения. Сами правозвестники этой формулы не смогли вложить в нее реальное содержание. Кавказ, который в большой степени уже проникнут русской культурой, имея соседями Турцию и Персию, несомненно, останется в сфере российских интересов. Поэтому, по моему мнению, нельзя преувеличивать значение записанных решений, которые принимаются сегодня"*.

Британская интервенция

Англичане, которые оказывали содействие Деникину, изо всех сил стремились предотвратить полномасштабную войну между ним и Грузией. 16 мая Жордания принял генерала Бича, которому было заявлено, что достижение соглашения с Грузией

¹ "Внешняя политика контрреволюционных "правительств" в начале 1919 года". Красный архив, №6 (37), 1929, стр.71, 81–83, 88–89, 95–96.

будет отвечать интересам Деникина. 23 мая состоялась встреча министра иностранных дел Гегечкори, министра внутренних дел Рамишвили и генерала Гедеванова с генералами Бичем и Бригсом. Последний заявил, что он представляет Деникина, а не британское правительство. Он повторил прежние требования Добровольческой армии относительно Абхазии. Гегечкори ответил, что Грузия желает прийти к соглашению с Деникиным на следующих условиях:

1) грузинские войска остаются на реке Мехадыр (севернее Сочи);

2) Грузия гарантирует сохранность российской собственности и возобновит связи с Добровольческой армией;

3) окончательное решение спора о границе будет вынесено на рассмотрение Парижской мирной конференции.

Бригс огласил контрпредложения Деникина:

1) грузины должны отойти за реку Бзыбь (южнее Сочи);

2) Сухум может временно остаться под управлением грузин при условии, что будет гарантирована неприкосновенность российской собственности в районе Сочи и Грузии;

3) На занимаемой Грузией территории земли могут быть экспроприированы, если население поддержит эти меры, а ее владельцам будет предоставлена компенсация.

Пункты 2 и 3 грузинских предложений были приемлемы для Деникина, тогда как Грузия была готова принять пункты 2 и 3 его контрпредложений, однако первые пункты предложений исключали возможность соглашения. Ни Деникин, ни грузинское правительство не могли уступить Сочи. В конце мая военные действия на Черноморском побережье приняли большой размах. Уступая Деникину на поле сражения, грузины имели реальную возможность задержать продвижение его армии путем блокирования перевозок военных грузов. Несколько составов было задержано грузинами, прежде чем англичане заявили протест. Генерал Корей от имени английского командования потребовал у Жордания объяснений, на каком основании грузинские власти захватили составы с английским продовольствием. Жордания ответил, что все, принадлежащее англичанам, будет пропущено через грузинскую территорию, однако российские боеприпасы, предназначенные для Деникина, будут задержаны, поскольку последний находится в состоянии войны с Грузией. Генерал Корей, который сначала принял враждебный тон, вынужден был изменить свое

отношение к данному вопросу. Товарные вагоны с провиантом для англичан должны были следовать далее по своему маршруту, тогда как вагоны, направлявшиеся к Добровольческой армии – задержаны в Тифлисе до тех пор, пока не будет достигнуто соглашение с Деникиным. Летом 1919 года Деникин направил генерала Баратова в Тифлис для дальнейших переговоров с правительством Грузии. Баратов получил секретные предписания, подразделявшиеся на три основные группы. Первые касались военных вопросов. Баратову было дано указание принять меры по обеспечению Деникина всем имуществом давно расформированной российской Кавказской армии. Он должен был предложить всем российским офицерам в Грузии вступить в Добровольческую армию, которая обеспечит благосостояние их семей. Вторая группа указаний касалась политических вопросов. Ему было предписано подготовить почву для “безболезненного воссоединения” Закавказья с Россией ввиду того, что эти районы были неделимой частью империи. Баратов должен был возобновить требование об отводе грузинских войск за реку Бзыбь. Если Грузия признает себя частью России, Добровольческая армия устранил все таможенные преграды, разрешит свободную торговлю и установит дружественные отношения. Тарифы могут остаться в силе, но Добровольческая армия обещает не нападать. Однако если Грузия отвергнет все эти требования, она должна быть готова к любому повороту событий. Самая краткая часть указаний Баратову была посвящена экономическим вопросам. Добровольческая армия стремилась склонить правительства закавказских республик разрешить свободное обращение денег, выпущенных вооруженными силами Южной России (Добровольческой армией). Этот знаменательный документ был подписан генералом Лукомским и одобрен главнокомандующим Деникиным. Летом 1919 года Добровольческая армия достигла зенита своих побед. Инструкции, полученные Баратовым, показывают, что в то время, как, впрочем, и всегда, Деникин был великорусским шовинистом. Казалось, будто две революции прошли мимо него. Он продолжал жить в старом мире, в котором грузины, армяне и азербайджанцы были подчиненными народами, “усмиренными” кавказскими племенами. И совершенно естественно, что Баратову, снабженному такими предписаниями, не удалось прийти к соглашению с правительством социалистов Грузии.

Деникин описывает свое отношение к Закавказью в следующих словах: *“Насильственный захват территорий Грузии и Азербайджана не входил в мои планы и политически был нецелесообразен. Но правительства этих новых образований или не могли, или по тактическим соображениям не хотели доверять нашей политике. С необычным рвением их пресса раздувала ненависть к нам, разжигала страсти и искажала до явной нелепости наши намерения и планы. Их пренебрежительное отношение не только к (Добровольческой) армии и ее руководителям, но и к России приняло формы грубости и оскорбления, по которым их пресса превзошла даже большевистские плакаты. Наконец, главной, или скорее единственной, причиной борьбы на Кавказе было столкновение между идеей единой России и идеей полной независимости новых кавказских образований, все остальное было лишь серьезным или мелким, значительным или незначительным предлогом”*.¹

Вопреки заявлениям своего командующего, Добровольческая армия все же попыталась занять Закавказье силой. Грузинские войска были выбиты из Сочи, сама Грузия оказалась в опасности, как и Азербайджан, где Бичерахов стал главной опорой деникинской политики. Еще в январе 1919 года Бичерахов организовал так называемое кавказско-каспийское правительство и готовился свергнуть законное правительство Азербайджана. Англичане, которым были известны планы Бичерахова, пригласили его посетить Англию. 28 февраля, когда он отсутствовал, они приказали его войскам покинуть Азербайджан в течение двадцати четырех часов. Тщетно агент Деникина, генерал Эрдели, протестовал против этих действий. Генерал Томсон заявил, что высланные войска совершенно деморализованы и представляют угрозу миру и порядку.

Вторжение Деникина в Дагестан

Весной 1919 года Деникин вторгся в Дагестан. Горская Республика, провозгласившая свою независимость 14 мая 1918 года и признанная Турцией, Азербайджаном и Грузией, оказала яростное сопротивление. Азербайджанцы знали, что как только горцы будут повержены, Деникин достигнет границ Азербайджана и будет угрожать республике. Фатали хан Хойский заявил протест генералу Томсону по поводу действий Деникина: *“...Наруше-*

¹ А. Деникин, Указ. соч., т.4-й, стр.139. Курсив автора.

ние воли и суверенных прав горских народов Северного Кавказа, дружественных Азербайджану, не может не вызвать самых горячих протестов со стороны азербайджанского правительства... Правительство, безусловно, сочтет себя обязанным прийти на помощь горцам всеми доступными средствами". Это не было простой угрозой. В парламенте была создана специальная комиссия для оказания помощи горцам. 30 апреля 1919 года она выпустила воззвание, обращенное к "братьям и гражданам": *"На Северном Кавказе свободолюбивые горцы, верные законам своих предков и принципам свободы и независимости малых народов, проливают свою кровь в неравной борьбе с реакционными силами Деникина и Ко. Героическое отстаивание независимости горцами должно пробудить в азербайджанцах сознание того, что Деникин, представитель тьмы и порабощения, не пощадит независимость самого Азербайджана. Священный долг каждого мусульманина прийти, пока не поздно, на помощь братьям-горцам. Для оказания помощи горцам межпартийная комиссия формирует отряд добровольцев под командованием опытных офицеров. Граждане! Вступайте в ряды добровольцев! Запись производится в здании парламента"*.

Сами горцы обратились непосредственно к союзникам, протестуя против вторжения в страну Добровольческой армии и жестокостей, которые она совершает. Они обосновывали свои ожидания о помощи со стороны союзников тем, что 27 ноября 1918 года генерал Томсон, выражая общие принципы политики английского командования на Кавказе, в адресованном правительству Республики Горцев письме указал, что пришел на помощь народам Кавказа и будет поддерживать их, если они, в свою очередь, согласятся на следующее:

1. Создать коалиционное правительство;
2. Объединиться против большевиков;
3. Установить справедливый порядок;
4. Восстановить железнодорожные и морские пути сообщения, облегчить страдания, вызванные голодом;
5. Изгнать из страны всех турок и прекратить германотурецкую пропаганду;
6. Помочь союзникам установить контакт с Деникиным.¹

¹ "Горская контрреволюция и интервенция". Красный архив, №68, 1935, стр.136–137.

Союзники оставили без внимания мольбы горцев. Ни Азербайджан, ни Грузия, оказавшие некоторую помощь, не были достаточно сильны, чтобы отстоять маленькую республику от контрреволюционных полчищ белогвардейского генерала. Дагестан был оккупирован, независимость горцев утрачена. В феврале 1919 года Деникин попытался распространить свою власть на ту часть Каспийского флота, которая не примкнула к большевикам в Астрахани. Перед флотом стояли три альтернативы. Он мог уйти в Астрахань, подчиниться Деникину или остаться в Азербайджане. Моряки решили остаться в Баку. Флот считался ненадежной, непостоянной и опасной силой, чье присутствие в Баку тревожило англичан. Они просили представителя Деникина генерала Эрдели разоружить суда, но у него не было средств заставить моряков подчиниться его приказу. 28 февраля 1919 года несколько английских миноносцев захватили и разоружили весь небольшевистский Каспийский флот, не встретив при этом никакого сопротивления. Однако они не передали захваченные суда Добровольческой армии, к великому ужасу ее руководителей и великой радости азербайджанцев.¹

В большинстве районов, занятых Добровольческой армией, население страдало от жестоких методов управления. Погромы, виселицы, колодки – таковы были методы управления генералов, которых называли “рассадниками всего самого благородного в старой России” (У.Черчилль). В гражданских войнах массы часто пассивны. Многие попадают в армии противоборствующих сторон против своей воли. Но иногда доведенное до отчаяния население выступает третьей силой, цель которой защитить себя от возможных противников. Таково было происхождение движения “зеленых” на черноморском побережье в 1919 году. Крестьяне Черноморья, прибрежного района севернее Грузии, готовы были скорее бежать в горы, чем примкнуть к красным или белым. По мере усиления гнета Деникина – увеличивалось число бежавших в леса, покрывающие западные склоны Кавказа. В Тифлисе группа социал-революционеров, среди них Вадим Чайкин, известный своими обвинениями в адрес англичан в деле двадцати шести бакинских комиссаров, организовала Комитет освобождения Черноморья. Грузинское правительство готово было оказать им помощь, предпочитая иметь по соседству “зеленых” крестьян, чем “красных” большевиков или “белых” деникинцев. Комитет

¹ Н. Лишин. “На Каспийском море”, Прага, 1938, стр.124–125, 136–137.

освобождения Черноморья получил от грузинского правительства триста винтовок, шесть пулеметов и некоторое количество обмундирования, обуви и другого снаряжения. Было разрешено печатать пропагандистские памфлеты и листовки в Тифлисе для распространения на занятой Деникиным территории.

Вмешательство англичан

Борьба на подступах к Закавказью нарастала с каждым днем, угрожая прорваться через шаткую преграду грузинских и азербайджанских армий. Еще одна волна, и хрупкое сооружение молодых республик рухнуло бы. Только тогда в дело вмешались англичане. Командующий английских войск на Кавказе генерал-майор Корей провел демаркационную линию, которую Деникину было запрещено преступать. Она проходила от устья реки Бзыбь в северном направлении, следуя по реке до границы Сухумской области, затем шла на восток по границам Тифлисской и Кутаисской губерний и Дагестанского края до места, расположенного в пяти милях южнее железной дороги Петровск – Владикавказ, отсюда поворачивала на юго-восток, шла параллельно железной дороге и заканчивалась на берегу Каспийского моря в пяти милях южнее Петровска. 11 июня грузинское правительство было уведомлено о решении англичан. Неохотно и после неоднократных отсрочек Деникин подчинился. Однако он не отказался от своей цели завоевать Закавказье. Его войска продолжали оказывать давление на Азербайджан, в то время как его агенты устраивали заговоры в Баку. Было обнаружено, что в подвале, куда был проведен телефон и телеграф, на углу Балаханской и Красноводской улиц, деникинская подпольная организация хранила гранаты, винтовки и другое оружие. У арестованных по этому делу были найдены документы, свидетельствующие о том, что по условному сигналу в Баку должно было начаться восстание.¹ Чтобы успокоить англичан, которые начинали терять терпение из-за его действий в Закавказье, Деникин послал полковника Лазарева для переговоров с Юсуббековым, сменившем Хойского на посту премьер-министра. Лазареву было поручено заявить правительству Азербайджана: *“Мы считаем Азербайджан частью России. До восстановления верховной власти в России мы намерены допустить независимое существование Азербайджана”*. В своих беседах с Юсуббековым Лазарев предусмотрительно опустил первое

¹ “Жизнь национальностей”, №22 (30), 15 июня 1919 г.

из этих двух предложений. И все же азербайджанцы поняли, что конечной целью похода Деникина является возврат Азербайджана и всех других территорий, которые составляли часть бывшей Российской империи.

Договор от 16 июня 1919 года

Угрозы со стороны Добровольческой армии теснее сблизили Грузию и Азербайджан. 16 июня эти страны подписали договор, сугобо оборонительный по своему характеру, согласно которому в случае нападения на одну из договаривающихся сторон другая принимала обязательство оказать ей помощь. Срок действия договора составлял три года. Армении был предоставлен срок в две недели для того, чтобы присоединиться к союзу. Договор был подписан Гегечкори, Рамишвили, генералом Одишелидзе и генералом Гедевановым от Грузии, Джафаровым, Сулкевичем (мусульманин литовского происхождения) и генералом Мехмандаровым – от Азербайджана.¹

Армения отказалась присоединиться. Ее интересы были направлены в другую сторону. В 1919 году правительство в Эривани объявило о захвате Арменией шести восточных вилайетов Турции. Как мы уже видели, она ожидала, что союзники разрешат все ее проблемы и защитят от врагов. Зачем должна она добиваться поддержки крошечных Грузии и Азербайджана, когда является союзником Франции и Англии?! Кроме того, она не ссорилась с Деникиным, представляющим Россию, которую каждый армянин считал другом своей страны. Армения не состояла в непосредственной связи с Деникиным, но ее представитель при Кубанском правительстве Сагателян встретился с ним и объяснил, что из-за внешнего давления его страна не может открыто проводить пророссийскую политику. Деникин ответил, что понимает затруднительное положение армянского правительства, и заверил Сагателяна в своем сочувствии армянскому народу. Их сотрудничество никогда не афишировалось, но в июле 1919 года Деникин послал в Армению в обход Грузии, через Батум и Ардаган несколько миллионов патронов. Неудивительно, что Армения отказалась присоединиться к пакту, заключенному против Деникина ее соседями. В ответ на объединенный фронт Грузии и Азербайджана Деникин объявил экономическую блокаду этим двум странам. В своем приказе №171 от 19 ноября 1919 года он

¹ “Жизнь национальностей”, стр.209–210.

писал: *“Я не могу позволить самозванным образованиям Грузии и Азербайджана, которые возникли в ущерб интересам Российского государства и являются явно враждебными идее Российского государства, получать продовольствие из районов России, освобожденных от большевиков”*.

Большевики, Закавказье и Деникин

В это время большевики вели активную антиденикинскую пропаганду и готовились оказать сопротивление Добровольческой армии. Конференция бакинских рабочих, на которой большевики пользовались большим влиянием, обратилась к Исполнительному комитету Тифлисского совета с предложением созвать чрезвычайный съезд Советов Закавказья, в котором приняли бы участие представители всех рабочих организаций и революционного крестьянства. Повестка дня, разработанная большевиками по итогам конференции бакинских рабочих, была целиком посвящена борьбе с Деникиным. *“Только революционная война рабочих и крестьян Закавказья, тесно сплоченных, несклонных к колебаниям, может смести деникинскую опасность с лица земли”*, – писала большевистская газета “Волна”. Грузинские меньшевики, которые сначала приняли это предложение, вскоре поняли, что большевики стремились к воссоединению с населением Закавказья через головы правительств Грузии и Азербайджана. Поэтому Тифлиссский совет, не желая отречься от социалистического правительства Грузии, проголосовал против намечаемого съезда. Советский историк Хачапуридзе предложил довольно оригинальное объяснение этому. По его мнению, меньшевики приняли сначала предложение о созыве съезда в надежде обмануть рабочих Закавказья. Но поняв позднее, что их замыслы раскрыты массами, они изменили свое намерение и выступили против плана большевиков. Для Советской России было жизненно необходимо мобилизовать все антиденикинские силы. Расположенное в тылу Добровольческой армии Закавказье могло бы отвлечь немало сил Деникина, если бы было вовлечено в гражданскую войну и выступило на стороне Советов. Комиссар иностранных дел России Чичерин и заведующий отделом по делам мусульман Ближнего Востока Комиссариата иностранных дел Нариманов опубликовали воззвание к рабочим и крестьянам Азербайджана, Дагестана и Грузии, призывая их вступить в революционную борьбу против реакционных генералов. В нем говорилось, что англичане

собираются оставить Кавказ Деникину: *“Товарищи, рабочие и крестьяне Азербайджана, Дагестана и Грузии! Советская Россия не имеет намерения выступить в поход против ваших республик... для установления своего порядка. Она твердо стоит за принцип национального самоопределения. Она доказала это на деле, предоставив автономию даже отсталым башкирам, киргизам и другим народам. И если вы, мусульмане и грузины Кавказа, удовлетворены формой правления своих республик, живите спокойно, пользуйтесь правом на самоопределение и устанавливайте добрососедские отношения с нами.*

Советская Россия выражает твердую уверенность в том, что рабочие и крестьяне Дагестана, Азербайджана и Грузии не допустят, чтобы их свобода была растоптана под ногами царского генерала, английского палача Деникина”.¹

Это воззвание не принесло никаких положительных результатов. Народы Закавказья понимали, что они не смогут противостоять Добровольческой армии, так как их собственная безопасность целиком зависела от поддержки англичан. К концу 1919 года события обернулись против Деникина. Первоначально его армия обладала определенным преимуществом, которое позволяло ей развернуть наступление с таким размахом, что некоторое время казалось, будто Советская Россия не выдержит. Но новорожденной Красной армии удалось продержаться. Одним из козырей Деникина была его кавалерия, набранная из донских казаков, ярых противников советской власти. Однако советские руководители приложили невероятные усилия для создания собственной кавалерии. Знаменитый лозунг “Пролетарии – на коней!” лучше сотни слов выражал неотложность задачи, которая была решена блестяще. Потерпев первое же поражение, Добровольческая армия превратилась в разложившуюся орду. Она откатывалась назад в страшном беспорядке, а ее разрозненные остатки были вынуждены бежать за Черное море.

Содрогаясь под ударами красноармейцев, Добровольческая армия едва ли могла позволить себе сохранить свое прежнее агрессивное отношение к закавказским республикам. Те, кто вчера истреблял горцев и пытался диктовать свою имперскую волю азербайджанцам и грузинам, сегодня вынуждены были добиваться милости этих народов. В феврале 1920 года Деникин был

¹ “Политика Советской власти по национальному вопросу за три года, 1917–1920”, Москва, 1920, стр.36–37.

вынужден признать их право на независимость. Когда союзники обратились к нему за разъяснением по поводу его отношения к новым государствам, он ответил:

“1. Я признаю независимое существование правительств приграничных районов, установленных де-факто, которые борются против большевизма;

2. Установление отношений между этими соседними государствами и Россией произойдет путем заключения договоров между правительствами России и соседних государств. Посредничество союзных держав допускается”.

История не оставила времени, чтобы подтвердить действительность новой позиции Деникина. Разлад среди его сторонников и утрата всех надежд на победу заставили его отказаться от командования. Основное ядро его армии, в основном офицеры, пылающие ненавистью к большевикам, укрепились в Крыму. В конце концов, и они были разбиты. Некоторые были уничтожены, другие добрались до берегов Турции. Большое число солдат разбитой Добровольческой армии перешли в Грузию и Азербайджан, найдя убежище у народов, которых совсем недавно они были готовы уничтожить.

Остается рассмотреть часто повторяемое обвинение, выдвигавшееся советскими авторами относительно того, что грузинское правительство сотрудничало с Добровольческой армией против Советской России. Троцкий цитировал стенографический отчет о встрече Гегечкори и Алексеева, чтобы показать, что с самого начала меньшевики являлись верными помощниками белой реакции, когда Гегечкори заявил, что меньшевики подавляют большевизм как движение, направленное против грузинского государства. В июле 1918 года в докладе Совету народных комиссаров Орджоникидзе писал, что Грузинская буржуазная республика, руководимая меньшевиками, объединилась с Алексеевым против Советской России. *“Грузинские войска вместе с бандами Алексеева ведут наступление против наших товарищей”*, – подчеркивалось в докладе. Однако в том же докладе Орджоникидзе признал, что меньшевистское правительство предоставило убежище советским войскам, проходившим через Грузию под натиском Добровольческой армии. Жордания приказал грузинским властям впустить советских солдат. Грузинские войска стреляли в воздух, а затем объявили, что красноармейцы взяты в плен.¹

¹ Г. К. Орджоникидзе. “Избранные статьи и речи”, Москва, 1939, стр.63, 67.

Грузинские меньшевики никогда не отрицали своего недоверия к большевизму и своей враждебности к нему. Это единственное, что у них было общее с Добровольческой армией. Однако этого было недостаточно, чтобы объявлять их союзниками. Та встреча, на которую ссылался Троцкий как на доказательство сотрудничества между Грузией и Деникиным, фактически окончилась провалом. В своих «Очерках грузинской Жиронды» Я.Шафир ссылается на несколько документов, якобы доказывающих утверждение о том, что Грузия оказывала полную поддержку Добровольческой армии. Одним из них является письмо генерала Уолкера грузинскому министру иностранных дел, уведомлявшее его, что 28 января 1919 года три эшелона с казаками Бичерахова отправятся из Баку в Новороссийск через Батум. *«Я был бы очень рад, – писал генерал Уолкер, – если бы вы издали приказ, облегчающий проезд вышеуказанных войск через грузинскую территорию»*. Гегечкори ответил, что грузинское правительство разрешит проезд казакам на следующих условиях:

- 1) казаки будут задержаны в Батуме до разрешения спора между Добровольческой армией и Грузией по вопросу о Сочи;
- 2) английское командование даст гарантию, что данные казаки не предпримут никаких военных действий из Батума;
- 3) если Деникин конфискует какие-то запасы в Сочи, равноценное количество будет возвращено Грузии из собственности полка Бичерахова.

Если это утверждение что-нибудь и доказывает, так только то, что грузины не доверяли Деникину и даже под давлением англичан поставили жесткие условия для перевозки нескольких сот человек. Два других документа, приведенных Шафиром, рассказывают о сорока казаках, арестованных грузинами, несмотря на то, что их возглавлял английский офицер, и которые, как утверждал генерал Уолкер, находились под охраной англичан. Освобождения заключенных требовало английское командование, и у Грузии не было иного выбора, кроме как выполнить требование. Из анализа этих документов, призванных подтвердить факт того, что грузинское правительство обслуживало интересы Деникина, возможен лишь один вывод: там, где можно было что-то предпринять, не вызывая сильного противодействия англичан, грузины противились всему, что могло усилить Добровольческую армию. Они финансировали «зеленых», преграждали путь войскам через Грузию, помогали горцам Северного Кавказа, заключили анти-

деникинский пакт с Азербайджаном и, наконец, активно сражались с Добровольческой армией на черноморском побережье. Вынужденные подчиняться приказам английского командования в вопросах, связанных с Деникиным, грузинские меньшевики все же не переставали протестовать против действий Добровольческой армии. В 1919 году на конференции II Интернационала в Люцерне грузинские делегаты жаловались, что англичане в своем желании помочь Деникину отдали ему всю артиллерию из Карса и Батума, переправив ее через грузинскую территорию.

В ходе споров по вопросу о Сочи и Гаграх грузины заявили, что генералы Бриге и Бич открыто встали на сторону Деникина. В то время как прославившийся своими злодеяниями генерал Ляхов истреблял горцев Северного Кавказа, англичане наблюдали со стороны, не вмешиваясь. В июне 1919 года генерал-майор Корей провел демаркационную линию между Добровольческой армией и Закавказьем, отдав Гагры первой. Все это вместе с протестом против действий английских генералов нашло отражение в меморандуме, специально составленном для членов Палаты общин Великобритании от лейбористской партии. Через своих единомышленников-социалистов в Великобритании меньшевики надеялись оказать влияние на отношение британских властей в Закавказье к конфликту между Грузией и Добровольческой армией. Что касается Жордания, Рамишвили, Церетели и других меньшевистских руководителей Грузии, очевидно, что для них Деникин был врагом. Их антибольшевистские заявления ни на дюйм не сблизили их с лидером контрреволюции. Фактически, как отмечали правые грузины, меньшевики ненавидели Деникина даже в ущерб интересам Грузии. Их социалистические догмы, как утверждали критики, помешали Грузии приспособиться к ситуации и проводить более гибкую политику. Два года Закавказье жило под дамокловым мечом. Тень Деникина покрывала горы и долины Грузии и Азербайджана. Однако весной 1920 года Добровольческой армии не стало; и все же народы Закавказья не могли вздохнуть свободно, так как впереди таились новые опасности и беды.

ГЛАВА XVII

ЗАКАВКАЗЬЕ И ВЕРСАЛЬСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Народы Закавказья верили, что Парижская мирная конференция разрешит все их проблемы и установит длительный мир, который обеспечит им независимое существование. Никто так не верил в справедливость союзников, как армяне. *“Теперь настал момент, когда, наконец, армяне добьются справедливости и права на мирную жизнь в своем родном доме. Их преследователи и тираны были разгромлены войной или революцией, великие нации в час своей победы стали их друзьями и теперь стремятся к тому, чтобы справедливость восторжествовала”*.¹

Две армянские делегации

Окрыленные большими надеждами, армяне направили в Париж не одну, а две делегации. Армянская национальная делегация, возглавляемая Нубар пашой, представляла интересы турецких армян и армянской диаспоры. Национальная делегация была официально признана союзниками. Другой была делегация Армянской Республики. Ее возглавлял авторитетный дашнакский лидер, председатель Армянского национального совета Аветис Агаронян.

Между этими двумя делегациями не было согласия и взаимной симпатии. Богос Нубар паша и Аветис Агаронян очень отличались друг от друга. Первый – сын богатого армянина, министра по вопросам Хедива Египта, Богос Нубар получил хорошее образование, владел несколькими языками и представлял законченный тип джентльмена, который сочетал в себе светскую учтивость Востока и Запада. Он был в высшей степени консервативен и мыслил скорее с точки зрения армянского народа, чем армянского государства. Агаронян, напротив, был человеком, обязанным всем самому себе. Он выдвинулся в дашнакской партии благодаря своим личным качествам, непреклонной воле к достижению

¹ У. Черчилль. “Последствие”, Нью-Йорк, 1929, стр.432 (на англ.яз.)

власти и неразборчивости в средствах, что помогло ему получить полный контроль над партийным аппаратом. Ярый националист Агаронян уступал Богос Нубар паше в светской любезности.

Между руководителями делегаций возник конфликт, поставивший под угрозу все усилия армян. Их точки зрения настолько расходились, что они не могли прийти к согласию почти ни по одному вопросу. Ни национальная делегация, ни делегация Армянской Республики не признавали друг друга. Только после получения ясных указаний от католикоса, главы армянской церкви, Богос Нубар паша и Агаронян стали сотрудничать друг с другом. Работе делегации Армянской Республики мешал слишком большой численный состав. С того дня, как Армения провозгласила свою независимость, и особенно с ноября 1918 года, каждый более или менее влиятельный армянин всячески стремился занять высокий и ответственный пост, предпочтительнее за границей. Были созданы десятки миссий и консульств, главным образом для удовлетворения личных потребностей представителей партийной верхушки. Истощение государственных средств, к которому привела эта политика, не оказалось большим препятствием. В Париж отправился целый рой таких дипломатов-любителей, которые вмешивались в дела обеих делегаций и создавали путаницу, что лишь вредило делу, ради достижения которого они отправились за рубеж.

Армянские требования

Армяне наилучшим образом воспользовались плодами своего сотрудничества с союзниками во время войны. У них были хорошие журналисты, которые сочинили историю о борьбе армян против турок, известную многим людям на Западе. Армянский национальный союз Америки оказался ценным подспорьем в кампании по расширению этой пропаганды. Он распространил по радио требования Армении на Западе: *“Армяне требуют освобождения их национального наследия от чужеземного гнета и создания свободного, самоуправляющегося и независимого государства Армении. Иными словами, они не желают стать автономией в составе конфедерации; они отказываются от международного контроля; они и слышать не хотят о каких-то прямых или косвенных политических связях с той или иной соседней нацией или расовой группой. Армения требует безоговорочного освобождения со стороны союзников...”*

Национальное наследие, о котором шла речь, охватывало, как видно из карты, территорию от Каспийского и Черного морей до Средиземного моря. В нее входили города Ардаган, Карс, Нахичевань, Маку, Ван, Битлис, Диярбекир, Харпут, Адана, Александретта и др. Это были, конечно, требования сторонников крайних мер, но они нашли отклик не только в армянских кругах. Так, представляющий штат Массачусетс некий Лодж внес в Сенат Соединенных Штатов резолюцию, требующую создание независимой Армении, которая включала бы шесть восточных вилайетов Турции, Киликию, русскую Армению и северо-западную часть персидского Азербайджана.

Даже предъявляя свои требования мировому сообществу, армяне не проявили единодушия. Лорис-Меликов сообщает, что в одной из бесед католикос сказал ему, что Армения должна получить Киликию. *“Киликия, – заявил первосвященник, – наша”*. Однако Хатисян заверил всех, что армянская делегация даже не упомянет Киликию на мирной конференции. В Тифлисе до Лорис-Меликова дошли слухи, что требовать Киликию армяне подтолкнул Сазонов. Возможно, Сазонов надеялся, что Россия скоро возродится и получит Киликию вместе с Арменией. Когда Богос Нубар паша, наконец, представил совместный официальный меморандум Парижской мирной конференции, территориальные требования были следующими:

1) *семь восточных вилайетов Турции (вместо обычных шести): Ван, Битлис, Диярбекир, Харпут, Сивас, Эрзерум и Трапезунд;*

2) *четыре киликийских санджака: Мараш, Хозан, Джебел Беркет и Адана с городом Александретта¹;*

3) *вся территория Армянской Республики Кавказа, включая Эриванскую губернию, южную часть бывшей Тифлисской губернии, южную часть Елисаветпольской губернии, район Карса, за исключением части к северу от Ардагана.*

Очевидно, сторонникам крайних мер удалось навязать свою волю обеим армянским делегациям. Их требования почти полностью совпадали с требованиями Армянского национального союза Америки и других различных неофициальных и неформальных организаций. Единственной заметной разницей между требованиями двух делегаций и требованиями сторонников крайних мер (следует ли причислить к последним сенатора Лоджа из штата Массачусетс?) было отсутствие в меморандуме Нубар паша и Ага-

¹ Греческое название г.Искендерун

роняна упоминания Маку и какой бы то ни было части Персии. Некий армянин отмечал в этой связи: *“...ту часть исторической Армении, которая находится на территории Персии и населена армянами, благоразумно не требуют включить в состав будущего Армянского государства. Тот факт, что наши руководители не возбуждают требований к Персии, не означает, что они отказываются признать армянский характер этой части древней Армении. Нет! Весьма благоразумно они уважают территориальную неприкосновенность нейтральной Персидской империи, где, к тому же, наши соотечественники находят теплый прием, пользуются всеми правами и не проявляют сепаратистских стремлений”*.¹ Тональность этого заявления поистине замечательна. Создается впечатление, будто армяне преподносят Персии подарок, хотя в действительности армянское население северо-западной Персии составляло незначительную часть жителей данного региона.

В дополнение к территориальным требованиям обе армянские делегации запросили значительную сумму денег в качестве репараций. То, что турки нанесли тяжелый ущерб армянам, было хорошо известным фактом. Однако репарации были “уплачены” задолго до начала работы Парижской мирной конференции, а именно в период российской оккупации турецкой Армении, когда армяне вдоволь ограбили и истребили турок. Турки и армяне находились в одинаковом положении, не предъявляя каких-либо претензий друг другу. Однако Богос Нубар паша и Агаронян запросили свыше девятнадцати миллиардов франков в счет репараций. Турецкая Армения потребовала 14598510000 франков, тогда как счет русской Армении доходил до 4532472000. Как ни фантастичны были эти цифры, армяне надеялись получить эти деньги. Армянские лидеры были опьянены победой и властью. Их требования о создании Армении на трех морях и непомерной контрибуции должны были вызвать отпор со стороны тех, склонить которых было их целью. В среде армян раздалось всего несколько голосов, протестующих против опасного пути, на который вступил “Дашнакцутюн”. Член армянского парламента, социал-революционер Ваган Минахорян имел мужество заявить, что армянский шовинизм такое же зло, как и турецкий шовинизм, и с ним следует бороться. Все выступили бы против разделения Турции европейскими империалистами. Армяне должны

¹ К. Тахмазян. “Турки и армяне”, Париж, 1919, стр.9 (на фр.яз.).

умерить свои чрезмерные требования, все, что им действительно необходимо, это – три восточных вилайета турецкой Армении, которые объединились бы с Кавказской Арменией и вошли бы в Федерацию с Россией.¹ Предложение Минахоряна было такой же мечтой, как и требования Агароняна, однако эсеры проявили справедливость к туркам и понимание чрезмерности дашнакских требований, на что Агаронян и ему подобные были не способны.

Никто в Армении не обратил внимания на нескольких сторонников Минахоряна, и две делегации продолжали проводить в Париже свою прежнюю политику. Они проводили совещания и заседания, на которых сотни журналистов, писателей, певцов, профессоров, сенаторов и экс-министров выступали с длинными речами в защиту Армении. Армянские делегаты преследовали Вильсона, Ллойд Джорджа и Клемансо, напоминая им каждую минуту о *“долге, которым они обязаны”* Армении. Их назойливость раздражала всех, и они начали терять друзей. Лорис-Меликов, сам армянин, пишет, что когда конференция открылась, Армения пользовалась у всех в Париже искренним сочувствием, тогда как Грузия была принята холодно. Но вскоре грузинам удалось очаровать европейцев и заставить полюбить себя. Армяне, наоборот, лишились благосклонности. Чрезмерные требования и тон, которым они были сделаны, в конце концов, привели к тому, что большинство людей отвернулись от них. Выступая в Палате общин, Ллойд Джордж сказал: *“...Я знаю, что некоторые из армянских, я не хочу сказать требований, но желаний, были явно завышены. Они выходят за рамки того, что можно допустить в настоящих условиях. Одно время они включали в Армянское царство от моря до моря, от Средиземного моря вплоть до Черного, страны на огромной территории с населением, где армяне составляют ...весьма невысокий процент”*. Как это заявление британского премьер-министра отличалось от заявлений лидеров стран-союзников во время войны, когда они поддерживали в армянах надежду, что все их желания будут исполнены после победы!

Еще в январе 1919 года армяне обнаружили, что ими пренебрегают. Армения не была упомянута в списке стран, официально участвующих в мирной конференции. Богос Нубар паша написал президенту Вильсону, напомнив ему о тысячах армянах, которые погибли за дело союзников. Отметив, что Армения находилась в

¹ В. Минахорян. “Трагедия Турции”, Баку, 1919, стр.17–18.

состоянии войны, начиная с 1914 года, и во имя принципов гуманности и справедливости, провозглашенных Вильсоном, он просил, чтобы Армению официально допустили на конференцию.

В своем весьма учтивом ответе Вильсон писал, что он находит среди делегатов на конференции *“самое искреннее и откровенное сочувствие армянам”*. Президент объяснил отсутствие Армении в списке участников конференции трудностью предоставления представительства политическим объединениям, которые еще не были приняты в Лигу Наций. Он выразил уверенность, что это не будет означать ни *“малейшего игнорирования интересов Армении”*, и что ее точка зрения будет *“рассмотрена с такой тщательностью, как если бы она была представлена по форме”*. Агаронян, между тем, написал письмо председателю мирной конференции, указав, что Армения воевала на стороне союзников, отвергла Брест-Литовский договор и получила заверения в помощи от ведущих союзных держав. Правительство Армянской Республики, заявил Агаронян, уполномочило его довести до сведения мирной конференции следующее:

1) *подписав Брест-Литовский договор, который передавал Карс и Ардаган Турции, Россия тем самым обострила отношения, которые связывали ее с Арменией;*

2) *поскольку Армения участвовала в войне на стороне союзников, она правомочна требовать участия в Конференции на равных основаниях с такими же вновь образованными государствами, как Польша или Чехословакия.*

В заключение Агаронян пояснил, что делегация Армянской Республики действует в полном согласии с Армянской национальной делегацией. Несмотря на заверения о том, что Армении будет уделено надлежащее внимание, миротворцы быстро забыли о ней. После Мудросского перемирия Турция переживала бурный национальный подъем, который был столь же опасным для Армении, как Османское государство. Армяне выражали недовольство тем, что союзники не реализовали на практике условия Мудросского перемирия, позволив сторонникам Кемал паши совершенно безнаказанно напасть на Армению.

Между тем Великобритания готовилась уйти из Закавказья. В Палате общин Аневрин Вильямс обратился с запросом к заместителю министра иностранных дел Гармсворту относительно принятия мер по обеспечению безопасности Армении после ухода. Последовал ответ, что этот вопрос будет решен в Париже.

Когда этот же вопрос был повторно задан на следующий день, Гармсворт заявил: *“Английская оккупация Кавказа, предпринятая с целью изгнания врага, косвенно оказала большое влияние на восстановление спокойствия в стране. Но если ее нужно было бы продлить до тех пор, пока в этих районах не будут созданы правительства, то было бы невозможно установить предел ее продолжительности”*.

Сторонники армян в британском парламенте пытались вынудить правительство не покидать Армению. Лорд Роберт Сесиль сказал, что армяне окружены врагами и будут истреблены, если англичане вдруг уйдут. В Армении было расквартировано лишь полторы английской дивизии. Если бы у правительства оказалось мало денег и ему пришлось бы выбирать между оказанием помощи Деникину и Арменией, последней бы помощь была оказана в первую очередь, заявил лорд Сесиль.

Мандат на Армению

Прекрасно понимая, что с уходом англичан Армения снова окажется беспомощной перед лицом своих соседей, ни один из которых не был дружественным, армяне занялись поиском державы, которая согласилась бы принять на себя мандат на Армению. По их мнению, мандатная держава должна была взять на себя следующие обязательства:

- 1) *заставить турок, азербайджанцев и других освободить все армянские территории;*
- 2) *разоружить население;*
- 3) *разоружить и наказать тех, кто участвовал в убийствах, совершал насилия над армянским населением, грабил или наживался на имуществе жертв;*
- 4) *изгнать из страны элементы, создающие волнения и беспорядки, удалить кочевые племена;*
- 5) *выслать мохаджеров, мусульманских колонистов, которые поселились в восточных вилайетах в последней четверти столетия;*
- 6) *принять необходимые меры по возвращению к христианству всех женщин и детей, содержащихся в турецких гаремах или насильно обращенных в мусульманство.*

Фактически армяне предлагали принять против мусульманского населения репрессивные меры, причем столь масштабные, что затмили бы даже “лучшие” достижения султана Абдул Гамида. Великобритания и Франция отказались даже думать о

том, чтобы их завлекли в армянское болото. Франческо Нитти снял кандидатуру Италии после того, как она уже была согласна принять мандат на Закавказье в целом. Оставались Соединенные Штаты, президент которых сочувствовал армянам, и где проармянские настроения давно распространялись протестантскими миссионерами и армянскими иммигрантами. Президент Вильсон направил генерала Харборда в Турцию и Закавказье изучить обстановку и составить мнение относительно целесообразности и реальности установления американского мандата над Арменией. В самих Соединенных Штатах Армянский национальный совет развернул кампанию, предназначенную убедить общественность, что Америка не оставит Армению на произвол судьбы. Это было сказано той же самой организацией, которая несколько месяцев тому назад громогласно заявила, что Армения не примет ничего, кроме “безоговорочного освобождения”.

Армянский национальный союз Америки представлял обязательства Соединенных Штатов, если они примут мандат, следующими:

- 1) *помочь Армении своими рекомендациями;*
- 2) *направить от двух до четырех полков на короткий период для спокойствия местного населения;*
- 3) *оказать армянскому правительству содействие в репатриации 150 тысяч армян;*
- 4) *взять попечительство над 300 тысячами сирот;*
- 5) *оказать Армении помощь по восстановлению страны.*

Приводились аргументы в пользу того, что Соединенные Штаты не будут вовлечены в международные конфликты на Ближнем Востоке. *“Мандат, который, как ожидается, Америка будет осуществлять в Армении, будет заключаться главным образом в распределении пожертвований и воспитательной работе, которую смелые мужчины и женщины из Америки – миссионеры проводят сейчас в этой стране”.* Фраза Гладстона, что служить Армении значит служить цивилизации, стала отныне девизом каждого армянского пропагандиста на Западе.

Доклад Харборда

Направленный президенту Вильсону доклад генерала Харборда был не в пользу идеи американского мандата, поскольку военному специалисту стало очевидным, что для сохранения мира потребуется гораздо больше, чем какие-то два или четыре полка. Кроме того, Харборд понял, что контролировать Армению

можно лишь с трех сторон: со стороны Персии, России или Турции. О первых двух государствах в данный момент не могло быть и речи. Оставалось третье. Харборд писал, что та западная держава, которая получила бы армянский мандат, должна была бы получить также контроль над Константинополем и Малой Азией. Без Константинополя, важнейшего города в этой части мира, мандатное государство было бы отрезано от Запада и оказалось бы совершенно беспомощным.

Когда в апреле 1920 года лидеры союзников собрались на конференции в Сан-Ремо, они обсудили армянский вопрос и возможность передачи Армении под мандат Лиги Наций. От этой идеи пришлось отказаться, так как у Лиги Наций не было ни денег, ни вооруженных сил. Было решено просить президента Соединенных Штатов взять Армению под свою протекцию. Несмотря на неблагоприятный отзыв генерала Харборда, Вильсон решил принять мандат. Конечно, Сенат должен был одобрить это решение, но разве не Сенатом было принято заявление о том, что *“народ Соединенных Штатов глубоко опечален плачевным состоянием хаоса, голода и нищеты, которое царит сейчас в Армении”*, и разве не Сенат требовал, чтобы президент, если это не противоречит интересам Соединенных Штатов, послал в Баку линкор и моряков для защиты жизни и имущества армян в той части мира?¹ Кроме того, среди сторонников дела армян были не только демократы, но и республиканцы, причем сенатор Лодж был, вероятно, самым ярким его поборником в Конгрессе.

В послании президента Конгрессу от 24 мая 1920 года содержалось сообщение о том, что Совет союзных держав в Сан-Ремо просил Соединенные Штаты принять мандат на Армению, поскольку Америка является незаинтересованной и потому наиболее приемлемой страной. Президента попросили также провести границу между Арменией и Турцией; *“в ответ на предложение Совета в Сан-Ремо, – гласило послание президента, – я настоятельно советую и прошу, чтобы Конгресс допустил к исполнению принятие Соединенными Штатами мандата на Армению”*.

Отказ Соединенных Штатов от мандата на Армению

1 июня 1920 года Сенат большинством в пятьдесят два голоса против двадцати трех отклонил просьбу президента. Его резолю-

¹ Как американские сенаторы полагали, чтобы линкор попал в Баку, остается одной из самых глубоких тайн современной истории.

ция гласила: *“Сенат постановил (Палата представителей присоединяется к этой резолюции), что настоящий Сенат отказывается привести в исполнение полномочие по принятию мандата на Армению по просьбе, содержащейся в послании президента от 24 мая 1920 года”*. В настоящем исследовании не рассматривается вопрос о том, по каким причинам Сенат Соединенных Штатов отказался от мандата на Армению. Однако мотивы, которыми руководствовался президент Вильсон, когда просил Сенат разрешить ему принять мандат, носили исключительно гуманитарный характер. Армения, конечно, не могла бы стать важным рынком для американских товаров, не было у нее и полезных ископаемых, которые побудили бы Америку принять контроль над бедной горной республикой. Однако желание Вильсона помочь Армении было истолковано как проявление американского империализма. Его обвинили в сокрытии планов завоевания не только Закавказья, но и Турции, и Персии. Советский историк Борян писал: *“Все демократические принципы последнего (Вильсона) сводятся, несомненно, к осуществлению одной программы – захвату Закавказья (Грузии, Азербайджана и Армении), Турции, Персии и т.д. Вот что, по мнению Вильсона, представляли собой права человечества, великая Армения и освобождение армян”*. И далее в том же духе: *“Армения, как и прежде, была предложением для захвата всего Востока империалистами, а мандат на Армению был скрытой формой империалистического завоевания важнейших пунктов, контролирующих Черное, Каспийское и Средиземное моря, и богатейших по природным запасам территорий. Нефть, медь, марганец, железо, уголь и т.д. притягивали как магнит, тогда как мандат на “Свободную Армению” рассматривался как основание и аргумент для этико-политического обоснования американского мандата на завоевание”*.¹ В то время как турецкие патриоты, которые отреклись от константинопольского правительства, сдавшегося союзникам, постепенно отвоевывали позиции, сданные Армении вследствие поражения Турции, армянские делегации выигрывали редкие битвы за “круглым столом” в Париже. Так, в январе 1920 года Агаронян получил письмо от генерального секретаря мирной конференции, сообщившего ему, что на одном из своих заседаний Верховный Совет принял следующую резолюцию:

¹ Б.Борян. “Армения, международная дипломатия и СССР”, Москва, 1928, т.2-й, стр. 71.

1) правительство Армении должно быть признано правительством де-факто;

2) это признание не должно нанести ущерб вопросу о возможных границах этого государства.

Признание де-юре последовало через восемь месяцев.

Севрский договор

10 августа 1920 г. в Севре был подписан мирный договор между Британской империей, Францией, Италией, Японией, Арменией, Бельгией, Грецией, Хиджазом, Польшей, Португалией, Румынией, Сербо-Хорватско-Словенским государством и Чехословакией, с одной стороны, и Турцией – с другой. Армения была одной из подписавшихся и красовалась на первой странице перед Бельгией, но после Японии. Раздел VI договора был посвящен Армении, статья 88 гласила: *“Турция в соответствии с действиями, уже предпринятыми Союзными державами, признает настоящим Армению свободным и независимым государством”*. Статья 89 отводила Армении вилайеты Эрзерума, Трапезунда, Вана и Битлиса, причем Турция обещала твердо придерживаться предстоящего решения президента Соединенных Штатов относительно точной границы между двумя странами. Армения, в свою очередь, обещала разделить с Турцией некоторые финансовые обязательства пропорционально территориям, которые она получала (статья 90). Была создана разделительная комиссия *“...для проведения на месте границы между Арменией и Турцией...”* (статья 91). Границы между Арменией и другими закавказскими государствами должны были быть *“установлены по непосредственному соглашению между заинтересованными государствами”*, причем было оговорено, что если соглашение не будет достигнуто, *“граница, о которой идет речь, будет определена ведущими Союзными державами...”* (статья 92). Наконец, Армения согласилась оформить в особый договор с ведущими союзными державами *“те условия, которые данные державы сочтут необходимыми для защиты интересов жителей этого государства, отличающихся от большинства населения по расовой принадлежности, языку или религии”*, и предоставить союзникам свободу проезда и свободное ведение торговли другими народами. Каждому непосвященному при чтении раздела VI Севр-

ского договора показалось бы, что Армения, наконец, достигла своей цели. Ей была предоставлена территория даже больше той, о которой мечтали наиболее оптимистично настроенные из числа националистов после провозглашения ее независимости. Границы Армении должен был установить ее друг и покровитель президент Вильсон, тогда как ее старый враг, Турция, был повержен в прах. Однако все это было лишь видимостью, ибо турки сражались храбро и самоотверженно за освобождение своей страны. Однако, сражаясь за свою свободу, они посягнули на независимость Армении. Когда после короткого представления под названием "Независимая Армения" упал последний занавес, Соединенные Штаты уже покинули Старый Свет и не возвращались в него последующие двадцать лет. Великобритания, Франция, Италия выиграла войну, но утратили мир в регионе. 6 ноября 1920 года президент Вильсон объявил о своем решении относительно армяно-турецкой границы. Трапезунд, Эрзерум и фактически вся Восточная Анатолия передавались Армении. Учитывая то, что в действительности происходило в Закавказье в то время, когда было объявлено решение Вильсона, оно представляется иронией судьбы. В то время как Армении "передавались" Эрзерум, Ван, Трапезунд, Битлис и т.д., турецкие войска занимали Карс, Ардаган и Александрополь. Со дня опубликования решения Вильсона до падения Армянской Республики прошло менее двух недель!

Азербайджанская делегация прибыла в Париж весной 1919 года, проведя в Константинополе два месяца в ожидании разрешения Франции на въезд в Париж. Делегацию возглавлял Алимардан бек Топчибашев; в нее входили Мохаммед Гасан Гаджинский, министр государственного контроля; Акбар Шейхульисламов; Мирякуб Мехтиев и Мохаммед Магеррамов, старейшие члены парламента, а также Джейхун бей Гаджибейли, редактор газеты "Азербайджан".

Алимардан бек Топчибашев был одним из выдающихся лидеров Азербайджана. Уроженец Тифлиса, получивший образование в России юрист, Топчибашев не был узким националистом. Некоторое время он редактировал газету "Каспий", которая оказывала огромное влияние на умы молодых азербайджанских интеллектуалов. Когда была созвана первая российская Государственная Дума, Топчибашев был ее членом, затем избран руководителем мусульманской фракции. После провозглашения независимости

Азербайджана он стал председателем парламента, получив высший пост в республике.¹

Требования Азербайджана

По прибытии в Париж азербайджанская делегация направила президенту Вильсону ноту с просьбой:

- 1) *признать независимость Азербайджана;*
- 2) *распространить принципы Вильсона и на Азербайджан;*
- 3) *допустить азербайджанскую делегацию на Мирную конференцию;*
- 4) *принять Азербайджан в Лигу Наций;*
- 5) *оказать военную помощь Азербайджану;*
- 6) *установить дипломатические отношения между Соединенными Штатами Америки и Азербайджанской Республикой.*

Президент Вильсон назначил азербайджанской делегации аудиенцию, на которой он оказал ей холодный и довольно недружелюбный прием. Как явствует из отчета азербайджанской делегации своему правительству, Вильсон заявил, что конференция не стремится расчлнить мир на мелкие государства. Вильсон посоветовал азербайджанцам придерживаться идеи конфедерации, отметив, что подобная конфедерация народов Закавказья может пользоваться протекцией одной из держав на основе мандата, выданного Лигой Наций. Азербайджанский вопрос, заключил Вильсон, не может быть решен до общего решения русского вопроса.²

Требования Персии

Работу азербайджанской делегации сильно тормозили действия враждебно настроенных лиц из числа бывших представителей дипломатического корпуса царской России, которые не оставались ни перед чем, чтобы дискредитировать закавказские делегации и саму идею о независимости Азербайджана, Армении и Грузии. Кроме того, Персия предъявила конференции свои претензии на часть российской территории. Персидский представитель Али Гули хан Мошавероль-Мамалек передал конференции меморандум, который содержал следующие требования:

¹ Джейхун бей Гаджибейли. "Памяти Алимардан бека Топчибаши", Кавказ, № 10–11, октябрь - ноябрь 1934, Париж, стр.27.

² А. Раевский. "Английская интервенция и мусаватистское правительство", Баку, 1927, стр.53.

“На севере находятся города и области, отторгнутые от Персии после русских войн. Мы намерены оспаривать города Баку, Дербент, Шеки, Шемаха, Гянджа (Елисаветполь), Карабах, Нахичевань, Эривань. Эти области должны быть возвращены Персии, так как они уже составляли часть Персии. Огромное большинство их жителей являются мусульманами персидского происхождения. Фактически, со всех точек зрения – исторической, географической, экономической, торговой, религиозной, культурной – они относятся к Персии. Кроме того, значительная часть жителей этих областей недавно обратилась к правительству Тегерана с просьбой о защите их интересов, выразив желание вернуться в Персию”. Требования персидской делегации были фантастичны. Они показали полную недооценку исторических сил, вершивших судьбами мира. Подавленная нищетой Персия, чье собственное существование находилось под постоянной угрозой, продажность правительства и слабость армии, которая делала ее легкой добычей как внутреннего врага, так и иноземного захватчика, была, конечно, не в состоянии вступить в борьбу за Закавказье. Попытки персидской делегации не ограничились представлением официального меморандума конференции. Они пытались расположить общественное мнение в свою пользу проведением митингов и распространением литературы. Однако конференция отнеслась к ним весьма жестко, ее представители не были даже допущены к ее работе. К счастью для Азербайджана, персидские требования не были приняты всерьез. Холодный прием, оказанный членам азербайджанской делегации Вильсоном, не расстроил ее. После того как им не удалось завоевать сердце американского президента, они представили конференции свои официальные предложения:

- 1. Мирная конференция одобряет отделение Кавказского Азербайджана от бывшей Российской империи;*
- 2. Азербайджан имеет право на создание независимого государства под названием Азербайджанская Демократическая Республика;*
- 3. Представители Азербайджанской Республики должны быть допущены к работе Мирной конференции и ее комитетов;*
- 4. Азербайджанская Республика должна быть принята в ряды членов Лиги Наций, под высоким покровительством которой она сможет занять достойное место наряду с другими государствами.*

Азербайджану не удалось добиться признания в 1919 году. Вопрос осложнялся из-за присутствия Добровольческой армии на Северном Кавказе; из-за планов передать Закавказье под протекторат Италии; из-за неопределенного статуса Российской Советской Федеративной Социалистической Республики и, наконец, из-за постоянных стычек между азербайджанской и армянской делегациями в Париже, стычек, которые отражали положение дел в Закавказье.

Острый конфликт возник в Париже из-за Нахчыванского региона, причем азербайджанская делегация стремилась доказать, что этот район, на который предъявила претензии Армения, должен принадлежать только Азербайджану. Армян нелегко было переубедить. Они явились с кипой документов, обвинив азербайджанцев в преувеличении численности мусульман в этом районе и Карабахе, в сокрытии злостных планов против безобидной Армении.

В январе 1920 года Верховный Совет союзных держав неожиданно согласился признать де-факто Азербайджан. "Информационный бюллетень Азербайджана" писал: *"Верховный Совет на одном из своих последних заседаний признал де-факто независимость республик Кавказа: Азербайджана, Грузии и Армении. Делегации Азербайджана и Грузии известил об этом решении М.Жюль Кабо в министерстве иностранных дел 15 января 1920 года"*. За этим неожиданным признанием крылась веская причина: крах Деникина.

Беспокойство союзников по поводу угрозы большевизма

Поражение Добровольческой армии встревожило союзников. Небольшая статья в лондонской газете "Таймс" (16 января 1920 г.) раскрыла их опасения за будущее: *"В результате оккупации большевиками Закаспия, которую можно сейчас считать завершенной, положение на Кавказе значительно осложнилось... Грузия и Азербайджан выступают против большевиков, как со стороны правительств, так и со стороны населения, но их вооруженные силы недостаточно сильны, чтобы оказать сопротивление вторжению, которое теперь им угрожает с севера, где правое крыло Деникина отступает под натиском, и с востока из-за Каспийского моря"*.

Признанием закавказских республик союзники надеялись усилить их позиции по отношению к Советской России. В Палате

общин заместителя министра иностранных дел Гринвуда спросили, какого числа было произведено признание Грузии, Азербайджана, Армении, и *“осуществлен ли обмен официальными представителями и определены ли границы закавказских республик в соответствии с этим признанием”*, на что Гринвуд ответил: *“Верховному комиссару Великобритании при грузинском и азербайджанском правительствах направлены инструкции о том, что представленными в Верховном Совете Союзными державами принято решение признать де-факто Грузию и Азербайджан, однако это решение не предрешает вопрос о соответствующих границах. Никаких изменений в представительстве в результате этого признания не произошло; как и прежде, правительство Его Величества имеет Верховного комиссара на Кавказе, штаб-квартира которого находится в Тифлисе, а три республики имеют аккредитованных представителей в Лондоне...”* 15 января 1920 года лондонская газета “Таймс” написала, что с поражением Деникина закавказские республики должны будут опираться на Персию. 21 января 1920 года французское радио сообщило, что англичане готовятся послать десять тысяч солдат в Баку, чтобы помешать большевикам захватить этот важный город. Радио также сообщило, что Ллойд Джордж заставил французское правительство увеличить свою оккупационную армию в Германии с тем, чтобы высвободить англичан, которые будут посланы на Кавказ, и заявил открыто, что наконец-то он (Ллойд Джордж) и Черчилль пришли к соглашению в своем желании приостановить проникновение большевиков, которое угрожает Персии, Индии, Турции и Месопотамии.

Сенсационное сообщение Лионского радио не следует принимать всерьез, но даже это фантастическое заявление показывает общее настроение, которое господствовало в Европе в 1920 году. *“Остановить большевиков!”* – таков был боевой клич, на который, однако, откликнулись немногие. Европа слишком сильно пострадала в войне, раны были свежи, она не хотела беспокоить себя судьбой народов, названия которых неизвестны даже ее жителям. Советские историки использовали газетные заголовки, которые призывали к крестовому походу против большевизма, приводили заявления таких ярых антикоммунистов, как Уинстон Черчилль, чтобы показать, что весь мир объединился против их молодой республики. Факты говорят о другом. Союзники признали закавказские республики частично из-за страха перед большевизмом,

но их действия, направленные против большевизма, по крайней мере, в Закавказье, не шли дальше слов, самыми сильными из которых были статус-кво, признание, демарш и целый ряд стандартных дипломатических уловок.

Английские войска так и не появились в Азербайджане. В конце зимы 1920 года из Парижа дело выглядело так, будто положение на Кавказе начинает стабилизироваться. Грузинская и азербайджанская делегации обратились с совместной нотой к послу Соединенных Штатов в Париже, указав, что их страны были признаны де-факто Конференцией, и настаивали на установлении дипломатических отношений между этими странами и США. Американское правительство оставило без внимания это обращение. Азербайджанской делегации больше ничего не оставалось делать, лишь ждать, чтобы события шли своим чередом.

Грузины в Париже

Грузинская делегация в Париже, возглавляемая Чхеидзе, сначала оказалась в еще более трудном положении, чем делегации Армении и Азербайджана. Лидерам союзных держав был известен тот факт, что Чхеидзе стоял во главе Петроградского совета, а Церетели также являлся активным участником революции. И все же грузинам удалось установить дружественные отношения с американцами, англичанами и французами. Первым и самым важным делом, за которое принялась грузинская делегация, был вопрос о мандате на Закавказье. Несмотря на часто повторяемые утверждения о том, что Грузия может защитить себя как от внешних, так и от внутренних врагов, ее руководители не хотели, чтобы английские войска ушли, оставив свободную нишу, которую могли бы занять другие. В мае 1919 года Жордания выразил протест генералу Корею против вывода английских войск и ожидаемого прибытия итальянцев, на что Корею ответил, что Грузия должна договариваться с итальянцами в Париже, так как решения принимаются только там.¹ Как было упомянуто выше, итальянцы сначала проявили большой интерес к Закавказью. Они заверили грузин, что если Италия примет мандат, то она не будет вмешиваться во внутренние дела Грузии. Для грузинских социалистов предстоящий мандат был болезненным вопросом. С одной стороны, они понимали слабость своей страны и необ-

¹ “Демократическое правительство Грузии и английское командование”, Красный архив, № 2(21), 1927, стр. 153–154.

ходимость иметь сильного протектора. Но с другой – их социалистические убеждения заставляли рассматривать европейские державы как империалистических эксплуататоров и врагов. В то время как Жордания протестовал против решения предоставить мандат Италии, принятого без предварительного согласования с Грузией, а Церетели заявлял, что грузинский народ хочет полной независимости, ни один из них в действительности не отказывался от этой идеи. Когда итальянцы, в конце концов, отказались от вмешательства в дела Закавказья, Грузия вынуждена была искать других протекторов.

Франция с самого начала заняла отрицательную позицию к новым закавказским государствам. В газете “Журналь Офисиель” от 6 сентября 1919 года французский министр иностранных дел Пишо выразил точку зрения своего правительства в четырех четко сформулированных пунктах:

1. Франция не признает де-юре Закавказские республики;

2. Французское правительство не признавало их даже де-факто. Положение на Кавказе неопределенно, существование его республик ненадежно. Кроме того, Грузия находится в состоянии войны с Россией (т.е. Деникиным) и Арменией;

3. Франция сочувствует народам Кавказа, разрешив их представителям приехать в Париж и послав своих представителей в Баку, Батум и Тифлис;

4. Франция готова установить торговые отношения с государствами Кавказа.

Французский интерес к Закавказью носил исключительно экономический характер. Военный представитель полковник Шардиньи позаботился о том, чтобы французские товары доставлялись в Персию по Закавказским железным дорогам. Именно он заявил протест персидскому правительству в связи с национализацией железной дороги Джульфа – Тебриз, указав, что она была построена на французские деньги. Кроме того, Шардиньи вел переговоры с Азербайджаном о покупке нефти. Но было ясно, что французы не возьмут на себя никаких обязательств в деле защиты Закавказья.

Переговоры относительно обороны

В ноябре 1919 года Верховный Совет Союзных держав, убедившись в том, что Добровольческая армия безнадежно разбита, начал думать о поддержке закавказских республик, рассматривая

их в качестве возможной преграды на пути продвижения Советской России. Грузия была признана в то же время, что Армения и Азербайджан. Английский комиссар в Грузии Оливер Уордроп писал Гегечкори: *“Имею честь сообщить Вам, что лорд Керзон желает, чтобы я довел до Вашего сведения, что вчера он взял на себя инициативу предложить Верховному Совету Союзных держав признать де-факто Грузинскую и Азербайджанскую республики. Это предложение было принято единодушно и с согласия правительств Франции и Италии”*.

На короткий период Грузия восторжествовала. Казалось, что, наконец-то, она вступает в мировое сообщество. Народ почувствовал некоторое ощущение безопасности от того факта, что их признали, хотя бы всего лишь де-факто. Когда стало ясно, что дни Добровольческой армии сочтены, союзники стали задумываться над тем, как защитить Закавказье в случае наступления Советской России. 17 января 1920 года грузинские и азербайджанские делегаты встретились с сэром Генри Уильсоном, начальником Имперского генерального штаба, и несколькими другими высокопоставленными британскими офицерами для обсуждения вопроса об обороне. Британские военные специалисты хотели подробнее узнать о потребностях и ресурсах Закавказья, военный потенциал которого они оценивали очень низко. 19 января 1920 года Чхидзе, Церетели и Авалов от Грузии, Топчибашев и Магеррамов от Азербайджана были приглашены на заседание Верховного Совета союзных держав, где они предстали перед Клемансо, председателем, лордом Керзоном, Уинстоном Черчиллем, Жюлем Кабо, Франческо Ницци, маршалом Фошем, сэром Генри Уильсоном и другими. Любопытно было бы узнать мысли и чувства этих двух социалистов, руководителей мартовской революции, бывших членов Петроградского совета, когда они предстали перед группой людей, которые, по их мнению, представляли квинтэссенцию мирового империализма. Все вопросы, которые обсуждались на этом заседании, сводились к обороне Закавказья. Вскоре стало ясно, что маленькие республики – Грузия и Азербайджан интересовали союзников лишь в качестве элемента общероссийской проблемы, но даже российский вопрос был отодвинут на второй план вследствие усталости от войны, внутренних проблем стран победительниц и новой панацеей – Лигой Наций. То, что союзные державы рассматривали Закавказье как часть России даже после того, как Армения, Грузия и Азербайджан были признаны

де-факто, стало очевидным, когда Грузию пригласили участвовать в конференции на острове Принкипо,¹ близ Константинополя. Конференция была созвана по инициативе президента Вильсона, который надеялся добиться соглашения различных “правительств” и партий России с целью восстановления единства этого государства. Место было выбрано неудачно. Несколько лет назад турецкое правительство отправило на Принкипо тысячи бродячих собак с улиц Константинополя, которых оставили умирать с голоду на маленьком островке, куда теперь союзники приглашали русских. Грузия наотрез отказалась присутствовать на конференции, но не в знак протеста из-за жестокого обращения с собаками, дух которых царил над Принкипо, а потому что принятие приглашения означало бы молчаливо признать себя частью России.

Армяно-грузинские разногласия

Если раньше была еще надежда, что союзники, может быть, обратят внимание на Закавказье, то теперь эти надежды развеялись из-за поведения самих закавказских республик. Война между Арменией и Азербайджаном весной 1920 года подорвала веру Запада в способность народов этих стран жить в мире. Новый армяно-грузинский конфликт из-за Батума был последней каплей, переполнившей чашу. На конференции в Сан-Ремо в апреле 1920 года Грузия предъявила суверенные права на город и район Батума, после чего армяне выдвинули контртребования, заявив, что Батум является их единственным выходом к морю, что было неверно, если судить по последовавшему Севрскому договору, предоставившему Армении достаточную часть черноморского побережья. Армения потребовала часть Батумского порта и железную дорогу, ведущую к нему. Кроме того, эта дорога, проходящая по грузинской территории, должна была находиться под армянским контролем и пользоваться экстерриториальным статусом. Грузины, конечно, не согласились на это. Союзники посоветовали грузинской и армянской делегациям разрешить спорный вопрос на двусторонних переговорах, прежде чем обращаться к Верховному Совету. Однако эти две делегации не могли достичь взаимопонимания ни по одному вопросу. В дополнение к своим требованиям на Батум и железную дорогу, ведущую к нему, армяне, полагая, что союзники удовлетворят любое их желание, настаивали на том, чтобы граница между Арменией и

¹ Принцевы острова.

Грузией проходила по реке Чорох, тогда как грузины отстаивали, чтобы оба берега реки принадлежали им. Наконец, Армения отказалась от своих требований на левый берег Чороха, но осталась непреклонной в вопросе о железной дороге, над которой она добивалась полного контроля. Даже по этому незначительному вопросу мелким политикам не удалось прийти к соглашению. Ни один из грузинских или армянских государственных деятелей, которые имели полномочия принимать решения, не поднялся выше уровня средней посредственности. Узкая полоска земли или несколько миль железнодорожного пути настолько затмили их разум, что они оказались не в состоянии решить более важные вопросы.

Грузия и Лига Наций

Падение Азербайджана в конце апреля 1920 года оказалось еще одним свидетельством неспособности закавказских республик существовать в независимом формате. Отныне их успехи ограничивались лишь успехами на бумаге. 1 сентября 1920 года Чхеидзе просил Совет Лиги Наций, чтобы Грузию приняли в эту организацию. Просьба была подкреплена рядом документов, которые имели целью показать, что Грузия хорошо подготовилась к вступлению в эту организацию. Среди документов было официальное признание независимости Грузии правительством Аргентинской Республики 15 сентября 1919 года. В ноябре 1920 года специальная комиссия Лиги изучила обращение Грузии о принятии в члены организации, доложив, что для приема Грузии время еще не пришло. Она просила, чтобы Ассамблея Лиги сообщила Грузии, что ее дело рассматривается с сочувствием, и что в ожидании окончательного решения она может принять участие в работе технических подразделений Лиги. 16 декабря 1920 года вопрос о Грузии был поставлен на Ассамблее. Делегаты Польши, Румынии, Португалии, Колумбии и Персии выступили в ее пользу, но окончательное голосование оказалось неблагоприятным, десять стран голосовали за ее прием, тринадцать – против, при девятнадцати воздержавшихся или отсутствующих.¹ 26 января 1921 года Грузия, единственная сохранившаяся к этому времени закавказ-

¹ Страны, которые голосовали за Грузию: Южная Африка, Боливия, Колумбия, Италия, Норвегия, Парагвай, Персия, Португалия, Швейцария и Чили. Против голосовали: Австралия, Канада, Куба, Великобритания, Испания, Франция, Греция, Индия, Новая Зеландия, Нидерланды, Югославия, Чехословакия и Дания.

ская республика, была свидетелем дипломатического триумфа, который успокоил боль, причиненную ее поражением в Лиге. В Париже на конференции Союзных держав она была признана де-юре. Грузинское правительство сразу же назначило Чхенкели посланником во Франции. 25 февраля 1921 года первый посланник Грузии вручил верительные грамоты президенту Французской Республики. Состоялась волнующая церемония, но она не радовала грузин, так как в этот же день в далекой Грузии сотни солдат погибли на заснеженных полях, защищая страну от противника более грозного, чем Добровольческая армия или турки, в этот же день, 25 февраля, российские войска заняли Тифлис.

ГЛАВА XVIII

ПАДЕНИЕ АЗЕРБАЙДЖАНА

Неспособность стран Закавказья решать свои споры и сотрудничать перед лицом внешней агрессии сделала их легкой добычей для России, весной 1920 года все попытки Грузии примирить Армению и Азербайджан окончились неудачей, деятельность большевиков в Баку быстро приняла широкий размах.

Подготовка большевиков к восстанию

В феврале 1920 года в Баку состоялся I съезд Коммунистической партии Азербайджана. Он принял следующую резолюцию: *“I съезд Коммунистической партии Азербайджана, которая ставит своей целью свергнуть по всему Закавказью власть ханов, беков, националистов и капиталистов и установить Советскую власть рабочих и крестьян, призывает всех рабочих и крестьян Азербайджана, Грузии и Армении к борьбе и надеется, что рабочий класс и крестьянство во главе с бакинским пролетариатом с честью выполнят свой исторический долг.*

Да здравствует рабоче-крестьянская революция в Азербайджане и во всем Закавказье! Да здравствует азербайджанское Советское государство! Да здравствует союз Закавказских Советских республик и Советской России! Да здравствует мировая революция!”

Деятельность большевиков ни в коей мере не ограничивалась принятием резолюций. 9 марта 1920 года один из их руководителей С.М.Киров писал Микояну, находившемуся тогда в Баку, давая указания установить регулярную связь с 11-й Армией Советской России и создать на территории Азербайджана отряды для совместных действий с армией. *“Нам важно знать, - писал Киров, - о сосредоточениях врага... Все крупные операции в тылу врага могут проводиться только с разрешения ближайшего нашего командования. Это необходимо с целью координирования наших боевых действий”*.¹

¹ М. Д. Багиров. “Из истории большевистской организации Баку и Азербайджана”, Москва, 1946, стр.195–196.

Разногласия в азербайджанском правительстве

В то время как Россия готовилась к наступлению на Азербайджан, которому должна была помочь большевистская организация Баку, азербайджанское правительство переживало один кризис за другим. За несколько месяцев до падения республики Фатали хан Хойский был вынужден подать в отставку с поста премьер-министра из-за скандала, к которому был причастен один из членов правительства. Дело касалось соблюдения восточных традиций. Мирза Асадуллаев реализовал большое количество нефти по цене ниже рыночной грузинскому предпринимателю Хоштария, который, конечно, отблагодарил министра за щедрость, оказанную за счет государственного имущества. О сделке стало известно парламенту, вынудившего Хойского, который, вероятно, не был в ней замешан, подать в отставку. Его сменил Юсуббеков, который оставил Хойского в качестве министра иностранных дел. Кабинет Юсуббекова постигла еще более тяжкая участь, чем его предшественника, внутренняя борьба разгорелась между Хойским и Гаджинским: первый представлял антисоветские элементы, тогда как последний был убежден, что Советская Россия охотно оставит Азербайджан в покое, если Азербайджан будет иметь правительство, дружественное большевикам. В январе 1920 года Хойский собрал группу близких друзей и сторонников у себя на квартире и предложил им укрепить правительство следующими мерами:

1) сместить М.Г.Гаджинского с поста министра внутренних дел и назначить на его место того, кто будет готов бороться с коммунизмом;

2) если другие социалисты покинут кабинет, найти других людей на их посты;

3) распустить парламент и предоставить правительству чрезвычайные полномочия для защиты страны;

4) провести выборы в Учредительное собрание Азербайджана в ближайшие шесть месяцев.¹

В результате Гаджинский был отстранен от руководства министерством внутренних дел, но, пользуясь сильной поддержкой в Баку, он остался в кабинете в качестве министра торговли. Он смог оказать сильное давление на парламент и членов "Мусавата". Расул-заде сам начал разделять точку зрения Гаджинского, что лучший путь сохранения независимости лежит через тесное

¹ Р.Шефи. "Из печального прошлого", Кавказ №7-8(19-20), июль-август 1935 г., стр.8.

сотрудничество и дружбу с Советской Россией. Такое отношение диктовалось страхом. Но совершенно очевидно, что азербайджанское правительство было, вероятно, наименее антибольшевистским из всех правительств, созданных на территории бывшей Российской империи. Письмо, посланное правительством Азербайджана своему представителю в Тифлисе (часть которого, к сожалению, не была расшифрована), гласило: *“Что касается Москвы, наше желание... (шифр)...установить контакт с Москвой... Наше желание – жить в нерушимой дружбе с Россией вообще и Советской властью в частности”*.¹

Весной 1920 года азербайджанские лидеры осознавали, что сохранение независимости страны целиком зависит от доброй воли Советской России.

Первая нота Чичерина

Первая попытка установить отношения между двумя странами была сделана 2 января 1920 года, когда комиссар иностранных дел России Чичерин направил ноту правительству Азербайджана: *“Созданная героическими усилиями рабочих и крестьян России, Красная Армия разбила Юденича и Колчака и наносит сокрушительный удар белогвардейским бандам царского генерала Деникина, который отступает в беспорядке к Ростову-на-Дону. Нанося последний удар монархистской контрреволюции, правительство РСФСР обращается к Азербайджану с предложением вступить в переговоры с советским правительством о заключении военного соглашения между командованиями обоих государств с целью ускорить поражение белогвардейских армий на юге России. Советское правительство считает необходимым указать, что южная контрреволюция является смертельным врагом не только Российской Советской Республики, но и всех малых народов, которые составляли часть бывшей Российской империи. Деникин является врагом не только русских рабочих и крестьян, но также рабочих и крестьян Грузии и Азербайджана... Мы убеждены, что рабочие и крестьяне Грузии и Азербайджана видят в нем врага. Мы убеждены также, что они с нетерпением ждут того дня, когда белогвардейская преграда между Советской Россией и Кавказом будет сломлена и будут восстановлены отношения между народами, которые раньше жили в пределах одного государства... ..К ударам, которые наносят (Деникину)*

¹ А. Раевский. Указ. соч., стр.160.

с севера рабочие и крестьяне России, нужно присоединить мощный удар грузинских и азербайджанских рабочих и крестьян. Мы обращаемся, пока не поздно, к азербайджанскому народу и Азербайджану с призывом вступить в борьбу с Деникиным. Социально-политические интересы его трудящихся масс, если их понимать правильно, заставят Азербайджан согласиться на наше предложение". Нет необходимости комментировать эту ноту. Направленная, на первый взгляд, правительству с предложением заключить союз, она представляла в действительности пропагандистское воззвание, которое, может быть, лишь ослабило позиции этого правительства. Комитет государственной обороны Азербайджана, обсудив ноту Чичерина, решил:

1) обязать министра иностранных дел провести консультации с Грузией и ответить, что Азербайджан, как суверенное и независимое государство, готово установить отношения с РСФСР.

2) что касается союзных держав, то следует выяснить отношение Великобритании к сложившейся политической обстановке и использовать ее влияние в интересах республики.

Ответ Азербайджана Чичерину, содержащийся в резолюции Комитета государственной обороны, настаивал на официальном признании Россией Азербайджана в качестве предварительного условия к ведению дальнейших переговоров. Азербайджанцам признание Россией было необходимо как гарантия того, что их государственная независимость будет сохранена. Уклонившись от четко сформулированного определения своего отношения к Азербайджану, Советская Россия обвинила мусаватистское правительство в том, что оно отказывается сотрудничать против контрреволюции. В своей второй ноте (от 23 января 1920 года) Чичерин заявил, что "мусаватистское правительство упорно отказывается вступить в общую борьбу против контрреволюционного генерала, который намеревается наказать Азербайджан".

Нота Хойского

Хойский ответил: *"Народный комиссар иностранных дел Чичерин в радиотелеграмме из Москвы от 23 января вопреки правилам международных сношений утверждает, что декларация министра Хойского не соответствует общеизвестным фактам, и, в свою очередь, в опровержение декларации Хойского представляет*

факты, часть которых никогда не имела места, в то время как другие представлены в искаженном виде, что может быть объяснено недостатком сведений, которыми располагает советское правительство о событиях в Азербайджане. Правительство Азербайджана, считая себя нейтральным в борьбе, которая происходит в России, выслало генерала Пржевальского и весь его штаб из Баку и не только не позволило набирать русских офицеров для денкинской армии, но даже категорически запретило генералу Пржевальскому опубликовать в газетах объявление о мобилизации русских офицеров в Петровске. Правительство Азербайджана не только не предпринимало каких бы то ни было шагов против горцев Дагестана и Северного Кавказа, но, наоборот, всегда всеми имеющими в его распоряжении средствами оказывало и все еще оказывает поддержку горцам в этой борьбе, неотступно требуя вывода денкинских войск с их территории. Также необоснованы и другие факты, упомянутые народным комиссаром Чичериным в отношении связей азербайджанского правительства с командованием Добровольческой армии, идеология и истинные намерения которого хорошо известны правительству Азербайджана. Правительство Азербайджана, от всей души приветствуя твердое решение советского правительства неуклонно руководствоваться принципом признания права народов на национальное самоопределение, должно, однако, заявить, что ни в одной из двух радиотелеграмм народного комиссара Чичерина не было ясно и категорически выражено безусловное признание независимости Азербайджанской Республики, в то время как подобное признание было сделано советским правительством в отношении Польши, Финляндии и Эстонии, несмотря на тот факт, что советское правительство было даже в состоянии вооруженной борьбы с ними.

Поэтому правительство Азербайджана, которое признает установление добрососедских отношений между русским и азербайджанским народами как необходимым, так и желательным, считает, что всякие переговоры по этому вопросу могут состояться только на основе безусловного признания советским правительством независимости и суверенности Азербайджанской Республики".¹

¹ Архив Министерства иностранных дел Азербайджана, дело №16, "Ноты Чичерина", см. А. Попов. "Из эпохи английской интервенции в Закавказье", Пролетарская революция, №9, Москва, 1923, стр.211–212.

Продолжая бесполезный спор, Чичерин послал Хойскому третью ноту, обвинив последнего в том, что он не дал ответа на конкретные предложения советского правительства начать вооруженную борьбу с Деникиным. Чичерин заявил, что признание Эстонии было включено в договор между ней и Россией, после того как были выполнены определенные условия. В заключение он повторил первоначальное предложение создать единый фронт против Добровольческой армии. Хойский ответил, что до сих пор его глубоким убеждением было, что советское правительство безоговорочно придерживается принципа национального самоопределения. В ответ Красная армия заняла Дагестан. Атмосфера в Баку стала настолько напряженной, что кабинет Юсуббекова не мог функционировать надлежащим образом. На межпартийной конференции Гаджинский поставил политический вопрос, требуя проводить пророссийский курс. Несмотря на противодействие со стороны Хойского и других консерваторов, Гаджинскому удалось получить поддержку большинства. Юсуббеков подал в отставку, и Гаджинскому было поручено сформировать новое правительство.

Последний акт азербайджанской дипломатии

Хотя Юсуббеков подал в отставку в марте, его правительство продолжило работу до формирования нового кабинета. 15 апреля Хойский, встревоженный сосредоточением советских войск на границе Азербайджана, телеграфировал Чичерину: *“После того как Дагестан был очищен от деникинских войск, народ Азербайджана надеялся жить в мире, не опасаясь Севера, населенного свободными братскими горскими народами и русским народом, который провозгласил великий принцип права народов на национальное самоопределение. Между тем наблюдаются значительные сосредоточения вооруженных сил Советской России в пределах Дагестана в районе Дербента вблизи границы Азербайджанской Республики. Правительство Азербайджана, не зная о намерениях советского правительства, просит немедленно информировать о причинах и целях сосредоточения войск в вышеупомянутых районах. Кроме того, мое правительство, не получив до сих пор ответа на предложение начать переговоры относительно установления добрососедских отношений между русским и азербайджанским народами, просит ответа на свое предложение и в случае принятия его*

просит назначить время и место для переговоров". Приведенная нота оказалась заключительным актом азербайджанской дипломатии. Последние слабые надежды рухнули, так как из Москвы не было никакого ответа. Задержка Гаджинского в формировании кабинета оставила Азербайджан без правительства, способствуя растущему беспорядку и общему настроению беспомощности, которое охватило все слои общества. Тем временем вновь назначенный премьер-министр вступил в полусекретные переговоры с бакинскими большевиками, пригласив их принять участие в коалиционном правительстве, которое он собирается сформировать. Большевики отказались, но обещали не выступать против правительства Гаджинского, если оно будет "тактичным" по отношению к ним. Гаджинский дошел до того, что сказал Мирза Давуд Гусейнову, одному из ведущих азербайджанских большевиков, что хочет стать коммунистом. Караев, член Центрального комитета Коммунистической партии Азербайджана, пишет, что Гаджинский был принят в члены партии и даже получил членский билет. По мнению Караева, со стороны большевиков это было розыгрышем.¹ Может возникнуть вопрос, а как сам Гаджинский отнесся к этому. Нам кажется, что он понимал беспомощность положения Азербайджана и думал о собственной безопасности. 22 апреля он объявил парламенту, что не сможет сформировать кабинет. В беспорядке, который возник в результате того, что премьер-министр не был назначен, правительство продолжало функционировать исключительно по инерции.

Между тем бакинские большевики делали последние приготовления к восстанию, приуроченному к намеченному вступлению в Азербайджан Красной армии. Делегация бакинских коммунистов обсуждала этот вопрос с Военно-революционным советом советской XI Армии. Было намечено, что большевистская организация Баку поднимет восстание, а Красная армия вступит в течение двадцати четырех часов после его объявления. Таким образом, создается впечатление, будто азербайджанский народ поднялся против "Мусавата" и сверг его правительство. В последней, отчаянной попытке отвести удар "Мусават" послал свою делегацию для переговоров с представителем XI Армии Г.К.Орджоникидзе, членом Центрального исполнительного комитета РСФСР и Центрального комитета Всероссийской Коммунистической партии. Эта попытка оказалась тщетной.

¹ А.Караев. "Из недавнего прошлого", Баку, 1926, стр.115–116.

Ультиматум большевиков

Азербайджанское правительство было парализовано. В полдень 27 апреля 1920 года Центральный комитет Компартии Азербайджана и Бакинское Бюро Кавказского краевого комитета Всероссийской Компартии предъявили главе государства ультиматум с требованием передачи власти коммунистам. Правительству было дано двенадцать часов на размышление.

Вступление российских войск в Азербайджан

Вечером парламент собрался для обсуждения ультиматума. Охваченные паникой депутаты, хватаясь за соломинку, предлагали всевозможные решения. Одни были за принятие ультиматума, другие предлагали установить диктатуру и бороться с коммунистами до конца. За несколько часов до истечения срока, указанного в ультиматуме большевиков, пришло сообщение о том, что российские войска перешли границу Азербайджана, заняли железнодорожные станции Ялама и Худат и быстро продвигаются в направлении Баку. Азербайджанские войска фактически не оказали им никакого сопротивления. Основные силы находились в Карабахе, они противостояли войскам Армении, но даже если бы все они были сосредоточены на северной границе, исход противоборства был бы аналогичным. Поняв, что все потеряно, парламент решил “передать власть большевикам и отныне считать правительство и парламент распущенным”. Агония была непродолжительной. Некоторые из членов кабинета и парламента, самые ярые противники большевиков, отправились поездом в Тифлис или морем в Энзели. В 11 часов вечера город оказался в руках Центрального комитета Компартии Азербайджана, который взял его, не сделав ни единого выстрела. На следующее утро Баку был советским городом, на улицах можно было видеть русских солдат в защитной форме с красными звездами на остроконечных шлемах.

28 апреля Центральный комитет Компартии Азербайджана направил две телеграммы в Москву. Первая, адресованная Ленину, гласила: *“По воле революционного бакинского пролетариата и крестьянства всего Азербайджана Центральный Комитет Коммунистической партии Азербайджана объявляет предательское, преступное, контрреволюционное правительство мусаватистской партии свергнутым...”* Вторая телеграмма, адресованная также Ленину, как председателю Совета народных комиссаров,

гласила: *“Временный Военно-Революционный Комитет Азербайджанской Советской Независимой Республики, взяв власть по воле революционного бакинского пролетариата и трудового крестьянства Азербайджана, объявляет прежнее мусаватистское правительство предателем народа и врагом независимости государства и порывает все отношения с Антантой и другими врагами Советской России. Будучи не в состоянии противостоять своими собственными силами общему натиску банд внешних и внутренних контрреволюционеров, Военно-Революционный Комитет предлагает правительству Российской Советской Республики вступить в братский союз для ведения общей борьбы против мирового империализма. Мы просим Вас оказать нам немедленно действенную помощь, направив сюда войска Красной армии”*.¹

В действительности же необходимости в этих посланиях не было. Красная армия вступила в Азербайджан накануне. Единственной целью было показать, что свержение правительства Азербайджана – дело местных большевиков, а не российская оккупация. Однако тот факт, что российская армия вступили в страну до того, как их попросили официально, и что бакинские большевики подготовили свое выступление в тесном взаимодействии с XI Красной армией, о чем свидетельствуют вышеприведенные документы, доказывает, что мусаватистское правительство Азербайджана было свергнуто благодаря мощи воспрянувшей России. Вскоре после этого в Москве был подписан договор о военном и экономическом союзе между Россией и Советским Азербайджаном. Он провозглашал объединение вооруженных сил, хозяйственных органов, внешней торговли, почты и телеграфа, путей сообщения и финансов двух стран. Таким образом, в короткий период Азербайджан был снова поглощен Россией, хотя и сохранил название и внешние атрибуты независимого государства. Великие державы едва ли заметили исчезновение Азербайджана с международной арены. В ноте итальянскому послу в Париже государственный секретарь Соединенных Штатов писал, что его страна хотела бы видеть восстановление единой России за исключением, может быть, Финляндии, Польши и Армении. Азербайджан даже не упоминался. Делегация более несуществу-

¹ Ю.Ключников и А.Сабанин. “Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях”, Москва, 1926–28 г.г., ч.III, вып.1, №13, стр.21–22.

ющего государства направила ноту протеста послу Соединенных Штатов, сообщив ему о “двух сотнях тысяч жертв большевистского вторжения”, “героической борьбе” азербайджанцев против России и т.д. Делегация выразила надежду, что мирная конференция поможет Азербайджану восстановить свою независимость, и взывала к демократическим чувствам американского народа. Десятки таких обращений были разосланы различным правительствам, но не возымели никакого эффекта. Азербайджанский вопрос был закрыт, а делегаты этой страны в Парижеполнили ряды многочисленных эмигрантов.

ГЛАВА XIX

ПАДЕНИЕ АРМЕНИИ

Положение Коммунистической партии Армении

После неудачного восстания в мае 1920 года коммунистическая организация Армении фактически прекратила свое существование. Большинство руководителей большевиков, причастных к восстанию, бежали или были высланы, несколько убиты, казнены или заключены в тюрьму. Руководящий состав партии настолько поредел, что грузинские коммунисты вынуждены были взять на себя восстановление развалившегося партийного аппарата. Таким образом, Краевой комитет Грузии и Тифлисский комитет стали руководящими органами Армянской Компартии фактически, если не номинально. Восстановление организации, которая и без того не была сильной, происходило медленно и с трудом. По всей вероятности, армянские коммунисты еще долго не имели бы возможности захватить власть, если бы не обстоятельства, не зависящие ни от них самих, ни от народа. Вражда между Турцией и Арменией была источником серьезного беспокойства для тех, кто не был ослеплен яростью шовинизма. Однако безответственное руководство “Дашнакцютуна”, сосредоточившее всю полноту власти, повергло Армению в бездну еще одной войны с Турцией. Турция признала Армению по Батумскому договору, согласно которому Армения отказалась от своих притязаний на шесть восточных вилайетов Анатолии. Как только Оттоманская империя капитулировала перед союзниками, армяне отвергли этот договор и возобновили свои требования. Теперь они просили больше, чем прежде. 28 мая 1919 года армянское правительство объявило об аннексии турецкой Армении. Для турок это означало объявление войны. Оттоманское правительство в Константинополе подписало Севрский договор, однако патриоты, укрывшиеся в горах и пустынях Малой Азии, отказались подчиниться султану и союзникам, они стали строить новую Турцию на обломках старой; образно говоря, строительным материалом были кровь

и кости. Армяне первыми почувствовали этот возрождающийся турецкий национализм. Их страна была не в состоянии оказать сопротивление; в предыдущей главе было показано, как ослабела структура армянского государства, каким непрочным было его экономическое положение, и насколько бессильна была его армия, в то время как в пределах Армении все еще жили десятки, может быть, сотни тысяч мусульман. Они, и даже русские, были недовольны. Несколько русских селений, которые остались после войны, были разграблены армянскими беженцами, что заставило их жителей искать приюта в Персии.¹

Нападение Турции

Не успели стороны подписать Севрский договор, как Кемаль паша напал на Армению. Качазнуни, ее первый премьер-министр, писал: *“Это неопровержимый факт... что мы сделали не все, что должны были – что было нашей обязанностью – сделать во избежание войны. И мы сделали не все по той простой, но неуважительной причине, что мы недооценивали истинную силу турок и были слишком уверены в своей, в этом заключена наша основная ошибка. Мы не боимся войны, потому что уверены в своей победе. С беззаботностью неопытных и несведущих людей мы пребывали в неведении относительно вооруженных сил, которые турки собрали у наших границ, и потому не были бдительными. Более того, поспешное занятие Олти явилось как бы перчаткой, умышленно брошенной с вызовом туркам; будто мы сами добились войны и развязали ее”*.

Турецкие националисты были в положении, в некоторой степени сходном с положением, в котором находились российские большевики. И те, и другие были отверженными, презираемыми победоносной Антантой, озабоченными проблемами усиления своей боеспособности и одновременного отражения наступления противника. Кемаль паша быстро догадался, что он может использовать Советскую Россию самым выгодным для себя образом. После заключения Севрского договора его отношения с северным соседом стали очень дружественными. Когда в сентябре 1920 года войска генерала Казима Карабекира перешли в наступление по линии фронта протяженностью в пятьсот километров, Россия потребовала, чтобы Армения предоставила туркам свободный проход, денонсировала Севрский договор и порвала все отноше-

¹ Кариби. “Красная книга”, Тифлис, 1920, стр.108.

ния с союзниками. Армения отказалась подчиниться и призвала Запад помочь ей.

29 сентября, когда прошел всего один день войны, турки взяли Сарыкамыш. Только спустя месяц они возобновили свое наступление, Карс был оккупирован 30 октября, а 7 ноября турки заняли Александрополь.¹ Ресурсы Армении подходили к концу. Покинутая теми, кто обещал ей свободу и протекцию, находясь под угрозой наступления Красной армии со стороны Азербайджана, 18 ноября она заключила перемирие, согласно которому Турция должна была занять Александрополь и получить контроль над железными дорогами Армении. Армения должна была сдать семьдесят пять процентов своего вооружения и снаряжения, взамен турки обещали не занимать Эривань. Через восемь дней в Александрополе начались переговоры между Хатисяном и турецким военным командованием. В то время как дашнакское правительство старалось прекратить губительную войну, большевистский Военно-революционный комитет переехал в Армению из Азербайджана, 28 ноября инсценировал восстание. На следующий день большевистский отряд занял селение Казах-Каравансарай, и в тот же день было объявлено о свержении дашнакского правительства и установлении советской власти. Российская Красная армия уже вступила в Армению, а вслед за ней заявил о себе Военно-революционный комитет Армении.

Провозглашение Советской власти

Советизация начиналась такими словами: *“По воле восставших трудящихся масс Армении мы объявляем Армению Советской Социалистической Республикой. Отныне красное знамя Советской Армении призвано защитить трудовой народ от векового гнета поработителей”*. Дашнаки были заклеены как плутократы и разжигатели войны, было объявлено, что раньше революционная Россия была слишком занята внутренними проблемами, чтобы оказать помощь Армении, но теперь, когда война с Польшей окончена и Врангель разбит в Крыму, Россия придет на помощь армянскому народу, братские приветствия были направлены рабочим и крестьянам Турции, борьбе которых против Севрского договора армянские коммунисты выразили сочувствие.

¹ До 1924 г. название г. Ленинакан.

Александропольский договор

Дашнакское правительство решило не сопротивляться вторжению России: *“К этому нас побудили две причины. Во-первых, мы не могли оказать сопротивление, даже если бы хотели. Во-вторых, мы надеялись, что советская власть при поддержке России сможет установить порядок в государстве – то, что нам никогда не удавалось и, было ясно, никогда не удастся сделать”*.

Дашнакское правительство продолжало функционировать после 29 ноября, и делегация на мирных переговорах не прервала свою работу в Александрополе. 2 декабря она подписала мирный договор, который отменял положения Севрского договора, относившиеся к Армении, и лишал ее всех выгод, которые она получила вследствие поражения Оттоманской империи. В статье 3 Александропольского договора Армения признавала, что в Турции отсутствует армянское большинство. Статьи 4 и 5 ограничивали Армению территорией, определенной Батумским договором 1918 года и лишали ее Карса, Ардагана и Александрополя. Она подлежала разоружению и демилитаризации, было оставлено только полторы тысячи солдат и немногочисленная жандармерия для поддержания внутреннего порядка (статья 6). В порядке компенсации Великое Национальное Собрание Турции обещало военную помощь, как только она потребуется Армении (статья 7). Кроме того, Турция получила право на транзит через Армению (статья 13) и использование территории Армении в военных целях в случае угрозы независимости Турции (статья 14). Кроме того, Армении было поставлено условие расторгнуть все договора, заключенные с другими государствами, поскольку эти договора содержали пункты, ущемляющие турок. В то время как Хатисян находился в Александрополе, в Эривани происходили странные события. 2 декабря, в день, когда был подписан Александропольский договор, Совет министров Армении опубликовал следующую прокламацию: *“Ввиду обстановки, которая сложилась в стране под действием внешних условий, правительство Армянской Республики на своем заседании 2 декабря сего года решило сложить свои полномочия и передать всю военную и гражданскую власть главнокомандующему, на пост которого настоящим назначается военный министр Дро”*.

Соглашение между Россией и дашнаками

Военный диктатор генерал Дро и российский представитель в Эривани Силин издали совместный приказ, объявлявший советизацию Армении и сообщавший населению, что до прибытия Красной армии Дро и Силин будут осуществлять власть над Арменией. В тот же день между дашнаками и представителем РСФСР Леграном был подписан договор, предусматривавший, что “Дашнакцутюн” останется легальной партией, правительство Советской Армении будет создано на основе коалиции коммунистов и дашнаков, а Россия обязуется восстановить территориальную целостность Армении. Статья 1 провозглашала Армению Советской республикой. Статья 2 гласила, что до созыва съезда Советов вся власть останется в руках Военно-революционного комитета Армении. Статья 3 перечисляла области, которые должны составлять Армянскую Советскую Социалистическую Республику. Статья 4 объявляла, что офицеры армянской армии не несут никакой ответственности за действия, совершенные до советизации Армении. Статья 5 гласила, что члены “Дашнакцутюна” и других социалистических партий не подлежат репрессиям.

Статья 6, очевидно, была самой любопытной. В ней было указано, что в состав Военно-революционного комитета, который будет управлять Арменией до созыва съезда Советов, войдут пять коммунистов и два дашнака. Здесь возникает вопрос, а что же произошло с Военно-революционным комитетом, который провозгласил советскую власть из Казах-Каравансарая 29 ноября? Вероятно, он затерялся где-то за линиями наступавшей Красной армии. Договор, подписанный Дро и Леграном, представляется весьма странным документом. Заключенный между дашнаками и Россией без участия местных коммунистов, он был равносителен признанию Россией законности дашнацкого правительства на 2 декабря, т.е. через четыре дня после того, как Армянский революционный комитет провозгласил его свергнутым.

Армянская армия стала теперь Красной армией, Дро пребывал некоторое время ее главнокомандующим, что было еще одной аномалией в уже осложнившейся обстановке. Однако по прибытии российских войск в Эривань, Дро был снят с этого поста.

Весть о советизации Армении распространилась быстро. Орджоникидзе телеграфировал Военно-революционному комитету Кавказского фронта: *“Только что получено сообщение из Эривани: прежнее правительство свергнуто, вся власть передана*

военному командованию до прибытия Ревкома (Революционного Комитета)... Таким образом, еще одна Советская Республика. Да здравствует Армянская Советская республика!"¹ 4 декабря Сталин писал в "Правде": "Вот некоторые факты, приведшие к советизации Армении. Губительная политика дашнаков, агентов Антанты, приводит страну к анархии и нищете. Война с Турцией, затеянная дашнаками, доводит тяжелое положение Армении до последней крайности. Измученные голодом и бесправием северные провинции Армении восстанут в конце ноября и создадут революционный военный комитет Армении во главе с товарищем Касьяном. 30 ноября от предревкома Армении на имя товарища Ленина поступает приветственная телеграмма с сообщением о рождении Советской Армении и занятии города Дилижана..."

Весть о падении дашнакского режима достигла Баку еще до того, как оно произошло. 1 декабря 1920 года состоялось внеочередное заседание Бакинского Совета, посвященное событию, которое произошло через день. Нариман Нариманов, председатель Совета народных комиссаров Азербайджана, огласил заявление о том, что Азербайджан уступает Советской Армении спорные районы Зангезур, Нахичевань и Нагорный Карабах. За Наримановым последовал Орджоникидзе, который одобрил это действие, которое положит конец долгому и кровопролитному конфликту между двумя соседними народами. В то время как Армения агонизировала от турецких ударов, западные державы, давшие много обещаний о помощи и поддержке, вели лишь разговоры о ее судьбе на I Генеральной Ассамблее Лиги Наций, где сэр Роберт Сесиль просил вмешаться с целью защиты небольшой закавказской республики. 22 ноября был создан особый комитет для выработки мер по прекращению войны между Турцией и Арменией. Прежде чем он успел выработать свои рекомендации, судьба Армении была решена поражением и советизацией. Дашнакско-коммунистическая коалиция просуществовала всего несколько дней, после чего Армения быстро превратилась в чисто большевистское государство. Армянские коммунисты не желали признавать договор, подписанный дашнаками в Александрополе. 10 декабря комиссар иностранных дел Советской Армении Бекзаян писал министру иностранных дел турецкого правительства в

¹ "К деятельности Г.К. Орджоникидзе в годы гражданской войны", Красный архив, №5 (78), 1936, стр.14.

Анкаре Ахмеду Мухтару и командующему турецких войск на востоке Казиму Карабекиру, что его правительство ожидает, что Турция торжественно объявит Александропольский договор потерявшим законную силу и установит дружественные отношения с Арменией. Ахмед Мухтар ответил, что Турция была преисполнена радости при известии о падении режима дашнаков, которые были прислужниками английского империализма. Турки приглашали армянских коммунистов принять участие в переговорах в Александрополе, когда дашнакское правительство было еще у власти. Однако он добавил, что Турция не может понять, почему необходимо отказаться от Александропольского договора, так как по этому договору она возвращала только те районы, в которых турки составляли большинство.¹ Вопрос не был исчерпан.

Он снова возник в 1921 году, однако Армения не участвовала в окончательном определении своих границ, поскольку Россия и Турция решали этот вопрос между собой в Москве. Советизация Армении продолжалась ускоренными темпами. Дашнаки, которые надеялись удержать свои позиции тем, что вступили в коалицию с коммунистами, горько разочаровались. Новое правительство не нуждалось в них. Оно ввело систему продовольственной разверстки, которая проводилась самыми жесткими мерами при помощи военной силы. Многие руководители дашнаков были заключены в тюрьму или отправлены в Россию. В январе 1921 года армянская армия была очищена от большинства офицеров, пятьсот шестьдесят из них, в том числе такие лица, как Силиков и Назарбекян, были арестованы и отправлены в Азербайджан.²

Обращение с дашнаками и армейскими офицерами, продразверстка и неспособность новой власти накормить население вызвали сильную реакцию. Неспособность советского правительства выполнить свое обещание относительно восстановления территориальной целостности Армении в свете того, что Турция удерживала Карс и Ардаган, стала важным фактором выступления армян против власти, которой они сначала подчинились с таким смирением. Положение в Армении ухудшалось столь стремительно, что через два месяца достаточно было одной искры, чтобы произошел взрыв. Российско-грузинская война 1921 года явилась этой искрой.

¹ "Борьба", №27(882). 5 февраля 1921 года, Тифлис.

² "Слово", №31, 10 февраля 1921 года, Тифлис.

ГЛАВА XX

ГРУЗИЯ И СОВЕТСКАЯ РОССИЯ

Невозможно преувеличить значение Кавказа для России в 1920 году. Этот регион являлся источником многих сырьевых материалов, которые отсутствовали в других местах, причем бакинская нефть была важнейшим из них. В ноябре 1920 года не кто иной, как Сталин выразил это следующими словами: *“Значимость Кавказа для успеха революции определяется не только тем, что он является источником сырья, топлива и продовольствия, но и положением его между Европой и Азией, в частности, между Россией и Турцией, и наличием важнейших экономических и стратегических дорог (Батум – Баку, Батум – Тавриз, Батум – Тавриз – Эрзерум). Все это учитывается Антантой, которая, владея ныне Константинополем, этим ключом к Черному морю, хотела бы сохранить прямой выход на Восток через Закавказье. Кто утвердится в конце концов на Кавказе, кто будет пользоваться нефтью и наиважнейшими дорогами, ведущими в глубь Азии, революция или Антанта? – в этом весь вопрос”*.¹

С завоеванием Азербайджана и Армении Грузия представлялась руководителям большевиков главным орудием англо-французского империализма на Кавказе. *“... Грузия, превратившаяся в основную базу империалистических операций Англии и Франции и потому вступившая во враждебные отношения с Советской Россией, – эта Грузия доживает ныне последние дни своей жизни”*, – писал Сталин. Это были пророческие слова о последней независимой республике Закавказья, над которой уже давно собирались тучи.

Россия отказывается признать Грузию

Накануне своего поражения Германия принудила Россию к вынужденному полупризнанию независимости Грузии в договоре, явившемся дополнением к Брест-Литовскому договору. Как

¹ Сталин. Сочинения, М., 1947 г., т.IV, стр. 408.

только Германия капитулировала, Россия аннулировала Брест-Литовский договор вместе со всеми соглашениями, вытекающими из него. 24 декабря 1918 года было объявлено: *“Ввиду того, что Грузия в настоящее время не признается Советским правительством РСФСР независимым государством, все лица, считающиеся гражданами Грузии, признаются гражданами России и как таковые подчиняются всем декретам и указам Советской власти РСФСР”*.¹

Грузия отказывается вмешиваться в гражданскую войну

До 1920 года Россия не поддерживала никаких отношений с Грузией. В январе этого года Чичерин обратился к грузинскому правительству с предложением, аналогичным тому, которое было сделано Азербайджану. Грузии было предложено объединиться с Россией против Деникина, который, как утверждал Чичерин, был подлинным врагом трудящихся масс Грузии. Гегечкори, министр иностранных дел, отказался вовлечь Грузию в гражданскую войну в России, тогда как на заседании Учредительного собрания Грузии Жордания заявил: *“Вам известно, что Советская Россия предложила нам военный союз. Мы решительно отказались. Очевидно, вы знаете наш ответ. Что означает такой союз? (Он, вероятно, хотел сказать: “Что означал бы такой союз?”)*.

*Он означает, что мы должны были бы обострить наши отношения с Европой, так же как и они, и обратить наши взоры на Восток – вот вопрос, поставленный перед нами, и здесь колебание невозможно... Как видите, здесь пути Грузии и России расходятся. Наша дорога ведет к Европе, дорога России – к Азии. Я знаю, наши враги скажут, что мы на стороне империалистов. Поэтому я должен здесь решительно заявить; я предпочел бы империалистов Запада фанатикам Востока!”*² В своих отношениях с новыми государствами, образованными на территории бывшей Российской империи, Советская Россия руководствовалась принципом: *“Кто не с нами, тот против нас”*. Нейтралитет, согласно этому принципу, был скрытой враждебностью. 3 февраля 1920 года “Правда” опубликовала вторую ноту Чичерина Грузии (от 31 января), в которой эта страна обвинялась в поддержке “буржуазии”. Правительство Жордания и Гегечкори обвинялось в оказании помощи контрреволюции и ведении переговоров с

¹ Ключников и Сабанин. Указ.соч., гл. III, №52, стр. 209-210.

² “Слово”, 16 января 1920 года, Тифлис.

Черчиллем и Фошем относительно превращения Грузии в плацдарм для нападения на Россию. Советизация Азербайджана в апреле 1920 года поставила ряд новых проблем, которые должно было разрешить грузинское правительство. 27 апреля азербайджанское правительство сообщило Грузии о российском наступлении. По договору 1919 года, срок действия которого истек в 1922 году, Грузия была обязана оказать помощь Азербайджану, но в последний момент отказалась от своих обязательств, оставаясь безучастной до тех пор, пока Красная армия не оккупировала страну. В речи, произнесенной 30 апреля, Жордания заявил, что грузинское правительство было готово помочь Азербайджану в случае, если его собственный народ встал бы на борьбу за свою независимость. Однако стало очевидно, что захватчик не встретил сопротивления, так как большевистские войска прошли сотню километров за шесть часов. Поэтому Грузия решила не вмешиваться. В заключение премьер-министр заявил, что Грузия, если подвергнется нападению, будет защищать свою независимость и уже начала соответствующие военные приготовления.

Вследствие советизации Азербайджана грузинские большевики наметили и осуществили 2 мая восстание в полной уверенности, что XI Красная армия вступит в Грузию, как она ранее вступила в Азербайджан. Однако Грузия оказалась не столь неподготовленной и беспомощной, как Азербайджан. 1 мая правительство объявило мобилизацию и назначило начальника Тифлисского военного училища генерала Квинитадзе главнокомандующим. Как и ожидали грузинские большевики, Красная армия, достигнув грузино-азербайджанской границы, продолжала продвигаться по грузинской территории. Однако грузинская армия оказала серьезное сопротивление, Красная армия была остановлена, и грузины даже предприняли контрнаступление. Восстание в Тифлисе 2 мая потерпело неудачу, и поэтому Грузия смогла сосредоточить свои войска для обороны. Российское правительство заявило, что война, в которую страна была вовлечена, якобы является локальным конфликтом между Грузией и Советским Азербайджаном. Оно осознавало, что в данных условиях завоевание Грузии обойдется слишком дорого, и решило пока отказаться от своей попытки, особенно ввиду того, что на Западе назревала новая война, на этот раз с государством, созданным на территории бывшей Российской империи, – Польшей.

На первый взгляд, может показаться удивительным, что маленькая Грузия смогла остановить российское наступление. Однако следует помнить об обстановке, при которой это наступление было предпринято. Азербайджан был оккупирован всего несколько дней назад. Сельское население было недовольно новой властью. Находясь под усиленной охраной, промышленный Баку безмолвствовал, однако крестьяне, поднялись на восстание, которое стремительно охватывало провинции с центром в Гяндже, где полк новой Азербайджанской Красной армии присоединился к повстанцам. Один из руководителей грузинских большевиков Филипп Махарадзе обвинил меньшевиков в провоцировании восстания, но не смог привести ни документов, ни других фактов для подтверждения своего заявления. По-видимому, восстание было стихийным.

Договор от 7 мая 1920 года

В то время как на грузино-азербайджанской границе велись бои, тифлиссские большевики продолжали деятельность по свержению правительства, не зная того, что Грузия послала представителя, Уратадзе, в Москву для заключения мирного договора с Советской Россией. Договор был подписан 7 мая 1920 года, так что у грузинских большевиков не осталось никаких надежд на скорое вторжение русских. По их мнению, Россия допустила ошибку, когда заключила мир с меньшевистским правительством вместо того, чтобы двинуться на Тифлис.¹ Миссия Уратадзе держалась в тайне, поэтому когда 7 мая было объявлено, что между Россией и Грузией заключен мирный договор, это явилось неожиданностью для всех, за исключением нескольких посвященных. Переговоры носили деловой характер и прошли без задержек. Первая статья договора от 7 мая подтверждала безоговорочное признание Грузии, в статье 2 Россия обещала воздерживаться от какого бы то ни было вмешательства в ее внутренние дела. Статья 3 устанавливала границу между двумя государствами при условии демилитаризации до 1 января 1922 года всех горных перевалов на российско-грузинской границе. Статья 4 устанавливала территорию Грузии, провозгласив, что Россия признает принадлежащими Грузии все территории, которые она, возможно, получит по договору от своих соседей.

¹ Ф. Махарадзе. "Советы и борьба за Советскую власть в Грузии. 1917–1921", Тифлис, 1928, стр.213.

В статье 5 Грузия обещала разоружить и интернировать все сухопутные и морские воинские части, которые выступали от имени правительства России или союзных с ней государств, а также всех лиц, организации и группировки, целью которых было свергнуть правительство России или ее союзников. Под “союзными с Россией государствами” подразумевался Азербайджан, многие лидеры которого бежали в Тифлис в надежде возобновить борьбу против большевиков с территории Грузии. Теперь их надежды рухнули. Кроме того, Грузия обещала выдать России все вышеупомянутые воинские части, организации и группировки, лишая тем самым российских “белых” или азербайджанцев возможности участвовать в организованной антисоветской борьбе на грузинской территории. Взамен этого советское правительство обещало не допускать на своей территории каких-либо группировок или организаций, выступающих от имени правительства Грузии или любой из ее частей, а также группировок и организаций, ставящих целью свержение грузинского правительства. Россия к тому же обещала воспользоваться своим влиянием на союзников с тем, чтобы они не допускали антигрузинской деятельности в пределах своих государств. В статье 10 Грузия обязалась освободить от наказания и дальнейшего административного и судебного преследования всех лиц, которые в прошлом действовали в интересах РСФСР или Коммунистической партии. Статья 11 связывала обе страны обязательством уважать национальные флаги и гербы друг друга. Предусматривалось создание самых благоприятных условий для расширения торговли одной страной на территории другой (статья 12), договор о торговле намечалось заключить в ближайшем будущем (статья 13). Последняя статья 6 гласила, что договор войдет в силу с момента его подписания и не требует ратификации. Он был подписан Уратадзе от Грузии и Караханом от России.¹ Российско-грузинский договор содержал приложение, касающееся войны, которая по дипломатическим соображениям была названа “конфликтом между Грузией и Азербайджаном”. Стало ясно, что Россия отказалась от своих планов военных действий на границе Азербайджана и Грузии. Первая статья приложения гласила, что смешанная комиссия, составленная из грузин и азербайджанцев под председательством русского, рас-

¹ Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика и Грузинская Демократическая Республика, их взаимоотношения, Москва, 1922.

смотрит вопрос о Закатальском округе и представит обязательное для обеих сторон решение. До решения Закатальского вопроса ни Грузии, ни Азербайджану не разрешалось вводить подкрепления в этот район. Последнее положение было очень выгодным для России, так как в это время она была не в состоянии ввести подкрепления, тогда как Грузии было запрещено наращивать свое военное присутствие на азербайджанской границе.

Секретное соглашение

Договор содержал еще одно приложение. Некоторое время его держали в тайне и не включили в текст, опубликованный в Москве в 1920 году. В этом секретном приложении Грузия сделала самую большую уступку России, уступку, которая оказалась источником всех трудностей и бед республики в течение того короткого отрезка времени, который оставалось ей просуществовать. Статья 1 секретного приложения гласила: *“Грузия дает заверения признать право на легальную деятельность Коммунистической партии и, в частности, ее право на свободу слова и печати (включая печатные органы)”*. Не допускались репрессивные меры против лиц, которые ведут пропаганду и агитацию в пользу коммунистической программы, а также против групп и организаций, действующих на основе этой программы. Эта статья прямо нарушала суверенитет грузинского государства. Фактически речь шла об аннулировании статьи 2 российско-грузинского договора, по которой Россия принимала обязательство не вмешиваться во внутренние дела Грузии. Отныне статья 1 секретного приложения, в сущности, давала России возможность выступать в защиту грузинских большевиков, свобода которых гарантировалась договором. Вскоре грузинское правительство поняло, какую грубую ошибку оно допустило. Кроме того, это приложение не строилось на взаимности, как остальная часть договора, поскольку Россия не предоставляла взамен никаких привилегий собственным меньшевикам. По-видимому, Грузия подписала такое условие, потому что была напугана падением Азербайджана и готова получить независимость от России любой ценой. Советское признание Грузии соответствовало политике данного правительства по отношению к государствам, которые были образованы на территории бывшей Российской империи. “Правда” писала, что российско-грузинский договор выгоден обеим странам. Грузинское правительство даже похвалили за его “серьезность” и лояльную

позицию, которую оно заняло по отношению к российско-польской войне.¹ Вскоре после этого англичане вернули Батум грузинам, эвакуировав последние войска из Закавказья. В июне между Грузией и Азербайджаном был установлен мир. Гянджинский мятеж, который возник во второй половине мая, был подавлен после жестокого сражения. Красная армия окружила Гянджу, но мятежники яростно сопротивлялись, нанеся серьезные потери правительственным войскам. В конце концов, Гянджа превратилась в пепел от артиллерийского огня, по городу было выпущено около 8000 снарядов, прежде чем ее защитники сдались. Этот мятеж был самым успешным из всех восстаний, которые произошли в Азербайджане после его советизации. Однако ни одно из них не поставило под сомнение самое существование советской власти и не имело отношения к Грузии. Гянджинский мятеж, как уже указывалось, способствовал заключению мира между Грузией и Советским Азербайджаном. *“Благодаря этому, а также вследствие того, что Азербайджан разделял общую политику Советской России, он заключил мир с Грузией”*.²

Киров в Тифлисе

В соответствии с договором от 7 мая между Россией и Грузией были установлены дипломатические отношения, а Сергей Миронович Киров, который не был посторонним человеком в Закавказье, был назначен первым советским посланником в Тифлис. В 1918 году он находился на Астраханском фронте и прибыл в Баку вслед за наступавшей Красной армией в мае 1920 года. Перед отъездом из Москвы для вступления на свой дипломатический пост в Тифлисе Киров получил указание лично от Ленина. 20 июня он прибыл в Тифлис, где первая же его акция никак не соответствовала занимаемому им официальному положению. *“...Он произнес пламенную речь перед зданием посольства на митинге тбилисских рабочих и передал пролетариату Грузии приветствие пролетариата России”*.³

Российский комиссариат иностранных дел указал на следующие причины, по которым советское правительство признало Грузию: Россия нуждалась в открытом выходе к Черному морю,

¹ “Правда”, №99, 9 мая 1920 года.

² Г.Девдариани. “Очерки истории комсомола Грузии”, Тифлис, 1928, стр.157.

³ Анонимный биографический очерк, см. С.М.Киров. “Избранные статьи и речи”, 1912–1934, Ленинград, 1929.

Батум в то время был единственным портом, открытым для захода иностранных судов. Для России было важно защитить грузинских коммунистов, которые страдали от деспотических действий грузинского правительства. В равной мере было важно представить рабочим Западной Европы наглядное доказательство правильности и последовательности советской внешней политики: *“Грузия со своим малочисленным пролетариатом не могла бы так или иначе сыграть важную роль в судьбе мировой революции, к которой направлена политика Советской республики”*. Две из четырех причин были действительно важными: проезд через Грузию и помощь грузинским большевикам. К этим двум пунктам и сводилась вся деятельность Кирова. Меншевицское правительство видело шпиона в каждом советском дипломате. Оно подозревало всякого, кто вступал в контакт с советским посольством, иногда даже арестовывая российских дипломатических курьеров, что вызывало негодование Кирова, который писал гневные ноты, пересыпанные эпитетами, редко встречающимися в дипломатической переписке тех дней, хотя в наше время они уже не показались бы неподобающе грубыми. 8 июля 1920 года Киров заявил протест Гегечкори в связи с задержанием российских дипломатических курьеров грузинскими властями. В качестве примера приводились три разных случая, а грузинскому правительству было сделано предостережение от повторения таких действий. В письме к Ленину (20 августа 1920 года) Киров писал, что прогнозы последнего относительно работы в Тифлисе блестяще подтвердились. Грузинские власти, писал Киров, проявляют *“совершенно исключительное”* внимание к советскому посольству и даже таким *“невинным органам”*, как миссии Наркомвнешторга в Тифлисе. Так как все дипломатические меры оказались тщетными, ...я был вынужден заявить, что мы поставим грузинское представительство в Москве совершенно в такое же положение...”

Российско-грузинские дискуссии

Споры, которые часто возникали по поводу нарушения дипломатической неприкосновенности, неуважения, проявленного к национальному флагу, и т.д., оказались шалостью по сравнению с серьезными конфликтами, которые следовали один за другим в течение года российско-грузинских дипломатических отношений. Выделялись пять аспектов конфликта между сторонами:

- 1) отношения Грузии с Врангелем;
- 2) Батумский вопрос;
- 3) прохождение российских составов в Армению;
- 4) права Компартии Грузии;
- 5) пограничные споры.

Каждый из них затрагивал вопросы, которые в любой момент могли послужить поводом для войны, в то время как ни один из упомянутых вопросов не имел бы большого значения, если бы Россия хотела оставить Грузию в покое.

26 июня Киров направил Гегечкори ноту, в которой заявил, что некий Д.В.Вачеишвили прибыл в Севастополь, занятый Врангелем, для переговоров, и что данное действие нельзя трактовать иначе, как направленное против интересов России. Гегечкори ответил, что миссия Вачеишвили не носит политического характера, так как ее единственной задачей является закупка пшеницы и овса для Грузии. Вачеишвили по возвращении из Крыма имел личную беседу с корреспондентом "Слова". Он отрицал, что между Грузией и войсками генерала Врангеля поддерживались какие бы то ни было политические связи, заявив, что его миссия носила исключительно экономический характер. Ссылаясь на тех, кто возражал даже против экономических связей с Врангелем, Вачеишвили сказал: *"Позвольте мне ответить словами вождя коммунизма Ленина, который заявил, что можно поддерживать экономические связи со всяким буржуазным государством"*.¹ В октябре 1920 года пять тысяч антисоветских казаков под предводительством генерала Фостикова, разбитые Красной армией, вступили в Грузию, где были интернированы, а грузинское правительство сообщило советским представителям в Тифлисе об инциденте. 17 марта для изучения обстановки в Сухум направилась российско-грузинская комиссия, но в тот же вечер один из военных кораблей Врангеля, крейсер "Алмаз", подошел к грузинскому берегу и потребовал, чтобы интернированными казакам разрешили выехать в Крым, где они присоединятся к остаткам Добровольческой армии под командованием Врангеля. Грузины отказались выполнить это требование. После этого крейсер высадил отряд, который разоружил грузинскую охрану в шестьдесят пять человек, убил нескольких человек, разграбил имущество, освободил интернированных казаков и отплыл. Советское правительство отказалось принять грузинскую версию инцидента. Оно

¹ "Слово", №152, 8 июля 1920 г., Тифлис.

обвинило меньшевиков в пособничестве, заявив о наличии документа, свидетельствующего о том, что “генерал N” приказал грузинским войскам разрешить казакам выехать в Крым. Личность генерала N не была установлена, и сам документ представляется сомнительным. Однако новый советский полномочный представитель в Грузии Шейнман извлек из этого инцидента максимум возможного. Осенью 1920 года Врангель был разбит. Поход генералов окончился бесславно. Большевики, позабыв об угрозе Советской России, отмечали его поражение как свою собственную победу. Орган Грузинской социал-демократической партии “Эртоба” писал, что крах Врангеля наполнил их радостью и энтузиазмом. Несколько врангелевских судов нашли убежище в грузинских портах. Советский посланник Шейнман сообщил Чичерину об их прибытии в Батум и Поты, добавив, что он рассматривает эти суда как собственность России, однако грузинское правительство содействует фиктивной продаже этих судов иностранным покупателям. Шейнман обсудил вопрос о врангелевских судах с заместителем министра иностранных дел Грузии Сабахтарашвили 4 декабря, было решено, что: *“Все суда, находившиеся в грузинских портах 15 ноября 1920 года или прибывшие позднее, которые были зарегистрированы в одном из портов Советской России под старым или новым российским флагом и имели документы, подтверждающие их национальную принадлежность, будут переданы советскому представителю в Грузии”*. Сабахтарашвили дал письменные заверения, что Грузия задержит все подобные суда в своих портах до окончательного разрешения вопроса. Прошли недели, а суда Врангеля все еще не были переданы России. Грузия изменила свое первоначальное обещание передать суда, заявив, что суда, принадлежащие нероссийским гражданам, не будут переданы. Это вызвало поток нот оскорбительного характера со стороны Шейнмана. В конце концов, соглашение, разрешающее вопрос о российских судах, было подписано. Оно, по существу, совпало с соглашением от 4 декабря, показав, что вся перепалка, которую оно вызвало, оказалась излишней и лишь способствовала усилению напряженности в российско-грузинских отношениях.

Батумский вопрос был вторым источником разногласий между двумя странами. 31 октября 1920 года Шейнман писал Гегечкори, что циркулируют слухи о намерении грузинского правительства передать Батум в аренду англичанам. Советское

правительство не могло представить, что грузинское правительство *“может продать или сдать в аренду те части территории, которые оно считает своими вековыми владениями и которые были признаны таковыми Российской Советской Федеративной Социалистической Республикой, тем более что такая передача в аренду не может рассматриваться Советской республикой иначе, как капитуляция грузин перед империалистическими государствами Антанты и неспособность Грузии защитить свой государственный суверенитет”*. Российский представитель далее указал: *“Я должен заявить категорически... что оккупация Батума англичанами, независимо от того, в какой форме это может произойти, будет рассматриваться как вопиющее нарушение договора от 7 мая между Россией и Грузией, и что подобное событие способно будет нарушить благоприятно сложившиеся дружественные отношения России и Грузии...”*¹

Шейнман просил грузинское правительство сообщить, соответствуют ли действительности упомянутые им слухи, и что грузинское правительство намерено делать, если англичане попытаются овладеть Батумом силой.

4 ноября Гегечкори заверил советского представителя, что Грузия не собирается передавать в аренду Батум, однако советское правительство не было удовлетворено этим ответом и продолжало протестовать. Чичерин даже послал ноту министру иностранных дел Великобритании, предупредив его, что Россия сделает все, чтобы помешать англичанам занять Батум и *“сорвать попытку Союзных держав создать новый фронт на Кавказе и таким образом вовлечь Россию в новую войну...”* Советское правительство уделило столь повышенное внимание слухам о Батуме, что Народный комиссариат иностранных дел опубликовал обращение к рабочим Франции и Англии, в котором сообщал, что империалисты готовятся занять Батум, используя свои вооруженные силы. Советы заявили, что империалисты распространяют слухи о намерении Турции сокрушить Грузию и Армению в тот самый момент, когда Россия предлагает им свое посредничество. Занятие Батума англичанами создало бы новую опору для проведения операций против России. Рабочих Западной Европы призывали *“сорвать эту авантюру империалистов”*. Англичане в Батуме не появились, и вся полемика оказалась пустой тратой бумаги, усилий и волнений. После советизации Армении в начале декабря

¹ РСФСР и ГДР стр.50–53, 65–67, 77 и др.

1920 года отношения Грузии с этой страной сопровождались проблемами и конфликтами, в которые, конечно, были вовлечены Россия и Азербайджан. Еще 14 ноября между Россией и Азербайджаном, с одной стороны, и Грузией – с другой было подписано соглашение о торговле и перевозках, согласно которому Грузия должна была получать от Азербайджана шестнадцать тысяч тонн нефти ежемесячно, продавая Азербайджану двадцать тысяч штук кирпичей и восемьдесят тонн глинозема каждый месяц. Грузия обещала, кроме того, разрешить перевозку через свою территорию товаров, предназначенных для России, Советского Азербайджана и Армении. Одним из последствий турецко-армянской войны 1920 года и советизации Армении был голод, который охватил страну, чье хозяйство было совершенно разрушено несколькими годами войны и революции. 6 декабря Шейнман писал Гегечкори, что Россия хочет оказать помощь, чтобы избавить эту страну от голода. *“Мое правительство, – писал он, – не может оставаться безучастным зрителем страданий армянского народа...”* Российское правительство послало продовольствие и просило грузинское правительство разрешить ему свободный транзит по грузинским железным дорогам в Армению. Грузинское правительство откладывало решение этого вопроса со дня на день, ссылаясь на обвалы, плохое состояние железных дорог и т.п. Россия ответила прекращением всех поставок нефти. Она предъявила грузинскому правительству различные обвинения, к которым было отнесено не только нежелание пропустить составы в Эривань, но и преследование коммунистов и отказ передать России военно-морской флот Врангеля. Россия также задержала несколько грузинских локомотивов и составов, в ответ на это Грузия оставила за собой собственность России и Азербайджана. Поскольку Грузия была обвинена в блокаде Армении и усугублении тем самым страданий армянского народа, съезд железнодорожников Грузии обратился с воззванием к рабочим Армении и Азербайджана. Воззвание гласило, что вопреки клевете врагов, не буржуазия, а пролетариат управляет Грузией, поэтому, исходя из теории научного социализма, Грузия не желает, чтобы Армения умирала с голода, и с этой целью избегает действий по задержке составов, следующих в Эривань. Грузинские рабочие призывают рабочих Армении и Азербайджана проявить солидарность с мировым пролетариатом. В воззвании говорилось, что они никогда не позволят, чтобы Грузия стала плацдармом для напа-

дения на Россию, Армению или Азербайджан, так же не позволят кому бы то ни было поработить их страну.

Во время армяно-турецкой войны, предшествовавшей советизации Армении, Грузия заняла часть Борчалинского района, который был превращен союзниками в нейтральную зону в результате армяно-грузинской войны 1918 года. Советская Армения не могла отказаться от Борчалы, как не хотела этого и дашнакская Армения. Комиссар иностранных дел страны Бекзадян писал Гегечкори, что его страна не может согласиться с оккупацией нейтральной зоны Грузией, и просил немедленного разрешения конфликта.¹

3 января заместитель министра иностранных дел Сабахтарашвили просил Бекзадяна прислать представителей в Тифлис для переговоров о спорной территории. Сабахтарашвили принял, в принципе, армянское предложение об участии России в этих переговорах, подчеркнув, что формат участия России должны определить Грузия и Армения. Российское правительство настаивало на том, чтобы его представители пользовались правами наравне с правами армян и грузин. Последние, напротив, полагали, что им – грузинам и армянам – решать вопрос о формате участия россиян. В своей ноте от 23 января 1921 года Гегечкори заявил, что российское правительство должно внести ясность относительно своей точки зрения на международное положение Армении. Если Армения будет рассматриваться Россией как часть РСФСР, то Грузия должна принять требование России участвовать на равных правах. Если, однако, советское правительство будет считать Армению независимым государством, то вопрос должен решаться на двусторонней основе – Арменией и Грузией. Спорная ситуация вокруг Борчалы так и не нашла своего решения. В феврале 1921 года этот район стал ареной восстания, которое вылилось в российско-грузинскую войну. После заключения договора между Россией и Грузией меньшевистское правительство освободило всех коммунистов, которые были ранее заключены в тюрьму, и разрешило издание коммунистической литературы, собрания и демонстрации коммунистов. Воспользовавшись своим привилегированным положением, большевики возобновили работу, направленную на свержение меньшевиков и установление советской власти в Грузии. Правительство не могло спокойно мириться с положением, при котором какая-то партия открыто готовит революцию при поддержке из-за рубежа.

¹ “Грузия”, №1, 1 января 1921 года, Тифлис.

Были проведены новые аресты, коммунисты обвинены в том, что под видом легальной партии они вели подрывную деятельность. 29 июня 1920 года Киров направил грузинскому правительству ноту протеста, ссылаясь на аресты, и заявил, что многие коммунисты так и не были освобождены: *“Все это заставляет меня просить, чтобы Вы сообщили своему правительству о решительном протесте от имени моего правительства, которое не может не видеть в вышеуказанных событиях прямого нарушения Статьи 1 особого секретного договора между Россией и Грузией. Кроме того, я вынужден заявить, что если упомянутые мной случаи не будут прекращены, у моего правительства не будет иного выбора, как отнестись аналогичным образом к грузинским гражданам на территории РСФСР”*. Гегечкори ответил, что секретный договор от 7 мая нельзя трактовать как вседозволенность для некоторых организаций совершать действия с целью свержения правительства, подстрекать народ к вооруженному восстанию и т.д. Он подчеркнул, что были арестованы только те коммунисты, которые совершили преступления против государства: *“...члены Грузинской Коммунистической партии, кроме своей легальной работы, ведут активную пропаганду в войсковых частях, в рядах Народной гвардии и среди широких масс крестьянства, используя на это огромные суммы денег, получаемые из-за границы, и ставя целью свергнуть существующий в стране строй”*. Грузинская Коммунистическая партия сама по себе была недостаточно сильной, чтобы представлять серьезную опасность, но ее связь с Советской Россией заставляла правительство бояться каждого шага местных большевиков. В письме к Ленину Киров писал: *“Грузинские меньшевики, которые исключительно хорошо организованы, освободив арестованных коммунистов и предоставив другим лицам возможность проявить себя, тотчас же предприняли массовые репрессии против Коммунистической партии”*. Теперь партия переживает чрезвычайно трудный период, продолжал Киров. Ее газеты были закрыты, некоторые организации полностью ликвидированы, в то время как многие коммунисты были или заключены в тюрьму, или сосланы. Деятельность грузинских коммунистов оказалась в этих условиях практически невозможной. Меньшевики не могли разрешить им проводить открытую агитацию, намечать и готовить насильственное свержение правительства. Правда, договор от 7 мая предусматривал предоставление коммунистам свободу действий, причем Россия сама

решала, что грузинским большевикам следует и чего не следует делать, что неизбежно вело к тому, что грузинское правительство могло либо позволить коммунистам свергнуть себя, либо обязано было подавить все незаконные действия с риском быть обвиненным в нарушении договора с Россией. Меньшевики избрали вторую альтернативу, после чего споры о грузинских коммунистах стали неотъемлемой чертой российско-грузинских отношений.

Конфликты между Грузией и Советским Азербайджаном следовало бы занести в длинный список споров и недоразумений, которые определяли отношения между этими странами. К концу декабря 1920 года грузинское правительство получило сведения, что Красная армия сосредоточивает свои силы в Закатальском округе, недалеко от грузинской границы, таким образом нарушив соответствующие положения мирного договора. Грузинское правительство направило ноту Мирзе Давуду Гусейнову, народному комиссару иностранных дел Азербайджана, с просьбой дать разъяснения. В ноте также обращалось внимание на плохое обращение с жителями Закатальского округа со стороны советских властей. Гусейнов ответил: *“В упомянутом вами районе не было не только передвижений или укреплений воинских частей, напротив, численность войск, находящихся там в настоящее время, значительно меньше той, которую мы имеем право держать”*. Азербайджанская нота к тому же с негодованием отвергла *“заботу”* грузинского правительства о благосостоянии населения Закатальского округа, *“которое не нуждается в иностранных защитниках”*. Между тем 12 января 1921 года Сабахтарашвили написал Гусейнову, что сообщение относительно присутствия Красной армии в Закаталах подтвердилось. Войска были опознаны как части двенадцатой дивизии XI Красной армии. Что касается грузинского беспокойства за жителей Азербайджана, то Сабахтарашвили указал, что Закаталы являются спорной территорией, принадлежность которой должна быть определена предстоящим соглашением, и в этой связи Грузия имеет право интересоваться положением местного населения. В разгар этого спора в адрес правительства Грузии от российского представителя в Тифлисе поступила нота с просьбой вернуть врангелевские суда, освободить грузинских большевиков, предоставить беспрепятственную транспортировку товаров в Армению, прекратить антисоветскую деятельность, согласиться на участие России в армяно-грузинских переговорах,

освободить российские фонды, на которые был наложен арест, и т.д. В сущности, это было краткое изложение всех предыдущих требований России, которая как бы подводила итог всей истории своих отношений с Грузией с 7 мая 1920 года. 23 января Гегечкори написал Шейнману, что суда уже переданы России. Что касается коммунистов, Грузия была готова освободить и выслать большевиков-иностранцев, но не могла сделать этого со своими гражданами, которые действовали в соответствии с решением II съезда Коминтерна: *“В странах, где буржуазия или контрреволюционная социал-демократия все еще сохраняет власть, – гласило это решение, – коммунистические партии должны учиться сочетать планомерно легальную работу с нелегальной, и легальная работа всегда должна находиться под контролем нелегальной партии”*. Грузинские коммунисты, утверждал Гегечкори, последовали этому указанию и создали две параллельные организации, одна из которых была подпольной. Поэтому грузинское правительство вынуждено было принять меры для обеспечения безопасности страны. Коснувшись других спорных вопросов, Гегечкори отмечал, что Грузия разрешает проезд составов на Эривань, но отказывается снять запрет с российской собственности и фондов в Грузии, поскольку грузинское имущество (железнодорожные вагоны и локомотивы) задержаны в Азербайджане. Таким образом, многочисленные конфликты между двумя странами остались неразрешенными. Тон последней советской ноты показывал, что Россия не ограничится дипломатией. Наступило время для демонстрации силы. 26 января Россия предъявила грузинской стороне обвинения в том, что ее военнослужащие обстреляли советских солдат на границе. Соответствующие сведения, которыми располагала XI Армия, заявила Россия, не оставляют *“никаких сомнений в том, что правительственные войска Грузинской Демократической Республики совершили вооруженное нападение на российскую Красную армию”*. Гегечкори отверг обвинение. Он предложил создать смешанную комиссию для изучения инцидента, пообещав сурово наказать всякого грузина, которого признают виновным, но он хотел, чтобы Россия, в свою очередь, гарантировала, что если этот инцидент окажется лишь слухами, она накажет тех, кто распространяет их. Русские согласились, была учреждена комиссия для расследования инцидента. Тщательное изучение обстоятельств показало, что стрельба дей-

ствительно имела место, но в этом были виновны обе стороны, а инцидент был спровоцирован недоразумением. В целях предотвращения подобных инцидентов комиссия постановила:

1) запретить учебные стрельбы в пределах десяти километров по обе стороны границы;

2) в случае повторения подобных случаев принять незамедлительные меры по установлению виновной стороны;

3) в будущем всю вину следует возложить на ту сторону, которая первой начинает военные действия.

Данное соглашение было заключено 6 февраля 1921 года, однако оно не дало никаких результатов, поскольку примерно спустя неделю Красная армия, сосредоточив войска у границ Азербайджана, нанесла удар с нескольких направлений, и война началась.

В то время как над головой собирались тучи, грузинское правительство продолжало заниматься мелкими вопросами повседневной жизни. Турция, которая рассматривалась меньшевиками как самый опасный враг, предложила мир, послав представителя в Тифлис. Турецкий представитель Казим бек заявил, что правительство Анкары стремится к тому, чтобы его соседом была сильная Грузия. Однако до установлений официальных отношений с Грузией турки запросили Россию, верны ли слухи о предстоящей войне между ней и Грузией. Очевидно, Чичерин заверил турок, что никакой войны не предвидится, и вскоре турецкий посол прибыл в Тифлис.

Германия, повивальная бабка грузинской независимости, возобновила свои отношения с Грузией в январе 1921 года, признала ее де-юре и направила посланника в Тифлис. Его приезд был встречен с огромным энтузиазмом, уступавшим лишь энтузиазму, проявленному во время визита Карла Каутского, испытанного друга грузинских меньшевиков. Ульрих Рауш, германский посол, и Жордания обменялись приветствиями, последний поблагодарил посла за моральную поддержку, которую Германия всегда оказывала Грузии. 27 января Грузия была признана де-юре союзными державами на конференции в Париже. Гегечкори, который находился во Франции, сообщил эту новость в Тифлис. Не успели газеты напечатать сообщение, как на улицах собрались толпы в стихийном порыве радости. Военный министр Чичнадзе поздравил армию; всюду были вывешены флаги.

Накануне

7 февраля в министерстве иностранных дел состоялся прием по случаю празднования факта признания де-юре. Жордания произнес речь. С приветствиями по этому случаю выступили дипломаты Германии, Франции, Италии, Турции, Польши и России. Выступив последним, секретарь российского посольства Кавтарадзе (Шейнман не явился), обращаясь к Жордания, сказал: *“Товарищ Ной! Я обращаюсь к Вам так, потому что мы почерпали наши идеи из одного источника. Я обращаюсь к Вам, как к своему бывшему учителю. Я обращаюсь к Вам на грузинском языке, потому что это - язык грузинского трудового народа, среди которого я провел свою революционную юность. Товарищ Ной! В своей речи вы упомянули Россию как исторического и географического соседа. Я думаю, здесь следовало бы упомянуть более важный момент, а именно – идеологический момент. Россия является социалистической республикой, где трудящиеся массы давно приступили к установлению советской власти, и для Вас, как социалиста, который считает социализм своей конечной целью, более важные связи существуют между Грузией и Россией, чем связи исторические и географические... Позвольте мне поднять этот бокал и от всей души выпить за здоровье грузинского трудового народа и за Вас, его нынешнего вождя”*.¹

На следующий день Шейнман заявил корреспонденту “Слова”, что Россия восхищена признанием Грузии де-юре. Он выразил надежду, что теперь она будет чувствовать более прочную почву под ногами, и ее отношения с Россией улучшатся. Его страна желает жить в мире и дружбе с Грузинской Республикой.

В то время как произносились эти слова, российская XI Красная армия уже готовилась к широкому наступлению на Грузию.

¹ “Борьба”, №34 (889), 13 февраля 1921 года, Тифлис.

ГЛАВА XXI

ЗАВОЕВАНИЕ ГРУЗИИ

Коммунистическая партия Грузии

В начале 1920 года грузинские коммунисты были уверены, что меньшевистское правительство их страны не продержится долго. Красная армия наносила сокрушительные удары по белогвардейским войскам, и у тифлисских большевиков не было никакого сомнения, что она не остановится у грузинской границы. 19 марта коммунисты, собравшиеся на митинг в Тифлисе, приняли резолюцию, адресованную советским войскам, гласящую: *“Когда вы, товарищи, окончательно разгромили контрреволюционные банды Деникина и подошли к границам Грузии, помогите нам так же сбросить иго нашего правительства - социал-предателей меньшевиков”*.¹

Когда в апреле 1920 года Красная армия вторглась в Азербайджан, грузинские большевики более не колебались. Они сделали удачный ход 3 мая. По их мнению, следовало найти предлог для Красной армии для оказания помощи крестьянам и рабочим Грузии в их борьбе против меньшевиков. Восстание призвано было явиться этим предлогом. События 3 мая, завершившиеся подавлением коммунистического восстания, были описаны в предыдущей главе. Достаточно сказать, что удар, постигший партию, был настолько тяжелым, что она утратила прежний авторитет, который и без того был невелик. Затем появилось сообщение о российско-грузинской договоренности и легализации Коммунистической партии Грузии. Легализация на самом деле создавала больше проблем, чем решала. Единственной целью, которая воодушевляла партию, была, как сказал один из ее руководителей, организация вооруженных восстаний для свержения правительства. Таковую деятельность, однако, не могла проводить партия, разрешенная законом. Для того чтобы устранить эту проблему,

¹ Г.Хачапуридзе. “Большевики Грузии в боях за победу Советской власти”, Ленинград, 1947, стр. 185–186.

в Тифлисе состоялась нелегальная конференция коммунистов, которая постановила отложить подготовку к вооруженному восстанию. Однако было ясно, что подобную легализацию нельзя было принимать всерьез, нужно было сохранить нелегальный партийный аппарат. Хотя вооруженные отряды следовало временно разоружить, их техническое снаряжение и оружие следовало было сохранить для более позднего применения. После того как Россия признала независимость Грузии, грузинские большевики должны были формально реорганизовать свою партию, поскольку невозможно было продолжать функционировать в качестве филиала Всероссийской Коммунистической партии. Эта реорганизация, однако, не вышла за пределы простого изменения названия, грузинский филиал Российской партии стал теперь называться Коммунистической партией Грузии. Даже невзирая на новое название, грузинские большевики остались теми же, кем они были всегда - "передовым отрядом Российской Коммунистической партии". Был создан Временный центральный комитет, который сразу же стал издавать газету "Коммунист" на грузинском языке и "Коммунист Грузии" - на русском.

Следуя примеру старших, Коммунистический союз молодежи стал издавать свою собственную газету "Молодой пролетарий". Однако эти газеты приостановили свою деятельность после выпуска всего пяти номеров. Некоторые авторы утверждают, что она были запрещены меньшевистским правительством, но Гайоз Девдариани, большевик, который работал в Тифлисе в те годы, утверждает, что неудача "Молодого пролетария" была обусловлена нехваткой средств, а не запретом со стороны меньшевиков. По прибытии в Тифлис первый посол Советской России в Грузии Киров принял на себя личное руководство Грузинской Коммунистической партией. *"Летом 1920 года, - пишет Берия, - Киров был полномочным представителем РСФСР в меньшевистской Грузии. Здесь он был истинным представителем Страны Советов, представителем Ленина - Сталина, руководящим фактически большевистскими организациями Грузии"*.¹ Несмотря на контроль и поддержку России, легальная Коммунистическая партия Грузии далеко не преуспевала. Можно даже сказать, что легальность повредила ее деятельности, так как у многих было усыплено чувство бдительности, они не скрывали своей партийной принадлежности и соответственно заносились в черные спи-

¹ "Правда", №330, 1 декабря 1935.

ски грузинской полиции. При первых же признаках подрывной деятельности грузинское правительство возобновляло преследование коммунистов, заключая в тюрьму одних и высылая других. Утверждают, что в период с мая по ноябрь 1920 года было сослано свыше двух тысяч большевиков. *“Легализация оказалась несоразмерно дорогостоящей. В результате партийные организации полностью развалились, осталось лишь название”*, – говорилось в докладе о положении Коммунистической партии Грузии. Предполагали также, что большинство грузинских рабочих “было отравлено ядом русофобии” и следовало за меньшевиками, тогда как интеллигенция, буржуазия и дворянство были в целом националистами. Несмотря на слабость и отсутствие поддержки масс, грузинские большевики под руководством своих российских единомышленников продолжали готовиться к свержению власти социал-демократов. 30 сентября 1920 года в Баку состоялась конференция грузинских коммунистов, постановившая, что только сильная партийная машина обеспечит успех восстания. Поэтому в следующем месяце они сосредоточились на укреплении и налаживании дисциплины в своих рядах. Мы не располагаем сведениями о том, что грузинское правительство заявило протест правительству Советского Азербайджана в связи с этой конференцией, хотя в договоре от 7 мая Россия обещала использовать свое влияние, чтобы не допустить на своей территории или территории союзных государств действий, направленных против грузинского правительства. Если Грузия нарушила свои обещания преследованием коммунистов, то Россия сделала то же самое, превратив свою территорию в плацдарм для антигрузинской деятельности.

План Геккера

Грузинские меньшевики утверждали, что в декабре 1920 года их правительство заполучило копию доклада командующего советскими войсками в Азербайджане Геккера, направленного в Москву. До нападения на Грузию этот доклад нельзя было публиковать. Когда началось российское наступление, грузинские представители в Европе раскрыли его содержание в брошюре, озаглавленной “Воспоминания о вторжении в Грузию армий Советской России”. План Геккера упоминался в секретном докладе генерала Одишелидзе, заместителя военного министра Грузии, датированном 3 января 1921 года и подвергшимся позднее обсуждению в Палате депутатов Франции Пьером Реноделем. Он был опубли-

кован во многих книгах, причем Россия никогда не отрицала его существования.¹ В своем докладе в Москву Геккер утверждал, что захват Грузии невозможен без нейтралитета турецкой армии Казима Карибекира, потому что в случае турецко-грузинского союза у России не хватит сил справиться с создавшимся положением. Геккер рекомендовал отложить намеченный захват до развертывания в Азербайджане, по крайней мере, семи пехотных полков и Второй конной армии, подвоза продовольствия и заключения соглашения с турками.

Когда в феврале в Москве открылась российско-турецкая конференция, грузинское правительство опасалось, как бы бывшие враги, объединившись теперь в общей вражде к Антанте, не пришли к соглашению в ущерб интересам Грузии. Грузия просила разрешения участвовать в конференции, но ее обращение осталось без ответа. Молчание Москвы стало знаковым событием. Стали распространяться слухи, что Россия готовится к оккупации Грузии, в ходе которой турки проявят либо нейтралитет, либо помогут коммунистам. Сообщают, что советские представители в Тифлисе совершенно открыто говорили о предстоящем наступлении.

Восстание 11 февраля 1921 года

11 февраля в Лорийском районе, который был занят Грузией вопреки протестам Советской Армении, вспыхнуло восстание. Одновременно произошло восстание в Шулавери. И в том, и в другом случае повстанцами оказались либо армяне, либо русские. Они разоружили несколько грузинских воинских отрядов и призвали крестьян выступать против правления меньшевиков. 13 февраля газета "Борьба" писала, что восстание в районе Лори-Борчалы расширяется, отметив, что конфликт из-за этого же района послужил причиной армяно-грузинской войны в 1918 году. "Борьба" утверждала, что восстание спровоцировано иностранным государством. Население этих районов некоторое время тому назад было разоружено; откуда же оно могло достать оружие, которым пользуется в настоящее время? *"Нет никакого сомнения, что перед вами не восстание, а провокация, организованная бандами вражеских агентов"*. "Борьба" обвиняла коммунистов

¹ "Генерал И.З.Одишелидзе о причинах поражения Грузии", Кавказ, №7-8 (19-20), июль - август 1935, Париж, стр.30-31.

“соседних государств” в попытке захватить Грузию.¹ Первый официальный бюллетень грузинской армии, опубликованный 12 февраля, гласил: *“В ночь с 11 на 12 февраля регулярные войска внезапно напали на наши аванпосты со стороны Армении в районе Борчалы”*. 14 февраля было объявлено, что бои идут южнее Воронцовки, места, известного по армяно-грузинской войне 1918 года, и что взято в плен много российских солдат.² Теперь не оставалось никаких сомнений, что началась война, но грузины оказались не готовыми к ней. Еще в ноябре 1920 года генерал Одишелидзе пытался убедить правительство, что реальная опасность угрожает самому существованию государства. В январе 1921 года он направил правительству подробный доклад, указав, что в случае нападения России Грузии предстоит столкнуться с противником, насчитывающим, по крайней мере, пятьдесят тысяч солдат, тогда как ее вооруженные силы не превышают и двадцати пяти тысяч. Одишелидзе предложил увеличить численность армии до шестидесяти тысяч, закупить за границей боеприпасы и оружие и разработать детальный план обороны, но правительство ввиду финансовых проблем отказалось сделать необходимые расходы. Таким образом, когда началась война, у Грузии была небольшая, плохо снаряженная армия, фактически без артиллерии, с незначительной кавалерией и десятью самолетами, которые во время войны ни разу не поднялись в воздух из-за отсутствия высококачественного бензина.

Провозглашение Советской власти

Через несколько дней после начала восстания в Шулавери был создан Революционный комитет. Он провозгласил советскую власть и обратился к правительству России за помощью подобно тому, как это осуществил в апреле Центральный комитет Коммунистической партии Азербайджана и в ноябре 1920 – года Армянский революционный комитет. В послании Ревкома говорилось, что *“силы европейской реакции приходят на помощь меньшевикам и что объединенные красные социалистические силы”* могут выдержать этот натиск. Выражалась уверенность, что Россия не оставит повстанцев в беде. Центральный комитет Всероссийской Коммунистической партии, пишет советский историк Хачапуридзе, решил немедленно послать XI Армию под командованием Орджоникидзе и Кирова на помощь грузинскому народу.

¹ “Борьба”, №34 (889), 13 февраля 1921 года.

² “Грузия”, №№33, 34, 13–14 февраля 1921 года, Тифлис.

Грузинское правительство заявило протест российскому представителю Шейнману и армянскому представителю Шавердову, но оба заявили, что ничего не знают об участии их правительств в восстании. 16 февраля было объявлено, что на Грузию было совершено еще одно нападение, на этот раз со стороны Азербайджана. Отступая на запад, грузинские войска взрывали железнодорожные мосты и разрушали дороги в попытке задержать наступление врага. Если до 16 февраля некоторые еще пребывали в заблуждении, что это просто восстание, то теперь они знали правду. Армянская и азербайджанская миссии в Тифлисе были взяты под домашний арест, Ной Жордания призвал народ к защите Отечества.

Сохраняя все еще вид беспристрастного наблюдателя, советское правительство через своего комиссара иностранных дел Чичерина и своего представителя в Тифлисе Шейнмана предложило свое посредничество в том, что оно предпочло назвать армяно-грузинским конфликтом. Просьба Шейнмана о том, чтобы ему разрешили выехать на место восстания для переговоров с повстанцами, была отклонена грузинским правительством.

Центральный комитет Социал-демократической партии Грузии и Исполнительный комитет обратились с воззванием к пролетариату всего мира, заявив, что под знаменем коммунизма московское правительство продолжает прежнюю царскую политику захвата. Воззвание содержало просьбу о моральной поддержке международного социализма: *“Товарищи, мы уверены, что вы не допустите, чтобы под маской социализма и коммунизма правительство Москвы уничтожило Грузинскую Республику”*. Ко времени российского наступления в Грузии жило большое количество азербайджанских и северокавказских ссыльных, которые 17 февраля создали Комитет освобождения своих стран от советской власти. Гейдар Баммат, его председатель, просил грузинское правительство объявить о мобилизации граждан Азербайджана и Северного Кавказа. 22 февраля он сообщил европейским государствам по радио, что его Комитет вступил в борьбу за *“освобождение Азербайджана и Северного Кавказа от российской оккупации, за восстановление демократических республик и образование Кавказской Конфедерации”*. Комитету удалось создать несколько отрядов, которые сражались бок о бок с грузинами при обороне Тифлиса.¹

¹ Я.Шараф. “Очерки грузинской Жиронды”, Москва, 1925, стр.184.

Мятеж дашнаков в Армении

Российское наступление самым неожиданным образом повлияло на ход событий в Армении, где антисоветский мятеж вспыхнул, как только весть о российско-грузинской войне достигла Эривани. Основной причиной армянского мятежа было поведение представителей советской власти, которые за два месяца успели оттолкнуть большую часть своих сторонников, что привело к тому, что дашнакская диктатура стала казаться благом по сравнению с большевистской. Борзян пишет, что армянская “контрреволюция” была вызвана неспособностью властей организовать свои силы, недостатком внимания к крестьянам и беженцам и террором против мелкой буржуазии.

Беды армянского народа усугублялись экономическим положением страны, которое постоянно ухудшалось, начиная с 1917 года. Наступление зимы сделало жизнь армян невыносимой, как никогда. Глубокий снег покрыл дороги, ведущие в Азербайджан, остановив движение и отрезав Армению от внешнего мира. Лозунг Ревкома – “Реквизировать и конфисковать продовольствие у частных лиц в городах и зерно у крестьян” – вызвал глубокое негодование всех слоев населения. Усердие новых властей дошло до того, что даже парикмахерские принадлежности, пчелиные улья и музыкальные инструменты были экспроприированы.

Ряд видных дашнаков левого уклона, которые сотрудничали с коммунистами и не были арестованы или сосланы, теперь составили ядро антисоветского мятежа, российско-грузинская война послужила искрой, которая разожгла пожар. Под руководством Врацяна собрали войско в несколько тысяч человек и двинулись на Эривань. Утром 16 февраля эриванские газеты написали о “небольших столкновениях грабителей в горах...”, но в тот же вечер до жителей города донеслись звуки стрельбы. 18 февраля отряды дашнаков вступили в Эривань и провозгласили свержение советской власти.

Образовались два центра мятежа: один в Эривани, другой – в горном районе Зангезур. Хотя первые операции мятежников увенчались успехом, руководители дашнаков понимали, что это обусловлено не столько их собственной силой, сколько тем фактором, что Красная армия должна воевать на два фронта. Будучи не в состоянии одновременно вести войну с Грузией и подавлять армянский мятеж, командование Красной армии решило оставить Армению до того момента, когда будет достигнут успех на другом фронте.

В надежде получить помощь от Европы руководитель восстания Врацян обратился к мировым державам: *“По единодушному желанию армянского народа советская власть в Армении свергнута. Народ больше не мог терпеть советский режим. Тюрьмы забиты тысячами интеллигентов, многие из которых были расстреляны. Около полутора тысяч армянских офицеров были отправлены в Баку, селения и города были разграблены и опустошены, продовольствие... отправлено в Россию...*

Большевики теперь изгнаны из Карабаха, Зангезура, Новобаязета, Эчмиадзина... Остаются Дилижан и Караклис, куда наши силы еще не дошли. Пока власть в Армении находится в руках Комитета национальной обороны, созданного на основе коалиции. Скоро будет сформировано правительство. Комитет... принимает меры к тому, чтобы очистить страну от большевизма. Большевики не имеют опоры среди армянских масс. Все в Армении ненавидят большевизм, который разорил нашу страну и сверг население в крайнюю нищету.

Большевизм мог проникнуть в Армению только извне и опираться только на штыки. Чтобы спасти наш народ и сохранить и упрочить демократический строй в нашей стране, мы взываем к совести... цивилизованного человечества и выражаем гневный протест против агрессии большевистской России. Мы хотим жить в мире со всеми. Мы не хотим посягать на права других, но мы никогда не позволим другим попираť наши права”.

Европейские державы ограничились тем, что выразили сочувствие армянскому народу. Не найдя поддержки у тех, кто всегда представлялся друзьями армян, последние в отчаянии обратились к своему врагу. 18 марта Врацян направил письменное обращение турецкому представителю в Эривани для передачи правительству Анкары. В нем отмечалось, что борьба Армении против большевизма отвечает интересам всего Ближнего Востока. Поэтому она надеется, что Турция немедленно отпустит всех армянских военнопленных, предоставит боеприпасы и сообщит армянскому правительству, может ли оно надеется на военную помощь. Эти просьбы Врацян обосновал Александропольским договором, по которому Турция обещала защитить Армению от внешних угроз.

Турция, однако, не была заинтересована в том, чтобы испортить отношения с Россией из-за дашнаков. По всей вероятности, обращение Врацяна в действительности принесло больше вреда, чем пользы, так как многие армяне, особенно беженцы из Турции, предпочитали восстановление советской власти союзу, кото-

рый привел бы к возвращению турецких войск на территорию, где проживали армяне.

Красная армия захватывает Тифлис

Между тем российское наступление на Грузию расширилось. Советские войска, стойко перенося снег и холод, перешли горы по Дарьяльскому перевалу, а другая российская группировка стала продвигаться в южном направлении по Черноморскому побережью. 17 февраля грузинское правительство покинуло Тифлис, так как Красная армия находилась на расстоянии нескольких миль от столицы. Некоторое время наступление противника отражали курсанты Тифлисского военного училища, которые понесли большие потери. Вопреки ожиданиям, Тифлис продержался до 25 февраля. В этот день Орджоникидзе телеграфировал в Москву: *“Красное знамя советской власти реет над Тифлисом. Да здравствует Советская Грузия”*.

Некоторые члены грузинского правительства оставались в Тифлисе до конца, как и полковник Корбель из французской миссии. Когда они, наконец, попытались выехать из города, российская конница уже перерезала железную дорогу, ведущую на запад. Поезд, в котором они находились, был, однако, отбит грузинской пехотой, которой удалось в результате контратаки отсрочить отступление еще на несколько часов. Грузинская армия отступила от Тифлиса к Сураму. Начиная с этого места, никаких естественных преград на пути Красной армии не оставалось, долина реки Риони позволила ей полностью использовать свое численное превосходство.

Вступив в Тифлис вслед за Красной армией, Грузинский революционный Комитет издал приказ №1, возвестивший, что после поражения своих войск бывшее правительство, возглавлявшееся Жордания, бежало в Западную Грузию. Приняв на себя всю “полноту власти”, Ревком отдал приказ о том, что:

1) *борьба против свергнутого правительства Грузии, которое не сдается, должна вестись с неослабевающей силой;*

2) *все государственные учреждения должны продолжать свою работу;*

3) *революционный порядок должен соблюдаться, нарушители должны быть наказаны со всей строгостью революционного закона.*

11 февраля Грузия подвергалась первой атаке. 25 февраля Орджоникидзе уже телеграфировал в Москву о падении Тифлиса. Однако 27 февраля выступая на пленарном заседании Москов-

ского совета, Ленин заявил: *“Там (на Кавказе) в последнее время произошли крупномасштабные события, подробности которых нам сейчас неизвестны, но суть их сводится к тому, что мы на грани большой войны. Столкновение Армении и Грузии не могло не волновать нас, и эти события привели к тому, что армяно-грузинская война перешла в восстание, в котором участвовали отдельные части российских войск”*.

Далее Ленин отметил, что *“по последним сведениям, которые еще не проверены”*, советская власть установлена в Тифлисе, и что Россия будет делать ставку на пролетариат Грузии в том, чтобы потушить пожар, который грузинские капиталисты хотели бы разжечь на Кавказе. Возникает вопрос, неужели Ленин не знал, что российская армия вступила в Грузию две недели тому назад? Неужели он не знал, что она заняла Тифлис, или его речь умышленно изобиловала туманными фразами?

Директивы Ленина

Два дня спустя Ленин писал Орджоникидзе, настаивая на следующем:

1) *надо немедленно вооружить рабочих и беднейших крестьян и создать боеспособную грузинскую Красную армию.*

2) *необходима особая политика уступок по отношению к грузинской интеллигенции и мелким торговцам. Надо осознать, что их нельзя не только нерасчетливо национализировать, а, напротив, пойти на определенные жертвы, лишь бы улучшить их положение и оставить им возможность вести мелкую торговлю.*

3) *гигантски важно искать приемлемого компромисса для создания блока с Жордания или подобными ему грузинскими меньшевиками, которые до восстания не были абсолютно враждебны идее установления советского строя в Грузии на известных условиях.*

Прошу помнить, что и внутренние условия, и международное положение Грузии требуют от грузинских коммунистов отказа от применения российского шаблона, умелого и гибкого проведения особой тактики, основанной на большей уступчивости всяческому мелкобуржуазным элементам.

Это было сказано человеком, который чувствовал себя хозяином положения, однако акцент на особый характер условий в Грузии выдавал его опасение, что грузинские коммунисты не стоят твердо на большевистской платформе. Человек, который давно порвал с меньшевиками и не переставал критиковать их, теперь подчеркивал *“гигантскую”* важность вступления в блок с Жордания и дру-

гими меньшевиками. Ленин с такой проницательностью угадал о недоверии, которое питали грузинские массы к России, что он предостерегал российские войска от действий, которые могли восстанавить против них грузинское население. Он советовал отнестись с особым уважением к высшим органам грузинского управления и с особым вниманием и предупредительностью – к населению.

Перед тем как покинуть Тифлис, грузинское правительство предприняло последнюю попытку остановить российское наступление дипломатическими средствами. Оно направило телеграмму Ленину и Троцкому с просьбой прекратить войну, “которая, несомненно, носит империалистический и агрессивный характер”. Ответа не последовало.

Между тем Турция, которую некоторые грузины рассматривали как потенциального союзника в войне против России, предъявила претензии на районы Батума, Ахалкалаки и Ахалциха. Надеясь получить военную помощь дорогой ценой, Грузия отдала эти территории туркам, которые провозгласили их воссоединение с исторической родиной.

Условия капитуляции

8 марта Революционный комитет предложил грузинскому правительству прекратить военные действия, признать советскую власть и обсудить возможность создания коалиционного правительства.

Через девять дней, утратив все, кроме узкой полоски земли у Черного моря, грузинское правительство послало своих представителей – Лордкипанидзе, Дгебуадзе, генерала Гедеванова, Шарашидзе и других – на встречу с делегатами Ревкома – Орахелашвили, Элиава и Гамбаровым – и представителями России – Енукидзе и Сванидзе. Было заключено соглашение, по которому:

- 1) *военные действия немедленно прекращаются;*
- 2) *правительство Грузии ликвидирует свой фронт, освобождает территорию, которую оно продолжает занимать, и содействует вступлению Революционного комитета в район Батума для защиты от вторжения иностранного захватчика;*
- 3) *советские войска немедленно занимают южную границу Батумского района;*
- 4) *в Батуме и его районах власть грузинского правительства продлится до 25 марта.*
- 5) *советские войска вступят в Батум как вооруженные силы, дружественные грузинскому правительству и его армии;*

6) военное командование демократического правительства и Революционный Комитет обсудят вопрос о необходимости и целесообразности совместной обороны Батума;

7) грузинская армия и Народная гвардия будут расформированы собственным командованием;

8) вооружение подлежит передаче Революционному комитету;

9) грузинские солдаты сохраняют свою форму;

10) военнослужащие грузинской армии получают жалованье до момента расформирования;

11) предоставляется транспорт для отправки грузинских солдат домой;

12) Ревком должен помочь грузинским солдатам вернуть свое личное имущество и дома;

13) государственное имущество, предметы искусства и т.п. остаются собственностью Грузинской Республики;

14) полная амнистия предоставляется всем лицам, военным или гражданским, которые служили грузинскому правительству до подписания настоящего договора;

15) Революционный Комитет организует возвращение беженцев в свои дома;

16) грузинские граждане не подлежат принудительному привлечению к работе за пределами их родины;

17) настоящий договор вступает в силу с момента его подписания.

Этот договор, подписанный 18 марта 1921 года Лордкипанидзе от Грузии, Орахелашвили от Революционного Комитета и Енукидзе от России, был несколько необычным. Действительно, странно было договариваться с правительством, которое уже было объявлено свергнутым. Кроме того, большевики поставили своему поверженному противнику наимягчайшие условия. Меншевикам не только была объявлена всеобщая амнистия, но Революционный комитет даже обещал выплачивать жалованье их войскам.

Мягкие условия капитуляции, вероятно, были обусловлены двумя факторами. Первым была необходимость задобрить грузинские массы, которые считали меньшевистское правительство своим. Три года спустя в политическом докладе ЦК Компартии Грузии секретарь ЦК Ломинадзе писал: *“Наша революция в 1921 году должна была начаться с завоевания Грузии при помощи штыков Красной армии, которая рассматривалась грузинскими патриотами как внешняя сила. Сама советская революция представлялась как оккупация Грузии российскими войсками, тогда*

как Молотов в 1936 году признал, что без помощи России меньшевики не были бы свергнуты”.

Вторым фактором было стремление советских властей не сдавать Батум туркам. Самым легким средством удержать этот важный морской порт было использование грузинских войск для изгнания турок. Батум заняли грузинские солдаты, которые понимали, что турки не помогли им, как ожидалось. Члены Учредительного собрания Грузии, которые также находились в этом городе, решили, что лучше оставить Батум Советской Грузии, чем отдать его Турции. Турция, которая располагала в городе всего двумя тысячами солдат против в семь раз превосходящих сил грузин, не могла добиться удовлетворения своих требований. Турки были разоружены, а их командующий арестован.

Отъезд меньшевистского правительства

Поздней ночью 17 марта 1921 года бывшее грузинское правительство покинуло Батум на борту итальянского корабля. Оно отказалось войти в коалицию с большевиками и предпочло изгнание. Мир остался равнодушным к судьбе Грузии. Только французы выделили несколько миноносцев для оказания помощи при охране ее побережья, но так как война с Россией не велась на море, их роль была незначительной.

Как правые, так и левые осуждали режим грузинских меньшевиков. Большевики обвинили их в том, что они продались империалистам, тогда как правые утверждали, что они во всем ориентировались на Москву, кроме внешней политики: *“Когда в трудные дни февраля – марта 1921 года Грузию положили на операционный стол и опытный хирург – Советская власть – провел мучительную операцию, он знал, что пациент анестезирован и подготовлен к ней не менее умелой, хотя и не столь твердой рукой грузинских социал-демократов”.*

Поскольку Грузия была покорена, Россия обратила взоры к Армении. Эривань была вновь занята 2 апреля. В горном районе Даралагез - Зангезур несколько тысяч дашнаков продолжали отчаянное сопротивление до тех пор, пока истощенные и подавленные во много раз превосходящими силами советских войск они не перебрались за границу – в Персию.

Падение Грузии и подавление армянского восстания нашли слабые отклики на Западе. Лига Наций отозвалась вялым протестом, затем громкий протест последовал со стороны II Интернационала, но был таким же малоэффективным. Борьба за Закавказье закончилась.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На этом можно подвести итоги событиям, которые произошли в Закавказье с марта 1917-го по март 1921 года, и сделать некоторые обобщения относительно причин его отделения и неудачной попытки сохранить свою независимость. Проблема настолько сложна, что дать простой ответ невозможно. Поэтому предлагаемые здесь выводы скорее дают пищу для размышлений, чем исчерпывающий ответ.

Борьба за Закавказье была обусловлена как внешними, так и внутренними факторами. В результате многовековых губительных войн с Россией Оттоманская империя утратила свои кавказские владения; но, в отличие от Персии, которая примирилась с утратой северной части Азербайджана, Турция всегда жила надеждой отвоевать Карс, Ардаган и Батум. Союз с Германией, казалось, был лучшим путем для достижения этой цели. Крах России весной 1917 года мог бы привести к полному поглощению Закавказья Оттоманской империей, если бы не новое национальное чувство, охватившее грузин, армян и азербайджанцев.

Здесь выступает второй – внутренний фактор. И грузины, и армяне утратили свою независимость в то время, когда у них еще не развилось то всепоглощающее чувство, национальной принадлежности, которое характеризует современный мир. Под управлением шахов, султанов или царей они вели обособленную жизнь как части более крупных государств. Азербайджанцы никогда не были независимой нацией; их сплоченность была чисто религиозной, неизбежно тяготевшей к шиитской Персии. Лишь во второй половине XIX века европейский национализм проник на Ближний Восток. Из неевропейских подданных Оттоманской империи армяне первые попали под его влияние, а так как половина их жила в Закавказье, то естественно, что национализм армян в Турции и России соединился с движением за восстановление армянского государства.

Грузинский национализм сохранялся феодальным дворянством, которое утратило свое господство над страной в результате присоединения к России. Однако грузинское дворянство не пользовалось широкой поддержкой масс, что помешало этому

национализму стать массовым движением. Как ни странно может показаться на первый взгляд, но именно социализм дал грузинам организацию, в рядах которой они сплотились в борьбе против иноземного гнета. В Грузии несколько революций слились в одну, и социализм - сначала стихийно, а затем сознательно – объединился с растущим национализмом.

Именно с армянским и грузинским национализмом пришлось столкнуться Турции весной 1918 года. Если бы Первая мировая война произошла на сто лет раньше, Турция, может быть, смогла бы занять все Закавказье, не встретив серьезного сопротивления, за исключением, может быть, шиитского Азербайджана. Но в 1918 году она столкнулась с двумя национальными государствами, которые воспротивились ее проникновению.

Ее союзница, Германия, воспользовалась создавшимся положением, чтобы благословить новорожденную Грузинскую Республику и защитить ее от турок, которые обнаружили, что лишь азербайджанские лидеры хотят и готовы сотрудничать с ними. Тот факт, что они выступили на стороне Турции, объясняется ослаблением влияния шиитских традиций на азербайджанскую интеллигенцию и буржуазию, слабостью Персии и собственным национализмом, который иногда принимал панисламистский, иногда пантюранистский оттенок.

Однако последним толчком к отделению от России послужила большевистская революция. Антибольшевистская позиция грузинских социал-демократов (меньшевиков), армянских дашнаков и азербайджанских мусаватистов еще раз сыграла на руку национальному самоопределению и независимости.

Находясь под угрозой со стороны Османской империи, Закавказье провозгласило свою независимость и образовало федеративную республику. Она, однако, оказалась недолговечной. Интересы трех народов, входящих в нее, настолько различались, что они не смогли наладить полноценное сотрудничество. В мае 1918 года Федерация распалась на три самостоятельных государства.

Крах Турции и Германии осенью 1918 года привел на Кавказ новую державу – Великобританию. В политике англичан к новым государствам отсутствовала последовательность, она определялась скорее требованием момента, чем каким-либо заранее наметленным планом. Впервые это проявилось во время конфликта между Грузией и Азербайджаном, с одной стороны, и Добровольческой армией Деникина – с другой.

В течение короткого периода независимости закавказских государств их руководители были озабочены главным образом тем, чтобы добиться признания великих держав и упрочением государственности своих стран. Однако действительно важную и решающую роль сыграла Россия. Англичане, понимая это лучше, чем сами кавказцы, покинули Закавказье до того, как Красная армия достигла его границ, и отказались вмешиваться, когда Россия вновь овладела Азербайджаном, Арменией и, наконец, Грузией.

Деятельность большевиков, как в Тифлисе, так и в Эривани и Баку, проводилась с ориентацией на Москву. Коммунисты не питали никаких иллюзий относительно способности закавказских республик отстоять свою независимость против России. Это стало еще одним фактором, который обрек на неудачу их сепаратизм. Отсутствие внутреннего единства, экономическая неустойчивость и политическая незрелость способствовали падению всех трех республик, но были и второстепенные причины. Решающим фактором была Россия.

Безуспешная попытка закавказских народов добиться независимости, хотя и завершилась неудачей, продемонстрировала их жизнеспособность и потенциал, дав обратный ход медленному движению к русификации. Возможно, впервые в своей истории грузинские, армянские и, прежде всего, азербайджанские массы осознали свою особую национальную и культурную принадлежность, хотя их независимые политические институты вынуждены были уступить превосходящей силе северного соседа.

БИБЛИОГРАФИЯ

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Адамов Е. А. Раздел азиатской Турции. Литиздат. Н.К.И.Д. Москва, 1924.

A Monsieur le President de la Conference de la Paix, Paris. MS. at the Hoover War Library, Stanford University, California.

A memorandum by the Head of the Delegation of the Armenian Republic at the Paris Peace Conference.

The Armenian Question Before the Peace Conference.

L'Armenie au monde civilise. 1921. Typewritten copy at the Hoover War Library. Radio appeal of Vratsian.

Claims of Persia before the Conference of the Preliminaries of Peace at Paris, Paris, March, 1919.

Claims of the Peace Delegation of the Republic of Caucasian Azerbaijan Presented to the Peace Conference in Paris. Paris, 1919.

Constitution de la Republique de Georgie. Edition de la Presidence de L'Assemblee Constituante de la Republique Georgienne, Paris, 1922. Declaration a l'Ambassadeur des Etats Unis d'Amerique a Paris. 1920; Typewritten copy at the Hoover War Library. A note of the Azerbaijani delegation.

Delegation de la Republique Armenienne, Donnee statistique des populations de la Transcaucasie. Paris, January, 1920. Statistics designed to fortify the Armenian case at the Peace Conference

Documents presented by the Government of the Republic of Georgia to the First Assembly of the League of Nations Relative to the Admission of Georgia to the said League. London, 1920.

Documents relatifs a la question de la Georgie devant la Societe des Nations. Edition de la Legation de Georgie en France, Paris, 1925

Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии. Тифлис, Типография Правительства Грузинской Республики. 1919.

Great Britain. Accounts and Papers. XXV, 1923, London.

Great Britain. The Parliamentary Debates: Official Report. House of Commons. Fifth series, vv. 108, 110, 119, 121, 125, 128.

Ключников Ю.В. и Сабанин А. Международная политика новейшего времени в договорах; нотах и декларациях, Части II, III, выпуск I. Литиздат Н.К.И.Д. Москва, 1926-1928.

Memoire soumis par le Prince Soumbatoff, delegue du gouvernement georgien aux representants des puissances allies a Berne au mois de Novembre 1918. Memoire sur l'invasion de la Georgie par les armees de la Russie des Soviets. Paris, 1921.

The Georgian version of the Russo-Georgian war of 1921.

Memorandum on the Armenian Question: by the Armenian National Delegation. London, Waterlow Brothers and Layton, December, 1918.

Memorandum presente aux honorables representants des puissances de l'Entente. Typewritten copy at the Hoover War Library.

Le peuple georgien contre l'occupation bolcheviste russe. Edition de la Presidence de l'assemblee Constituante de la Republique Georgienne. Protestation du Parlement de l'Union des Peuples du Caucase du Nord au representant des Allies au Caucase. 1919.

Будущее устройство Армении. По официальным данным. Третья оранжевая книга. Петроград, Освобождение, 1915.

Политика советской власти по национальному вопросу за три года, 1917–1920. Москва, Госиздат, 1920.

Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика и Грузинская Демократическая Республика, их взаимоотношения. Москва, Государственное издательство, 1922.

Reminder from the Persian Government to the Peace Conference. MS. at the Hoover War Library. 1919.

United States Department of State. Papers relating to Foreign Relations of the United States. 1918, Russia. 3 v. (for Trancaucasia v. II). Washington, United States Printing Office, 1932.

Tableau approximatif des reparations et indemnites pour les dommages subis par la nation armenienne en Armenie de Turquie et dans la epublique Armenienne du Caucase. Paris.

Traite conclu le 7 mai 1920 entre la Republique Democratique de Georgie et la Republique Socialistes Federative Sovietique Russe et Accord de Transit et de Commerce conclu le 14 novembre 1920 entre la Republique Democratique de Georgie d'une part et la Republique Socialiste Federative Socialiste Russe et la Republique Socialiste Sovietique d'Azerbaidjan. d'autre part. Paris, Paul Dupont, 1922.

Le 28 Mai, 1919. (28 Mai, 1919 II. Azerbaidjan Jumhuriate Esteghlalenek Birinji Sanei Dawriesi). (Baku, 1919).

НЕОФИЦИАЛЬНЫЕ И ПОЛУОФИЦИАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ

L'Action du Partie S.R. Armenien dit "Daschnaktzoutioun" 1914–1923.

A report presented by the Dashnaktsutium to the Congress of the Socialist International at Hamburg in May, 1923. "American Military Mission to Armenia," International Conciliation, No.151, June 1920. New York, American Association for International Conciliation.

Adonian, Aram: Documents officiels concernant les massacres armeniens Paris, H. Turabian, 1920.

Armenia's Charter. London. Spottiswoode, Ballantyne and Company, 1918.

Armenia for the Armenians. Philadelphia, Committee on Armenian Relief, 1918.

Les aspirations nationales de la Perse. Paris, Comite Nationale d'Etudes Sociales et Politiques, 1919.

Астраханский фронт гражданской войны и С.М.Киров. Сборник статей и документов. Сталинград, Краевое книгоиздательство, 1936.

L' Azerbaijan en chiffres. (Paris). The Case of Armenia. New York City, Press Bureau of the Armenian National Union of America, fn.d.).

Communiqué du Bureau de Press et d'Information Armenien. Typewritten copies of press releases of the Armenian delegation at the Paris Peace Conference. Hoover War Library.

Conference Internationale Philarmeniennne. Paris, Lang, Blanchon&Cie., 1921 "Демократическое правительство Грузии и английское командование" Красный архив, №2 (21), 1927; 6 (25), 1927. Москва, Госиздат.

Документы по истории гражданской войны в СССР, т.I. Москва, Государственное издательство политической литературы, 1940.

Документы Великой Октябрьской социалистической революции. Москва, Государственное издательство политической литературы, 1942.

Девдариани Гайоз. Дни господства меньшевиков в Грузии. Тифлис, Госиздат Грузии, 1931. "Генерал И.З. Одишелидзе о причинах поражения Грузии". Кавказ, №7-8 (19-20) июль-август, 1935. Париж.

"Горская контрреволюция и интервенты", Красный архив, т.68, 1935. Москва, Госиздат.

Ишханян В. Великие ужасы в гор. Баку Анкетное исследование сентябрьских событий 1918 г. Издание анкерной комиссии при Бакинском Армянском Национальном Совете. Тифлис, 1920.

Жордания, Н.Н. За два года. Издание Исторической Комиссии Исполнительного Комитета Совета Рабочих Депутатов г. Тифлис, Типография Грузинского правительства. Тифлис, 1919.

К деятельности Г. К. Орджоникидзе в годы гражданской войны, Красный архив, №5 (78), 1936. Москва, Госиздат.

Киров Сергей Миронович. Избранные статьи и речи, 1912-1934, Ленинград, Государственное издательство политической литературы, 1929.

Ленин Владимир Ильич, Сочинения. Москва, Госиздат, 1930.

Lepsius, Johannes. Deutschland und Armenien, 1914-1918. Potsdam Der Tempelverlag, 1919.

Минахорян Ваган. Трагедия Турции, 1919.

Мирный договор между Грузией и Россией. Москва, Типография Пролетарият, 1920.

Орджоникидзе Григорий Константинович. Избранные статьи (редактирование А.Л. Микоян, Л.З. Мехлис, Л.П.Берия, и З.Г. Орджоникидзе). Москва, Государственное издательство политической литературы, 1939

"Памяти 26 бакинских комиссаров." Красный архив, №4-5 (89-90), 1938. Москва, Госиздат.

Первая Кавказская Конференция Профессиональных Союзов, Тифлис. 1918. Программа революционной и социалистической партии «Дашнакцутюн», Женева. 1908.

Reponse au memoire de la Sublime Porte en date du 12 Fevrier 1919, Constantinople, 1919.

Шаумян Степан. Статьи и речи. Баку, «Бакинский Рабочий», 1924.

Should America Accept Mandate for Armenia? New York, Press Bureau of the Armenian National Council of America, 1919.

Сталин Иосиф Виссарионович. Сочинения. Москва, Государственное издательство политической литературы, 1947.

Tchalkhouchian, Cr. *Le livre rouge*. Paris, Veradzenount, 1919. *The Treaties of Peace. 1919-1923*. New York, Carnegie Endowment for International Peace, 1924. Volume II contains the text of the Sevres Treaty.

Троцкий Лев Давыдович, *Как вооружалась революция*. Москва, Высший Военный Редакционный совет, 1923.

Tsereteli, Iraklii., *Separation de la Transcaucasie de la Russie et l' independence de la Georgie*. Paris, Chaix, 1919.

Turabian, H. (ed.). *L'Armenie et la question armenienne avant, pendant, et depuis la guerre*. Paris, 1922.

The Turko-Armenian Question. Constantinople, 1919.

"The United States and the Armenian Mandate." Message of President Wilson to Congress, May 24, 1920. *International Conciliation*. №151, June, 1920. New York, American Association for International Conciliation.

"Внешняя политика контрреволюционных правительств в начале 1919 года" *Красный архив*, 6 (37), 1929. Москва, Госиздат.

Воронцов-Дашков И.И. *Всепогоднейшая Записка по управлению кавказским краем генерала адъютанта графа Воронцова-Дашкова*. (Ст.Петербург), Государственная типография, 1907.

Воронцов-Дашков И.И. *Всепогоднейший отчет за восемь лет управления Кавказом*. Ст. Петербург, Государственная типография, 1913.

Wilson, Woodrow. *The Frontier Between Turkey and Armenia as Decided by President Woodrow Wilson*. [New York], Armenian National Committee.

МЕМУАРЫ

Байков Б. *Воспоминания о революции в Закавказье (1917–1920гг.)*, (Берлин).

Baldwin, Oliver. *Six Prisons and Two Revolutions*. New York, Doubleday, Page&Co., 1925.

Djemal Pasha. *Memories of a Turkish Statesman, 1913–1919*, New York, George H. Doran Co., 1922. Donohoe, M. H. *With the Persian Expedition*. London, Edward Arnold, 1919.

Dunsterville, L. C. *The Adventures of Dunsterforce*. London, Edward Arnold & Co., 1932.

Джугели Валико. *Тяжелый крест. Записки народного гвардейца*. Тифлис. Типография правительства, 1920.

Лишин Н.Н. *На каспийском море. Год белой борьбы*. Прага, Издание морского журнала, 1938.

Ludendorff, Erich von. *Ludendorff's Own Story*. 2 v. New York and London, Harper & Brothers.

Morgenthau, Henry. *Ambassador Morgenthau's Story*. New York, Doubleday, Page&Co., 1918.

Paleologue, Maurice. *An Ambassador's Memoirs*. London Hutchinson & Co., 1923.

Poidebard, A. *Voyages. Au carrefour des routes de Perse*. Paris, Georges Cres et Cie., 1923.

Sanders, Liman von. *Five Years in Turkey*. Anapolis, United States Naval Institute, 1927.

СТАТЬИ

Bryce, O. M., Viscount. "The Future of Armenia." Reprinted from the *Contemporary Review*. London, December, 1918.

D.Z.T. "La premiere republique musulmane: L'Azerbaïdjan, Extrait de la Revue du monde musulman, v. XXXVI. Paris, 1919.

Фавитский В. "Зеленая армия в Чернобыле". *Пролетарская Революция*, №№8-9 (31-32), Москва, 1924.

Гуковский А. "Победа советской власти в Армении в 1920 году". *Историк марксист*, №II (87). Москва, 1940.

Гурко-Кряжин В. А. "Английская интервенция, 1918-1919 гг. в Закаспии и Закавказье" *Историк марксист*, №2. Москва, 1926. Гурко-Кряжин, В.А. "Бакинский процесс и история 26 комиссаров", *Новый Восток*, №№13-14. Москва, 1926.

Хачапуридзе Г. "Аджаристан в период английской оккупации" *Борьба классов*, №12. Москва, декабрь, 1934.

Хейфец С.Я. "Закавказье в первую половину 1918 г. и Закавказский Сейм" *Былое*, №21. Петроград, 1923.

Poidebard, A. "Role militaire des armeniens sur le front du Caucase apres la defecation de l'armee russe. (Decembre 1917, Noverabre 1918), "Extrait de la Revue des etudes armeniennes. Paris, 1920.

Poidebard, A. "Le Transcaucase et la Republique d'Armenie dans les textes diplomatiques du traite de Brest-Litovsk au traite de Kars. 1918-1921." *Revue des etudes armeniennes*, v. III, Paris, 1923.

Попов, А. Л. "Из эпохи Российской интервенции в Закавказье", *Пролетарская революция*, №№6-7, 8, 9. Москва, 1923.

Попов, А.Л. "Из истории революции в Восточном Закавказье" *Пролетарская революция*, №№5, 7, 8-9, 11. Москва 1924.

Рабинович Евгений. "В плену у англичан (1918 г.)", *Пролетарская Революция*, N.11 (34). 1924.

Сеф С. "Бакинский октябрь", *Пролетарская революция*, №11, Москва, ноябрь, 1930.

Семенов Юлий Федорович. "Закавказская республика", *Возрождение*, Париж, январь, 1949.

Шаумян Сурен. "Бакинская коммуна 1918 года" *Пролетарская Революция*, №2 (59). Москва, декабрь, 1926.

Шефи Рустамбейли. "Из печального прошлого Кавказа", *Кавказ*, №7 (19-20). Париж, июль-август, 1935.

Cherkesov, V. "La Georgie; ses traditions et ses droits politiques. Extrait de La Revue de Paris. Paris, October 1, 1919.

ЖУРНАЛЫ И ГАЗЕТЫ

- Борьба. Тифлис, 1920–1921.
Bulletin d'information de l'Azerbaïdjan. Paris, 1919–1920.
L'Image, №222. November, 1919.
Известия. Москва, 1918–1921.
Правда. Москва, 1918–1921.
Слово. Тифлис, 1920–1921.
The Times. London, 1918–1921.
La Voix de L'Armenie. Paris, №№1–28.
Жизнь Национальностей. Москва, 1918–1921.

КНИГИ И БРОШЮРЫ

- Ameer Ali. The Rights of Persia. London, Chapman&Hall, 1919.
Амиа М. Путь Грузинской жиронды. Тифлис, Заккнига, 1926.
Anonymus. Le Caucase et L'Europe. Tours, E. Arrault et Cie., [n.d.]. Материалы по истории отпадения Закавказья от России. Тифлис, Красная книга, 1923.
Аркомед, С.Т Рабочее движение и Социал-Демократия на Кавказе. Женева, Шалмонте, 1910.
Арский Р. Кавказ и его значение для Советской России. Петроград, Госиздат, 1921.
Авалов Зураб. Независимость Грузии в международной политике, 1918–1921 гг. Париж, 1924.
Azarian, Anna Y. L'Armenie. Paris, 1917. propaganda pamphlet.
Багиров, М. Д. Из истории большевистской организации Баку и Азербайджана, Москва, осударственное Издательство политической литературы, 1946.
Bammate, Haydar. Le Caucase et la revolution Russe. Paris, 1929. Bechofer, C. E. In Denikin's Russia and the Caucasus, 1919–1920. London, W. Collins, Sons & Co., 1921.
Бельский С. и Манвелов А. Революция 1917 года в Азербайджане. Баку, 1927.
Beria, Lavrentii. Fifteen Years of Soviet Georgia. Moscow, Co-operative Publishing Society of Foreign Workers in the U.S.S.R., 1936.
Берия Лаврентий. К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье. Москва, Государственное издательство политической литературы, 1948
Beridze, Shavla. La tragedie d'une nation. Paris, Picart, 1924.
Бибинейшвили В. За четверть века. (Революционная борьба в Грузии). Москва, Молодая Гвардия, 1931.
Борян Б.А. Армения, международная дипломатия и СССР, 2 т., Москва, Государственное издательство, 1928.
Гражданская война 1918–1920. Москва, Госиздат, 1930.
Buchan, John (ed.). The Baltic and Caucasian States. Boston, Houghton, Mifflin Co.,. 1923.

Бурджалов, Двадцать шесть Бакинских комиссаров, Москва, Государственное издательство политической литературы, 1938.

Burt, Joseph. The People of Ararat, London, Hogart Press, 1926.

Castagne, Joseph. "Les organisations sovietiques de la Russie musulmane, "Le Bolchevisme et l'Islam, v. I, Revue du Monde Musulman, v. 51. Paris, 1922.

Чайкин Вадим А. К истории российской революции. Выпуск первый. Казнь 26 бакинских комиссаров. Москва, З. И. Гржебин, 1922.

Charachidze, D, Barbusse, les Soviets et la Georgie. Paris, Pascal, [1930]. Четверть века борьбы за социализм. Тифлис, 1923.

Churchill, Winston S. The Aftermath. New York, Charles Scribner's Sons, 1929.

Деникин Антон Иванович, Очерки русской смуты. тт. I, II, Париж, тт. III, IV и V. Берлин, 1924–1926.

Девдариани Гайоз. Очерки истории комсомола Грузии. Тифлис. Зак-книга, 1928.

Драбкина Елена. Грузинская контрреволюция. Ленинград, Прибо, 1928.

Драбкина Елена. Национальный и колониальный вопрос в царской России.

Москва, Издательство Коммунистической академии, 1930.

Le droit de la Georgie a l'indpendence. Published by the Georgian National Committee, [n.d., n.p.].

Дубнер А. Бакинский полетариат в годы революции (1917–1920). Баку, 1931.

Duguet, Raymond. Moscou et la Georgie martyre. Paris, Jule Tallandier, 1927.

Dumbadze, V. D. The Caucasian Reptiblics, New York, 1925. Erhorn,

I. Kaukasien. Neue verbesserte Auflage, 1942.

Essad-bey. Blood and Oil in the Orient. Translated by Elsa Talmey, London, Nash and Grayson, 1931.

Fa'iz ei-Ghusein. Martyred Armenia. London, Arthur Pearson 1917.

Fischer, Louis. Oil Imperialism. New York, International Publishers, 1926.

Gentizon, Paul. La resurrection georgienne. Paris, Ernest Leroux. 1921.

Gibbon, Herbert Adams. Armenia in the World War. New York. 1926.

Глonti Тедо. Большевицкая и советская Грузия. Москва, Красная Новь, 1923.

Гусейнов Мирза Давуд. Тюркская Демократическая Партия Федералистов "Мусават" в прошлом и настоящем. Баку, Заккнига, 1927.

Гусейнов Т. Октябрь в Азербайджане. Баку, Азгиз, 1927.

Great Britain, Foreign Office (Historical Section). The Russian Empire., v. IX, №54. Caucasia. London, H.M. Stationery Office, 1920.

Насобian, A. P. Armenia and the War. New York, George H. Dorah Co., [n.d.].

Hippeau, Edmond. Georgie-Azerbaidjan. Paris, Ernest Leroux, 1920.

L'Internationale Socialiste et la Georgie. Edition du Comite Central du Parti Ouvrier Social-Democrate de Georgie. Paris, 1921.

Ишханян Б. Контрреволюция в Закавказье. Баку, Труженик, 1919.

Ишханян Б. Народности Кавказа. Петроград, 1916.

Караев А. Г. Из недавнего прошлого. Баку, «Бакинский Рабочий», 1926.

Кариби. Красная книга. Тифлис. Грузинское товарищество печати, 1920.

- Каринян А. Шаумян и националистические течения на Кавказе. Баку, 1928.
- Kautsky, Karl. Georgia: A Social-Democratic Peasant Republic. London, International Bookshop, (1921).
- Keressidze, Leo. La Georgie et la domination russe. Soleure Vogt-Schild, 1917.
- Хачапуридзе Г.В. Большевики Грузии в боях за победу советской власти. Ленинград, Государственное издательство политической литературы, 1947.
- Korganoff, G. La participation des armeniens a la Guerre Mondiale sur le front du Caucase (1914–1918). Paris, Massis, 1927.
- Kuhne, Emmanuel. La Georgie libre. Geneva, 1920.
- La Chesnais, P. G. Les peuples de la Transcaucasia pendant la guerre et devant la paix. Paris, Bossard, 1921.
- Loris-Melikof, Jean. La revolution russe et les nouvelles Republiques Transcaucasiennes. Paris, Felix Alcan, 1920. v
- Махарадзе Филипп. Диктатура меньшевистской партии в Грузии. Москва, Государственное издательство, 1921
- Махарадзе Филипп, Советы и борьба за советскую власть в Грузии, 1917–1921. Тифлис, 1928.
- Marquart, J l'origine et la reconstitution de la nation armenienne, Paris, 1919.
- Март Н.Я. "О Кавказском университете в Тифлисе". Азиатский Сборник. Петроград., 1918.
- Mehmet-Zade, Mirza Bala. Milli Azerbaycan Hareketi. [Berlin]. 1938.
- Mesrob, Kevork L'Armenie au point de vue geographique, historique ethnographique, statistique et cultural. Constantinople, 1919.
- Morgenthau, Henry. The Tragedy of Armenia. London, Spottiswood, Ballantyne&Ca, 1918.
- Мусабеков В. Г. Октябрьская революция и основные достижения советской власти в Азербайджане, [Баку], Госиздат, 1927.
- Nippold, O. La Georgie du point de vue du droit international. Berne, Bureau de Presse Georgien, 1920.
- Орахелашвили Мамия. Закавказские большевистские организации в 1917 году. Тифлис, Заккнига, 1927.
- Papazian, Bertha S. The Tragedy of Armenia. Boston. The Pilgriin Press, 1918.
- Papazian, K. S. Patriotism Perverted. Boston, Baika Press, 1924
- Pasdermadjian, H. Histoire de l'Armenie depuis les origines jusqu'au, traite de Lausanne. Paris, H. Samuelian, 1949.
- Пичикян Г. Народное хозяйство и кооперации Армении. Тифлис, Заккнига, 1927.
- Покшишевский В.В. Положение Бакинского пролетариата накануне революции (1914–1917). Баку, 1927
- Price, Morgan Philips. War and Revolution in Asiatic Russia. London, George Allen and Unwin, Ltd., 1918.
- Раевский А. Английская интервенция и мусаватское правительство. Баку, 1927.
- Расул-Заде Мухаммед Амин. О Пантуризме в связи с кавказской проблемой. Париж, К.Н.К., 1930.
- Ратгаузер Я. Арест и гибель комиссаров Бакинской Коммуны. Баку, 1928.

- Ратгаузер Я. Революция и гражданская война в Баку. 1927.
- Tahmazian, K. Turcs et armeniens. Paris, H. Turabian, 1919.
- Sanders, A. Kaukasien. München, Hoheneichen-Verlag, 1944.
- Снафир Я. Гражданская война в России и меньшевистская Грузия. Москва, 1921.
- Снафир Я. Очерки Грузинской жиронды. Москва, Госиздат. 1925.
- Шаумян Сурен. Бакинская Коммуна. Баку, 1927.
- Станкевич В.Б. Судьбы народов России. Берлин, Лидижников, 1921.
- Ставровский Ал. Закавказье после Октября. Москва, Госиздат, 1925.
- Sykes, Sir Percy. A History of Persia. 3rd edition. 2 v. London, Macmillan, 1930.
- Teke Ian, C. D. Quatre ans de guerre en orient. L'action Franco-Armenienne pendant la guerre. Paris, Ernest Leroux, 1919.
- Temperley, H. W (ed.). A History of the Peace Conference at Paris. 6 v. London, Henry Frowde and Hodder & Stoughton, 1920-1926.
- Trietsch, Davis. Georgien und der Kaukasus. Berlin, Deutsche Georgischen Gesellschaft, [1918].
- Троцкий Лев Давыдович "Между империализмом и революцией", Сочинения, т. XII. Москва, Госиздат, 1925.
- Вачнадзе Давид. Грузия между севером и югом с древнейших времен до наших дней. Париж, 1936.
- Varandian, Mikael. Le conflit armeno-georgien et la guerre du Caucase, Paris, M. Flinikowski, 1919.
- Woytinsky, Wladmir, La democratie georgienne. Paris, Alcan Levy, 1921.
- Ziatkhan, Adil Khan. Apercu sur l'histoire, la litterature et la politique de L'Azerbaidjan. Baku, 1919

ОГЛАВЛЕНИЕ

О Фирузе Каземзаде	3
От автора	11
Введение	13
ГЛАВА I	
ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК	14
ГЛАВА II	
ЗАКАВКАЗЬЕ ДО 1917 ГОДА	19
Армяне в Турции	19
“Дашнакцутюн”	20
Грузинское общество	22
Истоки грузинского социализма	22
Социально-политическая жизнь в Азербайджане.....	25
Революция 1905 года	27
Деятельность дашнаков	27
Армяно-азербайджанское противостояние.....	29
“Гуммет”	29
“Мусават”	30
Российская колонизация.....	32
Мировая война.....	34
Миссия Завриева	36
Соглашение по турецкому вопросу	39
ГЛАВА III	
МАРТОВСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ	41
ОЗАКОМ.....	42
Тифлисский совет	44
Меньшевики	45
Большевики	47
Кавказская армия.....	50
Армяне.....	51
Азербайджанцы	54
Бакинский Совет	55
“Мусават”	58

ГЛАВА IV**НОЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 61**

Установление местной власти.....	62
Право на самоопределение	63
Закавказский Комиссариат	64
Захват власти в Тифлисе меньшевиками	65
Борьба за Кавказскую армию.....	67
Борьба за Советы.....	68
Борьба за профсоюзы	69
Положение в Баку	70
Бакинский Совет против Бакинской думы.....	71
“Мусават” и большевики	72
Мартовские события	75
Безраздельная власть большевиков.....	81

ГЛАВА V**ЗАКАВКАЗЬЕ НА РАСПУТЬЕ..... 83**

Отношение Америки.....	83
Усиление сепаратистских тенденций	84
Эрзинджанское перемирие.....	85
Шамхорские события.....	86
Мирные предложения Турции	87
Турция нарушает перемирие	89
Создание Сейма	90
Сейм голосует за мир	91
Брест-Литовский договор.....	93
Трапезундская конференция	95
Уступки Закавказья.....	99
Закавказье объявляет войну	102
Вопрос о независимости.....	104
Провозглашение независимости	106
Первое правительство Закавказья	107

ГЛАВА VI**БАТУМСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ..... 109**

Закавказье и Россия.....	112
Германское посредничество	113
Грузия стремится заручиться поддержкой Германии	115

ГЛАВА VII**РАСПАД ЗАКАВКАЗЬЯ..... 117**

Распад Федерации.....	118
-----------------------	-----

Грузия провозглашает независимость.....	120
Германо-грузинское соглашение.....	121
Закавказские государства заключают мир с Турцией	123

ГЛАВА VIII

ОБОРОНА И ПАДЕНИЕ БАКУ 126

Советское правление в Баку	126
Наступление на Гянджу.....	127
“Ардаганский” заговор	129
Приглашение Бичерахова.....	130
Германские интересы в Баку.....	132
Турецкое наступление на Баку	134
Конфликт в Баку.....	134
Падение Совета.....	134
“Диктатура Центрокаспия”	135
Англичане в Баку.....	136
Падение Баку.....	140
Двадцать шесть бакинских комиссаров.....	140
Прибытие азербайджанского правительства в Баку.....	142

ГЛАВА IX

НЕЗАВИСИМАЯ ГРУЗИЯ 144

Прибытие немцев	144
Германо-грузинские переговоры	145
Батумский плебисцит	149
Изменения в позиции Турции	150
Грузия и Азербайджан	151
Грузия и Армения.....	152

ГЛАВА X

ГЕРМАНСКАЯ ОККУПАЦИЯ ГРУЗИИ 154

Дело грузинских помещиков	154
Дело британских военнопленных	156
Оценка германской оккупации меньшевиками	157

ГЛАВА XI

БРИТАНСКАЯ ОККУПАЦИЯ ЗАКАВКАЗЬЯ..... 159

Декларация генерала Томсона	159
Прибытие британцев в Баку.....	160
Азербайджанский парламент	162

Британские интересы в Баку	163
Грузия и англичане	165
Союзники и Армения	168

ГЛАВА XII

АРМЯНО-ГРУЗИНСКИЙ КОНФЛИКТ 169

Грузия созывает Кавказскую конференцию.....	169
Армения воздерживается	170
Восстание в Борчалы и армяно-грузинская война.....	172
Вмешательство англичан.....	174
Конфликт и II Интернационал	176

ГЛАВА XIII

ГРУЗИНСКОЕ ГОСУДАРСТВО..... 178

Падение Советов	179
Опора власти меньшевиков.....	180
Земельная реформа.....	181
Крестьянские волнения	183
Экономическое положение Грузии.....	187
Грузинский национализм.....	190
Грузинский империализм	192
Оппозиция правлению меньшевиков	196
Разведывательная работа большевиков в 1919 – 1920 гг.	198
Неудачная попытка вмешательства России	201

ГЛАВА XIV

НЕЗАВИСИМАЯ АРМЕНИЯ..... 202

Положение Армении.....	202
Послевоенные требования Армении	203
Армения и Азербайджан.....	205
Армения и Деникин.....	206
Создание Коммунистической партии Армении	207
Майское восстание 1920 года.....	209

ГЛАВА XV

НЕЗАВИСИМЫЙ АЗЕРБАЙДЖАН..... 211

Правительство.....	212
Земельная реформа.....	212
Крестьянские волнения	214
Экономическое положение	214
Азербайджан и Армения.....	216

Итальянский мандат	217
Азербайджан и Персия	218
Бакинские коммунисты	220

ГЛАВА XVI

ЗАКАВКАЗЬЕ И ДОБРОВОЛЬЧЕСКАЯ АРМИЯ..... 222

Наступление большевиков на Черноморье	222
Резолюция сочинских социалистов	223
Переговоры Гегечкори и Алексеева.....	223
Конфликт по поводу Сочи	225
Британская интервенция	227
Вторжение Деникина в Дагестан	230
Вмешательство англичан.....	233
Договор от 16 июня 1919 года.....	234
Большевики, Закавказье и Деникин.....	235

ГЛАВА XVII

ЗАКАВКАЗЬЕ И ВЕРСАЛЬСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ 240

Две армянские делегации	240
Армянские требования.....	241
Мандат на Армению.....	246
Доклад Харборда.....	247
Отказ Соединенных Штатов от мандата на Армению.....	248
Севрский договор.....	250
Требования Азербайджана.....	252
Требования Персии	252
Беспокойство союзников по поводу угрозы большевизма.....	254
Грузины в Париже	256
Переговоры относительно обороны	257
Армяно-грузинские разногласия.....	259
Грузия и Лига Наций	260

ГЛАВА XVIII

ПАДЕНИЕ АЗЕРБАЙДЖАНА..... 262

Подготовка большевиков к восстанию	262
Разногласия в азербайджанском правительстве	263
Первая нота Чичерина.....	264
Нота Хойского.....	265
Последний акт азербайджанской дипломатии	267
Ультиматум большевиков.....	269
Вступление российских войск в Азербайджан.....	269

ГЛАВА XIX**ПАДЕНИЕ АРМЕНИИ..... 272**

Положение Коммунистической партии Армении 272

Нападение Турции 273

Провозглашение Советской власти..... 274

Александропольский договор 275

Соглашение между Россией и дашнаками 276

ГЛАВА XX**ГРУЗИЯ И СОВЕТСКАЯ РОССИЯ..... 279**

Россия отказывается признать Грузию..... 279

Грузия отказывается вмешиваться в гражданскую войну 280

Договор от 7 мая 1920 года..... 282

Секретное соглашение..... 284

Киров в Тифлисе 285

Российско-грузинские дискуссии 286

Накануне 296

ГЛАВА XXI**ЗАВОЕВАНИЕ ГРУЗИИ..... 297**

Коммунистическая партия Грузии 297

План Геккера 299

Восстание 11 февраля 1921 года..... 300

Провозглашение Советской власти..... 301

Мятеж дашнаков в Армении..... 303

Красная армия захватывает Тифлис 305

Директивы Ленина 306

Условия капитуляции..... 307

Отъезд меньшевистского правительства..... 309

ЗАКЛЮЧЕНИЕ..... 310**БИБЛИОГРАФИЯ..... 313**

Официальные источники 313

Неофициальные и полуофициальные источники 314

Мемуары 316

Статьи 317

Журналы и газеты 318

Книги и брошюры 318

Ответственный за выпуск: *Садыхов М.*

Технический редактор: *Агаев Р.*

Корректор: *Тагиева Э.*

Компьютерная верстка: *Керимов А.*

Дизайн обложки: *Гаджиева А.*

Подписано к печати 03.12.2010.

Формат 70x90 $\frac{1}{16}$. Печать офсетная.

Физический п.л. 20,5. Заказ 398. Тираж 1000.

Отпечатано в типографии Издательского дома “Şərq-Qərb”.

AZ 1123 Баку, улица Ашыга Алескера, 17

Тел.: (+99412) 374 75 62

Факс: (+99412) 370 18 49

www.eastwest.az